

О.Ю. ПЛЕНКОВ

ТАЙНЫ
Третьего
Рейха

РАЙ
ДЛЯ НЕМЦЕВ

О. Ю. ПЛЕНКОВ

**ТАЙНЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА.
РАЙ ДЛЯ НЕМЦЕВ**

ОЛМА
МЕДИА ГРУПП

Москва

2011

Пленков О. Ю.

П38 Тайны Третьего Рейха. Рай для немцев.— М.:
ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. — 480 с.
ISBN 978-5-373-01988-0

За двенадцать лет существования нацистского государства были достигнуты высокие темпы роста в промышленности и сельском хозяйстве, ликвидирована безработица, введены существенные налоговые льготы, что позволило создать весьма благоприятные условия жизни для населения Германии.

Но почему не удалось достичь полного социального благополучия? Почему позитивные при декларировании принципы в момент их реализации дали обратный эффект? Действительно ли за годы нацистского режима произошла модернизация немецкого общества? Как удалось Гитлеру путем улучшения условий жизни склонить немецкую общественность к принятию и оправданию насильственных действий против своих мнимых или настоящих противников?

Используя огромное количество опубликованных (в первую очередь, в Германии) источников и архивных материалов, автор пытается ответить на все эти вопросы.

ББК 63.3 (0)62

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историю Германии эпохи Третьего Рейха чрезвычайно легко упростить. Особенно когда речь идет об истории взаимоотношений немецкого общества и нацистского государства. Ибо в этой сфере новейшей истории, как ни в какой другой, сложилось огромное количество мифов и стереотипов.

Чем опасны исторические штампы? Тем, что, являясь собой «сокращенные» и тенденциозно отретушированные «картинки мира», — они сильно упрощают и делают одномерным весьма сложные исторические процессы. В частности, период 30—40-х гг. XX века — крайне динамичный и до предела насыщенный событиями отрезок в истории не только Германии, но и всей Европы.

Особенно характерны упомянутые стереотипы для отечественной историографии, привыкшей в данном случае «экономить» усилия при восприятии сложных явлений — ради того, чтобы таким не вполне честным образом «утвердить» собственные ценностные позиции и претензии. Конечно, здесь есть и объективные предпосылки — негативный опыт Второй мировой войны и те страдания, которые гитлеровцы причинили советскому народу. Пережитая в свое время нашим народом травма толкает российское общество, и ученых в частности, к простому осуждению всего того, что явилось носителем зла — нацизма, расизма, антисемитизма, геноцида.

В итоге, однако, история этого времени становится объектом не беспристрастного исследования, а идеологического преодоления. Вместо стремления понять, «как это было на самом деле», доминирует стремление морально

осудить то, что наиболее сильно и болезненно врезалось в память.

Но если человек просто осуждает произошедшее, он выражает лишь беспомощную эмоцию, но отнюдь не рождает мысль, ведущую к пониманию. Дело в том, что в жизни сочетание преступления и нормы гораздо сложнее и тоньше, чем в эмоциональной схеме «добра и зла». Более того, слишком простое осуждение зла очень часто мешает его по-настоящему разглядеть: не случайно, еще в 60-е гг. Ханна Арендт писала о «банальности зла».

Изучение прошлого «по Тациту» — то есть «без гнева и пристрастия», — требующее учета многоплановости и неоднозначности каждого события истории, не всегда оказывается по плечу даже профессиональным историкам, не говоря уже о большинстве непрофессиональных любителей истории, которые, как правило, пытаются найти в прошлом упрощенные подтверждения своим сиюминутным предпочтениям.

Поэтому автор видит свою задачу в обоснованном пересмотре хотя бы некоторых из вышеупомянутых стереотипов и замене их представлениями, более соответствующими реальной картине прошлого. Именно поэтому в книге пойдет речь в первую очередь о внутренней истории Третьего Рейха и нацизма, а также об эволюции его идеологии. История конкретных событий при этом отойдет на второй план, а на первый выйдет структурная история Третьего Рейха и немецкого общества в этот период.

Словосочетание «гитлеровский социализм» в названии книги указывает на стремление автора как можно более сузить политическую историю нацистского режима и свести ее к социальной истории, хотя вовсе избежать политики, конечно, при этом невозможно. Ведь от политики в условиях нацистского тоталитарного режима зависели все без исключения сферы общественной жизни. Автор также не ставил перед собой задачу систематического изложения истории нацизма в строго хронологическом порядке и сознательно ограничился проблемным подходом, поскольку он, как кажется, в данном случае более уместен.

«Ленин, Сталин, Гитлер и их меньшие последователи по всему миру — скорее своими действиями, чем принципами — продемонстрировали всему миру ту истину, ужасную для одних, утешительную для других, что люди куда пластичнее, чем думали, и при наличии достаточной воли, фанатизме и решительности (а главное, благодаря стечению обстоятельств) можно изменить почти все».

(И. Берлин)¹

«Если преодоление прошлого вообще возможно, то оно состоит в пересказывании того, что было».

(Ханна Арендт)

«Нельзя забывать и нельзя никак оправдать того факта, что национал-социализм был искрометной революцией энтузиастов, настоящим немецким народным движением, которому были свойственны неведомые ранее масштабы духовного подъема, веры и громадного всеобщего воодушевления».

(Т. Манн)

«Самое страшное в фашизме не его ложь, а его правда».

(А. М. Мелихов)

Свою задачу автор данной книги видит прежде всего в создании картины социальной истории Третьего Рейха, которая бы при этом была максимально достоверной и одновременно максимально синтетической, то есть включала в себя все разновидности нашего знания об этом периоде немецкой истории. Дело в том, что социальная история отнюдь не исключает историю политики, экономики, дипломатии, науки, искусства, биографии личностей,

геополитику, политическую культуру и т. д. - она лишь подчиняет их цели наиболее полного освещения истории общества и закономерностям его развития.

Социальная история охватывает повседневную жизнь людей, семейные отношения, экономические связи разных общественных классов, условия труда, отдыха, отношение человека к природе, формы религиозной жизни, а также различные формы общественного сознания. Интерес к социальной истории пробудился относительно недавно — с середины 70-х годов. Прежде доминировали исследования, посвященные политической истории, истории идей, персоналиям и т. п. Политическую и социальную историю можно сравнить с двумя уровнями в истории. Наверху — заметные, узнаваемые, освещенные события. На этом уровне все связано друг с другом, можно легко увидеть закономерности или определенную последовательность. Под этим слоем находится другой — более глубокий. По мере проникновения в этот второй, социальный слой начинаешь замечать то, что изначально не казалось очевидным, а те закономерности, связи, свойства, которые царят наверху, в сфере политических реалий, - вдруг теряют свои исходные качества, и в итоге перед умственным взором предстает совершенно новая действительность.

В процессе развития историографии крен в сторону социальной истории — «движение вглубь» — становится все более очевидным, кажется, что круг проблем и вопросов становится все более широким. Впору задать вопрос: куда приведет это растущее удаление от традиционных тем политической истории? В последние десятилетия, когда тенденция пренебрежения исследователями проблемами большой политики в пользу «малого» опыта повседневности стала основной, все чаще возникает ощущение утраты исследователями перспективы и даже самого предмета истории. Эти опасения, однако, преувеличены. Ибо чем более синтетичным и широким является научный охват прошлого, тем яснее историческая перспектива, тем больший интерес она вызывает, тем большее воспитательное значение имеет собственно история.

С другой стороны, даже в старых, но хороших классических работах по политической истории начиная с XIX века присутствовал анализ элементов социальной истории, развития искусства, эволюции языка и т. п. Дело в том, что в реальной жизни того «аналитического разделения», к которому прибегают исследователи, нет и в помине.

Представляется, что как раз история общества в эпоху нацизма особенно актуальна в современных российских условиях, которые во многих отношениях можно охарактеризовать как «предтоталитарные» и которые в этой связи требуют пристального анализа и своевременного распознавания - ведь ядовитый цветок тоталитаризма вырастает именно на благоприятной «социально-повседневной» почве. При этом, в отличие от тоталитарной политики, идеологии или дипломатии, хорошо изученных и уже получивших моральную оценку, тоталитарная повседневность куда менее самоочевидна, куда более многолика и трудна для понимания. Основных причин «трудноуловимости» социальной жизни тоталитарного общества две. Во-первых, в условиях всеобщей общественной мобилизации преобладают не персонифицированные критические суждения и впечатления, а преимущественно, но аккламации, то есть «массовые восклицания». Во-вторых, возможности для оппозиции и сопротивления — в том числе в аккламативной форме — сужаются в условиях тоталитаризма как никогда.

Именно поэтому не столько помогающими, сколько мешающими преодолеть тоталитарную угрозу зачастую оказываются рассуждения о «тоталитаризме вообще», игнорирующие то глубинно специфическое, что содержалось, скажем, в советском коммунизме, итальянском фашизме или германском нацизме. В 1963 г. немецкий историк Эрих Нольте писал, что концепция тоталитаризма является «приложением к холодной войне»: «Решить проблему, — писал он, — можно лишь в том случае, если понятия “фашизм”, “большевизм” будут изучены по существу, а не будут заранее подгоняться под формальное понятие “тоталитаризм”»². Другой известный немецкий ученый, Мартин Броскат, указывал, что «с понятием то-

талитаризма связаны чрезмерная обобщенность, окостенение, статичность образа политического режима, противоречащие его реальной истории, его неоднозначности, его изменениям, подлинной роли отдельных социальных групп»³.

Эти уточнения особенно важны в нынешней российской ситуации, когда слишком обобщенные суждения о тоталитаризме вызывают справедливое раздражение их явной идеологизированностью. Эпоха тоталитарных систем, как и прочие эпохи человеческой истории, требуют не универсальной доктрины для их преодоления, а — как и всякие иные неповторимые периоды в человеческой истории — проникновения в их действительность, скрупулезных наблюдений, сочувствия, проницательности. Как указывал Исаяя Берлин, «гибкость, богатство, способность оперировать различными категориями проблем или подстраиваться под сложные и разнообразные условия можно достичь только утратив логическую простоту, единство, стройность, экономичность, широту охвата и прежде всего получать неизвестное от известного»⁴.

В то же время, несмотря на необходимость «индивидуального подхода» к различным тоталитарным системам, невозможно обойтись и без их сравнительного анализа. Эмиль Дюркгейм совершенно справедливо указывал, что «история может считаться наукой только в той степени, в какой она объясняет мир, а объяснит его можно только благодаря сравнению». В этом случае мы обнаружим, что очень многие черты советской и нацистской систем похожи: архаическая готовность больших масс к авторитаризму, способы легитимации обоих режимов, игнорирование проблемы дискриминации и преследования многих сотен тысяч людей. Сходны и посттоталитарные черты обоих обществ: подобно тому как немцы еще в начале 50-х гг. вспоминали об эпохе 1933—1939 гг. (то есть до войны) как наиболее стабильной, спокойной и умиротворенной в социальном отношении⁵, так и многие россияне после 1991 г. вспоминали о советской эпохе и собственном социальном положении в те времена с сожалением об «утерянном рае».

Немцы не сразу избавились от «обаяния» социального строя Третьего Рейха и долгое время даже его политическую историю видели сквозь «розовые социальные очки». Социальное и политическое измерения нацизма столь радикально отличались друг от друга, что их двуединство порой казалось невыносимым. Могло даже создаться впечатление, что речь идет о совершенно разных периодах истории, в одном из которых («политическом») все было жалко и мерзко, а в другом («социальном»), напротив, царил благолепие. К тому же, в отличие от большевизма, бонапартизма, итальянского фашизма, нацистская диктатура утвердилась на очень широкой демократической базе. Примечательно, что многие известные современники нацизма испытывали к нему симпатии: молодой У. Черчилль, Д. Ллойд-Джордж, М. Ганди, И. Ф. Стравинский, К. Гамсун, Э. Паунд, причем у них были свои резоны и мотивы, достойные специального анализа.

До сих пор поиски истинных корней нацизма и причин его удивительной устойчивости и эффективности воздействия на большую и высокоразвитую в культурном и социальном отношении нацию велись в сфере политической истории, идеологии, истории международных отношений, иррационализме и т. д. Эти традиционные подходы более не актуальны — они сделали свое дело, дойдя до пределов собственных возможностей и, в лучшем случае, лишь отчасти сделали вразумительным феномен Гитлера и нацистского движения. Существует дистанция огромного размера между современной историографической картиной, характеризующейся концептуальным осуждением преступлений нацизма, с одной стороны, — и восприятием людей, живших в нацистские времена, с другой. Проведенные в 2001 г. опросы среди репрезентативной группы немцев показали, что в памяти тех, кто жил в нацистские времена, главное место занимают сюжеты, связанные с преодолением безработицы и ликвидацией Версальской системы, — а не насилие в обществе, казавшееся часто необходимым, или преследования евреев. Опросы показали также, что 48% рядовых современников

нацизма в Германии не сомневались в том, что переселение евреев на Восток является необходимой мерой, а 84% респондентов отмечали, что ничего не знали о лагерях уничтожения и газовых камерах⁶.

Каким образом абсолютно неприемлемые ныне ценности и установки были «нейтрализованы» пропагандой, оказались невидимыми для общества, как получилось, что цивилизованная и культурная страна окунулась в пучину варварства?

Немецкое развитие в 30-е гг. бросило вызов и марксистской, и либеральной теориям исторического развития и дискредитировало их. В соответствии с либеральной просветительской теорией в Германии должна была осуществиться в первую очередь полномасштабная демократизация, ибо именно эта страна обладала самой высокой в мире степенью грамотности в мире. Согласно марксистской теории, Германия, как высокоразвитая капиталистическая страна, имеющая самый сознательный и многочисленный рабочий класс, должна была в своем революционном развитии указать путь другим странам. То, что произошло на самом деле в Германии, опрокинуло все расчеты и предположения.

Ответ на вопрос «Почему?», можно получить, лишь избавившись от догматических подходов и суждений и обратившись прямо к тому, что именно привлекло в национал-социализме молодежь, крестьян, женщин, военных, студентов, пенсионеров, ученых, служащих, торговцев, ремесленников, представителей вольных профессий, других людей, что побудило их оказывать всякого рода постоянную поддержку «чудовищному», как нам сейчас представляется, режиму.

Политическая или социальная действительность в редчайших случаях могут быть поняты путем анализа творчества и высказываний немногих титанов духа или, в нашем случае, злых гениев духа. При ее рассмотрении, особенно в наше время, нужно учитывать феномены коллективного сознания, подчас прибегая к количественным измерениям. Возможно, вслед за немецким исследователем нацистского расизма Гансом Змарзликом следует стре-

миться расширить историю идей до «социальной истории идей»⁷, то есть попытаться понять, что творилось в головах не идейных вождей, а «рядовых граждан»?

Экскурсы в историю происхождения идей вообще имеют малую ценность, если их не поставить в надлежащий социальный контекст. У каждого человека есть непрерывная линия предков, уходящая в глубокую древность, но лишь немногие знатные люди могут обозреть в значительной исторической перспективе свое происхождение. Так и некоторые социальные идеи, явления (как нацизм) имеют свои истоки, но отыскать их с полной степенью достоверности трудно. При этом восстанавливать события прошлого следует не в современных понятиях и категориях, а в понятиях и категориях того времени, о котором идет речь. Кроме того, надо признать, что восстановить следует и психологический фактор, который сам влиял на события.

Любому историку, по всей видимости, неловко признаться, что совершенно «непроницаемой» для проникновения в историческую действительность нацистского режима стала многократно осужденная и проклятая расистская политика гитлеровцев, которая совершенно бесспорно имела объективные предпосылки, как в тогдашнем уровне развития науки, так и в адекватном ему общественном сознании. Тот и другой фактор в совокупности породили стремление улучшить или даже преобразить социальную действительность путем расовой гигиены и евгеники.

Разумеется, для нормального человека ныне не существует проблемы «интерпретации антисемитизма» — он должен быть абсолютно осужден. В то же время стоит вспомнить, что антисемитский стереотип веками является частью европейской культурной традиции. Более того, при сильном попустительстве общества он продолжает существовать и сейчас, в современной России в частности. Проблема, таким образом, куда сложнее, нежели «вынесение приговора антисемитизму», и, пытаясь проникнуть в ее истоки, неминуемо приходится затронуть иные болезненные проблемы, связанные с отношениями между разными народами, — традиционной культурной

несовместимостью, «ментальными» противоречиями, весьма болезненными и порой совершенно непроницаемыми для рациональных суждений и выводов.

Вместе с Гитлером умер национал-социализм, однако его составляющие живы и на те вопросы, для решения которых Гитлер выписал неправильный агрессивно-расистский рецепт, до сих пор нет удовлетворительных и исчерпывающих ответов. Ницше некогда очень точно сформулировал: «Человек, который смотрит в бездну, не должен забывать, что бездна в него тоже смотрит». Означает ли это, что в бездну не следует смотреть вовсе? Где и как найти ответ на вопрос: могут ли цели и средства диаметрально противоречить друг другу? Эти и подобные вопросы стояли в центре «спора историков», инициаторами которого выступили профессор университета Берлина Э. Нольте и профессор Кельнского университета Андреас Хильгрубер. Упомянутые исследователи предложили к обсуждению ряд «неудобных» вопросов. Был ли нацизм следствием целенаправленной деятельности политической, экономической, военной элиты Германии — или же ответом на воздействие внешних факторов? Какой меркой мерить преступления Третьего Рейха — считать ли их беспрецедентными, ни с чем не сравнимыми, самыми тяжелыми преступлениями в человеческой истории, или же они сопоставимы со злодеяниями других эпох? Каким был характер Второй мировой войны, кого считать виновным в ее возникновении в поражении нацистской Германии? Односложных ответов на эти вопросы, несмотря на однозначную реакцию немецкой общественности, совершенно не приемлющей любую попытку релятивации нацизма, между тем, нет. В этом отношении любопытно отметить, что если в России ее советское прошлое забылось слишком быстро, то в немецком общественном сознании память о нацизме с годами не становится менее актуальной. Это последнее обстоятельство и вызвало такую большую общественную реакцию в Германии на «спор историков».

Наряду с расизмом, второй важнейшей идеологической составляющей нацизма, принизывавшей всю соци-

альную ткань Третьего Рейха, была война. С самого начала нацизм был связан прежде всего с двумя секулярными процессами: расизмом, в понятийном аппарате которого прослеживаются христианский антисемитизм, политический антисемитизм, расовая утопия, евгеника и расовая гигиена, и проповедью необходимости войны. Как и расизм, война в такой же степени является центральной категорией нацизма: нацизм вышел из войны, нашел в войне свое предназначение и погиб вследствие войны. Нацизм в одинаковой степени был расовой идеологией и идеологией войны. Собственно, война была второй нацистской революцией — после легальной революции 1933—1934 гг.

Социальная история нацистской Германии не может оставаться по этой причине только обращенной к собственно социальной сфере, она должна искать ответов в равной степени в таких областях, как внешняя политика, военная политика, экономическая политика. Аналитически важно выяснить, каким образом нацистская диктатура посредством позитивной идейной мобилизации масс давала столь большую степень свободы действия нацистской диктатуре в негативной части политики нацистского государства, которая далеко превосходила прежние нормы и традиции?

Американский ученый русского происхождения Кеннет Органский в книге «Стадии политического развития»⁸ предложил свой вариант теории соответствия между стадией экономического развития и политической природой общества. Органский насчитал четыре таких стадии: первоначальная национальная унификация (образование национального государства), индустриализация, стадия государства благосостояния и государство всеобщего процветания и изобилия. Фашизм, по мнению Органского, свойственен лишь фазе индустриализации, в то время как нацизм — это форма политики государства благоденствия. Во второй фазе развития наблюдаются следующие формы политической власти: западная буржуазная демократия, сталинизм и фашизм, эта фаза примечательна первостепенной важностью правительственного содействия

экономической модернизации, промышленного развития и особенно — аккумуляции капитала для его реинвестирования в производство. Различия между этими формами сводятся к различиям между темпами и скоростью индустриализации: самая большая скорость в сталинизме, слабее — в буржуазной демократии и самая слабая в фашизме. Нацисты пришли к власти в промышленно развитой стране, поэтому перед ними стояли задачи третьей фазы развития. И поэтому — несмотря на то, что Гитлер безусловно был агрессором, диктатором, расистом, — фашистом он не был. По мнению Органского, национал-социализм — это не что иное, как форма политики государства благоденствия (*... a form of the politics of national welfare*). Следует прямо сказать, что если абстрагироваться от нацистской расистской внутренней и внешней политики, то, по сравнению с другими европейскими государствами, гитлеровское государство благоденствия представляло собой самую импозантную и солидно устроенную систему социального вспомоществования и солидарности. Правда, совершенно теоретически неясно, как отделить социальные цели нацистов от необходимых средств для выполнения политических задач НСДАП. Встает также вопрос: а возможно ли было изначально совместить демократическую (а не авторитарную или тоталитарную систему власти) с социальным благополучием и гарантиями, столь желанными после грозного кризиса 1929 г., или же это было невозможно вследствие причин, о которых пишет Органский? Вообще весьма достойно удивления то, что экономический кризис, обнищание и пролетаризация масс не привели к победе большевистского коммунизма и КПГ в Германии. Представляется, что одной из причин было умелое использование нацистами тяги немцев к преемственности и одновременно к социальным изменениям, преисполнившей огромные массы населения Германии. По большому счету, обманчивость социальных обещаний и перспектив национал-социализма несколько не обесценивает социальную динамику, которая лежит в основе успеха Гитлера, и эта динамика требует своего истолкования.

Очевидной и общепризнанной является связь между политической культурой нации и ее социальной историей. В эпоху Веймарской республики не существовало единой доминирующей политической культуры, она была фрагментарна. В современной ФРГ специфической чертой политической культуры является подавление национально-государственных компонентов в пользу демократизации, открытости, покаяния. Национал-социализм представляет собой отражение уникальных политических, социально-экономических, духовных условий, когда решительное преобладание получили исключительно правые элементы немецкой традиции, которые ни в коем случае нельзя путать с нею, взятой комплексно. Национал-социализм привязан к определенной эпохе, и возникновение аналогичных структур в другое время и в других условиях представляется совершенно немыслимым. Одной из задач этой книги и является отделение традиционных элементов немецкой политической культуры от ее невольных искажений, возникших в чрезвычайно сложной во всех отношениях политической ситуации межвоенной поры. Которая к тому же была весьма короткой, как и век нацизма: из «запланированных» 1000 лет Третий Рейх просуществовал 12 лет, да и то половина из них приходится на войну.

Весьма важным представляется и то, что существует настоящая потребность четко различать те изменения, к которым нацисты сознательно стремились, и те, которые они вызвали непреднамеренно, случайно. В данном случае нужно иметь в виду, что, стремясь к преобразованиям, нацисты считали необходимым опираться на национальную преемственность. Гитлер не раз подчеркивал, что «ценности, которыми народ не обладает, нельзя вызвать и мобилизовать, поэтому нельзя сделать из народа то, что не соответствует его ценностям»⁹. В этой связи кажется весьма любопытным попытаться создать гипотетическую модель развития Германии до 1945 г., если бы нацисты не пришли к власти, и выявить таким образом «собственно нацистскую» составляющую в том «общегерманском» событийном ряде, который имел место в реальности.

Поиску ответов на эти и многие другие вопросы, ранее в ограниченной степени привлекавшие внимание отечественной историографии, и посвящена эта книга. На первый взгляд, столь значительный масштаб проблем, заявленный к рассмотрению, кажется совершенно непомерным и чересчур претенциозным перед лицом высокоразвитой современной немецкой историографии Третьего Рейха. Однако автор видит свою роль в том, чтобы попытаться преодолеть один существенный изъян, присутствующий в работах германских коллег. Дело в том, что обширная, детальная, обстоятельная немецкая историография социальной истории нацистской Германии озабочена лишь одним - процессом национального перевоспитания, покаяния, преодоления искушения немецкого народа нацизмом и т. п. В Германии до сих пор во время споров о коллективной вине и причастности к нацизму в центре внимания находится политическая корректность (*political correctness*) и задачи политического воспитания, в то время как в США и Англии фактор идеологии уже давно не принимают во внимание при обсуждении истории, к примеру, истории вермахта. Эта особенность немецкой историографии производит огромное впечатление, и достижения современного немецкого обществоведения в этом направлении несомненны и ясны. Это то, чего совершенно не хватает современной отечественной историографии и политологии, которые, кажется, просто игнорируют сталинизм и искушение нашего народа большевизмом, как, впрочем, игнорирует эти проблемы и российская общественность в целом. Но, хотя такая установка немецких ученых в целом похвальна и очень эффективно и благотворно воздействует на немецкое общество в процессе его перевоспитания и достижения демократической консолидации, она, к сожалению, мешает упомянутому «проникновению» в историческое прошлое — создает зачастую излишне одномерную картину прошлого. Эта картина, возможно, практически полезна с точки зрения политического воспитания нации, но она все же интеллектуально, исследовательски ограничена. А значит, в перспективе может оказаться не-

эффективной и с «воспитательно-практической» точки зрения, окостенев и превратившись в безжизненное начетничество.

Представляется, что автору, далекому от нынешней немецкой политики, позволительно пытаться интерпретировать нацистское прошлое, не озираясь постоянно на проблемы текущего политического воспитания немцев, и обратиться к максимально объективному анализу заблуждений и самообмана одной из самых исторически и культурно значимых современных наций. Эту сверхсложную задачу описания действительности нацистского государства весьма точно сформулировал немецкий журналист Э. Шульц: «Это дело исключительно щекотливое, так как это время по обычаю преодолевали, а не изображали и никогда не представляли так, как это было на самом деле»¹⁰.

Часть I

ИДЕОЛОГИЯ И ПОЗИТИВНЫЕ РЕАЛИИ ГИТЛЕРОВСКОГО СОЦИАЛИЗМА

«Над классами и сословиями, профессиями, конфессиями, над всей суетой жизни возвышается социальное единство немцев, которое отвергает сословные различия и различия в происхождении отдельных немцев, поскольку это единство коренится в крови, в тысячелетней истории нашего народа, на веки вечные спаянного таким образом в единое целое».

(А. Гитлер)¹¹

«Национал-социалистическое государство не хочет быть репрессивным государством, оно хочет сделать из всех немцев товарищей, которые в свободном и добровольном союзе будут трудиться на общее благо».

(Й. Геббельс)¹²

ВВЕДЕНИЕ

«Социализм», «национальная общность», «народ», «национальное благо» — вот ключевые слова, характеризующие отношение нацистского режима к политике, которая сводилась преимущественно к социальной политике. На последнюю была ориентирована и экономическая политика, и геополитика Третьего Рейха. В этой ориентации национал-социализма заключается самое важное его отличие от тоталитарной сталинской системы, в которой насилие было направлено на сам народ; в СССР оно было средством воспитания огромной нации, средством создания «нового человека». В нацизме же — за исключением консервативного и коммунистического Сопротивления и

немногочисленных политических противников (часто мнимых) из собственной среды, сопротивление которых было быстро преодолено, — насилие было направлено вовне: на евреев, цыган, затем (во время войны) на противников Рейха. Собственно же немецкая нация как общность была объектом опеки и заботы со стороны нацистского государства, его социальных начинаний, направленных на воспитание здорового подрастающего поколения, на создание благоприятных условий жизни рабочих, крестьян, молодежи и т. д. Нацистская социальная политика была прежде всего расовой политикой, то есть социальную политику нацисты понимали как инструмент воспроизводства здорового народного тела, для чего и существовали многочисленные нацистские социальные организации¹³. Истоки и обстоятельства возникновения этого необычно действенного и устойчивого национального согласия можно объяснить следующим образом: во-первых, это согласие имело причиной быстрое достижение безопасности и порядка не в полицейском, а в социально-экономическом смысле слова. Людям было, в принципе, все равно, как это было достигнуто — ростом ли военного производства либо другими способами. Во-вторых, национализм, на котором сделали акцент нацисты, имел большое распространение в Германии вследствие единодушного отвержения немцами Версальской системы. Пересмотр границ в Европе многие немцы считали совершенно необходимым, и военные средства решения территориальных проблем немцы отвергали или относились к ним сдержанно не по принципиальным соображениям, а из боязни потерпеть неудачу. В-третьих, идеологическая мобилизация была достигнута нацистами не вследствие действительной доктринальной убежденности большинства немцев, но вследствие экономической (первоначально), а затем и других мотиваций. Антисемитизм в принципе одобряли, но как только нарушались рамки законного порядка (как в погром 9 ноября 1938 г.), то он начинал раздражать и вызывал критику; точно так же и преследование нацистами политических противников воспринималось нормально, если на то

были (пусть псевдо-) законные основания, соблюдался определенный порядок и это не происходило хаотично (немцы этого органически не переносят). В-четвертых, нацистские начинания в социальной сфере способствовали расширению возможностей организации частной жизни людей (спорт, туризм, культурные мероприятия в рамках КДФ и пр.), что было необычно и ценилось немцами весьма высоко. И наконец, вера в харизму Гитлера и его удачу была среди немцев столь значительна, что она играла роль своеобразного и очень действенного национального консенсуса всех слоев немецкого общества¹⁴. Эти выводы тем более интересны, что сделаны они по материалам донесений подпольных социал-демократических информаторов в зарубежные центры СДПГ. Бесспорные успехи Третьего Рейха в решении социальных проблем, над которыми безрезультатно бились демократические правительства, сделали весьма проблематичным, даже невозможным, массовое Сопротивление нацизму в Германии.

Абсолютное большинство нацистских руководителей (как ни в какой другой партии Веймарской республики) в годы Первой мировой войны были фронтовиками и знали, что Германия проиграла войну не на фронте, а вследствие огромного перенапряжения сил в тылу. Если бы не проблемы тыла, то германская армия вполне могла продержаться на фронте еще год, хотя в итоге это мало что изменило бы. Опыт Первой мировой войны, психологическая травма, нанесенная немцам лишениями и страданиями военных лет, политические последствия войны наложили отпечаток на нацистское планирование социальной политики и на мероприятия в этой сфере. Чудо органического, интенсивного и устойчивого национального единения в 1914 г. — «чудо августа 1914 г.» — оказало на нацистов чрезвычайно большое воздействие. Под влиянием этого опыта Грегор Штрассер писал: «Ошибочно полагать, что 60 миллионный народ в рациональном XX веке будет без конца жертвовать всем только ради любви к родине, чувства долга и национальной гордости. Национально-освободительная война возможна только с еди-

ным, однородным, равноправным, одинаково благополучным и одинаково терпеливым национальным целым»¹⁵. Собственно, даже в социальной борьбе немецкого рабочего класса нацисты в первую очередь видели освободительную борьбу всей нации, дисциплинированной, единой, организованной и сплоченной жестким иерархическим (как в войну) порядком. Это не было оригинальным немецким явлением - повсюду в Европе было много сторонников идей авторитарного и национально-социализма, наиболее связно их изложил в свое время бельгиец Генри де Ман.

При рассмотрении основ экономики тоталитарных обществ часто приходится сравнивать коммунистическую, полностью огосударствленную, экономику с фашистской или нацистской экономическими организациями. Как известно, в последних двух случаях отношения собственности в экономике остались без каких-либо внешних изменений. Это, однако, только видимость, ибо, придя к власти, нацисты поставили экономику под полный контроль: у них все регулировалось и управлялось. Если бы появилась необходимость социализировать некоторые отрасли или всю экономику, то нацисты пошли бы и на это, ибо идеология — это смешение политических и мировоззренческих элементов, а не одна только догматика и ортодоксия. Нацисты верили в частную инициативу и необходимость частной собственности, но в то же время отводили государству более важную роль, чем оно играло в экономике ранее. В каком-то смысле это был германский вариант кейнсианства¹⁶. «Если частное хозяйство, — заявил однажды Гитлер, — покажет себя неспособным выполнить поставленные перед ним задачи, то нацистское государство сможет решить эту проблему собственными средствами»¹⁷. Какие это будут средства, сомневаться не приходилось: те историки, которые считают, что положение нацистской Германии толкало ее к экспансивной торговой политике и завоеванию мировых рынков, глубоко ошибаются, ибо Гитлер полагал, что если государство ставит на активную внешнеторговую экспансию — оно откровенно слабо в военном отношении,

поскольку у него нет сил и возможностей для прямых завоеваний.

В Германии, по существу, была создана не плановая, как в СССР, а командная экономика (особенно это справедливо для военного времени); в ней не было ничего общего с социалистической (наподобие советской) экономикой, и нацистский «коллективизм» имел более политический (демагогический) характер, оставляя основной мотив рынка в действии. Немецкий историк Г. Моллин справедливо указывал на промежуточный характер положения экономики в нацистском государстве: «полномочия промышленного капитала в Германии были сведены до определенного минимума автономии. Это не мало по сравнению с положением в коммунистической системе, но мало по сравнению с возможностями крупного хозяйства при парламентаризме».¹⁸ Предприниматели надеялись, что после окончания войны все права собственности будут восстановлены, тем более что никаких ясных намерений относительно ликвидации рыночной системы старого капитализма нацисты не выказывали. Напротив, Гитлер (что было необычным для того времени) при любом удобном случае подчеркивал, что такие предприимчивые изобретатели и инженеры как Ф. Порше или В. Юнкере являются главной движущей силой экономики, и от них многое зависит в развитии национального хозяйства.¹⁹ Более того, он считал, что в условиях демократии настоящее развитие свободного предпринимательства искусственно тормозится. Так, после войны в архивах Круппа было найдено много писем от Гитлера, и в одном из них говорилось: «частное предпринимательство не может сохраняться в зрелой демократии; оно допустимо только в условиях, когда у народа сложились правильные представления о власти и личности. Все хорошее, положительное и ценное, что может быть достигнуто в области экономики и культуры, неразрывно связано с личностью»²⁰.

Характер экономической ориентации нацистов в промышленности и сельском хозяйстве был различен: если в первом случае традиционные установки и ценности пре-

имущественно остались неизменными, то в сельском хозяйстве идеология первоначально одержала верх по причине наличия у нацистов сильного элемента аграрного романтизма, корнящегося в почвенническо-народническом характере нацистской идеологии. Помимо благоприятной для крестьян идеологической ориентации нацистов, большое значение имели и практические шаги нового правительства: снижение налогов и значительное сокращение выплат по долговым обязательствам, что сразу облегчило положение сельскохозяйственных районов и обеспечило нацистам надежные тылы в деревне. Под руководством В. Дарре нацистам удалось обеспечить себе лидирующие позиции практически во всех ассоциациях, представляющих интересы крестьян. Вскоре Гугенберг освободил пост министра сельского хозяйства, и Дарре на этом важном посту приступил к осуществлению своей программы, имевшей целью реализацию совершенно новых планов в аграрном секторе: создания системы гарантий собственности крестьян на фоне тотального контроля над рынком и ценами, а в дальнейшем и создания территориально-административной системы управления сельских хозяйством, что было важной частью общенациональной мобилизации в преддверии войны. Если Сталин видел в крестьянах главное препятствие в реализации проекта создания нового социалистического общества, то Гитлер, напротив, провозгласил крестьянство «вечно живой основой немецкой нации», а день немецкого крестьянина отмечали столь же торжественно, как и 1 мая²¹.

То же, что о социальной и экономической политике, можно сказать и о нацистской геополитике, которая является совершенно обскурантистской. Однако, принимая во внимание мощный демографический взрыв первой трети XX века и отсутствие каких-либо перспектив в решении продовольственной проблемы (предвидеть «зеленую революцию» 50-х гг. было невозможно), следует отметить, что нацистская геополитика имела объективные основания. Гитлер исходил из предпосылки, что численность немецкого народа в течение 100 лет увеличится до

250 миллионов человек²²; он был уверен, что будущее нации следует обеспечить не экономическими преобразованиями и ростом, а завоеванием «жизненного пространства». Эта мысль стала лейтмотивом так называемой «Второй книги» (второй части «Майн кампф»), в которой Гитлер вполне искренне излагал свои намерения; он и не спешил с ее изданием, опасаясь преждевременно открыть карты. Карьеру свою Гитлер начинал идеологом ревизионизма (как указывал Фест), но врожденная склонность мыслить большими категориями побудила его обратиться к европейскому континенту в целом, и таким образом он перешел от политики границ к политике пространств²³. Простое восстановление границ 1914 г. Гитлер считал бессмыслицей. Поскольку в его внешнеполитических представлениях война была неизбежна, он считал людские потери оправданными лишь только в том случае, если немецкому народу после такой войны достанется надлежащее жизненное пространство.

Во «Второй книге» Гитлер поднимает вопрос о союзе Германии с Италией и Англией и пишет о многочисленных преимуществах этого альянса: «Этим альянсом мы, национал-социалисты, осознанно подводим черту под внешней политикой довоенного времени. Мы продолжим внешнюю политику с того момента, на котором остановились за шесть веков до этого. Мы прекратим вечное распространение германцев на Юг и Запад Европы и обратим свои взоры на восточные территории. Мы покончим, наконец, с колониальной и торговой политикой довоенных времен и перейдем к геополитике, гарантирующей наше будущее. Если ныне мы говорим о приобретении в Европе новых земель, то имеем в виду прежде всего Россию и подчиненные ей окраинные государства»²⁴. И продолжал: «Требование о восстановлении границ 1914 г. является политической бессмыслицей, поскольку они ничего не дают немецкому народу в будущем».²⁵ Во «Второй книге» Гитлер прямо указывал, что Германия должна увеличить свою площадь на 500 м² за счет восточных территорий²⁶. Гитлер считал, что «не западная и не восточная ориентация должны определять в будущем нашу вне-

шнюю политику, а восточная политика в смысле приобретения необходимого пространства для немецкого народа. Но поскольку очень много сил и средств придется затратить на то, чтобы задушить нашего злейшего врага - Францию, то нам придется пожертвовать всем, чем потребуется, чтобы осуществить крушение французского гегемонистского положения в Европе. Поэтому для нас сейчас является естественным союзником любая держава, которая не намерена терпеть французскую гегемонию на континенте. Никакое паломничество к подобной державе не должно казаться нам обременительным, ничто не должно побудить нас к отказу от такого союза, лишь бы конечным результатом было поражение нашего злейшего врага»²⁷. Такие жертвы, как отказ от Южного Тироля, отказ от мировой торговли, от колоний, казались Гитлеру вполне приемлемыми ради заключения союза с Италией и Англией. Францию во «Второй книге» Гитлер описывал как «опаснейшего врага», ибо она, благодаря политике союзов, способна постоянно создавать смертельную угрозу Германии. В какой бы конфликт Германия ни ввязалась, Франция всегда будет стремиться использовать его в своих интересах. В качестве «доказательства» своему утверждению Гитлер писал, что за три века до 1870 г. Франция нападала на Германию 29 раз. Если же Веймарская республика смогла добиться дружбы с этой страной, то это меньше всего ее красит. Гитлер писал, что никто лучше Шопенгауэра не смог характеризовать французскую суетность: «Африка знаменита обезьянами, а Европа — французами». Несмотря на этот уничижительный отклик, к Франции в целом Гитлер относился уважительно; ему очень импонировал Клемансо и нравилось его высказывание: «Для меня мир — это продолжение войны». Гитлер писал, что будь он французом, то несомненно оказался бы на стороне «Тигра»-Клемансо²⁸. Надо отметить, что франкофобия Гитлера исчезла в 1940 г., после того, как Франция была повержена²⁹, что указывает на вторичный характер этой враждебности фюрера. Психологически враждебность немцев к Франции понятна — в Первую мировую войну эти страны были врагами.

При линейном сохранении демографических тенденций первой трети XX века обязательно должна была встать проблема жизненного пространства, но, во-первых, демографические тенденции не развивались прямолинейно, во-вторых, аграрной сфере также было присуще скачкообразное развитие. Эти мнимые немецкие геополитические проблемы Гитлер собирался решить за счет других народов, но, исходя из политической ситуации и научного знания того времени, сделать это по-другому на самом деле было невозможно. Г. Гиммлер вполне последовательно сформулировал мысль своего шефа после поездки по Украине в 1942 г.: социальный вопрос можно решить, убив другого, чтобы отобрать у него пашню³⁰. То, что нацисты (и до них националисты-фелькише) говорили о необходимости возрождения немецчества (*Deuschtum*), было для фелькише, как и для нацистов, предпосылкой будущего национального имперского величия, но такая формулировка стратегической цели движения была слишком неопределенной и расплывчатой — стройность и целостность ей придал Гитлер. Именно он сформулировал мысль о необходимости создания нового великого немецкого «жизненного пространства» на Востоке, что и было хилиастической конечной целью нацистского движения, как задумал ее Гитлер, — утопией, которая обещала немецкому народу долгожданное избавление от тяготивших Германию материальных и экономических ограничений³¹.

Ситуацию необходимости новой геополитики и решения проблемы «жизненного пространства», предложенного Гитлером, можно сравнить с кажущейся безысходностью экологической проблемы в 70—80 гг. XX века; в высшей степени драматично эта проблема было изложена в докладе Римскому клубу «Пределы роста». ³² Со временем, однако, ситуация переменялась к лучшему, и нынешнее положение мы оцениваем уже не столь трагически. Параллель между двумя этими проблемами кажется не очень корректной, но вполне характеризует ситуацию.

В принципе, обе тоталитарные системы (советская и нацистская) не достигли желанной цели — полного соци-

ального благополучия, но по разным причинам. Американский социолог Уолт Ростоу в свое время писал, что социальное развитие общества и возникновение общества потребления детерминировано экономическим развитием. Октябрьская революция, объективно приведшая к модернизации, была абсурдна по той причине, что не привела к росту душевого потребления. Германия же (по Ростоу) в веймарские времена находилась на пути модернизации и на пороге общества потребления, но гитлеровская идея военной экспансии ради завоевания жизненного пространства (вскоре изжившая себя) в конечном счете отбросила немцев назад³³. Оба пути — и нацистский, и советский — вели в тупик, с той лишь разницей, что в первом случае путь не был проделан до логического конца (прерван войной), а во втором случае точки над / были расставлены, и никаких сомнений не осталось.

ГЛАВА I

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

Соотношение теории и практики в нацистской экономической политике

В сентябре 1923 г. Гитлер писал, что экономика имеет только второстепенное значение по сравнению с политикой³⁴. Вопрос о предпочтении Гитлера рыночной или плановой экономики остается открытым. По всей видимости, главной причиной сдержанности Гитлера было нежелание отпугнуть промышленников, да и внутри партии по этому вопросу имелись весьма значительные расхождения. Будучи по убеждениям социал-дарвинистом, Гитлер должен был бы склоняться к рыночной экономике и конкуренции, но они являлись частью кредо буржуазных политиков, а Гитлеру хотелось набрать некоторую дистанцию по отношению к этим ценностям. С другой стороны, партия декларировала стремление к социальной гармонии и к примату политики, что было ближе именно плановым началам в экономике: программа НСДАП (пункт 13) требовала огосударствления трестов и проведения отвечающей национальным интересам аграрной реформы (пункт 17); в 1920 г. Гитлер предлагал национализировать банки и крупную торговлю.

То, что получилось в итоге, стало синтезом национализма и социализма. В военное время плановые начала настолько усилились, что министр вооружений Шпеер, дабы не отпугнуть крупных предпринимателей, подчеркивал, что после окончания войны рыночная экономика должна быть восстановлена в прежнем объеме. Гитлер же в это время все чаще хвалил Сталина за то, что тот разрушил старые элиты и создал плановую экономику, которая лучше справлялась со своими задачами во время войны. Встает вопрос: если Гитлер склонялся-таки к плановой экономике, то как он относился к частной собственности, практически несоединимой с плановыми началами? Ненависть к капитализму и либерализму, безуслов-

но, не позволяла декларировать необходимость защиты частной собственности на средства производства, поэтому высказывания Гитлера на этот счет неопределенны и намеренно многозначны.

Экономика и экономическая политика для Гитлера была *только* средством для достижения политических целей³⁵, а какая-либо определенная экономическая программа являлась лишь макулатурой, если она не соответствовала политическим целям. Это можно проиллюстрировать на примере экономической программы, предложенной в 1932 г. Штрассером. Программе этой первоначально отводилась большая политическая роль, и во многом именно благодаря ей нацисты провели триумфальную избирательную кампанию лета 1932 г. Программа Штрассера предусматривала национализацию банковской системы, изменение экономической системы общества, огосударствление крупных предприятий, муниципализацию универмагов и ликвидацию банковского процента (это означало ликвидацию кредита, что немыслимо в стране с рыночной экономикой). Все эти требования противоречили рыночной системе, трогать которую Гитлер не хотел: он стремился к сохранению доверия промышленности и открыто восхищался ее лидерами.

Огромное значение для формирования экономической политики (вернее, способа ее ориентации на политические задачи) имели представления самого Гитлера, ибо его власть была огромна. Однако многие современные исследователи указывают, что, несмотря на масштабы власти, в сфере экономики возможность маневра для Гитлера была довольно ограниченной. Так, Тим Мэйсон писал, что Гитлер, стесненный рядом неполадок в экономике, сначала просто стремился избавиться от проблем, которые сам рассматривал как политические, а не реализовывал свои программные установки. При этом ключевым фактором, определявшим последовательность действий Гитлера, была боязнь внутривнутриполитического кризиса (как в 1918 г.) и опасение рабочих беспорядков³⁶. Иногда экономическая необходимость вынуждала Гитлера принимать решения, которые ему самому не нравились; так,

в 1933 г. им было одобрено решение о предоставлении финансовой помощи еврейским предприятиям, находившимся в затруднительном положении. Это было сделано для ослабления социальной напряженности. Гитлер боялся недовольства рабочих: он знал, что психологическая мотивация может быть скоротечной и нельзя долго терпеть материальные лишения и жертвы. Мейсон даже утверждал, что Третий Рейх следует считать социал-империалистическим государством, в котором социального благополучия и процветания планировали достичь путем экспансии и завоеваний. Ради экономических выгод Гитлер не хотел жертвовать даже небольшим снижением стандартов жизни. Судя по мемуарам А. Шпеера, Гитлер очень опасался утраты популярности.

В 1934 г. Гитлер, из страха перед социальными потрясениями, продлил полномочия имперского комиссара по ценам и долго сохранял его даже после того, как руководитель этого ведомства, известный прусский политик Карл Герделер (казненный впоследствии за участие в Сопротивлении), просил о его роспуске (так как ведомство было не в состоянии эффективно работать). Ведомство комиссара по ценам было учреждено в 1931 г. вместе с введением государственного регламентирования цен и заработной платы, которое устраняло тарифную автономию и свободное ценообразование на рынке. 15 июля 1932 г. правительство Брюнинга, чтобы воспрепятствовать утечке капитала за границу, отменило конвертируемость валюты³⁷. Иными словами, первые шаги на пути либеральной рыночной экономики, первые прецеденты государственного вмешательства в экономику и первые учреждения государственной бюрократии для управления экономикой были созданы уже в Веймарскую республику, а Гитлер их использовал в своих целях.

Перед лицом проблем в продовольственном снабжении населения Гитлер (в 1935—1936 гг.) был готов даже отказаться от ввоза важных для развития программы вооружений товаров, лишь бы не вводить продовольственные карточки и не провоцировать народ на проявление неудовольствия. В 1938 г., несмотря на настойчивые

просьбы министерства продовольствия и сельского хозяйства, Гитлер категорически отверг предложение о повышении цен на продукты питания, так как оно могло отрицательно повлиять на жизненный уровень населения.

Несмотря на «почтение» Гитлера к различным аспектам социально-экономической политики, он, тем не менее, неоднократно указывал, что не существует специфически экономической политики, но существует просто политика; соответственно, любые экономические вопросы он воспринимал как второстепенные. Гитлер был убежден, что экономика — это простое дело, совершенно не нуждающееся в какой-либо теории³⁸. Правда, на начальной стадии борьбы за избирателей Гитлер, отдавая должное пропагандистской ценности и действенности лозунгов о «процентном рабстве» и «еврейско-капиталистической эксплуатации», привлек в качестве главного «специалиста» в области макроэкономики Готтфрида Федерера, который безоглядно спекулировал на симпатиях простых немцев к социализму, активной социальной политике государства. Некоторое время Федерер считался ключевой фигурой в формировании нацистской экономической политики, но его звезда закатилась еще до прихода нацистов к власти. Гораздо серьезнее повлиял на взгляды Гитлера на экономическую политику колоритный и интересный человек (в отличие от поверхностного Федерера) Отто Вагенер, являвшийся доверенным лицом фюрера вплоть до июня 1934 г.

Вагенер, происходивший из семьи фабриканта, во время Первой мировой войны командовал батальоном, в 20-е годы занимался бизнесом, а после знакомства с Гитлером уверовал в «божественный гений» последнего. В 1929 г. Вагенер некоторое время занимал ответственный пост начальника штаба СА, а после того как Гитлер уговорил возглавить СА Э. Рема, он попросил Гитлера назначить его руководителем политэкономического отдела (*Wirtschaftspolitische Abteilung*) центрального руководства партии. К работе в своем отделе Вагенер привлек будущего министра экономики Третьего Рейха Вальтера Функа.

В качестве руководителя этого отдела Вагнер сблизился с Гитлером и часто и подолгу с ним беседовал. В этих беседах Вагнер высказывался за третий путь (между социализмом и капитализмом); этот путь он называл «социальное хозяйство». Вагнер отвергал национализацию средств производства и вместо нее предлагал постепенный переход прав собственности от нынешних владельцев к тем, кто сможет управлять ими по-настоящему эффективно. Это отвечало и убеждениям Гитлера: «Я никогда не утверждал, что все предприятия должны быть национализированы. Нет, я говорил, что мы могли бы национализировать те предприятия, которые наносят ущерб национальным интересам. В других же случаях я считал бы преступлением разрушение важнейших элементов нашей экономической жизни. Возьмите итальянский фашизм. Наше национал-социалистическое государство, как и фашистское государство, должно стоять на страже интересов как рабочих, так и работодателей, и выполнять функции арбитра в случае возникновения споров»³⁹. Вагнер предлагал ввести систему «перехода прав собственности» — этот процесс должен был регулироваться государством⁴⁰. Вагнер планировал (по образцу фашистской Италии) введение «корпоративного самоуправления» с совещательными функциями. Все отрасли производства на местном уровне объединяются в «экономические советы» (*Wirtschaftsräte*), в которых труд и капитал должны быть представлены в одинаковых долях. «Экономические советы» отправляют своих депутатов в региональные «палаты экономики», а те — на «имперский экономический совет» (*Reichswirtschaftsrat*), который должен был консультировать политическую власть. С помощью этой корпоративной структуры планировалось достичь равномерного распределения прибыли и достичь необходимого уровня финансирования социальных программ. В мемуарах Вагнер писал, что Гитлер живо интересовался этой программой, и они с интересом обсуждали ее детали⁴¹. Гитлер, однако, настоял на сохранении планов Вагнера в тайне до его (Гитлера) прихода к власти, чтобы эти планы не были использованы политическими противника-

ми нацистов в предвыборной борьбе. Вагнер, таким образом, должен был дожидаться прихода нацистов к власти, а тем временем в ближайшем гитлеровском окружении усиливались его противники — Вальтер Функ и Вильгельм Кепплер, ориентировавшиеся на крупный бизнес. После 1933 г. большое влияние на Гитлера оказывал убежденный рыночник, немецкий финансовый гений Яльмар Шахт. По всей видимости, Гитлер опасался того, что радикализм теоретических построений Вагнера отпугнет многих сторонников партии, поэтому к его планам он более не возвращался и под благовидным предлогом отстранил Вагнера от руководства экономической политикой партии. После прихода к власти Гитлера Вагнер во главе отряда СА занял резиденцию самой крупной немецкой предпринимательской организации «Имперский союз немецкой промышленности», дабы приступить к «аризации» и «унификации», но Гитлер, не желая скандала, отобрал у него полномочия имперского комиссара экономики⁴².

Представляется, однако, что отношение фюрера к экономике и ее специфическим проблемам наиболее полно и универсально характеризуют строки в «Майн кампф», в которых он распространяется о том, что внутренняя сила и мощь государства очень редко совпадает с периодами его экономического процветания: «пример аскетической и бедной Пруссии как раз с удивительной точностью доказывает, что не материальное благосостояние, а идеальные добродетели, связанные с жертвенностью и готовностью к борьбе, способствуют созданию сильного и устойчивого национального государства»⁴³. Гитлеру не откажешь в последовательности: в отношении к экономике и в оценках экономических теорий он до конца остался верен постулату, высказанному в «Майн кампф»: «Государство не имеет ничего общего с конкретной экономической концепцией или развитием... Государство является расовым организмом, а не экономической организацией. Внутренняя сила государства лишь в редких случаях совпадает с так называемым экономическим процветанием; последнее, как свидетельствуют многочисленные

примеры, указывает на приближающийся крах государства. Пруссия с исключительной наглядностью подтверждает, что не материальные средства, а лишь идейные ценности позволяют создать государство. Только при их наличии может благоприятно развиваться экономическая жизнь. Всегда, когда в Германии отмечался политический подъем, экономические условия начинали улучшаться, и всегда, когда экономические условия становились первостепенной заботой народа, а идейные ценности отходили на второй план, государство разваливалось, и вскоре возникали экономические трудности. До сих пор никогда в основе государства не лежали мирные экономические средства»⁴⁴.

Если этой обширной выдержки недостаточно, и если уместно в шуточной форме изобразить представления Гитлера об экономике как науке, то, наверное, для этого лучше всего подошли бы слова блестящей английской экономистки Джоан Робинсон: «Смысл изучения экономической теории не в том, чтобы получить набор готовых ответов на экономические вопросы, а в том, чтобы не попасться на удочку экономистам». Иными словами, у Гитлера не было устойчивых представлений о том, как следует строить экономику, но он был твердо убежден, что никакой специфической экономической политики не существует, нужна только твердая власть. Граф Шверин фон Крозиг, бывший первое время министром финансов у Гитлера, писал в мемуарах: «Предупреждение об инфляции Гитлер вовсе отвергал совсем не ложным утверждением, что при сильном правительстве не может быть инфляции. Отсюда проистекало и его совершенно здоровое чувство, что расходы всегда следует держать в рамках доходов»⁴⁵. Сам Гитлер весьма трезво оценивал собственную экономическую политику в разговоре с Шахтом: «Основной причиной стабильности нашей валюты являются концлагеря»⁴⁶.

Уже в конце войны, на собрании промышленников 26 июня 1944 г., Гитлер сказал, что, вопреки утверждениям коммунистов, венцом развития человечества будет не претворение в жизнь их идеала всеобщего равенства, а

«единственно возможной предпосылкой для продвижения человечества по пути процветания является всемерное поощрение частной инициативы. И если эта война завершится нашей победой, для германской экономики наступит период расцвета частного предпринимательства. Не верьте, что я собираюсь создать органы государственного управления экономикой... Как только наступит мир, я тут же предоставлю полную свободу действий выдающимся деятелям германской экономики и буду внимательно прислушиваться к их советам... Лишь благодаря вам мне вообще удастся решать порожденные войной проблемы. В знак моей бесконечной благодарности я обещаю, что никогда не забуду ваших заслуг, и что не найдется ни одного немца, который обвинит меня в неисполнении взятых на себя обязательств»⁴⁷. По всей видимости, позиция Гитлера отражала и общие немецкие представления об экономике, коренящиеся в немецком менталитете. В этой связи любопытно отметить, что в Германии стереотипы отношения к народному хозяйству и его управлению жили «отдельно» от политической сферы — подтверждением тому является позиция правительства ФРГ в этом вопросе. Правительство ФРГ имело значительные вклады в 80 компаниях, но реализовало их странно: оно не стремилось к контролю над большими фирмами, как это делали во Франции и Англии в 50—70 гг., но принимало участие во многих компаниях; такой порядок — наследие Третьего Рейха, который не стремился к государственной экономике. Весьма незначительно проявляется интерес к национализации даже у СДПГ, хотя в других европейских странах национализация одно время была весьма модной и желанной⁴⁸. В этом отношении ФРГ более похожа на США, а не на своих европейских соседей.

Первоначально, для морального подкрепления сильной власти и репрессивных мер, нацисты не чурались и социальной демагогии. В 1935 г. одна из статей в ФБ так и называлась: «Капитализм преодолен». «Преодоление капитализма» произошло якобы вследствие того, что

НСДАП покончила со всеми экспериментами в сфере денег и кредита; партия осуществила подъем экономики вне всякой зависимости от капитала и впервые сделала экономическую политику принципиально независимой от рыночной конъюнктуры. Предпринимателям же ФБ постоянно внушала мысль о необходимости мирных отношений с рабочими. Интересно, что термином «пролетариат» в ФБ обозначали все низменное, бесхарактерное, подлое, лицемерное в людях вне зависимости от их классовой принадлежности; бывало, что нечестные и лживые предприниматели назывались ФБ пролетариями⁴⁹. Придя к власти, Гитлер сразу установил строгий контроль над ценами и зарплатой; несмотря на жесткость этих мер, рабочие после 1933 г. постепенно перестали чувствовать себя париями общества, в котором, казалось, в институциональном отношении ничего не изменилось.

В целом нужно отметить, что социальное измерение экономической политики для Гитлера играло определяющую роль; в иерархии ценностей и целей нацистской экономической политики можно выделить следующую последовательность: преодоление безработицы, милитаризация экономики и подготовка к войне и обеспечение автаркии. Эта последовательность неукоснительно соблюдалась в гитлеровской экономической политике во все предвоенные годы. Важно подчеркнуть, что система нацистского господства давала диктатуре Гитлера такие возможности, выходящие далеко за рамки традиционно допустимых условий, принятых в демократической и плюралистической Веймарской Германии. Первоначально это составляло актив, а не пассив нацистской диктатуры, которая располагала большими возможностями массовой мобилизации на основе огромного потенциала необыкновенно высокой общественной интеграции. Огромное значение имела при этом харизматическая фигура фюрера: опираясь на специальных уполномоченных и имперских комиссаров, Гитлер всегда мог обойти рутинную государственную бюрократию, хотя он и не располагал генеральным планом преобразований экономики и общества, а ограничивался отдельными, едва ли не

спонтанными, действиями, нацеленными на радикальное преобразование европейского и мирового порядка.

Нацистское «экономическое чудо» и немецкий народ

Известно, что до прихода к власти нацистов положение в сфере экономики было довольно тяжелым, поэтому для преодоления хозяйственной депрессии нужны были радикальные средства, принципиально иные инструменты и особый путь принятия решений. До 1933 г. принципиальные решения по экономическим вопросам в Германии могли принимать следующие инстанции: правительство, особенно министр финансов, президент в соответствии со статьей 48 конституции, Рейхсбанк, автономно принимавший решения о деньгах, земельные правительства и общины, промышленные «палаты» как органы самоуправления экономикой. Эту систему нацисты изменили в соответствии со своими тоталитарными претензиями: уже закон о чрезвычайных полномочиях 24 марта 1933 устранил парламентский контроль над бюджетом. После смерти президента П. фон Гинденбурга (2 августа 1934 г.) Гитлер, как известно, объединил оба поста, узурпировав, соответственно, президентские полномочия в экономической сфере. Земли и коммуны, руководство которых было вскоре «унифицировано» нацистами, были оттеснены от принятия экономических и финансовых решений. Промышленные «палаты» также подверглись интенсивной нацификации и стали инструментом нацистской политики.

Нацисты сразу развили весьма бурную деятельность по всем направлениям политики, и к ним в руки постепенно перемещались многообразные полномочия. К примеру, министра финансов постепенно лишили возможности контроля над расходованием средств в отдельных ведомствах, особенно в тех, которыми руководили нацисты и к которым был благосклонно расположен сам Гитлер. Можно сказать, что министры, располагавшие личной поддержкой Гитлера, самостоятельно распоряжались

средствами. Особое положение, разумеется, заняло руководство вермахта, которое без ведома министерства финансов расходовало огромные средства.

Чиновник, ответственный за экономические проблемы, министр экономики Вальтер Функ, попал в двойственное положение в связи с учреждением в 1936 г. ведомства Генерального уполномоченного по четырехлетнему плану. Это ведомство возглавил Геринг, который по всем вопросам, в том числе и экономическим, подчинялся лично Гитлеру. Функ не смог выйти из тени Геринга и был, скорее, не министром, а статс-секретарем при Геринге. Впрочем, вскоре стало ясно, что немецкое правительство как коллегиальный орган практически перестало существовать.

Единственным государственным органом, который удерживал собственную сферу компетенций в экономической политике вплоть до 1937 г., был Рейхсбанк, независимость которого была отвоєвана немецким финансовым гением⁵⁰ Яльмаром Шахтом. Шахт был необыкновенно честолюбив, имел о своей персоне высокое мнение⁵¹ и был убежден в собственном превосходстве, как над демократическими политиками Веймарской республики, так и над Гитлером и его окружением. После окончания Первой мировой войны Шахт заслужил уважение немецкого общества тем, что неустанно разоблачал попытки французов требовать репараций, которые заведомо не могли быть выплачены. Шахт указывал, что по франко-германскому договору 1871 г. Франция в 12 приемов должна была выплатить Рейху 6 миллиардов франков золотом, что составляло 3,2% всех капиталов населения Франции в том году. А французы после Первой мировой войны потребовали у Германии 38% всех капиталов населения. Репарации с французов в 1871 г. составили 25% национального дохода Франции от уровня 1869 г., а репарации с немцев — 220% национального дохода Германии за 1913 г. Для выплаты репараций французы должны были изъять 100% драгметалла, находящегося в обращении в виде монет; Германия же должна была изъять 2220%, то есть в 22 раза больше, чем находилось у них в обращении⁵². Вид-

ный английский экономист Д. М. Кейнс также утверждал, что Германию заставляют заплатить в 3 раза больше, чем она в состоянии это сделать.

Но Шахт был силен не только в критике, — также неоспоримы и его заслуги в преодолении инфляции 1923 г. Общественное мнение считало его магом денег, спасителем национальной валюты. Схема, по которой действовал Шахт, создавая себе легендарную репутацию, была проста: жесткость, доходящая порой до ригидности, консерватизм (о котором свидетельствовало то, что Шахт и в 30-е гг. продолжал упорно ходить в старомодном костюме со стоячим воротником), тесные контакты и связи с иностранными банками, жесткое противостояние политической системе (будь то республика или нацистский режим) без каких-либо признаков конструктивной оппозиции. Этой схеме поведения Шахт остался верен и после 1933 г.⁵³ Для Гитлера же Шахт был гарантом полной финансовой ортодоксии, поскольку нацисты, как и все немцы, более всего опасались инфляции.

17 марта 1933 г. Шахт был назначен президентом рейхсбанка, и Гитлер поставил перед ним задачу: найти средства и для борьбы с безработицей и на реализацию программы вооружений. В этом назначении большинство немцев увидело гарантию от необдуманных экспериментов в финансовой сфере. Поскольку денег в банке не было, а инфляционная политика в Германии из-за опыта 1923 г. была психологически разрушительна, а потому невозможна, Шахт разработал гениальный план: в отличие от своего предшественника Ганса Лютера, он согласился финансировать расширение кредитов для преодоления безработицы. По инициативе Шахта несколько крупных компаний (*Krupp, Siemens, Rheinmetall, Guthoffnungshütte*) создали МЕФО (*ME FO, Metallurgische Forschungsgesellschaft* — металлургическое исследовательское общество) с капиталом всего в 1 миллион марок, а Рейхсбанк взял на себя все обязательства по ценным бумагам МЕФО, неограниченно принимая его векселя, которыми государство и расплачивалось со своими поставщиками⁵⁴. С 1934 по 1938 гг. государство задолжало компаниям, приняв век-

селей на сумму 12 миллиардов марок: Рейху таким образом был обеспечен кредит, а средства по устному соглашению Шахта и Гитлера должны возвращены банку в течение 4—5 лет; на самом же деле они никогда не были возвращены. Гитлер твердо держал курс на завоевательные войны, рассчитывая погасить задолженности и избежать инфляции за счет побежденных, как это хотели сделать немцы и в Первую мировую войну.

Впоследствии Шахт обосновывал свои рискованные эксперименты тем, что новые и чрезвычайные времена требовали новых и чрезвычайных мер, хотя следует признать, что главную роль в успехе этой финансовой аферы сыграло само государство, развивавшееся после 1933 г. весьма устойчиво и стабильно и постоянно усиливавшееся. Летом 1934 г. Шахт стал еще и министром экономики, а в мае 1935 г. — генеральным уполномоченным по военной экономике. Его влияние было столь велико, что он смог избавиться от догматика Федерера, твердившего старые социалистические басни о «процентном рабстве» и о паразитическом капитале.

Своими мерами по экономии валюты, необходимой для военных целей, Шахт объективно содействовал реализации гитлеровских планов: сначала он объявил о частичном, затем о полном моратории по немецким долгам. Но этого оказалось недостаточно для преодоления экономической стагнации, когда некоторый подъем конъюнктуры принес рост импорта. В конце 1934 г. Шахт отреагировал на эту проблему новым планом, в соответствии с которым доходы от экспорта и выплаты по импорту были связаны друг с другом, что привело к все усиливавшейся билатерализации торговли. План Шахта базировался на контроле над импортом (прежде всего за предметами потребления: продуктами питания, одеждой), ввоз которого возрастал в 1933—1934 гг.. Ограничения по плану Шахта привели к снижению уровня потребления немцев; это сильно не нравилось некоторым группам внутри НСДАП (особенно министерству пропаганды Геббельса и ДАФ Лея), и они начали оспаривать компетенции Шахта. В выигрыше от подковерных бюрократичес-

ких игр оказались не Лей и Геббельс, а Геринг. Противостояние Шахта и Геринга не сводилось к противостоянию между разными подходами к автаркии: они оба понимали, что следует ориентироваться на мировой рынок; речь шла о власти и полномочиях. Против экономических начинаний Геринга Шахт возражал, впрочем, и по принципиальным соображениям — дело в том, что государственные «заводы Германа Геринга» (*Hermann-Göring-Werke*) создавались для использования бедных металлом (в отличие от шведских) немецких железных руд. Шахт же считал, что самым важным критерием в экономике должна быть рентабельность предприятий, а не то, являются они государственными или нет⁵⁵. Единого фронта промышленников Шахту сформировать не удалось (хотя большинство промышленников Рура было против затеи Геринга), да Гитлер и запретит критиковать Геринга. По мере улучшения конъюнктуры Шахт становился приверженцем рыночной экономики; в 1936 г. он перестал верить в необходимость контроля над внешней торговлей, который в свое время был введен по его настоянию. Когда в сентябре 1936 г. Франция девальвировала франк, Шахт счел необходимым сделать то же самое и с рейхсмаркой — это должно было означать возвращение Германии в мировой рынок. Гитлер посчитал, что это приведет к инфляции, Шахт же более опасался развития инфляции от расширявшегося производства всевозможных эрзацев (вследствие гитлеровского стремления к автаркии, приобретшей характер мании), стоивших довольно дорого. К примеру, себестоимость производства буны (искусственной резины) в 1936 г. была столь высока, что не было никакого смысла отказываться от импорта натурального продукта, но буну упорно продолжали производить, и прорыв был достигнут лишь в 1942 г., когда это производство стало рентабельным⁵⁶.

К тому же, с 1936 г. Шахт, из-за нехватки валюты и бюджетных средств⁵⁷, начал критиковать авантюризм политики вооружений — это и стало началом его падения. 18 октября 1936 г. Генеральным уполномоченным по четырехлетнему плану (его разработал лично Гитлер и

объявил о нем на очередном партийном «съезде чести», «*Parteitag der Ehre*») был назначен Геринг, вступивший с Шахтом в борьбу, исход которой нетрудно было предвидеть⁵⁸.

С 1937 г. Шахт оказывается в изоляции и пытается набрать дистанцию по отношению к нацизму. По собственной инициативе он настаивает на утверждении себя в качестве главы Рейхсбанка всего на 1 год (вместо обычных четырех), говорит о готовности покинуть пост и открыто пытается противодействовать антисемитизму режима: после погрома 1938 г., обращаясь к служащим банка, он заявляет, что уволит каждого, кто будет замечен в дурном обращении с евреями. Незадолго до этого в частной беседе он сказал: «Мы попали в лапы преступников, как это можно было предвидеть?»⁵⁹. Открытый конфликт между Шахтом и Гитлером разразился не из-за еврейского вопроса, а из-за политики вооружений. Дело в том, что первые акции МЕФО поступили к оплате в конце 1938 г., но Гитлер был убежден, что, несмотря на Мюнхенский договор, политику вооружений следует продолжить и дальше, поэтому об этих выплатах не может быть и речи. Рейхсбанк отреагировал заявлением о прекращении всяких кредитов правительству и потребовал полного контроля над финансами. Если бы условия Шахта были приняты, это означало бы прекращение политики вооружений, и после коротких переговоров с Гитлером 7 января 1939 г. Шахт был уволен со своего поста⁶⁰. После отставки Шахта акции МЕФО были заменены распоряжениями казначейства и налоговыми талонами, а политика вооружений продолжена. Вскоре последовало распоряжение Гитлера об изъятии у Рейхсбанка всех полномочий по эмиссии. Правительство само стало распоряжаться печатным станком.

Вследствие конфликта из-за «заводов Германа Геринга» Шахт был вынужден выйти в отставку и с поста министра экономики; его сменил Вальтер Функ⁶¹, бывший всего лишь помощником «Генерального уполномоченного по четырехлетнему плану». В отличие от Шахта, у Функа никогда не возникало трений с Герингом: он полное-

тью признал компетенции рейхсмаршала в области экономики. В оправдание Шахта можно сказать лишь то, что в заключительной фазе он пытался удержать кредиты и государственные долги в рамках определенных границ, а так как эти его намерения противоречили воле политического руководства, то он стал нежелательной персоной для Гитлера. После ухода Шахта тысяча служащих аппарата управления четырехлетнего плана, во главе которого был Геринг, перешла в министерство экономики⁶².

Так же, как и Шахт, впутанным в махинации нацистского государства против своей воли оказался беспартийный министр финансов Шверин фон Крозигк (*Graf Ludwig Schwerin von Krosigk*). Он происходил из знаменитого дворянского рода, учился на юриста, во время войны служил офицером, а после возвращения с фронта сделал блестящую карьеру в министерстве финансов. Крозигк был типичным аполитичным чиновником, который стремился лишь к принятию эффективных решений и любую проблему стремился свести к административным вопросам. Аполитичность не спасла Крозигка от причастности к грязным делам: его подпись стояла под антисемитским законом о «реставрации немецкого служилого сословия» от 7 апреля 1933 г.; он был вовлечен в организованный Герингом процесс взимания контрибуции с евреев после погрома 8 ноября 1938 г.; в ноябре 1941 г. Крозигк принял участие в организации финансовой стороны процесса конфискации имущества отправляемых на Восток евреев; его имя стоит под документом 1943 г., по которому права евреев еще более сужались, а после смерти их имущество отписывалось Рейху⁶³. Крозигк не был инициатором всех этих законов, но и не пытался им противостоять. В этом человеке существовала огромная дистанция между личной порядочностью и стилем жизни и избранной им общественной линией поведения — такой же, как у Шахта. Бесспорным приоритетом для Крозигка были нация и государство: в той степени, в которой фюрер содействовал подъему нации, в той степени Крозигк был готов поддерживать его и его методы. То, что служило процветанию и подъему нации, не могло быть

плохим. Если же служение государству вступало в противоречие с христианской моралью, то верующий христианин мог умиротворить свою совесть попыткой смягчить эксцессивные меры. При этом выходец из известного дворянского рода не был поклонником Гитлера: он всегда считал его парвеню.

В отличие от своих конкурентов, Герингу удалось объединить в одно большое ведомство министерства экономики, труда и пищевой промышленности; благодаря этому он стал своего рода экономическим диктатором и суперминистром. Поскольку сам Геринг ничего в экономике не понимал, то он привлекал известных специалистов, и прежде всего министра экономики Вальтера Функа. С января 1939 г. послушный и лояльный Функ помимо поста министра экономики занял и пост президента Рейхсбанка (сменив Шахта). Если Шахт саботировал антисемитские начинания режима, то Функ послушно создал в своем министерстве «еврейский отдел», задачей которого была «аризация» промышленности Германии⁶⁴. Термином «аризация» обозначалась передача еврейского имущества в руки немцев; этот процесс начался по приходу нацистов к власти, но до 1938 г. осуществлялся не в силу закона или указа, а вследствие «обстоятельств», которые нацисты создавали намеренно (прекращали поставки сырья, применяли бойкоты, эмбарго). Новый министр не был антисемитом: он, как и большинство немцев, был оппортунистом и конформистом, поэтому послушно двигался в направлении, указанном властями.

Придя к власти, нацисты стали проводить твердую линию на устранение корпоративных интересов или на подчинение себе носителей и выразителей этих интересов. Первоначально главной целью нацистов была ликвидация тарифной автономии, которую Веймарская конституция признавала за профсоюзами и предпринимательскими организациями. 2 мая 1933 г. профсоюзы были ликвидированы, и участие организованных интересов рабочих в распределении социального продукта было устранено; это избавило милитаризовавшуюся промышлен-

ность от стачек и требований повышения зарплаты. Уже 15 мая 1933 г. нацистский режим передал функции регулирования зарплаты «попечителям (арбитрам) труда» (*Treuhändlern der Arbeit*), назначение которых он сам и утверждал. «Попечители труда» были чиновниками министерства труда и подчинялись непосредственно государству.

Корпоративные организации предпринимателей нацисты сначала не трогали; они подверглись лишь «личной унификации» по политическим и расовым мотивам. Однако влияние предпринимательских объединений упало после того, как нацисты приступили к созданию собственной сословной системы. 27 февраля 1934 г. вышел «Закон об органическом построении немецкой экономики», который уполномочил министерство экономики по своему усмотрению реформировывать предпринимательские организации, а также вводить на них принцип фюрерства. Даже головное «Объединение промышленности», игравшее огромную роль в экономической политике Веймарской республики, должно было подчиниться сословной системе. Оно было преобразовано в «Имперскую группу промышленности» (*Reichsgruppe Industrie*), которая была организована строго иерархически по отраслевым и региональным признакам и стала исполнительным и контролирующим органом государственного вмешательства в экономику. В то время как отдельные объединения предпринимателей были подчинены нацистской экономической политике и для них свобода принятия решений по принципиальным вопросам сильно снизилась, отдельным представителям деловых кругов удавалось существенно влиять на принципиальные экономические решения. При этом специальные знания или важность предприятий для военной экономики подчас не играли никакой роли. «Любимчиков» Гитлер выбирал по принципу личной симпатии. Один из таких «любимчиков», директор огромного химического концерна «ИГ Фарбен» (*IG Farben*) Карл Краух, с 1934 г. получил возможность через военное министерство влиять на экономическую политику. Во время войны столь же значительную роль

в принятии экономических решений сыграл председатель совета директоров объединения сталелитейных заводов Альберт Феглер: от него исходили многие решения, касающиеся металлической промышленности на Рейне и Руре. Но от политики капитаны индустрии были оттеснены. В 1936 г. была создана «Имперская палата промышленности» (*Reichswirtschaftskammer*); в сферу ее компетенций входили исключительно административные и технические вопросы, и она не имела никакого влияния на принятие значимых политических решений⁶⁵.

Самым крупным и социально значимым достижением нацистской экономической политики было достижение полной занятости в довоенные годы. В процессе создания базы лояльности по отношению к собственному режиму для нацистов не было ничего важнее, чем ликвидация безработицы: к моменту прихода нацистов к власти 36% немцев (!) жило на общественные средства поддержки безработных⁶⁶. Этих средств едва хватало, чтобы свести концы с концами. Для достижения полной занятости в максимально быстрый срок нацистское руководство приняло следующие шаги:

1. 10 апреля 1933 г. был принят «Закон об изменении налога на автомобили», по которому покупатели нового автомобиля или мотоцикла с 1 апреля 1933 г. освобождались от уплаты налога. Вскоре заметили, что сбыт новых автомобилей зависит от сбыта подержанных, поэтому уже 30 мая 1933 г. закон позволил ограничиться однократной уплатой налога на подержанные авто, что значительно подняло спрос на автомобили и способствовало быстрому подъему отрасли, имевшей стратегическое значение в борьбе с безработицей.

2. По инициативе Фрица Рейнхардта 1 июня 1933 г. был принят «Закон об ослаблении безработицы», которым министерство финансов уполномочивалось передать 1 миллиард рейхсмарок на реализацию программы занятости. Эти деньги, обеспеченные налоговыми льготами, в виде ссуд были переданы общинам на осуществление общественных работ, жилищное строительство, строи-

тельство мостов, мелиорацию. Из этих же средств молодежи выделялись «брачные ссуды» на целевую покупку мебели, домашней утвари... Почти все, кого затронул план Рейнхарда, были безработные. Большое значение имел категорический запрет правительства увеличивать рабочий день; строго запрещалась и механизация труда.

3. Большое значение для организации общественных работ имела программа строительства имперских автобанов (*Reichsautobahnen*), введенная законом от 27 июня 1933 г. В этой программе до 1938 г. было занято 137 тыс. рабочих; на нее было израсходовано 3 млрд рейхсмарок.

4. 15 июля 1933 г. был принят закон о налоговых льготах, существенно дополнивший закон Рейнхардта. Этот закон обеспечивал налоговые льготы предпринимателям, если они занимались ремонтными работами или работами по расширению предприятий. Если предприниматель внедрял новые прогрессивные технологии, новые машины, то налоги также не взимались. После 15 июля от налогообложения освобождались всевозможные премиальные рабочим, например, новогодние премии.

5. 29 сентября 1933 г. был принят еще один «Закон об ослаблении безработицы», нацеленный на преодоление сезонного роста безработицы зимой 1933—1934 гг. Министерство финансов выделило 500 млн рейхсмарок на жилищное строительство и ремонт квартир. Деньги были выделены с условием, что все работы будут завершены до 31 марта 1934 г.⁶⁷

Перечисленные меры экономической политики были весьма действенным средством преодоления безработицы. Для Гитлера этот вопрос был очень важным; на конференции штатгальтеров 6 июля 1933 г. он заявил: «У нас одна задача — работу всем, работу и еще раз работу. Только ликвидировав безработицу, мы завоюем самый прочный и устойчивый авторитет»⁶⁸. Успех нацистов на этом сложнейшем поприще не был моментальным: в июле 1933 г. статистика регистрировала 4,464 млн безработных по сравнению с 6,014 млн в феврале 1932 г.⁶⁹ Однако с помощью вышеназванных законов и программ нацистскому

руководству удалось снизить число безработных в течение года более чем наполовину — с 4,8 до 2,7 млн человек, а к 1937 г. и вовсе ликвидировать безработицу⁷⁰. Даже учитывая эти программы, относительное благополучие немецкой экономики и постоянно растущая занятость накануне войны являются настоящим чудом, ибо экономика приняла на себя чудовищные нагрузки: из всех средств, израсходованных в мире в 1933—1938 гг. на военные цели, доля Германии была самой большой — 28% бюджетных средств, СССР — 27%, Британия и Япония — по 12%, США — 11%, Франция — 10%, Италия — 9%⁷¹. По всей видимости, это чудо нужно приписать необыкновенно активной позиции государства и очень динамичному образу действий нацистов. Себастиан Хаффнер справедливо указывал, что гитлеровское экономическое чудо в гораздо большей степени может претендовать на это название, чем экономическое чудо Эрхарда⁷². Самым существенным было то, что переход от депрессии к росту был осуществлен без инфляции (как это было в других странах), при стабильных ценах и зарплате, что не удалось даже Эрхарду после войны. Гитлер был прав, когда 28 апреля 1939 г. заявил: «Я преодолел хаос в Германии, установил порядок; производство во всех отраслях народного хозяйства необыкновенно возросло и стабильно продолжает развиваться. Мне удалось вернуть к работе 7 миллионов безработных. Я объединил немецкий народ не только политически, но восстановил в военном отношении, постепенно преодолел все 448 статей того договора, который представлял собой самое подлое изнасилование, каковому подвергался какой-либо народ в истории. Я вернул отобранные у нас провинции, я вернул многим миллионам немцев их родину, восстановил территориальное единство нации. Все это мне удалось осуществить без кровопролития, не подвергая ни свой народ, ни другие народы тяготам войны. И это все сделал я — еще 21 год тому назад никому не известный рабочий и солдат из народа — собственными силами»⁷³.

В принципе, теория гитлеровской социально-экономической политики давно уже была разработана Джоном

Мейнардом Кейнсом в виде знаменитых тезисов о «платежеспособном спросе» (*deficit spending*), но нацисты были первыми, кто боролся против падения конъюнктуры при помощи государственных инвестиций и политической психологии. Только таким образом объясняются необыкновенные успехи нацистов в борьбе против безработицы.

Большое значение нацистское руководство придавало аграрной политике: не в последнюю очередь вследствие того, что крестьяне были лучшими солдатами, чем горожане⁷⁴. Один из нацистских бонз сказал в 1936 г., что дегенерация Германии вызвана концентрацией большого количества народа в городах. Поэтому крестьянская политика сначала была для Гитлера даже важнее, чем ликвидация безработицы. Ведущим специалистом партии в области крестьянской политики считался Вальтер Дарре, который и стал министром в конце июня 1933 г., сменив на этом посту А. Гутенберга. В этой отрасли народного хозяйства также был введен корпоративный принцип — все участники сельскохозяйственного производства были включены в «имперское продовольственное сословие» РНШ (*RNS, Reichsnährungsstand*), созданное 13 сентября 1933 г. В 1938 г. РНШ была разделена на 20 крестьянских корпораций (*Landesbauernschaften*), которые, в свою очередь, делились на 515 окружных корпораций (*Kreisbauernschaften*) и 55 тысяч местных крестьянских корпораций (*Ortsbauernschaften*)¹⁵. Интересно, что консервативные элементы из среды восточноэльбских латифундистов были решительно вытеснены из новых органов власти на селе; их место заняли новые люди из среднего класса, что косвенно свидетельствует о некоторой оппозиции нацистам в консервативной среде.

Начало деятельности РНШ ознаменовалось крупными проблемами: два неурожайных года и некоторые опрометчивые решения РНШ привели к тому, что в 1935—1936 гг. возникла серьезная проблема с продовольствием. С урожаями Третьему Рейху вообще не особенно везло⁷⁶:

Год/тыс. тонн	1933	1936	1937	1939
Пшеница	5765	4523	4576	502
Рожь	8727	7386	6917	8463
Всего	14 492	11 909	11 493	13 965

Я. Шахт отказал в выделении валюты для покупки зерна за рубежом — платежный немецкий баланс и без того был из рук вон плох... Эксперты рекомендовали Дарре ввести карточки на хлеб, муку, жир, но Гитлер был категорически против подобных предложений, опасаясь социальной напряженности и неудовольствия немцев, и, пренебрегая полномочиями бесхарактерного Дарре, передал задачи его министерства Генеральному уполномоченному по четырехлетнему плану Герману Герингу, который ради преодоления кризиса снизил цены на удобрения, тарифы на электроэнергию и поднял цены на сельскохозяйственные товары. Ссуды на улучшение машинного парка в сельском хозяйстве значительно помогли модернизировать и расширить производство; на селе велось значительное жилищное строительство, проводились мелиоративные работы. Несмотря на крупные инвестиции и затраты государства, по некоторым оценкам индекс сельскохозяйственного производства к концу довоенного подъема производства был всего лишь на 10% выше, чем в неблагоприятные 1935—1936 гг. Поскольку за это время население увеличилось на 7%, то немецкое самообеспечение продуктами питания возросло всего на 3% (с 80 до 83%), и желанная продовольственная автаркия в нужном объеме так и не была достигнута. Впрочем, сам Гитлер еще в 1922 г. писал, что обеспечение продовольственной автаркии Германии в современных границах невозможно⁷⁷. Хотя следует отметить и успехи: удалось заложить запасы, покрывающие трехгодовую потребность в продовольствии и перестроить на ближнее зарубежье импорт жизненно важных продуктов.

В связи с многочисленными экономическими затруднениями по инициативе РНШ началась пропаганда употребления вместо масла сильно подслащенного мармела-

да («*Volksmarmelade*» — «народного мармелада») из фруктов; для немцев он стал заменителем масла. Несмотря на замену сливочного масла сахаром, с 1 января 1937 г. были введены карточки на масло, маргарин, сало. Тем не менее, когда началась война, немецкое сельское хозяйство на 60% покрывало потребности немецкого рынка, что было значительным достижением⁷⁸.

Что касается нацистской аграрной романтики, то она вскоре сошла на нет; аграрный романтизм вошел в конфликт с расширяющимися потребностями в сырье и продовольствии: страна целеустремленно готовилась к войне, и благоговейное отношение к крестьянам сменилось их нещадной эксплуатацией; труд крестьян стали использовать в военной промышленности, где особенно острым был дефицит рабочих рук. В итоге крестьянам не суждено было стать самым престижным общественным классом Третьего Рейха, как им обещали нацисты.

Весьма болезненной проблемой было обеспечение промышленности сырьем, ибо валюты хронически не хватало. Недостатку валюты правительство противостояло следующим образом: 9 сентября 1936 г. Гитлер объявил о четырехлетнем плане, в центре которого стояло производство железа, стали, синтетического топлива, буны и эрзац-шерсти. Управление инвестициями опиралось на значительные вливания из государственного бюджета. Ради наиболее эффективного использования дефицитного сырья эксплуатацию железорудных месторождений в районе Зальцгиттер взяло на себя государственное предприятие «Заводы Германа Геринга». С помощью государственного вмешательства удалось изменить структуру инвестиций в немецкую экономику в пользу военной промышленности: если в 1928 г. 65,7% инвестиций приходилось на производство предметов потребления, а 34,3% — на производство средств производства, то в 1939 г. картина инвестиций стала диаметрально противоположной: соответственно, 18,9% и 81,9%. Одностороннее развитие военной промышленности способствовало усилению конъюнктуры в тяжелой промышленности: в машиностроении, в

химической промышленности, в электроэнергетике, в автомобилестроении и самолетостроении; зато в тени находилось производство средств потребления. Эта диспропорция отразилась даже на положении рабочих — трудящиеся, занятые в военной промышленности, получали больше и жили лучше, чем те, кто был занят в производстве средств потребления. Кроме того, работа на предприятиях военной промышленности давала больше шансов для социального подъема; конъюнктурная борьба была искажена до неузнаваемости политическими факторами. От нацистской экономической политики выигрывали прежде всего крупные предприятия, наиболее рентабельные в массовом производстве современных вооружений, доходы от которых в 1933—1939 гг. росли ежегодно на 36,5%.

Казалось, что нацисты придавали большое значение планированию, хотя практические шаги в этом направлении носили двойственный характер. В 1934 г. одна из групп Сопротивления отмечала, что экономические разделы немецких газет напоминают советскую прессу: они пестрят такими терминами, как «плановое хозяйство», «плановое регулирование», «принудительное регулирование»⁷⁹. Каковы же были реальные, а не пропагандистские, итоги нацистской четырехлетки? Гитлер намеревался сэкономить валюту и подготовить страну к войне. Первая цель достигнута не была; вторую цель можно было бы считать достигнутой только в случае благоприятного сценария войны, который был таковым лишь в первой стадии. Более того, составляя директивы четырехлетки, Гитлер исходил из необходимости позиционной войны, но такой войны не получилось. Когда война началась, то те ресурсы, которые немцы судорожно экономили (железная руда), они получили в больших количествах (хотя Германия осталась наполовину зависимой от ввоза), а те, по которым, казалось, была достигнута автаркия (жидкое горючее), оказались в дефиците⁸⁰. Несмотря на все ограничения и усилия, автаркия была достигнута лишь частично: накануне войны ввозилось 70% железной руды, 80% меди, 65% нефти, 50% текстиля. Даже в ок-

тябре 1939 г., когда Польша была оккупирована, а СССР осуществлял активные поставки в Германию, всего 44% немецкого снабжения продовольствием и 33% промышленного сырья были гарантированы от блокады⁸¹. Поэтому гитлеровскую программу автаркии следует оценить как выполненную частично или даже проваленную. Немецкая зависимость от экспорта значительно снизилась, но вовсе устранить ее не удалось. Четырехлетний план создал нехватку валюты, диспропорцию в распределении рабочей силы, увеличение государственной задолженности. Он сузил свободу действий экономики, исказил экономические структуры; государство все чаще должно было решать, кому достанутся сырьевые ресурсы; непрерывно рос бюрократический аппарат, распространялись плановые начала и директивное руководство; решение проблем зачастую подменялось паллиативами.

Необходимо было уменьшить дефицит, и 26 октября 1936 г. вышел закон о фиксации всех цен на уровне 17 октября 1936 г. Однако фиксация цен не устранила нехватки товаров и не утолила платежеспособного спроса; как обычно бывает в таких случаях, даже имея деньги, ничего нельзя было купить. Доказательством необходимости рыночного регулирования экономики было и то, что многочисленные ведомства, ответственные за перераспределение товаров, вновь и вновь попадали в тупики, которые, в свою очередь, влекли за собой необходимость все новых интервенций государства в экономику, что опять создавало дополнительные проблемы, и так без конца. Нарастание государственных интервенций в экономику поставило вопрос об отказе от рыночного регулирования и о переходе к планированию, что практически и произошло во время войны.

Как бы там ни было, но с точки зрения развития экономики период с 1935 г. по 1938 г. был временем консолидации и стабилизации нацистского режима. В принципе, это были единственные годы, когда нацистский режим развивался в соответствии с собственными внутренними интенциями — до этого нацистские руководители много времени уделяли политическому лавированию,

а впоследствии огромную роль стали играть военно-политические факторы. В сознании большинства немцев этот период остался «прекрасным довоенным временем». Даже после начала войны в социально-экономической сфере долго царила кажущаяся стабильность; тяготы войны начали сказываться только с 1942—1943 гг. Материальное положение немцев после 1935 г. резко улучшилось. Однако даже эти благополучные годы слишком были непродолжительными для просуществовавшего 12 лет «тысячелетнего Рейха».

Основные черты немецкой военной экономики

В отличие от войн прошлых эпох, успех в которых зависел от полководческого умения, стратегии, мужества, организованности и самоотверженности солдат, — Первая и Вторая мировые войны были преимущественно войнами заводов и фабрик, войнами ресурсов, противостоянием уровней материальной обеспеченности и снабжения, соревнованием мощи и эффективности экономических систем. Еще в 1937 г. швейцарский военный теоретик Ойген Бирхер написал весьма примечательные и совершенно справедливые строки: «Стратегический гений не вреден, но и не существен. Следует предпочитать гениев экономических»⁸². Даже если бы в Германии последние и объявились, развернуться им все равно не удалось бы, ибо с начала войны Рейх перешел к центральному планированию и управлению экономикой, а в условиях планового хозяйства внутренние потенции и ресурсы мощной немецкой промышленности по-настоящему проявиться не могли. Тенденция все планировать проявилась даже в том, что с 27 сентября 1939 г. население было переведено на карточную систему снабжения продуктами питания, одеждой, топливом; с чисто немецкой последовательностью рационировано было даже питание для собак и кошек. Ради военной промышленности экономии на всем, и постепенно население привыкло питаться скудно и некачественно (хотя и сытно). В 1939 г. Гер-

мания находилась на полпути к милитаризированной экономике⁸³. В отличие от кайзеровской Германии 1914 г., к 1939 г. в Третьем Рейхе уровень богатства и процветания был значительно ниже, поскольку к 1914 г. Германия насчитывала 40 лет мирного развития и запас прочности у нее был гораздо большим. К тому же, в 1914 г. германская промышленность во многих отношениях была лучшей и самой современной в мире; в 1939 г. у Германии за плечами был тяжелейший кризис 1929 г., а производительность труда в промышленности отставала от американской, английской и французской.

Создание плановых органов началось еще до войны: 18 августа 1939 г. были созданы так называемые имперские инстанции (*Reichsstellen*); им было поручено регулирование и планирование определенных секторов производства в натуральных величинах, а также подчинено ремесленное производство. Таким способом нацистский режим хотел задействовать в планировании опыт и организаторские способности предпринимателей. Частная собственность на средства производства не была ликвидирована; предприниматели, в военное время покорно следуя всем указаниям политического руководства, надеялись после войны вновь стать полными хозяевами на производстве. Возможный «единый» фронт немецкой промышленности против дирижистских устремлений правительства к 1939 г. был разрушен вследствие непрерывной борьбы отдельных компаний, фирм за валюту, сырье, рабочие руки, поэтому промышленность не смогла представлять свой собственный интерес и не имела политически определенных потенций, хотя политика и экономика были тесно переплетены между собой. Подтверждением последней мысли может служить назначение (в 1938 г., в рамках четырехлетнего плана) Карла Крауха генеральным уполномоченным по химической промышленности. Краух был не только крупным специалистом по буне и искусственному бензину, но и председателем правления «ИГ Фарбен» — крупнейшей в мире химической компании, которая благодаря своему человеку в верхах стала монополистом в своей сфере, и гитлеровский

четырёхлетний план практически стал планом развития предприятий этого колоссального химического концерна⁸⁴.

Противники сращивания экономики и государства находились не только среди промышленников — даже министр экономики Вальтер Функ был против государственных экономических регламентаций и вмешательства в дела предпринимателей. Мысля категориями мирного времени и предпочитая рыночные ценности плановому хозяйству, он (не будучи посвящен в планы Гитлера) противился также и политике форсированных вооружений. Но и Функ, после того как началась война, вынужден был оставить свой девиз *«business as usual»* (бизнес как обычно) и стал сторонником максимального напряжения всех ресурсов.

В принципе, Гитлер скептически относился к большим традиционным бюрократическим аппаратам, к тому же он не хотел расширения полномочий Геринга, в компетентность которого Гитлер (не без оснований) верил со временем все меньше; руководство вермахта у Гитлера тоже особенного доверия не вызывало. Гитлеру нужен был специалист, не связанный с военными, и такого человека Гитлер нашел в лице инженера Фрица Тодта⁸⁵. Последний был старым и верным партийцем, руководил отделом техники НСДАП, дорожным строительством и строительством «Западного вала». Тодт умел управлять небюрократическими методами; умел работать с мелкими фирмами, увязывая в единое целое усилия многих тысяч людей. Капитаны индустрии высоко ценили его как технократа. Таким образом, выбор Гитлера, гордившегося своей способностью разбираться в людях, на этот раз был удачным. 17 марта 1940 г. последовало назначение Тодта имперским министром вооружений и снаряжения. Тодт всегда был озабочен дуализмом в этой сфере; этот дуализм был создан законом 21 мая 1935 г., в соответствии с которым компетентность гражданских инстанций признавалась и в вопросах вооружений и вермахта. Проблема состояла в том, что после Первой мировой войны в армии было много сторонников плановых принципов, а в министерстве

экономики преобладали сторонники рынка. Кроме того, военные ориентировались на крупные предприятия, а министерство экономики — на предприятия средних размеров. Организационные проблемы проистекали и из того, что между сухопутными войсками, люфтваффе и ВМФ существовало соперничество. Ситуация усугублялась тем, что Геринг был одновременно шефом люфтваффе (14 марта 1935 г. Гитлер сделал люфтваффе самостоятельным родом войск) и Генеральным уполномоченным по четырехлетнему плану, обладавшим большой самостоятельностью в распоряжении финансовыми средствами. Однако, несмотря на колоссальные полномочия, Геринг не смог создать ясных и эффективных отношений в сфере экономики, что и было главной причиной утраты им симпатий и доверия фюрера.

Сначала Тодт сосредоточился на производстве оружия для сухопутной армии и не касался производства оружия для люфтваффе и рейхсмарине. Он, прежде всего, был озабочен тем, чтобы органы самоуправления промышленности были вовлечены в организацию военной экономики. В смешанных комитетах работали промышленники и военные, совместно решая проблемы вооружений. Тодт ввел новую систему цен, стимулировавшую военное производство»; это доказывало, что новый министр стремится отойти от плановой экономики, требуемой военными. Также против воли военных Тодт создал комитет промышленников, который самостоятельно занимался распределением заказов. Тодт начал с боеприпасов — была создана рабочая группа боеприпасов, которая состояла из комитетов по округам. С помощью этой пирамиды удалось создать эффективно работающую систему: пика военного производства планировалось достичь к осени 1941 г. Тодт с небольшим аппаратом в 50 сотрудников смог оттеснить большой аппарат военного министерства в 5 тыс. офицеров. До начала войны во Франции ему удалось значительно поднять военное производство, но быстрая и неожиданная победа приостановила первоначальный рост: система стала погружаться в летаргию, возобновилась старая волокита и борьба компетенций.

Новый подъем последовал только тогда, когда военный кризис обусловил необходимость нового напряжения сил, но тогда к тому времени уже не было в живых (он погиб в авиакатастрофе 8 февраля 1942 г.), и его заменил не менее энергичный и талантливый организатор, выбранный так же, как Тодт, Гитлером, — Альберт Шпеер. Немецкое военное производство достигло своего пика не в 1940—1941 гг., как утверждала английская военная разведка, а в 1944 г., то есть главным фактором победы вермахта в 1940 г. был не материальный фактор⁸⁶.

Война, в отличие от конкуренции мирного времени, в большей степени требовала постоянного роста эффективного производства ради изготовления все более мощного и действенного оружия. Главному требованию к военной экономике — постоянству и стабильности — нацистская экономика во время войны не отвечала, потому что у Гитлера не было какой-либо связной концепции тотальной мобилизации хозяйства страны. Несмотря на видимость порядка и дисциплины, в многочисленных ведомствах, ответственных за экономику (из них главными были ведомство Генерального уполномоченного по четырехлетнему плану, министерство труда и верховное главнокомандование вермахта), царили путаница и анархия. К тому же, в первой фазе войны Гитлер намеренно отказался от расширения промышленности, ограничиваясь использованием наличных мощностей, что (в отличие от Первой мировой войны) позволило нацистскому руководству не затронуть уровень жизни населения, которое начало испытывать тяготы только к концу войны.

Накануне осуществления плана «Барбаросса» эксперты в области военной экономики, основываясь на опыте французской кампании, докладывали, что к моменту начала военных действий против СССР в наличии будет двенадцатимесячный запас боеприпасов, а оружия и боеприпасов на Востоке хватит лишь на 3 месяца. Что касается топлива, то во Франции вермахт захватил 2 миллиона тонн нефти — при среднесрочном планировании казалось, что этого хватит для большой войны. В резуль-

тате победоносной войны на Западе Германия обеспечила себе автаркию (хотя и временную) по железной руде, бокситам и важным продовольственным продуктам — маслу, сыру, яйцам, мясу, картофелю, частично — по каменному углю, зерну, кормам. Дефицит оставался: по цинку (16%), кукурузе (17%), табаку (36%), кожсырью (50%), свинцу (54%), марганцу (64%), растительному маслу (64%), льну, пеньке, джуту (65%), нефти (70%), шерсти (72%), меди (81%), никелю (87%), фосфатам (96%). Советские сырьевые поставки мало что меняли в этом списке: СССР поставлял древесину, немного нефти и почти никаких важных в военном отношении сырьевых товаров и продуктов питания. Вообще, советско-германский торговый договор носил скорее характер немецкого аванса за подписание пакта о ненападении. В самом деле, советским сырьевым поставкам в 90 миллионов рейхсмарок немцы противопоставили товарных кредитов на сумму 200 миллионов рейхсмарок — эти кредиты отягчали и без того напряженную немецкую промышленность. Правда, 11 февраля 1940 г. последовало советско-германское соглашение, расширявшее советские поставки до 655 миллионов рейхсмарок, но и они не достигли размеров советско-германской торговли в 1930—1931 гг. в 1 миллиард рейхсмарок⁸⁷.

Поскольку Гитлер планировал «молниеносную войну», он решил уже 20 декабря 1940 г. (всего через несколько дней после разработки плана «Барбаросса») переключить производственные мощности на изготовление оружия и кораблей для продолжения борьбы с Англией силами люфтваффе и военно-морского флота. Иными словами, за полгода до нападения на СССР произошло переключение производственных мощностей не в пользу сухопутных сил, которые на Востоке должны были сыграть решающую роль⁸⁸. Производство вооружений достигло пика в июле 1941 г. и до декабря 1941 г. сократилось на 29%⁸⁹. Война на Востоке затянулась, провалив легковесную гитлеровскую военно-экономическую концепцию, и в германской экономике начались импровизации, которые стремились выдать за планирование. Вследствие

этого военное производство Германии в 1941—1942 гг. пришло в застой: качественное и количественное превосходство в области вооружений, достигнутое ранее Германией, было утрачено (несмотря на то, что немцы захватили ресурсы всей Европы и, безусловно, превосходили СССР по производственным мощностям). В 1941 г. СССР производил 6,5 тыс. танков против 5,2 тыс. у немцев и 11,9 тыс. самолетов против 9,5 тыс. немецких, а в 1942 г. это соотношение для немцев ухудшилось: 25,4 тыс. к 12,9 тыс. в самолетах и 24,4 тыс. к 9,3 тыс. в танках⁹⁰. Уже в ноябре 1941 г. Тодт считал положение безвыходным и призывал Гитлера к переговорам с СССР, на что Гитлер довольно сдержанно советовал Тодту (высоко ценя его как специалиста) не вмешиваться в политические вопросы⁹¹. Об утрате Гитлером чувства реальности свидетельствует объявление войны США (хотя в докладе главы экономического ведомства вермахта генерала Томаса говорилось, что к маю 1942 г. по самолетам, танкам и орудиям только экспортные объемы американцев будут равны всему немецкому производству; прогноз соотношения американского и немецкого военного производства в 1943 г. был 5 к 1⁹² (а ведь США были не единственным противником Германии!). Интересно, что к началу войны американские вооруженные силы насчитывали 188 тысяч солдат — нечто среднее между вооруженными силами Болгарии и Португалии. Восемь тысяч американских солдат были вооружены новыми винтовками Гаранд, остальные — старой моделью винтовки Спрингфилд времен Первой мировой войны... При тогдашнем промышленном потенциале Америке понадобилось минимум времени для создания современной армии, вооруженной до зубов: это чудом было сотворено интегральной, гибкой и эффективной рыночной системой, основанной на систематическом использовании частной инициативы.

С другой стороны, Гитлер вынужден был объявить войну США, поскольку еще задолго до 11 декабря 1941 г. американский промышленный потенциал был поставлен на службу Англии. По отношению к Германии Рузвельт проводил своеобразную политику «*short-of-war*» (близкую к

войне), которую сам он (в разговоре с Черчиллем) обозначил следующим образом: «Может быть, я никогда не смогу объявить войну, но вести я ее буду»⁹³.

Часто поражая собеседников фантастическим знанием статистики, Гитлер был невосприимчив к аргументам, хотя в любом справочнике он мог почерпнуть сведения об американских сырьевых ресурсах, которые по своим масштабам не шли ни в какое сравнение с ничтожными ресурсами немцев. Правда, отзываясь об Америке как о «расовой каше», Гитлер ценил ее промышленные и технические достижения⁹⁴. В 1942 г. Гитлер сокрушался, что в Германии для постройки одного самолета требуется в 6 раз больше труда, чем в США. При этом Гитлер считал, что 2/3 американских инженеров — это немцы, гений которых Германия растеряла вследствие своей многовековой политики раздробленности⁹⁵.

Вот показатели на 1943 г.: самолетов в СССР было произведено 34 900, в Германии — 25 200, в США — 30 912, в Англии — 26 300. Танков: в СССР — 24 100, в Германии — 10 700, в США — 16 508, в Англии — 7500⁹⁶. Соотношение возможностей сторон станет более наглядным при сопоставлении военных расходов: если в 1940 г. Германия на вооружения израсходовала \$6 млрд, Великобритания — \$3,5 млрд, СССР — \$5 млрд, США — \$1,5 млрд, то в 1941 г.: Германия — \$6 млрд, Великобритания — \$6,5 млрд, СССР — \$8,5 млрд, США — \$4,5 млрд. Соотношение военных расходов воюющих стран в 1940 г. было 6:10, а в декабре 1941 г. 6:19,5 в пользу противников Германии⁹⁷. Союзники по Антигитлеровской коалиции обладали превосходством в Атлантике и в Тихом океане: в их распоряжении были все необходимые ресурсы для ведения войны, в том числе продовольственные, а также неограниченные трудовые ресурсы. В 1941—1944 гг. США удесятерили количество торговых судов⁹⁸, что позволило поставить колоссальные американские производственные мощности на службу войне против Гитлера в Европе. Астрономическая разница в масштабах возможностей и военных расходов указывала на значительную недооценку Гитлером фактора ресурсов. Кажется, что даже при максимально

благоприятных условиях страны оси не выиграли бы войну.... То есть, даже если бы гитлеровцы в 1942 г. взяли Сталинград, затем Москву и вышли бы на планируемую линию, по состоянию ресурсов и людскому потенциалу они все равно были обречены. С другой стороны, нельзя забывать, что в войнах современности не всегда побеждали самые богатые и обеспеченные ресурсами и оружием страны: вспомним поражение США во Вьетнаме или СССР в Афганистане (правда, в данном случае речь шла о локальных войнах, а не о войне глобальных масштабов и глобальной мобилизации).

В борьбе компетенций в сфере экономики вермахт беспрерывно проигрывал; для ведения военных действий это имело катастрофические последствия. Только Альберт Шпеер, опираясь на личную поддержку Гитлера, смог в корне изменить положение. Непрерывно растущие показатели роста производства вооружений, за которыми напряженно следил Гитлер, делали позиции Шпеера несокрушимыми; Шпееру, несмотря на сопротивление представителей промышленности, к 1942 г. удалось создать полностью милитаризованную экономику. Распределение сырья он взял под свой контроль; даже пост Шпеера назывался не «министр вооружений и боеприпасов» как прежде, а «министр вооружений и военного производства», что формально расширяло его полномочия". В ходе милитаризации полномочия промышленного капитала в Германии были сведены к определенному минимуму автономии. При прямой поддержке Гитлера Шпеер лишил экономической власти военные инстанции, ведавшие вооружениями, распустил управление военной экономики ОКБ; он покушался даже на компетенции Генерального уполномоченного по четырехлетнему плану Германа Геринга и других нацистских олигархов. Шпеер смог довести до логического конца принятую еще при Тодте систему децентрализованного принятия решений, так называемую систему «самоуправления промышленности», и результат не заставил себя долго ждать: в 1942—1943 гг. производство вооружений по сравнению с

1940 г. выросло в 9 раз.¹⁰⁰ На самом деле, многие меры по переходу к тотальной военной экономике были осуществлены при Тодте, и историки несправедливо приписывают их одному Шпееру¹⁰¹.

Упомянутая система «самоуправления промышленности» сводилась к следующему: в производственном процессе было усилено планирование — 14 апреля 1943 г. упомянутые выше «имперские инстанции» были подчинены «плановому ведомству» (*Planungsamt*), которое получило задание осуществлять производственное и распределительное планирование в масштабах всей военной экономики. Планирование было уместно дополнено полным доверием промышленности, которая практически самоуправлялась, именно в рамках этой системы Шпеер смог преодолеть путаницу компетенций «системой промышленного самоуправления». По его инициативе в апреле 1942 г. возникли главные комитеты и (первоначально) 4 главных картеля (*Hauptringe*), разделенные на специальные подкомитеты, которыми руководили опытные предприниматели. Эти «главные картели», как писал в мемуарах Шпеер, являлись вертикальными звеньями системы и их опорой¹⁰². Количество главных картелей сначала выросло до 21, а затем (до конца 1944 г.) существенно снизилось¹⁰³. Отдельные комитеты были ответственны за производство конечной продукции, а картели представляли собой объединения поставщиков. Сотрудничество комитетов и картелей осуществлялось следующим образом: комитет «танки» через картель «металлообработка» запрашивал у специального картеля «зубчатое колесо» определенное количество изделий. А этот последний картель поручал упомянутое задание заводам. Такая система позволяла эффективно наладить производство, не прибегая к грубому и прямолинейному администрированию. Таким образом, успешная работа ведомства Шпеера более всего содействовала продлению войны и обеспечила трехлетнее противостояние немцев превосходящим силам антигитлеровской коалиции. В экономике Шпеер широко применял методы управления, свойственные демократическим государствам. Методы эти базировались на полном

доверии к крупным промышленникам, которые старались это доверие оправдать. В мемуарах Шпеер отмечал парадоксальность ситуации, когда с 1942 г. в экономической жизни стран антигитлеровской коалиции наметилась совершенно противоположная тенденция: американцы стали использовать авторитарные методы управления экономикой (немцы, напротив, пытались как можно меньше, регламентировать хозяйственную деятельность). В шпееровских комитетах и картелях свободно обсуждались различные хозяйственные вопросы, разрабатывались методы устранения проблем. Все это помогало компенсировать пороки авторитарной системы, в которой не находилось места критике¹⁰⁴. Впрочем, не следует забывать, что своим успехам Шпеер был обязан многим тысячам первоклассных немецких технических специалистов, которые после 1945 г. стали творцами «немецкого экономического чуда».

Система, способствовавшая достижению пика военного производства в июле 1944 г., все же не была свободна от недостатков. Из-за разнообразия номенклатуры производимых изделий многие предприятия подчинялись одновременно нескольким комитетам и картелям, что порой создавало непреодолимые организационные и производственные трудности и бюрократические препоны, которые, по мнению Шпеера, и были причиной того, что даже в 1944 г. на военных предприятиях Германии так и не достигли уровня производства 1918 г.¹⁰⁵

Тем не менее, военное производство выросло с января 1942 г. до июля 1944 более чем в три раза, но это, конечно, не решило проблему — только в США военное производство в 1944 г. вдвое превышало общее военное производство Германии, Италии и Японии вместе взятых. США в 1943 г. построили 146 тыс. самолетов, а немцы — 25 тыс.¹⁰⁶. Интересно, что немцы безнадежно отстали не только по абсолютным показателям, но и по производительности труда, которая у американцев была в 2,7 раза выше немецкой; даже в Англии (прежде отстававшей от Германии по этому показателю) она была выше на 25%. Когда в конце войны британские эксперты посещали не-

мецкие заводы, то они нашли, что качественно немецкое производство мало отличалось от английского, но зато значительно отставало от американского¹⁰⁷. Это было следствием технического отставания немецкой промышленности, низкой материальной заинтересованности немецких рабочих и крупномасштабных привлечений пленных, труд которых был абсолютно непроизводителен: не окупались даже затраты на его организацию; к XX веку рабский труд стал анахронизмом. Но и рабскую систему можно было организовать лучше: в СССР из определенного количества ресурсов и сырья строили 3 танка, в Германии из того же количества материалов — 1 танк¹⁰⁸. Для этого нужно было ужесточить социальную организацию общества, чего Гитлер принципиально делать не хотел. Например, он наотрез отказался заменить непроизводительно работающих пленных за счет более широкого использования на военном производстве женского труда.

Действенность и эффективность центрального планирования снижалась тем, что такой важный фактор производства, как «рабочая сила», находился вне полномочий планировочных органов. В 1942 г. Гитлер назначил гауляйтера Тюрингии Фрица Заукеля генеральным уполномоченным по труду и наделил его полномочиями, находившимися вне досягаемости министерства вооружений. Вне центрального планирования оказался и огромный промышленный концерн «Немецкие хозяйственные предприятия» (*Deutsche Wirtschaftsbetriebe*), принадлежавший СС. В рамках СС вообще существовало отдельное хозяйственное управление, которое возглавлял бывший военно-морской офицер, инициативный функционер бригаденфюрер Освальд Поль. Благодаря своей энергии он стал главным финансистом и распорядителем средств СС, а также возглавил государственную строительную службу в рамках МВД. Поль занимался снабжением войск фронтовых Ваффен СС (созданы для боевого использования на фронте; по распоряжению Гитлера, не должны были превышать 10% численности Вермахта; считались элитой ВС); ему принадлежал контроль над 20 концлагерями и 165 рабочими лагерями. В дешевой лагерной

рабочей силе Поль видел большой промышленный потенциал хозяйственной деятельности СС. Именно он был инициатором создания упомянутого концерна СС «Немецкие хозяйственные предприятия». Хозяйственная активность СС была разнообразна, и в будущем Третьего Рейха ей, несомненно, отводилось важное место. Достаточно сказать, что в 1944 г. Поль контролировал 75 производства минеральной воды; благодаря организации производства в концлагерях СС завоевали ведущие позиции на рынке мебели¹⁰⁹.

Позиции СС в экономической сфере усилились и вследствие того, что после перераспределения полномочий в пользу Шпеера в ведении министра экономики В. Функа осталась только внешняя торговля, обеспечение населения продовольственными и промышленными товарами, а также общие вопросы экономической политики. После этого за «разоренное» (в смысле компетенций) министерство экономики взялся Гиммлер, ставленники которого Франц Хайлер (*F. Hayler*) и Отто Олендорф заняли посты статс-секретаря и унтер статс-секретаря и сделали министерство Функа подконтрольным СС. Любопытно отметить, что между Функом и его подчиненными эсэсовцами установилось определенное сходство позиций в общих экономических вопросах, потому что эсэсовцы, как и Функ, стояли за четкое и жесткое разделение государства и экономики и ориентировались на рыночную экономику¹¹⁰. Это и понятно, поскольку рыночные соревновательные принципы более подходили нацистской социал-дарвинистской доктрине. Таким образом, министерство экономики оказалось лучше приспособлено к условиям послевоенного времени; любопытно отметить, что творец «немецкого экономического чуда» Людвиг Эрхард начинал карьеру в экономических учреждениях СС.

Примечательно, что в конце 1944 г. ведомство Шпеера издало наконец всеобъемлющий общий план развития немецкой экономики на предстоящие полгода; план должен был вступить в силу с 1 марта 1945 г., но из-за по-

ражения в войне практического значения он не имел. Этот план не был следствием налетов вражеской авиации на Германию: экономический ущерб от налетов союзной авиации был незначительным; в мемуарах Шпеер писал, что вследствие воздушных налетов немцы лишились 9% производственных площадей, но, удвоив усилия, с лихвой возместили эти потери в 1944 г. Шпеер писал: «Наиболее ощутимый ущерб был нанесен оборонительными мерами от авианалетов: стволы десяти тысяч тяжелых орудий на территории Рейха были нацелены в небо, хотя их можно было перебросить в Россию и использовать там для стрельбы по танкам и другим наземным целям. Если бы не активные действия авиации противника - своего рода второй фронт — наша противотанковая артиллерия получала бы гораздо больше боеприпасов. Кроме того, на отражение авиационных атак было брошено сотни тысяч молодых солдат, служивших в зенитных частях. Треть предприятий оптической промышленности изготовляла прицелы для зенитной артиллерии, половина всех электротехнических предприятий производила для нее радиолокационное оборудование. Поэтому, несмотря на высокий уровень развития этих отраслей германской промышленности, армии западных союзников были гораздо лучше оснащены современными приборами, чем немецкие фронтовые части и люфтваффе»¹¹¹. Шпеер писал также, что до 12 мая 1944 г. промышленности в целом удавалось удовлетворять потребности вермахта в вооружениях; однако 12 мая 1944 г. 935 бомбардировщиков 8-го американского воздушного флота совершили налет на заводы по производству искусственного горючего в центральной и восточной части Германии¹¹². Возместить эту потерю было уже невозможно. Иными словами, только с 1945 г. адские бомбежки союзников начали влиять на ход войны. В январе 194 г. официальная немецкая статистика показала, что если бы не бомбежки, то в Германии было бы произведено на 35% больше танков, на 31% больше самолетов, на 42% грузовиков — в 1944 г. это составляло 55 тысяч самолетов и 30 тысяч танков¹¹³. Из этих данных видно, что бомбежки сыграли

важную роль в падении масштабов производства именно с начала 1945 г.

Наиболее значительные промышленные объекты нацисты тщательно охраняли, поэтому налеты американской авиации, сделавшей ставку на точное бомбометание (в отличие от английской), были связаны со значительными потерями; так, во время первого налета на шарикоподшипниковый завод в Швейнфурте (17 августа 1943 г.) американцы потеряли 16% самолетов, а во второй (14 октября 1943 г.) — 20%. У англичан же средние потери составляли 4%. Полное господство в воздухе было достигнуто союзной авиацией только в конце 1943 г. (за счет сочетания использования дальних бомбардировщиков и дальних истребителей прикрытия). С этого момента стратегические бомбежки вступили в решающую стадию. Разрушения авиазаводов, нефтеочистительных заводов и предприятий по каталитическому гидрированию привели к параличу топливной базы; немецкие войска уже не могли в прежних масштабах вести подвижную войну. Производство авиабензина упало со 181 тыс. тонн в марте 1944 г. до 35 тыс. тонн в июне и 10 тыс. тонн в сентябре, а в феврале 1945 г. совсем прекратилось. Примерно такое же положение сложилось в производстве дизельного топлива и бензина¹. Воздушные налеты на пути сообщения в наибольшей степени способствовали тому, что с начала 1945 г. немецкая экономика начала погружаться в хаос.

Большое значение для развития экономики Третьего Рейха имело включение и интеграция экономического потенциала оккупированных территорий. Игнорируя знаменитый прусский принцип единого административного руководства, в разных странах нацисты по-разному строили экономическую политику. После включения Чехии в состав Рейха отношения собственности и структура промышленности там не изменились; в Польше, напротив, началась скрупулезная германизация и взятие в качестве военных трофеев объектов промышленности. 22 июня 1940 г. Геринг поручил министру экономики

В. Функу подготовить проект создания «европейской промышленности» под немецкой гегемонией. Эта задача пришлась по душе Функу, который с отвращением относился к политике регламентаций и регулирования экономики и теперь мог полностью отдаться идее создания нового экономического порядка в Европе под немецкой гегемонией. К этой работе Функ привлек видных либеральных экономистов: В. Ойкена, Ф. Бема, Л. Микша, Э. Прайзера¹¹⁵. Реалии войны, однако, сделали эти начинания утопическими. Позже в выступлениях Функ часто обращался к теме европейской экономической общности, которая якобы обязательно возникнет в будущем.

Сразу после нападения на Польшу Геринг (внутри своей администрации четырехлетнего плана) создал Главное попечительское ведомство «Восток» (*Haupttreuhandstelle Ost*), которое имело двойную функцию: с одной стороны, взять под свой контроль конфискованные, брошенные или отобранные производственные мощности, а с другой — руководить и оказывать всяческую поддержку комиссарам вермахта, взявшимся за первоочередные меры по управлению предприятиями, оказавшимися во владении оккупантов. Руководитель ведомства отставной бургомистр Винклер не имел никакого веса в нацистской иерархии, а сам Геринг не особенно интересовался работой этой конторы: у него были свои заботы. Поэтому «попечители» почти никак не влияли на переселенческую политику и утонули в противоречиях и борьбе компетенций с партийными инстанциями, вермахтом и СС¹¹⁶. Вермахт в России вел себя по формуле Альбрехта Валленштейна в Тридцатилетнюю войну — чтобы не утруждать метрополию, он «самообеспечивался» продуктами питания. При этом и экономическим экспертам вермахта и военачальникам было ясно, что обеспечение 3,5 миллионов немецких солдат означает голодную смерть многих миллионов советских людей в оккупированных районах СССР. В 1918 г. кайзеровская армия тоже стояла в России, но с тех пор положение радикально изменилось: население так выросло, что ожидать избытка зерна не приходилось; продукты питания можно было изымать,

только обрекая на голод местное население. Поэтому генерал Томас (руководитель экономического отдела ОКВ) еще 20 февраля 1941 г. предложил сохранить колхозы и совхозы, ибо доходность больших хозяйств была большей, и их легче было контролировать. Одновременно он предложил на 10% сократить потребление зерна местным населением, что ежегодно должно было давать 4 миллиона тонн¹¹⁷. Если учесть еще и сталинскую тактику выжженной земли, то положение советских людей, попавших в оккупацию, по всем меркам оказывалось катастрофическим. 3 июля 1941 г. Сталин призвал к партизанской войне против оккупантов, и это еще сильнее осложнило положение попавших в оккупацию людей. Более всего, однако, сталинский приказ отразился на положении пленных красноармейцев, и без того попадавших в плен крайне истощенными; а когда коменданты лагерей для военнопленных перестали получать трофейное продовольствие, среди пленных начался голод... Это сталинское решение было подобно приказу Чан Кайши взорвать плотины на Хуанхэ (1938 г.), чтобы остановить японское наступление; при этом погибло огромное количество мирных жителей. Такое сравнение уместно еще и потому, что на снабжении продуктами Питания вермахта сталинские меры никак не отразились — всю войну снабжение оставалось отменным и соответствовавшим санитарно-гигиеническим нормам.

В войну государственная промышленность оккупированных районов СССР была объявлена собственностью Рейха, а после войны ее планировалось продать солдатам, воевавшим на Восточном фронте и поселенцам-колонистам. Таким образом Гитлер надеялся санировать подорванные финансы Рейха и амортизировать военные расходы. Геринг допускал только два исключения — нефтяные месторождения и горнорудная добыча должны были остаться под контролем Рейха; планировалось создать государственную нефтяную компанию с участием частного капитала и такую же структуру в металлургической и горнорудной промышленности. Против этих планов выступала рейнско-вестфальская промышленная

группа, которая саботировала начинания главного промышленного менеджера Геринга - Пауля Плайгера. Это соперничество мешало полноценному восстановлению горной и металлургической промышленности в оккупированных районах СССР, хотя Гитлер и Геринг постоянно твердили, что после войны будет осуществлена всеобъемлющая приватизация. Осторожные промышленники не особенно в это верили, справедливо полагая, что промышленная империя Геринга и его концерн будут расширены за счет промышленных ресурсов Востока. Исключение составила промышленность Прибалтики, где восстанавливались старые отношения собственности и была декларирована скорейшая «германизация» производства. Концерн Геринга, основанный в 1937 г., к тому времени включал в себя промышленные предприятия Австрии, Чехии, Польши, Эльзаса и Лотарингии. Почти 1 млн человек работал на этом концерне, основной капитал которого в 6 раз превышал капитал крупнейшего немецкого частного предприятия «ИГ-Фарбен». Иными словами, у частного немецкого капитала в годы нацизма вырос мощный конкурент в лице государственной экономики.

Важным фактором восстановления промышленного потенциала СССР нацисты считали подъем культуры труда. Именно для этого в начале 1942 г. Розенберг вел переговоры с лидером голландских нацистов Мусертом, который предложил выделить для голландской колонизации земли на Востоке (взамен утраченных голландцами заморских территорий). Это, разумеется, не соответствовало немецким интересам, и Розенберг предпочитал говорить о привлечении на Восток голландской рабочей силы¹¹⁸. Для поселения на белорусских землях в Голландии было завербовано 416 крестьян и 129 садоводов, рыбаков и ремесленников. Об их устройстве заботилась «Голландская Ост-компания», создавшая образцовое поместье недалеко от Вильнюса. На Украине, несмотря на противодействие рейхскомиссара Эриха Коха, с октября 1942 г. до августа 1943 г. поселилось 365 голландских крестьян. Образцовые садоводческие хозяйства должны

были служить примером для местных фольксдойч. Голландские специалисты-хлопкоробы были заняты в Крыму. На Украине по последнему слову техники сооружалась сахарная фабрика, но ее достроить не успели¹¹⁹.

Профессиональный дипломат, сторонник смены курса на Востоке Отто Бройтигам писал: «На Востоке Германия ведет войну по трем направлениям — одна война нацелена на уничтожение большевизма, вторая — на разрушение советской империи, третья — на колонизацию новых земель и их экономическое освоение»¹²⁰. Он отмечал при этом, что отвоеванные у Советов земли будут колонизировать не только немцы, но и голландцы, норвежцы и так далее.

Бывший австро-венгерский эксперт по торговле Рихард Ридл составил для имперской канцелярии обширный доклад по «русскому вопросу»; в России он призывал вернуться к тактике периода Первой мировой войны. В соответствии с этой тактикой, немецкое господство должны быть обеспечено использованием национальных противоречий в СССР и сотрудничеством с отдельными народами на Востоке. «Довольствоваться достижимым — вот настоящий залог успеха», — писал Ридл. Эта тактика означала, однако, отказ от всякой колонизации в России. Ридл сомневался даже в возможности заселения в течение 10 лет аннексированных польских районов. Он указывал, уже протекторат Богемия и генерал-губернаторство Польша вместе с Западной Пруссией и районом Варты поглотят все немецкие колонизационные возможности. Поэтому масштабные немецкие поселения и колонизацию Кубани и Украины он считал чистой фантазией¹²¹. Эксперт оказался прав, а эсэсовские планы провалились.

Шпеер вспоминал, что когда в 1943—44 гг. ресурсы Германии оказались исчерпаны, то он попытался использовать промышленный потенциал оказавшихся в сфере немецкого влияния европейских стран. Вначале Гитлер не решался полностью мобилизовать их производственные мощности для удовлетворения немецких нужд, а на вос-

точных территориях он вообще планировал прекратить всякое производство; потом он решил сохранить там заводы и фабрики и включить их в систему немецкой военной экономики.

На Восточном фронте шли боевые действия, поэтому из всех оккупированных индустриально развитых стран наибольший интерес для нацистов представляла Франция. Вплоть до осени 1943 г. немцы почти не использовали ее промышленный потенциал. Шпеер писал, что от принудительного набора рабочих, проводимого там Заукелем для отправки в Германию, было больше вреда, чем пользы. Стремясь избежать трудовой повинности, рабочие увольнялись с заводов, выпускающих военную продукцию¹²². Шпеер и его сотрудники намеревались наладить в первую очередь во Франции (а также в Бельгии и Голландии) производство таких товаров народного потребления, как обувь, одежда и мебель в количестве, более или менее удовлетворяющем потребности немецкого населения; для этого Шпеер провел успешные переговоры с министром промышленности Франции профессором Сорбонны Бишеллоном. За пять дней до приезда Бишелона Шпеер добился от Гитлера одобрения идеи создания «Европейской организации планирования промышленного развития» и вхождения в нее Франции на равных с остальными государствами правах, при решающем голосе Германии¹²³. Соглашение казалось выгодным для обеих сторон; Шпеер получил дополнительные производственные мощности, а французы, в свою очередь, оценили предоставленную им возможность в разгар войны вновь начать производство сугубо мирной продукции. Важно, что Шпеер смог договориться и с командующими вермахта во Франции, и персонал множества предприятий по всей Франции оказался защищен от депортаций¹²⁴. В соответствии с достигнутыми Шпеером договоренностями, количество ежемесячно отправляемых в Германию французов уменьшилось с 50 тыс. до 5 тыс.; вскоре Шпееру удалось добиться прекращения депортаций из Голландии, Бельгии, Италии.

Заклучить обзор экономической политики Третьего Рейха можно выводом о том, что в сфере экономики, несмотря на многочисленные издержки, нацистам удалась чрезвычайно быстрая и эффективная аккумуляция и стабилизация власти. В значительной степени этому способствовал расизм, так как он изолировал немецкий народ от западной традиции и отрезал ему «возвращение» в Европу. В этом отношении национал-социализм был контрреволюцией против современности, против ее моральных ценностей и установок, в том числе и в сфере экономики. Тем не менее, война была проиграна не только в военном и моральном, но и в экономическом отношении, в котором огромное значение имели не субъективные, а объективные обстоятельства, связанные с решительным отставанием Германии по своим производственным возможностям от многочисленных соперников — либо более организованных и мобилизованных (как СССР), либо более развитых в экономическом отношении (Запад).

В 1933 г., когда Гитлер пришел к власти, Германия не только не была готова к войне — она была гораздо дальше от войны, чем любая другая европейская страна; впечатление неготовности и неспособности Германии к войне усиливали демократическая Конституция и укоренившийся плюрализм. Даже динамичная и мощная немецкая промышленность не была полностью автономна, а в значительной степени зависела от внешней торговли. Кроме того, Германия была относительно бедна ресурсами и не обладала (как СССР) необходимой географической глубиной для успешного ведения современной маневренной войны. Для того чтобы подготовить Рейх к войне, нужно было осуществить множество непростых перемен. Наиболее существенны были два стратегических решения: вооружаться и готовиться к войне и — создать систему экономико-политико-биологического неравенства. Эти планы не были следствием объективного развития истории, но единоличными инициативами Гитлера. Нацисты смогли развить столь бурную деятельность, что даже в экономической сфере смогли преодо-

леть непреодолимые, казалось бы, объективные трудности. Третий Рейх готовился к войне не на основе либерального, открытого, рыночного порядка, но на основе антилиберальных установок. Это имело далеко идущие последствия: возникла экономическая система, подверженная все более усиливающемуся интервенционизму и характеризующаяся дефицитной экономикой, разбазариванием ресурсов, постоянных их перераспределением, растущей диспропорцией в развитии, а также судорожным стремлением сохранить хотя бы видимость народного благополучия и достатка сначала за счет евреев, а затем, во время войны, и за счет других европейских народов.

Гитлер проиграл войну потому, что из-за плохой организации и хаотичного администрирования лишь наполовину смог мобилизовать имеющиеся ресурсы. Неправы те, кто утверждает, что вермахт проиграл по причине нехватки ресурсов: были в XX веке войны, в которых верх одерживала сторона, имевшая меньшие ресурсы, правда войны эти носили локальный характер. Например, в 1940 г. по ресурсам (каучук, нефть, железная руда) немцы уступали Франции, но выиграли войну. В 1942 г. оккупированные Германией страны производили 32 миллиона тонн стали, а на свободной территории СССР производилось всего 8 миллионов тонн. К началу войны на Востоке Германия была экономической сверхдержавой, если бы в 1942 г. Гитлеру удалось установить контроль над каспийскими нефтяными месторождениями, то топлива могло хватить даже для войны с Америкой. В 1942 г. соотношение материальных ресурсов позволяло рассчитывать, что Германия покончит не только с сопротивлением СССР, потерявшим 2/3 ресурсов, но и с Великобританией. В тот момент финал войны казался непредсказуемым.

Еще одним показателем неэффективности гитлеровского руководства экономикой было то, что немецкая промышленность не имела возможности использовать преимущества современного массового производства. Дело в том, что вермахт предпочитал малые партии высокоточных

вооружений, к тому же военные имели возможность вносить коррективы на каждой стадии производства. В таких условиях наладить серийное производство было невозможно — в этом проявилась неспособность и некомпетентность военных целиком использовать наличный потенциал, как это сделали в СССР. Только при Шпеере (слишком поздно) начали внедрять планирование и рационализацию, позволявшие полнее вовлечь в производство наличные немецкие ресурсы.

Немаловажным фактором неудачи экономической политики Третьего Рейха было отсутствие полной мобилизации внутренних ресурсов Германии: в мемуарах Шпеер удивлялся тому, что Черчилль и Рузвельт (не говоря уже о Сталине) без колебаний заставляли свои народы нести все экономические тяготы войны, а Гитлер, по возможности, стремился облегчить участь немцев. Боязнь вызвать недовольствие народных масс заставляла Гитлера тратить на производство товаров народного потребления, выплату пособий участникам войны и компенсации женщинам, потерявшим заработок вследствие ухода мужей на фронт, гораздо больше средств, чем тратили правительства демократических стран¹²⁵. Объем производства товаров народного потребления в Германии в начале 1942 г. снизился лишь на 3%, Шпееру удалось уменьшить его еще на 9%. Однако уже через 3 месяца Гитлер пожалел о своем решении «перераспределить ресурсы в пользу военной промышленности», 29 июня 1942 г. он заявил, что нужно «вновь вспомнить о материальных нуждах народа»¹²⁶. Таким образом, социально-политические, а не экономические проблемы сыграли более важную роль в процессе принятия решений руководством Третьего Рейха; именно об этом речь в следующей главе.

ГЛАВА II

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ «НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ» В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

«Свобода от нищеты и голода важнее всех других свобод».

(Улоф Пальме)

«Если рабочий знает, что предприниматель — это его товарищ, то можете потребовать от такого рабочего что угодно».

(Роберт Лей)

«Каждая по-настоящему социальная мысль является, в конечном счете, национальной».

(А. Гитлер)

Общие основания нацистской социальной политики

Первая мировая война показала, что специфические условия гражданского мира и общенациональные переживания трагедии войны ведут к мобилизации и консолидации наций; но и у мобилизации есть границы. На одном из собраний функционеров ДАФ (Немецкий рабочий фронт) Роберт Лей заявил, что главная причина поражения Германии в Первой мировой войне — физическое истощение народа; необычайно однозначное и прямое для нациста суждение. Там же он предостерег от подобного порочного пути в будущем. Начальник экономического отдела вермахта генерал Томас, напротив, требовал осознания рабочим классом перспективы тяжелейших перегрузок всего общества в предстоящей войне. Две противоположные точки зрения вошли в столкновение, но Лей продолжал настаивать на своем, и в этом его поддерживал Гитлер¹²⁷... В ситуации, когда отношения между рабочими и нацистским режимом могли обостриться, Лей (чтобы сформулировать критерии собственной социальной

политики) обратился к опыту Первой мировой войны. Есть все основания считать, что ввиду предстоящей милитаризации экономики нацистский режим считал социальную проблему одной из наиболее серьезных. В одной из застольных бесед, в начале ноября 1941 г., вспоминая первые послевоенные годы, Гитлер сказал: «Я сказал себе тогда, что решающим фактором в истории является социальный фактор. В XVII—XVIII веках верили, что можно его обойти, не отменяя крепостной зависимости... По приходу к власти мы имели классовое государство. Лишь с его устранением нам удалось по-настоящему освободить силы нации»¹²⁸. 15 июля 1925 г. Гитлер заявил: «Если мы стремимся к созданию подлинной национальной общности, то мы ее можем построить только на основе социальной справедливости»¹²⁹. После 1933 г. Гитлер, не имея собственной теории общества и теории социальной политики, довольно быстро смог превратить исключительную ситуацию в социальной сфере в систему. В партийной программе (13—17 пункты) были представлены лишь лозунги полусоциалистического или мелкобуржуазного характера. Исходя из опыта Первой мировой войны, Гитлер ограничился декларированием народной общности, лозунгом об окончании классовой борьбы, а также объявлением войны марксизму и либерализму; на деле же он начал строительство обширного и импозантного здания социальной политики. Гитлеровское отношение к социальной сфере не было новацией, но покоилось на солидной базе европейских, и особенно германских, достижений в этой сфере. 30—40 гг. составляют важный этап в становлении современной социальной политики; именно в эти годы в ряде западных стран государство, подстегнутое последствиями Великого кризиса 1929 г., взяло на себя многие обязательства по расширению социальной политики; для населения важнее всего была стабилизация занятости и выравнивание доходов. Расходы на социальное обеспечение в Германии в процентном отношении к бруцто-социальному продукту росли следующим образом: 1913 г. — 3,1%, 1938 г. — 6%, 1970 г. — 19,9%¹³⁰. Вторая мировая война во многом стимулировала расширение сферы социальной по-

литики и увеличение в ней роли государства. Мобилизация всех национальных ресурсов, регулирование рынка рабочей силы, задачи обеспечения населения, декларированное стремление к справедливому распределению тягот войны на все социальные группы — все это открыло двери для активизации роли государства в социальной сфере. В этих условиях сразу стал очевиден дефицит прежней социальной политики, будь то страхование здоровья, участие государства в решении жилищной проблемы, в организации народного образования, в поддержании чувства национальной солидарности; все эти проблемы подталкивали к переоценке роли государства в социально-политической и социально-экономической сферах. Это функциональное усиление роли социальной политики заметно в 30—40 гг. во всех европейских странах, даже в США, где долгое время социальная политика была делом всевозможных частных благотворительных организаций. Германия же еще со времен Бисмарка имела лидирующие позиции в социальной политике (которая, собственно, там и родилась) и к моменту прихода Гитлера к власти эти позиции сохранила.

Важно иметь в виду, что если на Западе только после Второй мировой войны начался постепенный отход от старого способа политической легитимации государства имперскими ценностями и ценностями национального государства к легитимации его путем активной социальной политики, ценностями *welfare state* (государства благоденствия), то в Германии дело обстояло несколько иначе. Хотя после войны в ФРГ проводилась интенсивная социальная политика (в том числе и по причине дискредитации понятия сильного государства), однако и при нацистах в социальной сфере в Германии делалось довольно много, гораздо больше, чем в других европейских странах. Иными словами, в нацистской Германии имперская легитимация государства сосуществовала с социальной, а в остальных европейских странах способы легитимации чередовались. Только после Второй мировой войны немецкое лидерство по созданию консолидированного *welfare state* перехватила Великобритания с ее планом Бевериджа, а затем и энергичной социальной политикой лейбористов, пришедших

к власти в 1945 г. В 1942 г. лорд Беверидж докладывал правительству, что цель современной социальной политики «состоит в разработке долгосрочной программы, направленной прежде всего против великих социальных зол — нищеты, болезней, нужды, безработицы»¹³¹. В Третьем Рейхе к этим проблемам обратились несколько раньше, да и во время войны в большинстве воюющих стран лишения мирного населения были большими, чем в Германии. Это видно хотя бы на примере женского труда, от использования которого в нацистской Германии практически (по сравнению с демократическими западными странами, не говоря уже об СССР) отказались.

Впрочем, при рассмотрении оснований нацистской социальной политики следует прежде всего обратить внимание не на европейский контекст, а, скорее, на особую роль социальной политики в Германии в прежние времена. Удивительно, что в Германии, которая до 1848 г. в промышленном развитии отставала от европейских государств, социальные проблемы стали обсуждаться задолго до 1848 г. Обсуждая возможную терапию для смягчения противоречий между имущими классами и пролетариатом, их затрагивал не только Гегель, но и многие его немецкие современники. В Германии задолго до Маркса открыли революционные потенции пролетариата, но использовали это открытие не для насильственного подавления пролетариата, а как повод для социальных реформ, за которые и взялось государство. Еще в 1865 г. в прусском ландтаге Бисмарк сказал, что короли Пруссии никогда не были королями богатых, но всегда заботились о защите и обеспечении бедных. Эти слова Бисмарка можно с полным правом отнести даже к прусскому королю Фридриху II (в большей степени, чем к его современникам — просвещенным европейским монархам XVIII века). С некоторой натяжкой Пруссию можно назвать «социальным королевством», давшим решающий толчок появлению европейской социальной политики. По существу, именно благодаря этой традиции социальное обеспечение к 1933 г. уже было постоянной принадлежностью немецкой политической культуры и государства. Немецкое государство обосновывалось

скорее не метафизически, а утилитарно, и социальная безопасность и благополучие были неотъемлемой частью этого обоснования¹³². Именно по этой причине социальное государство процветало в Германии и при нацистах, и при коммунистах, и в ФРГ.

Не будет сильным преувеличением сказать, что современная социальная политика родилась в Германии (Пруссии) в 80-е гг. XIX века с социальными гарантиями Бисмарка — именно они дали первый пример создания современной системы социального обеспечения. При помощи законов 1880-х гг. о социальной защите на случай болезни, несчастных случаев, инвалидности, старости, — Германия добилась впечатляющих успехов в борьбе с нищетой. Это была первая в мире система социального обеспечения, которое вообще было величайшей находкой социального государства. Немецкое лидерство в этом вопросе обыкновенно объясняют стремлением Бисмарка предотвратить рост влияния социал-демократии, но объяснение это представляется слишком простым — перед перспективой усиления влияния классовых партий стояли многие европейские государства. Тезис об особой боевитости немецкого рабочего класса также отпадает, так как классовые рабочие организации, напротив, опасались государственной социальной политики — это отбирало у них хлеб. Ясно ведь, почему большевики и Ленин так яростно нападали на частичные социальные улучшения — они не вписывались в их концепцию; так же и СДПГ и немецкие профсоюзы долгое время были против социальных реформ.

В кайзеровской Германии социальная политика также находилась в центре внимания и политиков, и общественности (во многом благодаря социал-демократам — самой мощной и многочисленной рабочей партии того времени), и ученых (сторонниками и пропагандистами активной социальной политики на фоне политической мобилизации трудящихся на активную имперскую и мировую политику были крупные немецкие мыслители рубежа веков: Макс Вебер и Фридрих Науманн). Идеи Фридриха Науманна об активном вмешательстве государства в экономическую и социальную политику стали частью традиции немецкого

либерализма. Благодаря политике в социальной сфере Германия долгое время сохраняла лидирующие позиции в этой области. Обязательное пенсионное обеспечение (вне Германии) впервые было введено в 1910 г. В этом году пенсионное страхование в 13 европейских странах затронуло 8,3% трудящихся, а в 1915 г. — 16,8% (в Германии соответственно 53% и 57%)¹³³. Введение в Германии в начале XX века страхового принципа для пенсий по возрасту с 70 лет было настоящим революционным актом, имевшим далеко идущие последствия для всей Европы.

В период Веймарской республики в сфере социальной политики Германия также была лидером: именно здесь впервые была введена по-настоящему действенная система пособий по безработице. В Германии добились значительных успехов в улаживании социальных конфликтов мирным путем. Следует, однако, помнить, что лидерство Германии в социальном законодательстве и политике было вызвано не действительным развитием прав рабочих или прав корпораций (в Германии профсоюзное движение возникло только в 1860 г.; в развитии профсоюзного движения несомненен приоритет Великобритании), а патерналистским характером государства - традиции, восходящей к Пруссии¹³⁴.

В целом необходимо отметить, что в XIX и XX веках Германия внесла значительный вклад в формирование европейского стереотипа *welfare state*. Об этом свидетельствуют статистические данные: в Германии в 1895 г. процент застрахованных от несчастных случаев, болезни, старости, безработицы составил 41%, а в среднем по Европе - 5,2%; в 1915 г. — в Германии эта цифра составила 42,8%, а в среднем по Европе — 19,3% (в Швеции — 37%, Великобритании — 36,3%, Дании — 30,8%); в 1930 г. в Германии — 61,3%, а в среднем по Европе — 40,2% (в Великобритании — 72,5%, в Дании — 67,8%)¹³⁵. Это важно, поскольку, как говорил Никлас Луман, любая система воспроизводит элементы, из которых она состоит, при помощи элементов, из которых она состоит. Иными словами, нацисты не были абсолютно свободны в своем выборе направленности и характера социальной политики.

Однако после кризиса 1929 г. даже развитая по сравнению с другими европейскими странами система социального вспомоществования попала в тяжелейшее положение: специальное «посредническое ведомство по поиску работы и помощи безработным» (*Reichsanstalt für Arbeitsvermittlung und Arbeitsversicherung*), созданное еще в 1927 г., располагало незначительными средствами, поскольку его бюджет формировался из расчета на 700—800 тыс. безработных. Во второй половине 1932 г. это ведомство в среднем платило безработному 43,46 рейхсмарки в месяц в течение 26 недель; по истечении этого срока еще 13 недель можно было рассчитывать на меньшее пособие, прожить на которое было еще труднее. Средств катастрофически не хватало, и многим безработным вообще ничего не доставалось: к моменту прихода нацистов к власти 15,8% безработных получали помощь от упомянутого ведомства, 40,9% от общин, 23,6% от «кризисного вспомоществования», а 19,7% — вообще ничего не получали¹³⁶. Эта статистика показывает, что ничего важнее ликвидации безработицы для нацистов не было (иначе им было просто не удержаться у власти); нацисты это понимали и сделали все для решения этой проблемы.

Великий кризис 1929 г. был причиной пролетаризации и обнищания среднего слоя в Германии. Объективно это была идеальная социальная ситуация для подъема коммунистического движения или усиления СДПГ, но, к удивлению многих современников, левые не смогли воспользоваться благоприятнейшим для себя моментом. Впрочем, эта неудача левых до сих пор отчетливо не объяснена. Нацисты лучше, чем другие партии, смогли использовать сформировавшуюся в условиях кризиса склонность немцев к переменам (но не радикальным) в сочетании с преемственностью в социальной политике. Старая марксистская историография этого не признавала и рассматривала нацизм исключительно как реакционное течение, стоящее на страже интересов буржуазии. Такой подход, однако, игнорирует феномен огромной социальной мобилизации и невиданной социальной динамики, за которыми стояла НСДАП и ее фюрер. Марксистская критика нацизма как

реакционного течения, казалось, подтверждалась фактами: программа социалистического крыла НСДАП во главе с Г. Штрассером и намерения активистов национал-социалистических производственных ячеек (НСБО) не были реализованы, как и программа реаграризации Дарре и Гимmlера; также не были выполнены обещания средним слоям; бесполезными оказались и обещания создать сословное общество. Однако невыполнение некоторых социальных обещаний НСДАП ничуть не обесценивает социальную динамику, лежащую в основе успеха нацистов. Выборы 1930—1932 гг. показали, что миллионы немцев отказались от социалистических целей и начали склоняться к нацистам, которых воспринимали как альтернативу коммунистической уравниловке и диктатуре. Массовый успех нацистов доказал, что марксистское сужение перспективы развития только до экономических факторов или социально-политического устройства общества — ошибочно. «Если мистика нацизма, — писал психоаналитик Вильгельм Рейх, — победила научный коммунизм, то следует сделать вывод о значительной недостаточности марксистского понимания политической действительности»¹³⁷. Иными словами, в мощнейшей социальной мобилизации Германии 1933—1945 гг. большую роль сыграли эмоции, почти религиозная вера в фюрера и пр. Именно иррациональность, некоторая расплывчатость и романтизм социальной программы и социальных требований нацистов и привлекала к ним избирателей. Позиция спасителей нации для НСДАП была крайне выгодна, тем более что вследствие дефицита средств после кризиса 1929 г. система социального страхования попала в тяжелое положение. Однако магия нацизма подпитывала не только веру и надежду, но, как ни странно это звучит, и любовь к ближнему. Это было не столько проявлением альтруизма, сколько средством мобилизации чувства общности и весьма существенной особенностью Германии в нацистские времена.

Романтические ценности и лозунги превратились в руках Гитлера в боевые и энергичные доктрины молодого динамичного популистского движения: возвращение к природной непосредственности и семейным ценностям стало

социальным идеалом дисциплинированной нацистами народной общности. На смену верноподданничеству пришли национализм и патриотизм; аристократизм прежней элита была заменен доступной каждому немцу «аристократией крови». Мощная харизма Гитлера обеспечила преодоление прежней дистанции между императором и народом. Последний кайзер был слабой политической фигурой, и в Германии давно ждали харизматического вождя.

В социальной политике Гитлер не был революционером: следуя сформировавшейся патерналистской линии, он шел на многие жертвы ради снижения социальной напряженности. За социальную сферу в Третьем Рейхе отвечало имперское министерство труда (всю войну его руководителем был Франц Зельдте, бывший вождь «Стального шлема», ключевая фигура в проведении социальной политики), министерство финансов, министерство экономики, министерство вооружений и боеприпасов и Ведомство четырехлетнего плана. Как и прочие области государственной политики, социальная сфера в Третьем Рейхе была ареной непрерывной борьбы компетенций и амбиций партийных и государственных органов.

Сам Гитлер видел в социальной политике прежде всего средство национальной мобилизации и консолидации. Он писал в «Майн кампф»: «Национал-социалистический предприниматель должен знать, что процветание национальной экономики обеспечит и его благополучие, и благосостояние народа. Национал-социалистические работодатель и рабочий должны сообща трудиться на благо нации. Классовые же предрассудки и противоречия должны мирно разрешаться к общему удовлетворению в сословных палатах и в центральном экономическом парламенте»¹³⁸.

Большое значение Гитлер придавал созданию социально однородного общества: «Мы хотим воспитать немецкий народ таким образом, чтобы он избавился от безумного сословного высокомерия, темной веры в сословный порядок, ложной веры в то, что следует ценить только умственный труд. Нужно сделать так, чтобы наш народ ценил любой труд, чтобы он верил в то, что любая работа облагораживает, чтобы он сознавал, что стыдно ничего

не делать для своего народа, никак не содействовать укреплению и умножению достояния нации. Те желанные перемены в сторону оздоровления немецкой экономики и общества, которые не смогли вызвать теории, декларации, пожелания, должны последовать теперь вследствие участия в созидательной работе многих миллионов труженников, их-то мы и должны организовать»¹³⁹.

Характер и особенности нацистской социальной политики

Социальная политика Третьего Рейха была наследницей старой традиции; не будет преувеличением сказать, что прежняя система социальных гарантий осталась незатронутой нацистской идеологической инструментализацией политики и развивалась в прежнем направлении и заранее заданными темпами. Преемственность обеспечили профессиональные организаторы социальной политики из министерства труда, сочетавшие свой профессиональный долг с демонстрацией лояльности к нацистскому режиму. Имея трезвые и ясные представления об основах развития социальной политики, эти люди противостояли различным фантастическим проектам нацистских политиков¹⁴⁰. Нацисты, однако, отличались не только бестолковой (поначалу) активностью, но и искренним желанием изменить положение дел к лучшему. Им повезло в том смысле, что зимой 1933 г. последовали первые признаки подъема конъюнктуры, когда эти импульсы затухали, Гитлер прибегал к политическим рычагам, щедро финансируя социальные программы: только до конца 1934 г. правительство инвестировало около 5 млрд, марок на различные программы занятости — в три раза больше, чем за это же время оно инвестировало в промышленность¹⁴¹. 1 февраля 1933 г. Гитлер заявил, что через четыре года безработица будет ликвидирована, и обещание выполнил: когда нацисты пришли к власти, в Германии было 25,9 млн безработных (в США — 35,3 млн, во Франции — 14,1 млн), в 1934 г. в Германии — 13,5 млн (в США — 30,6 млн, во Франции — 13,8), в 1935 г. в Германии - 10,3 млн (28,4 и 14,5), в 1936 г. в Германии - 7,4 млн

(23,9 и 10,4), в 1937 г. в Германии — 4,1 млн (20 и 7,4), в 1938 г. в Германии — 1,9 млн (26,4 и 7,8)¹⁴². Судя по этой динамике, в то время как в других странах безработица была еще высока, в Германии она практически исчезла: действительно, здесь кризис был преодолен быстрее, чем кто-либо ожидал; за границей о «немецком экономическом чуде» заговорили уже в 1936 г.: именно в этом году производство промышленной продукции превзошло наивысший довоенный уровень. Сначала положение улучшилось в промышленности, а затем и в аграрной сфере; хотя в сельском хозяйстве улучшение было едва заметно, но угроза нищеты исчезла, а это было уже много. С другой стороны, реальный социальный продукт на душу населения составлял всего четверть от уровня «золотых двадцатых», но немцы, напуганные кризисом, большее всего ударившем именно по Германии, были рады даже минимальным переменам к лучшему. Несмотря на то, что экономический подъем был налицо, и немцы работали много и с полной отдачей, рацион их оставался весьма скромным: еще в 1938 г. потребление мяса было ниже, чем в 1929 г., но утроилось потребление мармелада. Если западные соседи ели больше мяса, белого хлеба, сахара и яиц, то в Германии на стол шли преимущественно капуста, ржаной хлеб, маргарин, картофель и фруктовый мармелад-эрзац — немцы ворчали, но терпели¹⁴³.

Выдвинутый Геббельсом лозунг «генерального наступления на безработицу» произвел неслыханный общественный резонанс и имел самое сильное воздействие на немецкий народ. Огромное значение для ликвидации социальной напряженности и сокращения безработицы имели обширные и щедро финансируемые общественные работы, среди которых особое место занимало строительство автобанов по образцу американских *highways* (хайвеев). Так, еще в последние годы Веймарской республики планировалось строительство прямой дороги от Гамбурга через Франкфурт-на-Майне до Базеля (*HAFRABA*). 11 февраля 1933 г. на берлинской международной автомобильной выставке Гитлер заявил: «Если раньше жизненный уровень народа измерялся протяженностью железных дорог, то в будущем он будет

определяться протяженностью автомобильных дорог»¹⁴⁴. Честолюбивые планы строительства дорог существовали и в период Веймарской республики, но они их воплощению в жизнь мешали недостаток средств и плохое администрирование. Гитлер приказал финансировать строительство дорог из средств на страхование по безработице¹⁴⁵; привлекались и иные источники. Были отданы соответствующие распоряжения, и работа закипела. В Германии и до нацистов было 1,5 млн автомобилей и сравнительно протяженные дороги, но Гитлер, с присущей ему энергией и напором, смог представить проект строительства дорог как собственное изобретение и собственную инициативу. Необходимую техническую поддержку и инженерное обеспечение проекта взял на себя талантливый инженер-дорожник Фриц Тодт. Американский историк У. Ширер называл Тодта «инженером с воображением» (*imaginative engineer*)¹⁴⁶; к тому же у Тодта были хорошие организаторские способности. В июне 1933 г. Гитлер назначил его «генеральным инспектором дорог»; он руководил 15 строительными управлениями с 6000 управленцев — инженеров и администраторов. Надведомственный аппарат Тодта оказался чрезвычайно эффективным; именно такого органа не доставало республике для реализации планов дорожного строительства. Тодт планировал занять 600 тыс. безработных; для максимального обеспечения людской занятости Тодт ограничивал применение техники. Полностью осуществить свои цели по обеспечению занятости ему не удалось: в 1934—1935 гг. на строительстве было занято 100 тыс., в 1936 г. — 250 тыс. безработных (высшее достижение)¹⁴⁷; впрочем, пропаганде не помешало объявить о 600 тыс. занятых программой строительства автобанов, что составляло всего 10% из шестимиллионной армии немецких безработных. Несмотря на то, что в обслуживавшей строительстве дорог промышленности было занято еще 200 тыс. человек, это не стало решающим фактором в борьбе с безработицей¹⁴⁸. Автобаны имели, прежде всего, пропагандистское значение: несмотря на тяжесть работы, оплата труда была низкой, жить приходилось в бараках далеко от больших городов, вдали от родных. Очень высок был и производственный травматизм; на каждые шесть ки-

лометров дороги приходилась одна смерть от несчастного случая. Поэтому на строительстве автобанов наблюдалась постоянная нехватка рабочей силы. Когда полная занятость была достигнута, принудить работать на автобанах стало очень сложно: отказавшихся безработных снимали с пособия и грозили им концлагерем. Недовольных выявляло гестапо и доверенные лица (шпионы) СА; с 1939 г. смутьянов стали отправлять в специальный лагерь СС в Хюнсерюке. Поскольку на строительстве «дорог фюрера» считалось «неуместным» занимать евреев, их отправляли на работы в каменоломни¹⁴⁹.

Тем не менее, автобаны имели большое мобилизационное и культурное значение; явившись прецедентом ландшафтной архитектуры, они стали одним из символов Третьего Рейха. Иностранные туристы толпами устремлялись в Германию, чтобы полюбоваться автобанами — «чудом из гранита и асфальта»¹⁵⁰. По-настоящему использовать автобаны начали только в 50—60-е гг. — до 1939 г. на заводах «Фольксваген» было выпущено всего несколько сотен автомобилей; потом производство было переведено на военные рельсы, да и на проданных автомобилях ездили довольно редко¹⁵¹. Несмотря на эти объективные показатели, гитлеровцы выжали из идеи автобанов все, что можно, и наглядно показали, что преодоление кризиса — это не только деньги и материальные ресурсы, но еще и психология и даже магия. Пропаганда называла автобаны не иначе как «пирамиды Третьего Рейха». 23 сентября 1933 г., открывая строительство первого автобана у Франкфурта-на-Майне (в котором было 800 тыс. безработных), Гитлер сказал: «Я знаю, что праздник пройдет и наступит время, когда дождь, снег и мороз сделают работу невыносимо тяжелой. Но никто нам не поможет, если мы сами себе не поможем»¹⁵². Как только Гитлер со своей свитой отъехал, присутствовавшие на митинге рабочие бросились к кучке земли, накопанной Гитлером, и разобрали ее на сувениры — настолько велико было воодушевление, вызванное речью фюрера. Помимо помощи в борьбе с безработицей, «пирамиды Третьего Рейха», по мысли Гитлера, должны были стимулировать моторизацию страны: «Я очень рад и горд тем, что мне удалось

преодолеть враждебность немцев к автомобилю и зависть к его обладателям. Это мне удалось потому, что я создал народный автомобиль для рабочих»¹⁵³. В самом деле, программа «народного автомобиля» была немыслима без наличия разветвленной сети дорог. По поручению Гитлера Лей создал «Общество подготовки к созданию немецкого народного автомобиля» (*Gesellschaft zur Vorbereitung des deutschen Volkswagens mbH*), руководство которым поручили У. Лафференцу; главными конструкторами знаменитого «жука» стали Ф. Порше и Й. Верлин. У Вольфсбурга были построены заводы, на которых и начали производство «фольксвагенов»; однако истинно народным автомобилем «жуку» суждено было стать только после войны, в эпоху второго «немецкого экономического чуда», отцом которого был Л. Эрхард. Облигации КДФ на личный автомобиль после войны, впрочем, не пропали, а учитывались полугосударственной фирмой «Фольксваген» в ФРГ.

Тодт заставлял подчиненных искать такие технические решения, при которых техника и природа могли гармонизировать друг с другом. «Путешественники, — писал Тодт, — должны не только максимально быстро, удобно и безопасно перемещаться, но и наслаждаться красотой ландшафта. Быстрая езда позволяет воспринимать красоты природы в иных, более крупных масштабах. Нужно учитывать ритм простора и закрытых пространств, высоты и низин, степи и леса. Частью путешествия являются и остановки, которые должны быть оборудованы в наиболее привлекательных местах — в лесу, или на возвышенностях, дающих большой обзор»¹⁵⁴. Интересно, что в рекомендациях Тодта звучали и экологические, как они теперь называются, мотивы; инженерам он рекомендовал обращаться за советами ученых — лесоводов и ландшафтных архитекторов. Особое значение придавалось расположению и архитектуре многочисленных мостов. Их строили то в виде римских акведуков, то средневековых крепостных сооружений, то в стиле модернизма. Поэтому немецкая сеть автобанов считалась самой красивой в мире *Highway-System*; Гитлер был доволен деятельностью Тодта¹⁵⁵. Правда, Тодту было с кого брать пример: «*Autostrada*» от Милана к верхнеита-

льянским озерам, построенная в 20-е гг. итальянским инженером Пьеро Пуричелли при поддержке Муссолини, считалась в Европе образцовой. Немецкие автобаны состояли из двух линий прочного дорожного покрытия по 7,5 м шириной. Между ними шла трехметровая полоса, предназначенная для зеленых насаждений. Каждая линия была разделена на два полотна, справа от каждого из них находилась полоса для стоянки. Главным требованием было отсутствие перекрестков - прочие дороги должны были проходить либо над, либо под автобанами. В отличие от Италии, Франции или США, пользование дорогой в Германии было бесплатным. К маю 1939 г. была готова половина из запланированных 6900 км автобанов¹⁵⁶. Вопреки утверждениям многих отечественных и западных историков, военное значение автобанов было невелико; к тому же военные предпочитали железные дороги, да и схему автобанов с ними никто не согласовывал¹⁵⁷.

Основополагающим документом, определившим развитие социальной сферы, был «закон об организации национального труда» от 20 января 1934 г. Этот закон, провозглашавший равенство прав работодателей и рабочих, сохранил свое значение и во время войны. В законе говорилось о планировании труда, в соответствии с которым владелец предприятия был подотчетен государственному арбитру труда, а в его лице государству во имя всеобщего благосостояния нации. Подобная интерпретация частной собственности, ориентированная на социальное благодеяние, не была известна в Германии в 20-е гг. Гитлер, впрочем, не форсировал, а, напротив, тормозил ее распространение, подчеркивая необходимость сохранения прежних отношений собственности при условии тотальной политической мобилизации общества. Закон относился к предприятиям с количеством занятых не более 20 человек; в процессе разрешения трудовых конфликтов он полностью исключал стачку или локаут. В центр организации производственного процесса закон ставил «вождя предприятия». Интересы трудового коллектива, который именовался в законе «дружиной» (*Gefolgschaft*), были представлены

имеющим лишь совещательные функции доверительным советом (*Vertrauensrat*); его важнейшей функцией было преодоление социальных конфликтов в целях наиболее полной реализации национальной общности. «Дружина» клялась «вождю предприятия» в верности и обязалась беспрекословно повиноваться. В соответствии с принципом «фюрерства» главная ответственность за организацию и условия производства ложилась на «вождя предприятия»; нацисты считали, что предприниматель должен был вести себя иначе, чем в годы организованной классовой борьбы: прежде всего он должен был разумно использовать свою экономическую и социально-политическую власть на благо немецкой общности. От рабочих же не требовалось какой-либо особенной активности — только лояльного поведения¹⁵⁸. Членов доверительного совета назначал сам предприниматель, к тому же полномочия совета в тарифных вопросах и в организации условий труда были ограничены¹⁵⁹. Особенно активных и предприимчивых «вождей предприятий» нацистское руководство морально поощряло, присуждая им почетный титул «новатор труда» (*Pionier der Arbeit*). (Титул присуждался в 1940-1945 гг.; например, в честь 70-летия его удостоился Густав Крупп фон Болен унд Гольбах)¹⁶⁰.

Деятельность «вождя предприятия» в социальной сфере контролировалась «имперским арбитражем труда» (*RTA — Reichstreuhändler der Arbeit*), имевшим региональные инстанции и подчиненному министерству труда. В задачу арбитража входило разрешение спорных вопросов и формирование общих правил организации производственного процесса. Крупный знаток социальной истории Третьего Рейха Тимоти Мэйсон так характеризовал положение арбитража: «арбитраж был своего рода головной социально-политической инстанцией, главная задача которой состояла в том, чтобы следить за законностью и реальной необходимостью массового увольнения рабочих, следить за сохранением приемлемого минимума в условиях труда, постепенно трансформируя последние в сторону улучшения; чтобы издавать и утверждать новые тарифные схемы оплаты труда»¹⁶¹. Ясно, что арбитры

чаще действовали в интересах государства и предпринимателей. Сначала правила организации труда на предприятии формировал сам предприниматель (вождь предприятия), а утверждал и публиковал их уже арбитраж. Касались эти правила начала и конца рабочего дня, перерывов, периодичности выплаты зарплаты, основных правил оплаты аккордного и сдельного труда, размеров, способов и форм штрафов, если таковые были и, наконец, условий увольнения¹⁶². Сам же арбитраж был структурной частью министерства труда, представлявшего собой главное учреждение, регулирующее трудовые отношения.

Вторым по значению (после арбитража) ведомством по регулированию трудовых отношений стала государственная «администрация по оперативной организации работ» (*Arbeitseinsatzverwaltung*), которая финансировала общественные работы и прочие программы занятости¹⁶³. С провозглашением в 1936 г. четырехлетнего плана вмешательство государства в трудовые отношения усилилось: именно с 1936 г. и начинается прямой государственный контроль за движением зарплаты и рынком труда. Предпосылкой для расширения контроля над структурой занятости было введение трудовых книжек и составление баз данных обо всех занятых. Таким образом, свобода передвижения рабочих была сужена: дело в том, что в 1938 г. для строительства Западного вала понадобилось мобилизовать огромное количество (около полумиллиона) рабочих. 22 июня 1936 г. вступило в силу распоряжение о служебной необходимости (*Dienstpflichtverordnung*), в соответствии с которым для выполнения важных задач рабочих на определенное время могли обязать работать только в определенном месте. Это ущемляло право на свободу передвижения и наносило рабочим финансовый ущерб, так как зарплата на новом месте могла быть ниже прежней.

Эти и другие социальные ограничения должен был компенсировать ДАФ (*DAF—Deutsche Arbeiterfront*) — «Немецкий рабочий фронт». Гигантская бюрократическая машина ДАФ, насчитывавшая 44 тыс. функционеров (во главе которой бесценно находился «коричневый коллективист» Роберт Лей), возникла уже 10 мая 1933 г., заменив

разогнанные после 1 мая 1933 г. профсоюзы и узурпировав их имущество. В самой массовой организации Третьего Рейха отсутствовала система самоуправляющихся ячеек: влиять на центральное руководство было некому, производственными ячейками ДАФ руководили назначенцы, а у самих коллективов не было возможности воздействовать на организацию.

По функциям ДАФ стремилась целиком «заместить» профсоюзы: не случайно символом «Немецкого рабочего фронта» стал молот и зубчатое колесо — подражание серпу и молоту. В принципе, ДАФ сыграл даже более значительную, чем прежние профсоюзы, роль: он формировал и нес ответственность за социальную политику Третьего Рейха. К началу войны в ДАФ насчитывалось 30 млн членов, однако вплоть до конца войны около 10% рабочих оставалось все же вне ДАФ¹⁶⁴. Сначала казалось, что ДАФ со своими «пятью столпами» (рабочие, служащие, ремесленники, предприниматели, лица свободных профессий) станет фундаментом нового сословного устройства общества (какое в Италии пытались создать фашисты). Однако когда в ДАФ было введено индивидуальное членство и вышел закон об организации национального труда (20 января 1934 г.), предоставивший государству большие полномочия в регулировании экономики и создавший на предприятиях систему строгой иерархии во главе с «фюрером предприятия», — ДАФ постепенно стала превращаться в универсальную общественную организацию, занятую (кроме пропаганды) обучением и воспитанием производственных кадров, а также организацией отдыха и развлечений трудящихся.

В 1938 г. Лей признавался: «Я был чрезвычайно удивлен, когда фюрер назначил меня на этот участок: в тот момент у меня не было ни малейшего понятия о том, в каком порядке действовать. У нас не было никакой программы, я просто получил указание взять на себя профсоюзы и стал действовать по собственному усмотрению»¹⁶⁵. В самом деле, если сначала казалось, что ДАФ потерялась между мощным представительством и интересами промышленности и государства, то очень скоро стало ясно, что это совершенно не так и влияние ДАФ

весьма существенно. Материальной предпосылкой роста могущества ДАФ стала конфискованная нацистами собственность профсоюзов. Политическая же база укрепилась из-за того, что ДАФ был единственной нацистской организацией в области социальной политики и обладал самыми устойчивыми позициями в этой важной сфере жизни общества. Членский взнос в ДАФ составлял полторы-две рейхсмарки — деньги, которые не многие могли выложить без ущерба для бюджета семьи. Тем не менее, до 1935 г. в ДАФ было 16 млн членов¹⁶⁶. Решающий прорыв к охвату всех рабочих и к созданию прочной финансовой базы был осуществлен, когда работодатели согласились отчислять членские взносы вместе с налогами из зарплаты рабочих. Дело в том, что прежняя организация сбора членских взносов местными казначейскими оказалась неэффективной, и ее было трудно контролировать. В 1939 г. около 70% предприятий перечисляли членские взносы ДАФ, поэтому ДАФ и получила устойчивую финансовую базу. Доход ДАФ в 1939 г. составил 539 млрд рейхсмарок — в три раза больше, чем у партии. В ДАФ было 44 500 служащих¹⁶⁷.

Ключевые посты в ДАФ получили помощники Лея Клаус Зельцнер, Рудольф Шмеер, Отто Маренбах — опытные и жесткие функционеры, не упускавшие ни малейшей возможности для расширения компетенций ДАФ. С их помощью Лей искренне создать бесконфликтную и дружную народную общность. Главными компонентами его кредо были: развитие государства всеобщего благосостояния, улучшение возможностей социального роста для каждого человека, а также достижение социального согласия путем укрепления единства народа¹⁶⁸. Как истинный последователь Гитлера, Лей стремился покончить с политическим плюрализмом и классовый борьбой; он был убежденным нацистом, воспринимавшим партийную доктрину почти как религию и относившимся к Гитлеру, как к пророку. Однажды Гитлер назвал Лея самым большим идеалистом среди своих соратников; это похоже на истину¹⁶⁹. Гитлер полностью доверял Лею, неоднократно доказавшему фюреру свою преданность: в 1926 г. во время мятежа северогерманских гауляйтеров, в 1929 г., а также во время

кризиса, связанного с Грегором Штрассером в 1932 г. (В 1932 г. канцлер Ф. фон Шлейхер пытался расколоть НСДАП, создав на основе союза с «левыми» нацистами — сторонниками братьев Штрассеров — коалицию в рейхстаге, при помощи которой консервативные силы вокруг президента Гинденбурга хотели воспрепятствовать назначению канцлером Гитлера. Гитлер, опираясь, на верных партайгеноссен, в том числе и Лея, дезавуировал «левых». Шлейхер и один из братьев Штрассеров был убит в «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г.). Гитлер прощал Лею постоянные эксцессы, связанные с его своеволием и самодурством в обращении с подчиненными (склонный к алкоголизму, Лей в подпитии нещадно колотил жену).

ДАФ дал Лею возможность, с одной стороны, удовлетворить свое честолюбие, а, с другой стороны, приступить к осуществлению его социального идеала, социальной утопии. Руководство ДАФ часто оказывало на предпринимателей давление, требуя более высокой зарплаты; хотя после 1933 г. зарплата была практически заморожена, но ДАФ все равно кое-что удавалось сделать: требовать более продолжительных отпусков и обеспечения лучших условий труда; по инициативе ДАФ был принят указ, в соответствии с которым с 5 декабря 1933 г. рабочие освобождались от налогов, если их зарплата не достигала 183 марок, — удивительно, что представители промышленности часто видели в ДАФ «огромный динамичный профсоюз»¹⁷⁰. Сам Лей неоднократно спорил с предпринимателями по поводу своей социальной политики, так, в 1938 г. на крупном собрании ДАФ он заявил: «Не надо говорить, что наши социальные мероприятия — это излишества, наоборот, они являются проявлениями высшей степени хозяйственности. Предприниматель, который не понимает этой логики, — не хозяйственник и не немец»¹⁷¹.

В стремлении расположить к себе рабочих Лей и его организация успешно конкурировали с правительственными инстанциями и партией. До войны он постоянно расширял сферу своих компетенций, и постепенно ДАФ превратилась в суперведомство, целое бюрократическое государство, главное орудие установления «коричневого коллекти-

визма»: достижения ДАФ в социальной сфере были весьма значительны; он действительно поднял социальный статус рабочего. В предвоенные годы ДАФ много занималась организацией материального вспомоществования; важную роль в работе играла пропаганда, с помощью которой ДАФ пыталась повысить чувство достоинства рабочих, создать для них лучшие жизненные условия и изжить у пролетариата ощущение оставленных наедине со своими проблемами париев общества. Организация и контроль над профобучением означали, что ДАФ получил в свои руки важное средство влияния на социальный рост рабочих (это направление Лей рассматривал как одно из приоритетных). Разумеется, кроме заботы о рабочих, ДАФ исполняла и определенные охранительные функции: в ее ряды входили так называемые «рабочие дружины» (*Werkscharen*) — идеологическая милиция Лея на предприятиях, а также доверительные советы, суды чести и юрисконсульты ДАФ.

Активность ДАФ в некоторых сферах давала положительные результаты: так, программа «Красота труда» (*Schönheit der Arbeit*) привела к облегчению условий труда на предприятиях. На собрании ДАФ в Магдебурге в 1937 г. Лей сказал: «Я буду стараться внушить народу такой рабочий этос, который помог бы ему узреть в труде нечто прекрасное и возвышенное. Я буду стремиться к тому, чтобы наши заводы и фабрики стали храмами труда, я буду стремиться сделать рабочих самым уважаемым в Германии словом»¹⁷². Нацисты проявили исключительную изобретательность в культурном воспитании рабочих, в эстетизации труда. При этом рационализация труда шла рука об руку с функционалистской эстетикой, получившей (стараниями «Баухауса») распространение еще в период Веймарской республики. Интересно отметить, что большевики, напротив, в этом направлении почти ничего не делали, полагаясь, видимо, на то, что улучшение условий труда наступит само собой. Д. Шенбаум остроумно заметил, что «бытие определяет сознание — так полагали марксисты. Нацисты же стремились сделать наоборот»¹⁷³. Разумеется, они не могли изменить действительности капиталистических производственных отношений и социального

неравенства, но они их смогли по-другому интерпретировать и инсценировать. Ведомству «Красота труда» была отведена в этом важная роль; девизом этого учреждения были слова «немецкие трудовые будни должны стать прекрасными» — таким образом рабочим хотели вернуть чувство собственного достоинства, ощущение значимости своего труда¹⁷⁴. Прекрасной пропагандистской находкой было само сочетание несовместимых, на первый взгляд, понятий «красота» и «труд»: первая возвышенна и непостижима, а второй грязен и тяжел...

Шпеер вспоминал, что когда 30 января 1934 г. в рамках ДАФ была создана КДФ, ему был поручен отдел «Эстетика труда», созданный по предложению Лея, который, проезжая через голландскую провинцию Лимбург, увидел чистые и утопающие в зелени заводские здания. Тогда-то он и сделал вывод, что в том же духе необходимо преобразовать всю немецкую промышленность. В отделе «Красота труда» Шпеер с коллегами вели работу с предпринимателями, и те переоборудовали заводские корпуса, расставляли цветочные горшки, отмывали окна и расширяли их площадь, учреждали на заводах и фабриках столовые, бывшие до того большой редкостью. В отделе проектировали простую функциональную заводскую столовую посуду, мебель для рабочих столовых (которую стали выпускать в больших количествах), обязывали предпринимателей консультироваться со специалистами по вопросам вентиляции и освещения рабочих мест (либо просматривать снятые для этого научно-популярные фильмы). К работе Шпеер привлек бывших профсоюзных функционеров и кое-кого из членов распущенного нацистами «Союза художественных ремесел», на которых в свое время большое влияние оказали мастера из «Баухауса» (по большей части они эмигрировали в США и заложили там основы современного дизайна). Шпеер, однако, подчеркивал, что к вопросам благоустройства на производстве Гитлер относился вполне равнодушно; его больше привлекало монументальное строительство¹⁷⁵....

В задачу ведомства «Красота труда» входила не только забота о благоприятной психической атмосфере на про-

изводстве, но и о чистоте и о цветах на рабочем месте, о естественном и искусственном освещении. Все это было призвано повысить самоуважение и самооценку рабочих. Хотя ведомство и имело лишь консультативный статус, при необходимости оно могло оказать на предпринимателя давление; в частности, ведомство занималось организацией соревнования на звание «национал-социалистическое образцовое предприятие» (это звание присваивалось КДФ на один год). Заключив соглашение с имперской палатой изобразительных искусств, ведомство «Красота труда» привлекало художников к оформлению возводимых производственных помещений. Ведомство активно занималось бытовыми условиями рабочих на производстве — гигиеной (душ или раковины), питанием (качество продуктов, цены и оформление столовых или рабочих буфетов), а также жилищными условиями на тех производствах, где людям приходилось длительное время трудиться вдали от дома. Ведомство «Красота труда» предлагало улучшить жилищные условия строительных и дорожных (занятых на автобане) рабочих за счет создания и использования разборных домов. Этими и подобными проектами занимался целый институт ДАФ — Институт научной организации труда (*Arbeitswissenschaftliche Institut der DAF*)¹¹⁶.

Вообще, деятельность ведомства была обширна и многообразна: украшение деревенских улиц и исследования в сфере функциональной производственной эстетики; благоустройство рабочих мест в шахтах и в речном судоходстве; изготовление функциональной и удобной мебели для конструкторских бюро и хорошего слесарного и столярного инструмента и наведение порядка на заводских дворах. Со стороны руководства ДАФ постоянно раздавались призывы расставлять в заводских цехах цветы, строить при предприятиях открытые бассейны и спортивные площадки для рабочих. В 1935 г. была проведена акция «хорошее освещение рабочих мест - хорошая работа», в которой улучшение трудовой гигиены связывалось с поднятием производительности труда, в котором были заинтересованы и предприниматели. Затем последовали кампании «чистые люди на чистом предприятии», «чистый воздух на рабочем месте»,

«горячая еда на предприятии». В 1935 г. ведомство «Красота труда» отметило 12 тысяч предприятий, на которых значительно улучшились условия труда; на эти цели предприниматели истратили 100 млн рейхсмарок.

Все эти мероприятия имели ясные социальные цели, сводившиеся к ликвидации социальной напряженности и, в перспективе, классового противостояния. Нацистский функционер доктор Вагнер отмечал, что тот, кто хочет устранить классовую борьбу, сначала должен позаботиться о том, чтобы с рабочих сняли упрек в неопрятности¹⁷⁷. На самом деле душевые, раздевалки, аккуратные туалеты и заводские бассейны, может быть, и не повышали непосредственно производительность труда и зарплату, зато способствовали депролетаризации. Помимо практического значения проводимых мероприятий, рабочим пытались внушить впечатление партийной заботы о простом человеке, что и было целью Лея.

Разумеется, в деле целенаправленного улучшения условий жизни и труда рабочих нацисты не были пионерами — такие попытки предпринимались еще в XIX веке в Англии, где бирмингемский шоколадный фабрикант Кэдбери рядом с фабрикой построил для рабочих поселок, квартиры в котором вполне соответствовали тогдашним представлениям о благоустройстве; в том же XIX веке немецкий промышленник Крупп построил для своих рабочих небольшой городок в Руре; в начале XX века около Дрездена учителем А. Шпеера архитектором Тессеновым был построен «город-сад». Особый размах движение «город-сад» приняло в США, где Ф. Тейлор и Г. Форд положили начало поощрению социального партнерства и оптимистически-деловому отношению к труду. В 20-е гг. в Германии вопросы социальной политики, вопросы технизации и модернизации производства привлекали внимание общественности и политизировались. Почувствовав тенденцию, нацисты решили не упустить шанса и в этой сфере социальной политики: теоретические основания деятельности ведомства «Красота труда» заложил Адольф Гек — ученик основателя школы психологии производственной деятельности Гетца Брифса¹⁷⁸. Нацисты, в отличие от социал-демократов (ко-

торые, по признанию бельгийского социалиста Хендрика де Мана, совершенно игнорировали важную психологическую проблему радости труда), интенсивно эксплуатировали эту тему в своих социальных начинаниях. Функционеры из «Красоты труда» не ограничивались только устройством быта рабочих — в своей политике они активно использовали понятие эстетизации труда и технической эстетизации: культивировались функциональные промышленные постройки, стальные функциональные конструкции, обтекаемые формы гоночных автомобилей, подводных лодок и самолетов. Хотя внешне функционализм школы «Баухауса» отвергался как «культурный большевизм» (особенно усердствовал в этом отношении Розенберг), но постепенно этот стиль все же стал частью технической эстетизации. Движение «город-сад», рационализация, архитектурный модернизм, культ техники, идеология эффективности были нацелены на создание индустриального общества без классово-вой борьбы, что и являлось целью нацистов.

Ведомство «Красота труда» быстро разрасталось; новые отделы выступали с разнообразными инициативами. В 1936 г. ведомство отчитывалось, что ревизовано 70 тыс. предприятий, на заводах построены десятки тысяч кухонь и столовых, комнат отдыха, бассейнов и спортивных площадок на общую сумму в 1 млрд рейхсмарок (для сравнения — на строительство автобанов было израсходовано в 6 раз больше). Впечатляет и то, что само ведомство никакими средствами не располагало, да и оказывать прямое давление на предпринимателей оно тоже не могло, ему приходилось воздействовать лишь морально... Часть работ коллективы предприятий осуществляли бесплатно в свободное время (так строили бассейны на заводах). Иногда рабочие неодобрительно смотрели на эти начинания, высказываясь в том смысле, что «деньги, потраченные на строительство нового ватерклозета, лучше бы разделить»¹⁷⁹; однако всем было ясно, что такие высказывания — пустое и никчемное критиканство.

Часто и сами предприниматели, инженеры и служащие, захваченные энтузиазмом активистов ДАФ, шли им навстречу и проявляли инициативу. Так, Карл фон Зименс

еще в 1932 г. передал «Объединению служащих Зименса» (*Verein der Siemens-Beamten*) клубное здание, в котором разместились кружок любителей чтения и разные кружки по интересам — шахматный, филателистский; туда же (как в английский клуб) служащие могли прийти почитать свежую газету и побеседовать с коллегами. После 1933 г., следуя призыву нацистов к созданию бесклассового общества, в клуб служащих Сименса (переименованный в «Товарищество Сименса») стали приглашать и рабочих. Это, правда, не привело к массовому вступлению рабочих в клуб, но некоторые кружки (хоровой и оркестр) значительно расширились¹⁸⁰.

Большое значение Лей придавал организации соревнования на предприятиях, о необходимости которого он говорил в 1938 г.: «Немцы бедны материальными ресурсами, мы никогда не были богаты, у нас никогда не было достаточно даже земли, но быть бедными — это не порок, зато мы молоды и полны энергии. В борьбе за существование Германии нам нечего бросить на чашу весов, кроме прилежания, силы и способности немцев. Поэтому в Германии не должно быть ни одного необученного рабочего. Если мы говорим об обязанностях людей, то для их наиболее полного исполнения им нужны и права. Первое и самое важное правило — это открытие пути для самых способных. До войны у нас в стране очень трудно было пробиться наверх, а сейчас ситуация радикально изменилась. Возможности для развития человека не должны зависеть от денег и происхождения. Бедный человек должен иметь такие же шансы, как и богатый. ...От хорошо налаженного труда нельзя устать морально; человек, который овладевает своим ремеслом, не устает от него. Устает лишь тот, кто не может справиться со своей работой, у кого нет веры. Эта буржуазная “усталость” должна исчезнуть из нашего народа»¹⁸¹. Важнейшим средством достижения сформулированных целей Лей считал соревнование.

Роль адвоката рабочих мешала ДАФ в организации соревнования; для Лея это было сложное и малоприятное занятие, хотя организованные на производстве соревнования способствовали не только увеличению объема про-

изводства (как того требовало государство), но и подъему отдельных рабочих по социальной лестнице и причинной повышению социального престижа рабочих профессий. Основными формами соревнования были соревнования по профессиям (преимущественно для рабочей молодежи) и (с 1936 г.) — соревнование отдельных предприятий. Достижения отдельных предприятий рассматривались экспертами по различным параметрам — от производственных до социальных вопросов.

В августе 1936 г. указом Гитлера было введено награждение победителя, которому присваивалось звание «национал-социалистическое образцовое предприятие» и переходящее знамя¹⁸². В указе говорилось, что предприятия, претендовавшие на звание «образцовых», должны не только соблюдать разработанные ДАФ принципы, такие как «красота труда», но и удовлетворять требованиям к уровню профессиональной подготовки, к «степени общности» между фюрером предприятия и его подчиненными.¹⁸³

В 1937 г. в соревнованиях по профессиям (под лозунгом «Дорогу самым способным и дельным») приняло участие 1,8 млн человек¹⁸⁴. Ориентация на соревновательный индивидуализм способствовала социальной атомизации и сокращению социальной солидарности, что противоречило интересам нацистской народной общности, однако нацистское стремление к эффективности и высокой трудовой этике соответствовали потребностям государства, а также пропагандируемым социал-дарвинистским идеям. Правда, «соцсоревнования» неожиданно натолкнулись на соперничество отдельных нацистских ведомств, чьи руководители сочли, что слишком много сфер Лей забирает под свой контроль. В феврале 1937 г. под предлогом бесполезного расходования сырья и «неверного использования капиталов» министр экономики Шахт запретил государственным предприятиям, службам и всем бюджетным организациям и военным заводам участвовать в «соцсоревновании»¹⁸⁵. В итоге Лею пришлось ограничиться премированием 30 предприятий (преимущественно пищевой промышленности), а крупные военные предприятия в соревновании участия не приняли.

ДАФ имела возможность материально поддерживать рабочих в случае болезни, потере рабочего места и травмы на производстве. Реализация лозунга «твое здоровье не является только твоим личным делом» рассматривалось режимом как предпосылка оптимальной отдачи рабочих на производстве и роста производительности труда. Новые медицинские программы по профилактике заболеваний на предприятиях и в школах, по охране материнства и детства носили прогрессивный характер.

Важнейшими сферами социальной политики Лей считал жилищное строительство и социальное страхование: хорошая просторная квартира играла решающую роль в вопросах создания и защиты большой здоровой семьи, а достаточное социальное обеспечение по болезни и старости должно было дать немецкому народу уверенность в завтрашнем дне¹⁸⁶. Надо отметить, что вскоре после прихода к власти нацистам удалось преодолеть застой в движении жилищных кооперативов¹⁸⁷. При Шахте кредитование этих проектов занимало прочное положение в системе расходов Рейхсбанка. Имели место также государственные социальные жилищные программы: один из самых активных сторонников Лея гауляйтер Й. Бюркель провозгласил во вновь присоединенном к Германии Сааре осуществление большого проекта социального жилищного строительства, при этом было устроено демонстративное сожжение барачков бедноты как последнего символа классового разделения и классовой ненависти. В 1936 г. Бюркель демонстративно противопоставил лозунгу Геббельса «пушки вместо масла» свой лозунг: «пушки — это хорошо, но более ценным для нас являются новые квартиры для рабочих». Для Геббельса эти требования Бюркеля были слишком «социалистическими»; его радикализм раздражал и Гитлера, но он хранил лояльность по отношению к одному из самых активных и энергичных своих гауляйтеров¹⁸⁸. Правда, перед лицом мобилизации Бюркель отказался от своих социальных требований, и во время войны содержание его политики мало отличалось от политики коллег-гауляйтеров.

Программы «Института труда» в рамках ДАФ (*Arbeitswissenschaftliche Institut der DA F*), посвященные концепции

новой политики в сфере зарплаты, профессионального образования и здравоохранения, носили весьма прогрессивный характер. К примеру, программа предусматривала введение государственной пенсии вместо практикуемых отчислений в счет будущей пенсии¹⁸⁹. Кроме введения государственного пенсионного обеспечения, планировалась ликвидация разделения социального обеспечения на рабочее, для служащих и для крестьян; в новую систему планировалось включить всех, на чем во времена республики всегда настаивали лидеры рабочего движения¹⁹⁰. В социальном жилищном строительстве ДАФ добивался достижения соответствующих современным требованиям и представлениям размеров жилья¹⁹¹. Для преодоления проблем с жильем ДАФ и правительство широко использовали налоговые льготы, субсидии и дарственные; они вкладывали деньги в жилищное строительство, но в этой сфере нацисты отставали от Веймарской республики, в годы которой только в Берлине было построено 230 тыс. квартир, а в годы нацизма — только 102 тыс., из которых большая часть была заложена еще до кризиса, а потом законсервирована¹⁹². А до того момента, когда жилищные проблемы большинства немцев должны были решиться путем строительства, нацисты пытались решить их за счет евреев. Так, жалкие жилищные условия большинства венцев были следствием урбанизационного бума конца XIX века: жажда легкой наживы привела к строительству большого количества дешевого и плохого жилья и возникновению трущоб. Преследования евреев, эмиграция, высылки и аресты «высвобождали» вождеденное жилье; таким образом смягчалась социальная напряженность. До декабря 1938 г. в 44 тыс. квартир евреев сменились владельцы. Несмотря на то, что значительная часть населения Вены принимала участие в «аризации» жилья, в отнятии у евреев мебели и предметов домашнего обихода, — жилищную проблему решить не удалось: потребность составляла 150 тыс. квартир. В июле 1939 г. гауляйтер Вены Бюркель для того, чтобы освободить квартиры для арийцев, предлагал выселить из Вены всех евреев и поселить их в бараках. Но до барачного дела

не дошло, так как цена их строительства показалась слишком высокой: стоимость жилья на одного человека составила 599 рейхсмарок (при норме в 15 кв. м. на еврейскую семью из 4 человек). Более приемлемым оказалось выселение евреев в Польшу: 3 декабря 1940 г. гауляйтер Ширах получил указание выслать 40 тыс. венских евреев в генерал-губернаторство¹⁹³.

Собственно идеологическая работа в ДАФ с 1937 г. была сосредоточена в ведомствах «Праздники» и «Народное образование» (*Volksbildungswerk*). Ведомство «Праздники», вследствие борьбы компетенций (с 1934 г.) в области культурной политики между Леем и Розенбергом (а затем и Геббельсом), было окончательно оформлено лишь в 1937 г. Оно забрало в сферу своей деятельности народный театр и самодеятельность, народные развлекательные программы, ранее относившиеся к розенберговскому КДК. С помощью сети отделений ведомство «Праздники» организовывало массовые посещения трудящимися театральными спектаклей и концертов с классическим репертуаром. При этом часть расходов брали на себя предприятия. Это ведомство организовывало на предприятиях художественные выставки, товарищеские вечера, совместные празднования или юбилеи, вечера хорового пения, танцевальные вечера и кружки по интересам, начиная от филателистов и кончая любителями шахмат. С 1937 г. (по поручению «имперского крестьянского вождя» Даре) ведомство «Праздники» получило полномочия для организации и проведения праздников на селе; при этом подчеркивалась необходимость целенаправленной работы по сохранению традиционных крестьянских обычаев и традиций, поощрению народного творчества и ремесла (помимо прочего, это должно было остановить отток крестьян в город). Разумеется, немецкая публика положительно реагировала на деятельность ДАФ: 60 млн участников в 224 тыс. мероприятий в 1939 г. — это впечатляющие цифры¹⁹⁴.

Близкое по целям к ведомству «Праздники», ведомство «Народное образование» тоже долго и трудно боролось за свою сферу компетенций. Сначала ведомство от-

вечало за продолжение образования, за политическую и профессиональную учебу сотрудников ДАФ, а с середины 1936 г. ему было поручено создание новых (и поддержка старых) образовательных и просветительских учреждений для народа и создание различных курсов на предприятиях и в деревне. С апреля 1939 г. ведомству были переданы и подростковые просветительские организации, ранее находившиеся в ведении отдельных коммун. Профессиональное совершенствование ограничивалось обычными курсами переподготовки: существовало множество курсов по изучению иностранных языков, математические курсы, курсы по технике и практике коммуникаций, курсы психологии. В принципе, ведомство выполняло функции современных народных университетов, существующих в европейских странах. Экскурсии, познавательные путешествия и туры в рамках ведомства «Народное образование» имели больше претензий на познавательность, обучение и научность, чем в ведомстве «Праздники». Для культурного и содержательного времяпровождения при ведомстве существовали курсы изобразительного искусства, скульптуры, музыки и художественной фотографии, плата за которые была невысока. Ведомство «Народное образование» руководило работой передвижных и производственных библиотек, включая библиотеки на морских лайнерах ДАФ. Комплектование, и, следовательно, надзор за подбором книг в этих библиотеках входило в задачи ведомства. По инициативе ведомства в 1937 г. были учреждены деревенские библиотеки для деревень с населением свыше 2 тыс. жителей ¹⁹⁵.

Колоссальные масштабы охвата рабочего населения (в 1939 г. 75% трудящихся были так или иначе вовлечены в работу ДАФ) предоставляли идеальные условия для пропагандистской и идеологической работы; идеологи ДАФ этого и не скрывали; так, экономист Эрнст Шустер, на всемирном конгрессе по проблеме свободного времени и отдыха в 1936 г., в докладе «Мировоззрение и свободное время» сказал: «Устройство свободного времяпровождения и отдыха возможно только исходя и определенного мировоззрения и в рамках общего мировоззрения. Общее миро-

воззрение даст нам ответ о цели и смысле свободного времени и отдыха и убедит нас в том, что достижение искомой цели возможно только в рамках совместных усилий и организации»¹⁹⁶. В такой системе взглядов отдых был только предлогом для демонстрации народной общности, поэтому определяющим фактором нацистской политики свободного времени была не отдых трудящихся, а социализация. Как бы там ни было, но ряд мероприятий ДАФ имел несомненные признаки модернизации в социальной сфере, несмотря на то, что нацисты, в подражание средневековью, хотели представить свои начинания как «сословные». Вообще, все «имперские сословия» Третьего Рейха (*Reichsstände*) — ремесленные, торговые, промышленные и творческие — были организациями, не отвечавшие своему названию и не имевшие никакого отношения к тем средневековым сословиям, о возрождении которых мечтали теоретики «консервативной революции» в Веймарской республике. Сословный средневековый порядок нацистские «сословия» воспроизводили лишь в части ощущения социальной безопасности и гарантированности существования. Более существенным было, однако, то, что нацистская «сословная» система была инструментом воспитания кадров, рычагом увеличения производительности труда и интенсификации производства. Такая «инструментализация» сословной политики полностью соответствовала объективной необходимости модернизации и расширения производства перед лицом планируемой Гитлером войны. Все это, однако, не убавляет значимости начинаний в социальной политике, предпринятых ДАФ в довоенные годы; многие из них носили пионерский характер и были настоящим прорывом в социальной сфере. Так, если в 1933 г. из 42 тыс. берлинских рабочих 28 тыс. из-за непродолжительности отпуска не покидали Берлин, то вскоре средний минимальный годовой отпуск промышленного рабочего был увеличен с 3 до 6 дней (для молодежи — до 7). Сначала улучшение показалось рабочим несущественным (тем более что они его и не добивались), но вскоре они оценили нововведение: богатая ДАФ сделала отпускные путешествия и экскурсии доступными для миллионов людей. Вопросами планирования

и организации отдыха рабочих занялась созданная в рамках ДАФ организация, имевшая несколько странное для русского уха название «Сила через радость» — КДФ (*KdF—Kraft durch Freude*); она, например, предлагала немцам ранее для них непривычные поездки в отпуск (Гитлер требовал «достаточного» отпуска для немецких рабочих)¹⁹⁷. КДФ была создана по образцу итальянской «Дополаворо»¹⁹⁸ (*Opera Nazionale Dopolavoro*). В относительно бедной Италии, однако, ее начинания не получили столь большого распространения, как в Германии. Учредительное собрание КДФ состоялось 27 ноября 1933 г. в присутствии министра пропаганды Геббельса - не было сомнений в том, что новая организация будет преследовать, в первую очередь, воспитательные цели.

На учредительном собрании Лей заявил, что в связи с растущим напряжением на производстве в выходные дни рабочие должны полноценно отдыхать; что только насыщенный впечатлениями и активной разнообразной деятельностью и развлечениями отпуск в состоянии дать полноценный отдых, и только он готовит человека к активному труду и самоотдаче. Безделье же порождает преступные намерения, ощущение пустоты и никчемности, а «это очень опасно для государства». Для того чтобы пробудить у рабочих чувство счастья и благодарности и ликвидировать у них комплекс неполноценности, нужно обеспечить им доступ к культурным ценностям, доступным ранее только буржуазии. Для содействия физическому и духовному здоровью нужно расширять возможности для массового спорта, организовывать для рабочих туристические поездки; туризм должен способствовать усилению любви к родине, к ее природе и ландшафтам. В конечном счете Лей ожидал от КДФ помощи в создании «новой общности, нового общества национал-социалистического государства». *De jure* положение КДФ как подразделения ДАФ было определено Гитлером 24 октября 1934 г. Благодаря членским взносам и дотациям ежегодные расходы КДФ в 1933—1942 гг. составляли в среднем 26,7 млн марок¹⁹⁹.

Как и партийная организация, КДФ имела несколько уровней: имперский, гау (областной), окружной и ме-

стный. «Фирменным знаком» КДФ и ее символом было руководимое с 1938 г. доктором Бодо Ляферентцем ведомство туризма, путешествий и отпуска (*Reisen, Wandern und Urlaub*). В 1970 г. каждый третий рабочий ФРГ провел отпуск за границей - это впечатляющая статистика, но процесс демократизации туризма начался еще при нацистах. Под лозунгом «немецкий рабочий путешествует» была инициирована туристическая кампания для простых немцев — это носило беспрецедентный характер. Организацией такого туризма занималось ведомство Ляферентца. Пресс-секретарь ДАФ сказал о работе этого ведомства: «лучшим доказательством народного характера новой власти и лучшей пропагандой за нее является то, что тысячи людей с мозолистыми руками стали счастливыми отпускниками»²⁰⁰. В самом деле, КДФ и ее программа для отпускников была одним из самых популярных начинаний нацистского режима. Более того, вследствие популярности этой программы КДФ стала одним из самых ярких символов нацистского режима и предметом зависти иностранцев²⁰¹. Большой интерес у иностранных гостей вызывала работа ведомства спорта во главе с имперским спортивным руководителем Гансом фон Чаммером и Остеном, а также упоминавшееся выше ведомство «Красота труда» во главе с архитектором Альбертом Шпеером.

Ведомство Чаммера занималось не только производственной гимнастикой и спортивным досугом, но и организацией больших спортивных соревнований и спортом для отпускников; с 1936 г. оно проводило закрытые спортивные циклы для СС, отвечало за состояние спортивной работы в лагерях трудовой повинности и на строящихся автобанах. В распоряжении ведомства Чаммера были собственные спортивные базы и дома отдыха (включая и лыжные базы) в Гарце, Баварии, Тироле, а также базы и инвентарь для занятий парусным спортом и греблей. Считавшийся буржуазным парусный спорт стал доступен многим: недельный курс стоил 50—60 марок, включая услуги инструктора. На Химзее был открыт парусный клуб для девушек. Однонедельные курсы горных лыж на горных курортах, включая инструктора, проживание, питание, инвентарь и дорогу,

стоили 23 марки²⁰². Чтобы представить масштаб цен: средняя зарплата в Германии составляла около 170 рейхсмарок.

Ведомство Ляферентца охватывало почти все возможные современные направления туризма. Организовывались однонедельные туристические поездки по стране, в уик-энд проводились вылазки на природу на велосипедах, пешком или в комбинации с автобусной экскурсией. Часто практиковались туристические поездки всем коллективом предприятия или семейные путешествия по вполне доступным ценам. Существовали двухнедельные просветительские поездки — по Рейну, в «присоединенную» Австрию или в Шварцвальд. На доступном уровне цены удерживались за счет многочисленных специальных скидок. Например, билет в поезде в третьем классе стоил для отпускника на 50—75% меньше; столь же серьезные скидки были на гостиницу и питание (иногда за счет качества; этого трудно было избежать, и счастливые отпускники относились к этому с пониманием: если до прихода к власти нацистов иностранный туризм считался привилегией верхушки общества, то для рабочих все это было внове). ДАФ распространила свою активность на считавшиеся «буржуазными» горные лыжи, теннис, верховую езду, театр и танцевальные клубы, спорт, вечеринки рабочих коллективов. Неделю отпуска можно было провести и в баварских Альпах за \$ 11, включая прокат лыж и инструктаж. 14-дневный летний отпуск на Тегернзее стоил 54 рейхсмарки. В 1936 г. на острове Рюген был построен морской курорт — первый из запланированных пяти климатических курортов, принимавших в год 350 тыс. гостей. Недельный курс на таком курорте стоил всего 20 рейхсмарок²⁰³.

Для организации морского туризма сначала использовали старые суда, плохо приспособленные для массовых морских вылазок: с душными спальными залами, с примитивным санитарным обеспечением, иногда без водопровода. Затем 1 мая 1936 г. в Киле было заложено два корабля-близнеца «Вильгельм Густлов»²⁰⁴ и «Роберт Лей», по 25 тыс. тонн водоизмещения каждый, рассчитанных приблизительно на одинаковое число пассажиров. Примечательно, что каюты на судах не делились по классам. Судна были

спущены на воду в мае 1937 г. На «Роберте Лее» на 1600 пассажиров приходилось всего 40 ванных комнат и 100 душей — таким образом конструкторы выгадывали место²⁰⁵. Недельный круиз (рабочий отпуск и составлял неделю) на Мадейру стоил \$25 (чуть больше 150 рейхсмарок), включая дорогу и 5—6 разовое питание. До КДФ поездка на Мадейру стоила около 400 рейхсмарок и была доступна только состоятельным людям; впрочем, в обычных туристских фирмах такие путешествия стоили по-прежнему дорого. Морские путешествия КДФ мгновенно завоевали популярность — на Гельголанд ходил пассажирский лайнер «Адмирал», в Геную — «Сьерра Кордова», в норвежские фьорды — «Осана», на остров Тенерифе (Канары) — «Роберт Лей». Большую часть судов КДФ арендовала. Пятидневное морское путешествие в Норвегию обходилось в 55 рейхсмарок (включая железную дорогу и полный пансион в пути), правда, из-за нехватки валюты, без захода в норвежские портовые города²⁰⁶. Наиболее удачно организованными были дневная поездка на остров Гельголанд, плавания на пароходе по Балтике или по Средиземному морю, на Мадейру, Азоры или Канары, а также просветительские экскурсии в Венецию, Неаполь и Афины. Планировались даже поездки в Японию, но им помешало начало Второй мировой войны.

Кроме упомянутых специальных ведомств, в КДФ (в 1939 г. — 7,5 тыс. штатных сотрудников и 130 тыс. внештатных совместителей) был даже свой «народный театр» и собственный симфонический оркестр (90 человек), непрерывно гастролировавший по стране²⁰⁷. В крупных городах «ведомство праздников» располагало собственными сценами и разъездными театральными труппами; многочисленные передвижные киноустановки добирались до самых глухих углов Германии. Для рабочих билеты на концерты и в театр дотировались КДФ (в берлинскую оперу билет для рабочего стоил 1 рейхсмарку); средства на дотацию поступали от ДАФ, самой богатой общественной организации Третьего Рейха. В 1934—1942 гг. КДФ было израсходовано 240 млн рейхсмарок²⁰⁸.

Участие в программах КДФ было добровольным, что объяснялось ее огромной популярностью. До 1939 г. в

туристических программах КДФ приняло участие свыше 7 миллионов немцев; еще 35 млн - в организованных КДФ пикниках; только в 1938 г. КДФ устроила 140 тыс. представлений-капустников (*Bunte Abende*) для 50 млн зрителей. КДФ даже организовывала поездки рабочих на Байрейтский фестиваль музыки Вагнера. Недельное пребывание по путевке КДФ (три концерта, ночлег, питание) стоили 65 рейхсмарок²⁰⁹, что было вполне по карману простому человеку. Просветительская однодневная экскурсия в «немецкий Париж» — Лейпциг — стоила 4,5 рейхстмарки, включая поезд, обед, план города и расписание работы выставок²¹⁰. В 1934 г. в рамках организации ДАФ «Сила через радость» в туристические туры отправилось 2 миллиона человек, в 1935 г. — 3 млн, в 1936 г. — 6 млн, а в 1937 г. — 9 млн человек. До начала 1938 г. было зарегистрировано 384 морских путешествий (490 тыс. участников) и 60 тыс. других путешествий (19 млн участников). Еще до начала войны, в 1939 г., 7 287 715 немцев участвовало в 76 106 поездках и путешествиях, 20 895 402 немцев приняло участие в 1 017 243 спортивных соревнованиях²¹¹. Политическая активность КДФ (и в целом ДАФ) в сфере досуга была действенной и эффективной: в 1934 г. в отпускных путешествиях участвовало 2,3 млн немцев, в 1938 г. — 10,3 млн, а непосредственно перед войной мероприятиями КДФ был охвачен каждый второй немец — насчитывалось 54,6 млн участников различных мероприятий КДФ²¹². Не в последнюю очередь благодаря ДАФ Гитлер смог заручиться поддержкой самого квалифицированного, трудолюбивого и дисциплинированного в западном мире рабочего класса²¹³.

Логическим завершением эволюции роли ДАФ в социальной сфере стало то, что в конце 1938 г. Лей представил на рассмотрение фюреру ряд законов о полномочиях своей организации (в случае их принятия, по словам Гиммлера, они поставили бы ДАФ выше государства и партии). Гигантомания Лея была следствием стремления к всевластию, которое, в свою очередь, являлось выражением апокалипсического духа национал социализма в целом, и его огромной динамики. Эта динамика привела к множеству инициатив в самых разных сферах жизни и производства,

контроль над этими инициативами утеряли не только предприниматели, но и правительство. Зато во время войны место представительства рабочих интересов в ДАФ занял строжайший контроль и радикальный тейлоризм²¹⁴. Теперь ДАФ стала требовать 72-часовой рабочей недели, а туристические корабли КДФ превратились в плавучие лазареты для солдат.

Итак, в основе нацизма лежала реальная социальная динамика; сохранение и поддержание этой динамики для Гитлера было принципиально важно, и он был готов на многие жертвы ради достижения качественно более высокого социального уровня развития немецкого общества в мирное время и не слишком значительное падение социальной сферы во время войны. Некоторые историки считают, что и «блицкриги» Гитлер планировал оттого, что хотел избавить германский народ от тягот длительных войн²¹⁵. Гитлер помнил, что главной причиной поражения Германии в Первую мировую войну был крах социальной сферы и морально-политическая деградация тыла; подобное развитие событий ему, бесспорно, на какое-то время удалось предотвратить — серьезные тяготы войны немцы ощутили не раньше 1944 г.

Как справедливо указывал английский историк Алан Милуорд (*Alan S. Milward*), социальная политика во время войны делилась на фазу блицкрига и фазу тотальной войны; переход к последней означал некоторые принципиальные перемены в социально-политической и социально-экономической сферах²¹⁶. Иными словами, 1 сентября 1939 г. для немцев не стало датой, знаменующей в социальной сфере перемены в худшую сторону. Причина в том, что после начала войны (1939 г.) нацистское государство старалось не подвергать население излишним перегрузкам, и на первом этапе войны ее влияние на немецкое население как в общественной, так и в частной жизни было незаметным; такой «щадящей» установки Гитлер не отменил даже тогда, когда возникла действительная потребность и необходимость жестких мер. Вслед за Раймоном Ароном следует констатировать, что в демократической Англии мобилизация людей и ресурсов оказалась более радикаль-

ной, чем в Третьем Рейхе²¹⁷. Нацистское руководство не хотело проводить радикальных мер на рынке труда: никаких решительных мер не принималось даже для необходимой в конце войны перегруппировки трудовых ресурсов. Предпринятые в конце концов меры (отбор с невоенных предприятий квалифицированных рабочих, закрытие ремесленных предприятий и др.) были недостаточны и не отвечали растущим потребностям военной экономики. Информаторы СД передавали, что после вышеперечисленных мер в мелкобуржуазной среде создалось впечатление, (абсолютно нежелательное для режима), что это только предлог для того, чтобы покончить с частным предпринимательством и ввести систему социализированных предприятий наподобие той, что была в СССР²¹⁸. Ответственные за это дело ведомства обязаны были избавить попадавших в трудную ситуацию людей от неприятностей²¹⁹. Иллюстрацией может служить и налоговая политика: уступки в сфере зарплаты и повышение реальных доходов при тенденции к дефициту товаров заставили руководство в конце 1939 г. подумать о «нейтрализации» чрезмерной покупательной способности немцев, но военные успехи 1940 г. поставили крест на всех экономических мерах и планах по снижению покупательной способности населения²²⁰, больше всего боялись, что какая-либо слишком сильная мера «вызовет в народе волнение»²²¹. После начала войны нацистское руководство занялось переделкой и реформированием на военный лад социальной сферы: об этом свидетельствовали указ от 3 сентября 1939 г. о военном положении Германии. Однако по мере развития военных событий все пункты этого указа были ревизованы в сторону смягчения или ликвидации²²².

Германия зависела от продовольственного импорта, поэтому рационирование жиров и продовольственных товаров началось еще до войны; в августе 1939 г., введены были карточки и на одежду. Запасов простой пищи (хлеба, картофеля, бобов) было вполне достаточно, а недельные нормы по карточкам составляли: мяса — 1 фунт (0,453 кг), масла — четверть фунта, маргарина — 100 г., 62,5 г. сыра и 1 яйцо²²³. Карточная система была чрезвычайно

обстоятельной: были введены карточки даже на корм домашним животным²²⁴.

Гитлер не хотел увеличивать тяготы населения²²⁵, и благодаря его стараниям война почти не изменила ни жизненный уровень, ни состояние снабжения, ни рынок труда, ни достигнутый уровень социальной защищенности, ни трудовое законодательство. Примечательно то, что остался без изменений и 8-часовой рабочий день, хотя за счет дополнительно оплачиваемых сверхурочных работ продолжительность рабочей недели увеличивалась, а отпуска и праздники несколько сокращались. После начала войны отменили отпуска, но в ноябре 1939 г. запрет на отпуска был снят. В начальный период войны иногда объявляли воскресенье рабочим днем²²⁶. 4 сентября 1939 г. вместо всеобщего снижения зарплаты последовало лишь ее замораживание, а задержка всевозможных доплат и отпусков была через два месяца отменена. От специфических военных мер в социально-экономической сфере остались высокие налоги на алкоголь, сигареты, на театральные билеты и на проезд в общественном транспорте. К 1942 г. подоходный налог по сравнению с 1939 г. почти удвоился, но частные сбережения граждан росли и с 1938 г. до 1941 г. выросли в четыре раза, составив 44,6 млрд рейхсмарок²²⁷. К сбережению средств (а следовательно, и финансированию военных расходов) призывал лозунг: «в войну копить — после войны строить» (*Im Krieg sparen — später bauen*); немецкого обывателя он прельщал перспективой иметь после войны собственный дом.

Провал концепции блицкрига означал начало тотальной войны. Гитлер не планировал; она стала импровизацией, расстроившей систему социальных гарантий, на которую первоначально возлагали так много надежд и которая рассматривалась как надежный каркас режима. В соответствии с планами Шпеера, с осени 1943 г. немецкое производство предметов потребления должно было радикально сократиться, но этого не произошло, или из политических соображений не было осуществлено до конца²²⁸. Поэтому словосочетание «тотальная война» имела для большинства немцев скорее пропагандистское зна-

чение вплоть до начала 1945 г., когда союзники начали военные действия на немецкой территории. Советский Союз, напротив, вел тотальную войну с самого начала; она и стала главной причиной нашей победы.

Нацистская благотворительность и немецкое общество

В годы Веймарской республики внутри НСДАП существовали лишь зародыши системы нацистского социального вспомоществования, и активисты партии ограничивались посильной помощью членам партии либо СА, оставшихся без крова или без средств к существованию. В отличие от слабой нацистской благотворительности, в Германии в период Веймарской республики существовали сильные не нацистские благотворительные организации — протестантская «Внутренняя миссия» (*Innere Mission*) с 1848 г., католический «Немецкий благотворительный союз» (*Deutsche Caritasverband*) с 1896 г., немецкий «Красный Крест», «Рабочее благополучие» (*Arbeiterwohlfahrt*). «Христианская рабочая помощь» (*die christliche Arbeiterhilfe*), «Союз благополучия на паритетных началах» (*Paritätische Wohlfahrtverband*). Довольно большими были конфессиональные благотворительные организации — они располагали половиной мест для призрения престарелых, больных, беспризорных. В религиозных благотворительных организациях работали десятки тысяч сестер и сиделок; половина из них одновременно была занята и в государственном здравоохранении. После 1933 г. нацисты смогли унифицировать все названные выше организации социального вспомоществования (кроме двух религиозных), а их имущество перешло к нацистской организации вспомоществования²²⁹.

До прихода нацистов к власти только столичная партийная организация активно занималась благотворительностью. Эту организацию гауляйтер Берлина Геббельс заметил еще в 1931 г., распорядился оказывать ей финансовую помощь и активно использовал ее в пропаганде. После 1933 г. Геббельс постарался распространить опыт работы столичной благотворительной организации на весь Рейх, а во главе ее поставил Эриха Хильгенфельда, самого

серьезного социального политика Третьего Рейха; он руководил этой организацией с 1933 г. и до самого ее конца. Уже в мае 1933 г. Гитлер признал организацию Хильгенфельда частью партийной организации, также были признаны и ее компетентность по всем вопросам благотворительности. Речь идет о «Национал-социалистической службе народного благополучия» НСВ (*NSV — Nationalsozialistische Volkswohlfahrt*), второй по величине после ДАФ.

Первое время (после 1933 г.) сотрудничество между НСВ и религиозными благотворительными организациями проходило нормально; Хильгенфельд подчеркивал свою в этом заинтересованность. Протестанты из «Внутренней миссии» были довольны, что после роспуска партии Центра было восстановлено равновесие между двумя разновидностями христианства: ведь собственной политической партии у протестантов не было. Новый президент немецкого Красного креста герцог Саксен-Кобургский Карл Эдуард был вполне лояльным нацистскому режиму человеком: на торжественных заседаниях своей организации он даже ввел нацистское приветствие и нацистский гимн. Впрочем, с 24 марта 1934 г. с автономией религиозных благотворительных организаций было покончено, и в этой сфере также был введен принцип фюрерства: руководство на себя взял Хильгенфельд²³⁰. По настоянию Гитлера ликвидировать религиозную благотворительность не стали, и только во время войны (10 марта 1940 г.) церковная благотворительность была распущена — гестапо конфисковала детские сады и приюты и передало их НСВ²³¹.

Поначалу в партии весьма прохладно относились к самому термину «благополучие», ибо он ассоциировался с Веймарской республикой и профсоюзным движением, но так продолжалось недолго: придя к власти, нацисты поставили на повестку дня задачу продолжения мощной немецкой традиции социальной политики. Исходя из этой потребности, Эрих Хильгенфельд энергично взялся за решение социальных задач. Сам бывший военный, он ввел в НСВ жесткий командный стиль; его задачей было создание строго централизованной и скрупулезно выполняющей предписанные функции системы социального вспомоществования

в масштабах Рейха. Как указывалось выше, сначала активность НСВ была незаметной по сравнению с деятельностью рабочих благотворительных организаций, с христианской и еврейской благотворительностью и с Красным крестом. Сначала в ее компетенции не входило даже негосударственное вспомоществование и вспомоществование общин. К тому же внутри нацистского режима шла напряженная борьба за компетенции любого рода — каждая группа (будь то СА, СС, Гитлер-югенд и др.) стремилась отхватить наибольшую власть; каждая группа хотела бы взять организацию вспомоществования для своих членов в собственные руки. Лишь после того, как в мае 1933 г. под руководством Хильгенфельда были проведены первые успешные акции по собиранию средств и вещей, Гитлер признал НСВ как «внутрипартийную организацию на общее благо», как организацию, отвечающую за вспомоществование в масштабах всей страны²³². Впоследствии Хильгенфельд воспользовался формальными полномочиями для преодоления конкуренции соперников — в этом значительную помощь ему оказали Геббельс и министр внутренних дел Фрик. Хильгенфельд так формулировал задачу НСВ: «Главной задачей НСВ должно стать вспомоществование всем здоровым силам нации и служба на благо здоровья нации»²³³. Что касается соперничающих групп, то с ними Хильгенфельд заключил соглашения о разграничении сфер влияния. Хильгенфельду удалось договориться с руководством нацистской женской организации, но зато с ДАФ отношения никак не ладилась — у Хильгенфельда и Лея была взаимная антипатия²³⁴. В январе 1936 г. в процессе переговоров с руководством «Немецкого собрания общин» (*Gemeindetag*) и главой партийного комитета коммунальной политики рейхслейтером Карлом Филером Хильгенфельду под своей эгидой удалось провести слияние всего частного и государственного вспомоществования. Неустанно твердя, что не он стремится к вмешательству в деятельность государственных и общинных инстанций, он собирался именно унифицировать всякую благотворительность. Следует отметить, что Хильгенфельд был очень честолюбивым человеком, и его стремление к власти вывело НСВ далеко за

пределы собственно социальной помощи. К примеру, Хильгенфельд забрал в свое ведение руководство и обеспечение «онемечивания или аризации» детей оккупированных нацистами народов. Хильгенфельд все делал основательно: говорят, что после посещения одного из приютов для сирот из Восточной Европы он писал Гиммлеру, что либо этих детей надо как следует кормить, чтобы они стали хорошими работниками, либо убить, чтобы они не мучились²³⁵. Хильгенфельд даже планировал отобрать у Гиммлера интернаты «Лебенсборн», в которых воспитывали детей фронтовиков. Геринг (в рамках четырехлетнего плана) поручил ему «пост» имперского уполномоченного по использованию кухонных и пищевых отходов, что послужило поводом к насмешкам²³⁶. С другой стороны, это свидетельствовало о тщательном и скрупулезном подходе к делу, о стремлении рационально учесть все ресурсы. Сфера компетенций НСВ была огромной и простиралась не только на собственно вспомоществование, но и на соседние сферы — помощь молодежи, опека материнства и детства (программа «Мать и дитя»), летние и рекреационные лагеря для школьников, женские консультации, детские сады. Хильгенфельду подчинялись центры по подготовке персонала для социальной работы, юридические консультации для молодежи; его организация регулировала процесс усыновления детей, курировала сестринское дело и так далее. В 1938 г. в сестринском деле было задействовано 6 тысяч сиделок, а во время войны вышел указ об обязательном отбытии девушками-студентками трехмесячной повинности в качестве сестер²³⁷. К 1939 г. НСВ стала самой массовой после ДАФ организацией Третьего Рейха, ее численность составляла 12,5 млн членов (15% населения Германии); организация располагала огромными финансовыми средствами²³⁸. Следует отдать должное активности Хильгенфельда и его подчиненных: облик благотворительности нацисты сильно изменили. Если в Веймарскую республику благотворительность (по мнению большинства немцев) деградировала до насквозь бюрократизированной и бездушной системы, то нацисты заменили бюрократизацию активностью, даже подвижничеством работников этой хлопотной сферы.

В разгар войны НСВ охватывала более 17 млн человек — это была самая большая в истории Германии благотворительная организация; по всей стране у нее были комфортабельные дома отдыха²³⁹. Активистки НСВ могли придираться даже к тем, кто в транспорте занимал места, резервированные для матерей с детьми и престарелых; таких нарушителей могли не только обругать, но и натравить на них штурмовиков, которые не отличались вежливыми манерами. В сознании широких масс населения НСВ часто олицетворяла совесть нации; она творила добро в чрезвычайно эффективной и эффектной форме и в невиданных ранее масштабах. Если и можно говорить о реализации декларированного нацистами лозунга о создании «национальной общности», то в наибольших масштабах это происходило в рамках НСВ. Можно считать, что НСВ стала не последней причиной удивительной лояльности немцев по отношению к нацистскому режиму все годы его существования (даже самые тяжелые военные). Получатели помощи были благодарны общественной системе, которая благоприветствовала расширение социальной помощи.

Хильгенфельдтом и его подчиненными (по инициативе Геббельса и под его патронажем) была организована программа «Зимняя помощь» (*Winterhilfswerk, WHW*), созданная для того, чтобы разгрузить государственную систему помощи безработным, а также для укрепления чувства национальной общности. По своим масштабам «Зимняя помощь» (ВХВ) превзошла все подобные прошлые кампании; даже критики режима признавали ее действенность и эффективность. Лозунгом ВХВ были слова «никто не должен голодать и мерзнуть»²⁴⁰. По всей стране ВХВ проводила хорошо организованные акции по сбору теплых вещей, пожертвований, отчислений от зарплаты, добровольного благотворительного участия в общественных работах. Пропаганда всемерно поддерживала эти мероприятия, благодаря чему многие деятели искусств принимали участие в благотворительных концертах и вечерах отдыха. О первой сезонной кампании «Зимней помощи» было объявлено 13 сентября 1933 г., и в зимние месяцы эти кампании проводились каждый год

вплоть до 1945 г. Денег иногда собирали так много, что их хватало даже для выделения средств религиозным благотворительным организациям «Внутренняя миссия» и «Каритас», которые, по идее, были конкурентами нацистской благотворительности. Как указывалось выше, по непонятной причине Гитлер и в 1941 г. отказался ликвидировать религиозную благотворительность и присоединить ее к партийным структурам. Впрочем, и без них Хильгенфельд сконцентрировал в своих руках значительные средства, которых так не хватало его организации раньше, тем более что к Хильгенфельду перешли средства всех организаций рабочего вспомоществования.

1 апреля 1933 г. ВХВ завершило первую кампанию, во время которой было собрано 320 млн рейхсмарок; это был огромный успех. 9 октября 1934 г. Гитлер открыл очередной сезон ВХВ. Выручка от сборов постоянно росла; так, в зиму 1937—1938 гг. была собрана сумма в 358,5 млн рейхсмарок²⁴¹. Через организацию Хильгенфельда проходили миллиардные средства, и она стала важным народнохозяйственным субъектом. 5 октября 1937 г. на собрании по случаю начала очередной кампании ВХВ Гитлер, оправдывая необходимость благотворительности, сказал: «Когда мне возражают и говорят, а не проще ли было найти нужные деньги, введя новый налог? Нет, это нам не подходит, хотя такой путь проще и многих освободил бы от хлопот. Дело в том, что ВХВ является важнейшим средством воспитания национальной общности»²⁴². Открывая кампанию 1935 г., Гитлер распространялся о необходимости введения в практику «обеда из одного блюда» (*Eintopfgericht*) и высказался в том смысле, что не надо возражать против этого блюда, предлагая взамен деньги, ибо только отведав незатейливого кушанья, можно понять простых немцев, которые едят его не раз в неделю, а каждый день в течение всей зимы²⁴³. У некоего мемуариста из жалования вычли сумму на «добровольное» пожертвование ВХВ, и о согласии его никто не спрашивал. Речь шла, практически, о новом налоге, уклониться от уплаты которого нельзя; добровольность заключалась в том, что человек имел право пожертвовать больше установленной суммы²⁴⁴.

Учителя распространяли среди учеников значки ВХВ, которые они должны были продавать соседям, а фамилии тех детей, которые не смогли выполнить определенную норму продаж, вносили в «черные списки» и вывешивали в школах... Кондукторы при оплате проезда часто «конфисковывали» сдачу на благотворительные цели. Постепенно добровольное жертвование в благотворительных целях становилось обязательным. Те, кто открыто отказывался от пожертвований, могли быть принуждаемы разными способами: от угроз до вызова на общее собрание для отчета и объяснения своего поступка. Перед домом «провинившегося» могла собраться толпа, выкрикивающая оскорбления в адрес неплательщика²⁴⁵.

«Благотворительная» лихорадка нацистов часто раздражала немцев; им не нравилось то, что огромные государственные средства тратятся на вооружение, а нацистская партийная организация на этом обогащается. Бедных эта помощь также не удовлетворяла: существовала даже шуточная расшифровка аббревиатуры ВХВ — «*Wir hungern weiter*» (продолжаем голодать дальше). Рождественские подарки, по свидетельству очевидцев, часто оказывались неуместными: в 1938 г. 11-летняя девочка получила грецкий орех, 6 лесных орехов, 6 крошечных кексов и пакет с грязными мужскими перчатками огромного размера²⁴⁶. Часто реакцией на активность функционеров ВХВ было демонстративное предпочтение немцами религиозной благотворительности, но позитивные впечатления от активности режима все-таки перевешивали.

В процессе деятельности ВХВ транспортировались огромные массы товаров — одежды, угля, дров, картофеля, крупы. В 1938 г. ВХВ скупил 33% немецкого морского улова рыбы и обеспечила ее транспортировку во внутренние районы страны. На Рождество ВХВ обеспечивала каждого ребенка, родители которого не в состоянии были это сделать, рождественским подарком. Любопытно, что функционеры ВХВ предпочитали вещи, а не денежные пожертвования, так как визуальный эффект от огромной массы собранных вещей был гораздо сильнее. Для лучшей наглядности в пропагандистской брошюре (1938 г.) было указано,

что из розданного ВХВ угольного брикета вокруг Германии можно было построить стену высотой в 9 метров²⁴⁷. Это должно было создать истинное представление о масштабах активности ВХВ, а также о степени солидарности немцев. В 1938 г. каждый жертвователь в ведомости благотворительности рядом с суммой собственного вклада мог написать предполагаемую сумму общего сбора по всей гау. Если эта сумма совпадала с фактической, то счастливчик получал приз — фотоаппарат, пылесос или портрет фюрера. Призы предоставляли немецкие фирмы в интересах рекламы или под давлением активистов НСВ²⁴⁸.

Нацистская благотворительность исключала помощь «расово чуждым элементам» (*Fremdrassischen*), лицам, находящимся в местах заключения, а также старым и беспомощным, предоставляя возможность оказывать такую помощь религиозной благотворительности. В этом смысле нацистская благотворительность резко отличалась от христианской благотворительности, для которой все люди от рождения были равны и в одинаковой степени нуждались в поддержке и помощи. По христианским правилам благотворительности, чем тяжелее была степень инвалидности, чем тяжелее был больной, тем в большей помощи он нуждался. Нищих полиция время от времени арестовывала и препровождала в концлагеря, ибо нацисты рассчитывали направить щедрость и сочувствие немцев на здоровые семьи соотечественников, испытывающие затруднения, а не на милостыни профессиональным нищим.

Несмотря на то, что «Зимнюю помощь» организовывала НСВ, в эту кампанию Хильгенфельдт подчинялся именно министру пропаганды Геббельсу, поскольку целью этой акции было продемонстрировать всему миру «социализм действия» (*Sozialismus der Tat*). Даже коммунисты, отказавшись от прежних убеждений, могли стать объектом благотворительности.

В войну помощь из средств НСВ предназначалась прежде всего эвакуированным, пострадавшим от бомбежек и детям (отправка их в летние мобилизационные или рекреационные лагеря из городов стала опасной вслед-

ствии непрерывных бомбежек). Часто НСВ оказывалась последней надеждой для людей, потерявших близких и имущество.

В заключение нужно констатировать, что утрата свободы с лихвой компенсировалась в Третьем Рейхе социальным равенством и благополучием (или перспективой таковых), к тому же для большинства немцев ликвидация социальной нужды значила несравненно больше, чем свобода. Можно сказать, что немецкий народ был опьянен идеалом национальной общности, социализмом, теоретика которого сами верили и старались убедить немцев, что на место векового немецкого разъединения и демократическо-партийного эгоизма встает верность и дисциплина единой нации, благополучие которой является основным предметом забот фюрера.

Влияние войны на уровень цен и доходов, на уровень снабжения, на рынок труда и условия труда по сравнению с Первой мировой войной было незначительным. Социальный мир был нерушим, и лишь наступление союзников разрушило внутренний порядок в Третьем Рейхе. В этой связи известная исследовательница социальной истории нацистской Германии Мария-Луиза Рекер указывала, что нацистская социальная политика до самого конца только укрепляла волю немцев к сопротивлению и консолидации во время войны²⁴⁹.

Обращает на себя внимание то, что социальная политика Третьего Рейха подтверждает характерную для нацизма несовместимость принципа идеологии и реальности: идеология национальной общности исключала наличие частных, гетерогенных интересов; она отрицала даже принципиальную возможность групповых интересов. Именно по этой причине социальная политика нацистов до последних дней не утратила характера «политики подкупа»²⁵⁰. С другой стороны, социальная политика была действенным инструментом социальной стабилизации, и масштабы этой стабилизации вполне можно определить как прецедент *welfare state*, который в прочих

западных странах в подобных масштабах проявился лишь после войны. Еще более отчетливо, чем в экономической и социальной сферах, нацеленность нацистского государства на достижение общего национального блага проявилась в его геополитике.

ГЛАВА III.

МЕСТО И РОЛЬ ФАКТОРА ГЕОПОЛИТИКИ В ГИТЛЕРОВСКОМ СОЦИАЛИЗМЕ

Европа Цезарей! С тех пор как в Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних -
Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственна карта.

(О.Э. Мандельштам)

«Не говори мне, отчего нация умирает, скажи лучше, благодаря чему она живет».

(Финли Питер Данн)

«Имперское сознание питалось не столько интересами государства — еще менее народа, — сколько похотью власти, пафосом неравенства, радостью унижения, насилия над слабым».

(Г.П. Федотов²⁵¹)

«Гитлер высказывал убеждение, что Третий Рейх будет господствовать в Европе. От этого уже один небольшой шаг до мирового господства, ибо тот, кто царит в Европе, — тот будет и владыкой мира».

(К Геббельс²⁵²)

«Самая плохая политика — это стремление к большему, чем возможно и нужно».

(О. Бисмарк)

«Какого бы предела ни достиг наш успех, он всегда будет лишь исходной точкой для новой борьбы».

(А. Гитлер)

Основания и мотивы гитлеровской геополитики

Гитлеровская геополитика базировалась в первую очередь на стремлении к преодолению чувства национальной ущербности и позора, царивших в обществе после Первой мировой войны. В 1934 г. на партийном собрании Гитлер

сказал, что «мы не должны чувствовать себя неполноценной расой, никчемной и бесполезной швалью, которую может попирать ногами любой, кому это вздумается. Напротив - мы должны ощущать себя великой нацией, которой просто однажды не повезло и она попала под водительство безумцев, но ныне этот великий народ вновь свободен от прежнего неожиданного наваждения»²⁵³. Обращение победителей с Германией казалось немцам особенно унижительным и подлым по той причине, что таким образом раньше обращались только со слаборазвитыми колониями Африки или Азии. Версальскую систему немцы рассматривали как серию беспрецедентных актов унижения, вызванных желанием навредить Германии. Французский правый публицист Дрие ла Рошель удачно сравнивал Германию после Версальского мира с Францией при Наполеоне III — эта Франция, спустя 35 лет, мечтала об отмене договоров 1815 г. и хотела нового Наполеона, чтобы найти в нем утешение за потерю прежнего²⁵⁴. Также и поколение Гитлера сформировалось в вильгельмовской Германии, в которой сам собой разумеющимся был имперский статус страны; по этой причине требования ревизии Версальского договора обладало мощной объединяющей силой и находило полную поддержку в рейхсвере, промышленности, партиях и общественности. Для Гитлера, однако, ревизия безусловно несправедливых Версальских установлений была только началом: его видение будущей немецкой геополитики было отличным от старой немецкой политической элиты. Это видение во многом определялось романтическим стремлением к безграничной экспансии, ценность которой в самой экспансии и заключалась, потому что только она и могла в полной мере обеспечить поступательное развитие страны. Геополитическую направленность Гитлера лучше всего описал в 1925 г. один из идеологов немецкой «консервативной революции» Эрнст Юнгер: «Устремление в неведомые дали и в безграничное мы унаследовали от самой природы нашего национального германского духа, который поможет нам в будущем сформировать такой империализм, который, — не как прежний жалкий кайзеровский империализм, концентрировавшийся на незначительных прерогативах наших по-

граничных провинций или на обладании какими-то южными островами, — будет претендовать на все»²⁵⁵. Иными словами, когда Гитлер стал канцлером, он не был ревизионистом²⁵⁶ (несмотря на ненависть²⁵⁷, которой дышат страницы «Майн кампф», на которых он пишет о Франции: французский империализм он понимал и разделял его взгляды, но сам шел значительно дальше). Гитлер считал, что будущее Германии можно гарантировать, лишь военными средствами обеспечив стране «жизненное пространство» на Востоке. Это позволило бы Гитлеру расселить «излишки» населения и гарантировать желанную хозяйственную автаркию. Во «Второй книге» он писал, что-либо Германия станет мировой империей, либо вообще перестанет существовать²⁵⁸. Реализация этой цели предполагала отказ от прежних принципов и норм внешней политики — цена риска была очень высока, поскольку Гитлер мог лишиться всякого доверия в Европе. Последнее, впрочем, нельзя слишком переоценивать: известно, что честность и приверженность принципам в политике мало значат, но и вовсе сбрасывать их со счетов, как это сделал Гитлер, тоже нельзя.

Положение Гитлера в системе власти Третьего Рейха было таково, что нацистскую геополитику можно считать гитлеровской геополитикой, то есть представления Гитлера в этой сфере имели решающее значение. Несмотря на расплывчатость понятий, которыми оперировал Гитлер, его представления обладали внутренней целостностью и ясностью, которые с высоты современного знания легко преодолеть; но эта легкость ничего не стоит, ибо ничем не помогает нам в понимании смысла происшедшего. Главным было убеждение Гитлера, что при сохранении в Германии темпов роста населения однажды настанет момент, когда наличная немецкая территория не в состоянии будет это население прокормить. Этой ситуации, на его взгляд, следовало избежать во что бы то ни стало. Однажды Гитлер сказал примерно следующее: пусть лучше на Востоке в войне за землю погибнет три миллиона солдат, чем 30 млн немцев умрут от голода. В этом отношении важно и то, что синтезирующим началом гитлеровского мировоззрения была история, которую он понимал исключительно как борьбу народов за

«жизненное пространство». С этой позиции Гитлер и воспринимал политику, которая была для него просто средством реализации этой борьбы; вследствие этой единственно важной цели политики разница между войной и миром, между политикой внешней и внутренней теряла у Гитлера свои традиционные различия. Такая позиция Гитлера тем более примечательна тем, что когда он пришел к власти, Германия совершенно не была готова к новой войне, напротив, как никакая другая европейская страна она была от войны далека. К тому же демократическая Веймарская конституция и плюрализм, царивший в Веймарскую республику, усиливал впечатление неподготовленности и неспособности Германии к войне. Немецкой промышленности, связанной с международным рынком и исключительно от него зависимой, война была совершенно не нужна. Кроме того, Германия была относительно бедна ресурсами и не обладала необходимой географической глубиной (как СССР) для отражения возможного военного нападения. Иными словами, на пути реализации геополитической линии Гитлера стояли препятствия столь же серьезные, как и в попытке осуществления расовой утопии и превращения ее в практическую политику.

Деятелей Веймарской республики Гитлер обвинял в том, что они, как зачарованные, ограничивались в своей внешней политике мелочными и узкими пограничными немецкими проблемами. Еще в 1928 г. Гитлер подчеркивал, что в будущем необходимо решительно пересмотреть политику формальных пограничных требований Германии. Он считал, что требование простого восстановления прежней немецкой границы вдвойне глупо потому, что не решает ни одной проблемы и не соответствует историческим реалиям. В противовес этому фюрер требовал проведения «политики пространств» (*Raumpolitik*), то есть обеспечения страны возможностями для расширения жизненного пространства. Последнее в представлении Гитлера было в основном связано с землями «еврейско-большевистского» Советского Союза.

В исторической перспективе такое направление геополитики было попыткой реставрации планов древних

тевтонских завоеваний на Востоке Европы. Помимо того, что это опровергало принципы и нормы права, твердо укоренившиеся в немецком сознании и традиции, — этому противоречили принципы и ценности большого культурного народа. Фронтальное нарушение прежних правил и ценностей противоречило также интегральной включенности Германии в систему ценностей и представлений западного мира, а также экономическим, политическим, культурным, технологическим и человеческим контактам. Все эти связи Гитлер смог разорвать в невероятно короткие сроки, что указывает на историческую обоснованность (либо ее искусно сфабрикованную видимость) его ревизии прежней немецкой геополитики, а также на его дар государственного деятеля, сумевшего в короткий срок подготовить нацию к реализации собственных представлений. Для того чтобы подготовить Рейх к войне, нужно было осуществить множество перемен, а сделать это было очень не просто. Без анализа внутреннего смысла гитлеровской геополитики понять это невозможно. Перспектива, которой вдохновлялся Гитлер, определяла мировоззренческие горизонты миллионов немцев и таким образом интегрировала миллионы людей в единое целое. Эта геополитика (да и политика в целом) не обязательно только диктовалась и насаждалась сверху — гораздо чаще она просто соответствовала уровню обыденных представлений людей и формировалась в сложном взаимодействии, когда импульсы шли и сверху, и снизу. Для того, чтобы сдвинуть с мертвой точки немецкую геополитику, Гитлер инициировал принятие двух принципиальных решений: начать вооружаться к войне и создать принципиальную систему экономического, политического и расового неравенства взамен парламентской Веймарской демократии, которая не могла обеспечить реализацию его целей. Вскоре после принятия этих решений вся жизнь Германии попала в поток регулирующих и направляющих действий государства, а нарушение принципа равенства всех перед законом открыло двери и окна произволу; точно так же и экономика, сошедшая с рельсов рыночного регулирования, попала в руки управляющих инстанций. Несомненно, что

Гитлер планировал именно такое развитие, так как ключевые позиции в руководстве внешней политикой и в военном руководстве удивительно быстро перешли к нему, и он добился в этих сферах почти полной самостоятельности, сознательно и целеустремленно направляя развитие в нужное ему русло. Следует еще раз подчеркнуть, что в этом процессе решающим был геополитический фактор.

В представлениях Адольфа Гитлера история была вечной борьбой за жизненное пространство; будущее нации должны были обеспечить не столько социально-экономические преобразования и новшества, сколько завоевание жизненного пространства (это и составляло главную цель гитлеровского «социализма»). Не принимали участие в борьбе только евреи, не имевшие собственной территории. Гитлер считал, что именно по этой причине евреи препятствуют нормальному ходу истории, борясь за власть другими средствами. Достаточное количество «жизненного пространства» с сельскохозяйственными угодьями, сырьем и источниками энергии и составляло, по Гитлеру, основное условие существования народа. В определенном жизненном пространстве проживает определенное количество людей; при нормальных условиях население растет, и на определенной стадии развития территориальная «ограниченность» жизненного пространства приходит в противоречие с ростом численности населения. Гитлер еще в 1928 г. писал, что «нужда, беды, социальные болезни — все это вытекает из неблагоприятных условий существования»²⁵⁹. Гитлер не захотел идти за США и ограничиться стратегией экономического покорения мира, то есть не захотел полагаться на экономическую политику, ориентированную на экспорт товаров; такую политику он считал мнимым решением проблемы несоответствия растущей численности народа и неизменного «жизненного пространства», так как другие народы тоже не сидят, сложа руки, и конкурентная борьба неминуемо выльется в борьбу за «жизненное пространство». В августе 1927 г. Гитлер писал: «Есть только одна возможность преодоления противоречия между “жизненным пространством” и “численностью населения”, а именно — экспорт товаров. Тем не

менее, это обманчивая возможность, ведь не только Германия идет по пути индустриализации, но и Франция, Англия, Италия. А в последнее время в строй конкурентов вступила и Америка, и теперь самое трудное состоит не в повышении производительности труда, как у нас думают, а в расширении сбыта. Вот это и есть сегодня главная проблема в этом мире, который повсюду индустриализируется и который борется за эти рынки... Германии со временем будет все хуже из-за конкуренции, а также из-за нехватки сырья»²⁶⁰. Поэтому Гитлер сделал вывод, что стратегия постепенного экономического покорения мира — это иллюзия, и она не может решить геополитические проблемы Германии. Активную экспортную политику Гитлер не считал действенной еще и по той причине, что в то время господствовало убеждение о всеобщей тенденции к сокращению емкости рынков. Знаменитый политэконом Вернер Зомбарт даже вывел «закон сокращения экспорта»; этот закон он обстоятельно прокомментировал в популярной брошюре «Будущее капитализма», которую, возможно, читал Гитлер. Вероятно также, что на Гитлера произвела впечатление дискуссия в левом крыле НСДАП по поводу гибели капитализма. Не исключено также, что Гитлер был в курсе существа марксистской теории капитализма, которую в свое время развивали Роза Люксембург и Н. И. Бухарин²⁶¹. В «Майн кампф» отчетливо видны следы этих убеждений: Гитлер пишет, что почти все европейские страны нацелены на экспорт, а между тем емкость рынков безгранична, и борьба за рынки сбыта будет вестись, чем дальше, тем ожесточенней²⁶². Поэтому, по Гитлеру, лучше не ходить вокруг да около, а идти прямым путем военных захватов новых земель. Во «Второй книге» Гитлер пояснял: «Увеличение численности народонаселения можно компенсировать увеличением жизненного пространства. Да, вполне верно сказать, что вся борьба любого народа в действительности сводится только к тому, чтобы обеспечить необходимое землевладение в качестве общего условия существования... В жизни народов есть лишь немногие способы корректировать несоответствие между численностью народонаселения и занимаемой им

территорией. Наиболее естественным из них является подгонка время от времени территории к растущей численности населения. А это требует военной готовности и кровопролития»²⁶³. Гитлер был убежден, что основной исторической несправедливостью является то, что в Германии на один квадратный километр территории приходится 140 человек, — это он и называл «немецким вопросом». В феврале 1939 г., выступая перед командирами вермахта, Гитлер заявил: «Я намерен решить германский вопрос, то есть решить проблему германской территории. Имейте в виду, что пока я жив, эта идея будет всецело владеть моим существом. И еще будьте уверены, что, как я полагаю, когда в какой-то момент понадобится сделать шаг вперед, то тогда я моментально начну действовать и при этом не побоюсь пойти на самую крайность, потому что убежден, что этот вопрос так или иначе должен быть решен»²⁶⁴. Интересно, что Гитлер полностью исключал войны, которые не мотивированы необходимостью устранения противоречия между «численностью народонаселения» и «базой для их пропитания»; по его мнению, именно такие немотивированные войны привели к возникновению пацифизма²⁶⁵.

Как уже говорилось, немецкая промышленность была сильно ориентирована на экспорт и международные экономические связи, поэтому она меньше всего была заинтересована в войне. Следует, однако, помнить, что после 1929 г. в мировой экономической политике многое изменилось; ведущие западные страны склонялись к протекционизму, поэтому дезориентированным немецким промышленникам мнение Гитлера показалось обоснованным и логичным. В этой связи следует вспомнить, что в межвоенный период международная экономическая экспансия была слабой (в отличие от времени до Первой и после Второй мировых войн). В 1924—1933 гг. программу расширения немецкого «жизненного пространства» на Восток Гитлер сделал догмой нацизма. Утверждение этой догмы требовало большой разъяснительной публицистической и устной пропагандистской работы, поскольку сначала среди сторонников Гитлера было больше националистов, чем собственно национал-социалистов. Первые помышляли, скорее,

о мести Западу за Версальский договор. Большое значение имели вначале и левые национал-социалисты, которые мечтали о совместном (с Советской Россией) походе «наций-пролетарок» на Запад. Гитлеру, благодаря колоссальной силе убеждения и пропагандистскому дару, удалось превратить всех своих сторонников в «истинных» национал-социалистов, без всяких фракционных оттенков и нюансов.

По мнению Гитлера, прежняя немецкая колониальная и экспансионистская политика была половинчатой: она лишь незначительно расширила национальную немецкую территорию. Гитлер считал, что за всю немецкую историю наиболее успешными и значительными были следующие захваты: 1. Осуществленная преимущественно баварцами колонизация Восточной марки (нынешней территории Австрии — О. П.); 2. Присоединение и освоение районов восточней Эльбы; 3. Создание Бранденбургско-Прусского государства — центра, вокруг которого и произошла национальная консолидация Германии. Без первых двух завоеваний немецкий народ, по мнению Гитлера, вообще не смог бы сыграть никакой роли²⁶⁶. Поэтому направление экспансии сомнения не вызывало, она должна была быть направленной на Восток, так как на Западе все государства были перенаселены и не имели географической глубины. Во «Второй книге» Гитлер писал: «Национал-социалисты сознательно отказываются от внешней политики довоенной поры. Мы продолжим с того места, где закончилась немецкая экспансия шесть веков назад, у нас нет интересов на Юге и Западе, мы обращаем свои взоры на Восток. Мы имеем в виду Россию и ее сателлитов. ...Организация русского государства не была результатом государственно-политических способностей славянства в России, а ярким примером действенности и эффективности германского элемента в среде неполноценных рас. Большевики искоренили весь германский элемент, на его место стали евреи. Русские не смогут сами сбросить ярмо еврейства, они не смогут создать своего государства. Конец господства евреев в России будет концом и России как государства»²⁶⁷. Как видно из этих строк, даже Польша при этом не упоминалась; Гитлер рассматривал ее как промежуточную ступень

при решении самого важного и существенного вопроса о «жизненном пространстве» за счет СССР.

Умерший за 50 лет до появления Гитлера на свет английский ученый-экономист Томас Мальтус (1766—1834) в качестве средства от перенаселения рекомендовал поздние браки, ограничение рождаемости и интенсивное развитие сельского хозяйства. Гитлер же искал решения проблемы перенесения исключительно в захватнической войне; в отличие от Мальтуса, Гитлер не предостерегал от перенаселения, а желал его, чтобы побудить народ действовать и подчинять другие нации. Якобы рациональные и четкие доводы Мальтуса на самом деле были совершенно ложными: он, как и Маркс, попал в ловушку, сформулировав некие долгосрочные закономерности на основе среднесрочных закономерностей, которые к моменту их формулирования уже затухали. Стоило Гитлеру заговорить о «народе и пространстве» и войне, он начинал производить впечатление психопата-параноика, действующего инстинктивно и находящегося в состоянии восторга борьбы. Кровь прилиwała к голове, и лицо его краснело, тело подбиралось, грудь вздымалась, руки вытягивались вперед; он как будто хотел кого-то ударить. При этом Гитлер выглядел живым символом агрессии²⁶⁸; агрессии во имя спасения народа от надвигающейся беды, которую способен был разглядеть только фюрер, чей вид в такие моменты оказывал на собеседников парализующее действие. Себастьян Хаффнер в «Комментариях к Гитлеру» писал: «Нынче вопрос “как мы могли?” — постоянно на устах молодежи. Но прежде требовались необычайная прозорливость и проницательность, чтобы усмотреть в достижениях и успехах Гитлера скрытые послышки грядущей катастрофы, и уж совсем экстраординарная сила воли, чтобы абстрагироваться от эффекта, производимого гитлеровской логикой и его достижениями и успехами. Крикливые и надрывные речи Гитлера в наши дни вызывают омерзение или невольный смех, а в то время они часто имели под собой реальные факты, заглушавшие возражения у слушателей, и именно фактическое обоснование, а не крики и надрыв, принимались ими во внимание»²⁶⁹.

Гитлеровскую концепцию «жизненного пространства» часто интерпретируют как стремление к реаграризации — это верно только отчасти, ибо во время войны Гитлер должен был решать проблему сырья; эту проблему он стал считать центральной для современного промышленного государства, и в покоренных странах видел прежде всего возможность получения источников сырья и энергии. Ради достижения этой цели он в 1939—1940 гг. поставил на карту геополитическое господство Германии в Европе. С другой стороны, планы реаграризации не следует вовсе сбрасывать со счетов, ибо на первом этапе экспансии они сыграли весьма существенную роль. Стремление к реаграризации было важным соображением, побуждавшее к экспансии. Дело в том, что большинство немцев было настроено против социальных и моральных последствий индустриализации и вообще промышленного века с его модернизацией и отчуждением, в которых видели исключительно упадок, деградацию и развал в физическом, моральном, духовном политическом отношении. Эти настроения выражались в радикальном антиурбанизме, в аграрной романтике Германии начала XX века. Для того чтобы сделать немецкую нацию «здоровой», то есть пригодной для успешной борьбы за выживание, нацисты хотели сделать из немцев народ крестьян и воинов, а для этого нужно было обеспечить всех немцев (в том числе и прозябающих в сутолоке больших городов рабочих) землей. Очевидно, что немецкой земли для этого было недостаточно (даже если учесть еще не подвергшиеся внутренней колонизации земли Восточной Пруссии), что и побуждало нацистов к экспансии. Направление же экспансии было и очевидным, и традиционным: *Drang nach Osten!* Еще основатель геополитики Фридрих Ратцель в 1897 г. писал, что задачей политики является обеспечение необходимого количества земли для растущего населения (хотя при этом напоминал, что история часто теряет масштаб, актуальный для современности и для будущего²⁷⁰). Преемник и продолжатель дела Ратцеля Карл Хаусхофер разделял его мысль, согласно которой упадок нации происходит от ущербности концепции жизненного пространства этой

нации. «Пространство не только является носителем силы, оно само и есть сила, — говорил Хаусхофер своим студентам, среди которых был его ассистент Рудольф Гесс, — я намерен преподавать политическую географию как оружие, которому суждено пробудить Германию с тем, чтобы она выполнила свое великое предназначение. Я перевоспитаю нацию, я заставлю ее осознать роль географии в истории, так что даже самый юный немец перестанет замыкаться в границах родной деревни и начнет мыслить в масштабах континента»²⁷¹. Хаусхофер владел редким искусством обращать самые тусклые факты в повод для патриотических порывов: он написал 40 томов сочинений, 400 эссе, его наследие составило 3420 геополитических сочинений, написанных между двумя войнами. Центральной категорией учения Хаусхофера была категория жизненного пространства (*Lebensraum*), которую Гитлер воспринял в полной мере: слово «*Lebensraum*» гораздо чаще встречается в более открытой «Второй книге» гитлеровской «Майн кампф», чем в первой. В самых важных главах (II—VII) этот термин встречается 11 раз, не считая его синонимов: «Grund und Boden», «Grundfläche», «Bodenfläche», «Boden», «Grund», «Raum» и т. д.²⁷²

Хаусхофер умел набрасывать на политическую географию вуаль расового мистицизма, представляя немцам псевдонаучное обоснование необходимости завоевания отдаленных регионов. Теория Хаусхофера имела в Германии большой успех; к 1935 г. его геополитику преподавали во всех школах Третьего Рейха. Уже во времена диктатуры в одной из пропагандистских радиопередач Хаусхофер, оправдывая культ фюрера, заявил: «Каждый из нас в какой-то мере является актером на политической сцене мира. Даже находясь на самом скромном посту, ниспосланным нам богом, мы внесем свой вклад в формирование будущего нашего народа, если будем следовать за вождем. Не будьте ограниченными, мыслите в масштабах больших пространств и создайте вашу жизнь по образу нашего фюрера»²⁷³.

Известные геополитики периода Веймарской республики — К. Хаусхофер, А. Дикс, Ф. Бургдорфер, М. Лянганс-Ратцебург и В. Фогель — полагали, что борьба за тер-

риторию выгладит естественной экспансией более мощного организма, легко «усваивающего» новые земли. Исходя из этого, в 20-е гг. немецкие геополитики развили целую систему доводов о том, что Германия — это перенаселенная страна; вот эти все аргументы Гитлер и воспроизводил. Расширение «жизненного пространства» обосновывалось немецкими геополитиками и Гитлером не только одной потребностью в земле: в их глазах территориальная экспансия в «естественных» направлениях была полностью оправдана только в том случае, если проживающее на подлежащих колонизации и освоению землях население само оказывалось не в состоянии интенсивно и продуктивно эти земли эксплуатировать. Советский Союз с его экстенсивным и по большей части бесстолковым хозяйствованием объективно подходил под эти суждения. Следует, однако, учитывать, что существовал значительный разрыв между развитой немецкой геополитической теорией и нацистской практикой, как указывал американский историк Дэвид Мерфи: миллионы немцев с восхищением и возбуждением читали Хаусхофера и с удовольствием слушали его частые выступления по радио, но в гитлеровской геополитике главенствующую роль играла расовая теория и имперская политика, а не теория геополитики сама по себе²⁷⁴.

По всей видимости, восточное направление экспансии Третьего Рейха оформилось именно по той причине, что в Германии было широко распространено мнение об аморфном характере восточных пространств, их некультурности и заброшенности; это и делало морально «обоснованной» демографическую «раскорчевку» восточных земель и заселение их немцами. Упомянутая «раскорчевка» Запада была бы более сложной, менее обоснованной и чреватой серьезным сопротивлением интегральной и более древней культуры²⁷⁵. В сентябре 1930 г., незадолго до прихода нацистов к власти, «аграрный папа» нацизма Вальтер Дарре говорил: «Мы попытаемся получить недостающие земли там, где они в наибольшей степени созрели к освоению и колонизации, там, где они естественным образом принадлежат нам, а именно - на Востоке.

Кроме того, идея «крови и почвы» дает нам право получить на Востоке столько земли, сколько необходимо для восстановления естественного равновесия между размерами национальной территории и потребностями здоровой и растущей нации»²⁷⁶. Такая экспансия связана с установлением непосредственного владения землей, в отличие от либеральной экспансии, не обязательно предполагающей утерю суверенитета подконтрольными странами; поэтому либеральная геополитическая экспансия не имеет границ, она более абстрактна и всеобъемлюща.

Во «Второй книге» Гитлер доказывал, что экономическое превосходство США обусловлено размерами их «жизненного пространства», и прежде всего богатством сырьевых ресурсов. Будущее Германии в ее теперешних границах и «в особенности в условиях ограниченности наших собственных сырьевых материалов, а стало быть, и угрожающей зависимости от других стран представляется очень мрачным и печальным»²⁷⁷. При этом экономическое превосходство США привлекло внимание Гитлера не само по себе, а из-за более высоких жизненных стандартов; он был убежден, что это результат того, что «Америка располагает достаточными земельными угодьями для выращивания пшеницы, достаточными природными богатствами, огромными лесными массивами, колоссальными залежами разных руд, громадными угольными бассейнами, гигантскими нефтепромыслами... короче говоря, Америка — это страна чудовищных природных богатств»²⁷⁸. Что бы Гитлер ни говорил, самой существенной для него всегда была проблема будущего немецкого социума и его благополучия. Он неоднократно высказывался против представлений о том, что экономические проблемы Германии могут быть решены путем экономических преобразований. По его мнению, эти проблемы были, прежде всего, результатом недостаточности базового «жизненного пространства»; Гитлер писал: «человек жив не идеями, а хлебом, углем, рудой, всеми теми вещами, которые лежат в земле. И сама по себе эта проблема связана не с экономикой, а с землей»²⁷⁹. Или в другом месте: «Нынешнее жизненное пространство слишком бедно природными богатствами, которых требует сегодня про-

мышленность в качестве сырья, иными словами, сужение жизненного пространства будет всегда и везде снова заставлять нас искать способ устранить этот недостаток»²⁸⁰.

Не последнюю роль в процессе мотивировки восточной экспансии играли для Гитлера и морально-этические факторы: «Не следует забывать, что правители нынешней России — это запятнанные кровью подлые преступники, подонки человечества, которые, пользуясь случаем, в трагический час разрушили огромное государство, удушили миллионы ведущих интеллектуалов, элиту общества, и уже десять лет тиранически правят страной. Нельзя забывать, что правители России принадлежат к народу, который соединил в себе дикую кровожадность и непостижимое искусство вранья, — к интернациональному еврейству»²⁸¹.

Уже 3 февраля 1933 г. — четыре дня спустя после назначения канцлером — на секретном совещании Гитлер заявил военному руководству (которое в тот момент относилось к нацистскому фюреру весьма прохладно), что в будущем он не отступит от принципов, изложенных в «Майн кампф», и по-прежнему считает, что жизненное пространство для немецкого народа находится на Востоке. 5 ноября 1935 г. на другом секретном заседании Гитлер даже уточнил срок начала этой экспансии — 1943—1945 гг. С января 1939 г. Гитлер начал говорить, что немецкие территориальные проблемы даже при сопротивлении извне могут быть решены только военным путем; при этом он предрекал, что грядущая война будет войной мировоззрений, расовой войной²⁸². В этот период свои намерения Гитлер высказывал только военной и партийной верхушке, а народ продолжал убеждать в своем исключительном миролюбии. До войны Гитлер неоднократно говорил, что у Германии нет никаких интересов на Западе, и она и в будущем не намерена что-либо там предпринимать. Вместе с тем, он не упускал возможности упомянуть необходимость экспансии на Востоке. В речи от 23 ноября 1939 г. Гитлер таким образом оправдывал необходимость борьбы за «жизненное пространство»: «Меня упрекают: борьба и снова борьба! Но в ней я вижу судьбу всего сущего. Уклониться от борьбы, если только он не хочет быть побежденным, не может никто. Рост

народонаселения требует большого жизненного пространства. Моей целью было добиться разумного соотношения между численностью населения и величиной этого пространства. Тут без борьбы не обойтись! От решения этой задачи не может уйти ни один народ, ибо если он пренебрежет этим, то обречен на постепенное вымирание. Отказ от применения насилия означает величайшую трусость, уменьшение численности народонаселения и деградацию. Важно осознать одно: существование государства имеет смысл только тогда, когда оно служит сохранению своей народной субстанции. У нас речь идет о 82 млн человек. А это налагает на нас величайшую обязанность. Тот, кто не берет ее на себя, не достоин принадлежать к народному организму. Вот что дало мне силы для борьбы»²⁸³.

В этой связи важно уяснить, чем было для Гитлера «жизненное пространство» — инструментом национальной интеграции или хозяйственной, геополитической необходимостью? В «Майн кампф», и особенно во «Второй книге», содержатся указания на этот счет: они сводятся прежде всего к хозяйственной необходимости приобретения новых земель. Гитлер писал, что долгом каждого правительства является восстановление баланса между численностью населения и территорией его проживания²⁸⁴. Приемлемым для него был только один путь — путь завоеваний. Аргументы за агрессию Гитлер неоднократно воспроизводил в своих статьях, выступлениях; отражены они и в знаменитом «протоколе Хоссбаха» — записи монолога Гитлера 5 ноября 1937 г. перед генералами вермахта. В этом монологе Гитлер обосновывал необходимость войны за передел мира. Завоевание «жизненного пространства» должно было способствовать ликвидации асинхронности развития сельского хозяйства и промышленности, неравенства города и деревни. Райнер Цительман подчеркивал, что из этого стремления Гитлера не следует делать вывод о том, что он хотел вообще ликвидировать города, а их обитателей переселить в деревню²⁸⁵. Напротив, гитлеровская аргументация была нацелена на то, чтобы дискредитировать экономическую экспансию и предложить свое решение проблемы. Эта тема была в центре внимания геополитической

теории. Хаусхофер, основательно изучив материал, утверждал, что стратегические преимущества большой территории неоспоримы; в глазах Гитлера это было решающим аргументом в пользу политики вооружений, ибо новые территории можно было получить только военным путем. Поэтому Гитлер был убежден, что война в любом случае неизбежна. Это обстоятельство побуждало его поставить другой, чрезвычайно болезненный для немцев в Первую мировую войну вопрос — об автаркии ввиду ограниченных природных ресурсов Германии. Для Гитлера, в отличие от аграрных романтиков Дарре, Гимmlера и Розенберга, сырьевые ресурсы были куда важнее, чем сельскохозяйственные угодья. 28 апреля 1939 г. в рейхстаге Гитлер, возражая Рузвельту, заявил, что США достаточно богаты сырьем и плодородной землей, чтобы прокормить полмиллиарда людей, а в Германии большинства ресурсов не хватает. Летом 1941 г., после первых больших побед в России, Гитлер несколько раз возвращался к теме сырьевых ресурсов: по его мнению, сырье, которое немцы получили в свое распоряжение в России, должно не служить подъему российской промышленности, а использоваться в Германии (России же, по его планам, суждена реарризация. По Гитлеру, завоевание «жизненного пространства» на Востоке должно было обеспечить Германии столь же мощную сырьевую и аграрную базу, какая существует у США. Сверх того: последовательная расовая политика должна была позволить европейским странам избежать американской гегемонии²⁸⁶. Хотя Гитлера восхищала современная техника США, и он испытывал уважение к американским экономическим успехам и евгеническим законам (евгеника — учение о наследственном здоровье и умственных способностях человека и отборе лучшего материала). Первоначально перед евгеникой стояли гуманные цели, но в итоге ею стали злоупотреблять для реализации расовых доктрин. До нацистов это наиболее активно делали в некоторых штатах США). Также Гитлер одобрял строгие въездные квоты для разных национальностей — но одновременно разделял обычный европейский снобизм по отношению к молодой американской де-

мократии (этот снобизм и ныне широко распространен в Старом Свете).

В заключение общего очерка мотивации гитлеровской геополитики следует еще раз подчеркнуть, что в гитлеровской системе взглядов завоевание «жизненного пространства» для немецкого народа было совершенно необходимым как с экономической, так и с расовой точки зрения. Его система взглядов на проблему «жизненного пространства» представляла собой причудливый конгломерат научных теорий, псевдонаучных представлений, расовых предрассудков, современной ему политэкономии, геополитики, теории империализма. Завоевание «жизненного пространства» являлось задачей среднесрочного планирования, долгосрочной задачей было завоевание мирового господства и глобальной гегемонии. Тезис о «жизненном пространстве» сыграл роль инструмента интеграции партии, а также значительную пропагандистскую роль. Собственно, гитлеровская геополитика на основе расовой доктрины была идефикс фюрера, сосредоточением всех его планов. Ее трудно оценить позитивно, ибо она игнорировала интересы и существование других наций; она свидетельствовала о целостности подхода к воображаемой проблеме, но в координатах ложных ценностей. В принципе, английский историк Х. Тревор-Роупер был прав, когда в 1960 г. писал: «При жизни Гитлера едва ли кто из историков хотел верить в его последовательный, целеустремленный подход. Возможно потому, что Запад проводил трагическую политику по отношению к нацизму. Последовательный подход Гитлера оспаривался и после 1945 г. историками, которые чувствовали отвращение к вульгарной и нечеловеческой натуре Гитлера в такой степени, что не хотели допускать в нем ничего положительного, даже остроту мышления и целеустремленность действий. И я хотел бы утверждать, что историки — среди них мои глубокоуважаемые соотечественники Льюис Неймир, Алан Буллок, А.Д.П. Тейлор — допустили ошибку, делая вывод о наличии низкого морального уровня и низкого интеллекта»²⁸⁷. Со словами о «моральном уровне» все же трудно согласиться-

ся, поскольку «моральная» позиция предполагает учет интересов и других людей, а не только собственных сограждан. Что касается «научной» стороны гитлеровской геополитики, то тогдашний уровень знаний не позволял предвидеть полную дискредитацию мальтузианской теории вследствие социально-экономических и демографических процессов в Европе после Второй мировой войны. По крайней мере, ни одна из развитых стран не испытывает сейчас проблем в связи с нехваткой «жизненного пространства», как это предрекал Гитлер; именно экономическая экспансия, о бесперспективности которой говорил Гитлер, оказалась наиболее эффективной.

Гитлеровская геополитика и оккупационная политика в Западной Европе

Основополагающей и для гитлеровской геополитики в Европе, и для формирования немецкого общественного мнения по вопросам геополитики была Версальская система, которая к моменту прихода Гитлера к власти практически уже умерла — точно так же, как к 1933 г. умерла и Веймарская республика. И в том и в другом случае Гитлер сыграл роль стервятника, добившего нежизнеспособные и практически уже умершие создания. Тому были объективные основания: в отличие от Меттерниха, который после наполеоновских войн смог интегрировать в европейскую систему держав и побежденную Францию, Антанте после Первой мировой войны этого сделать не удалось. В Версале Германию незаслуженно оскорбили, создав у немецкого общества комплекс обиды; немцы не чувствовали никаких обязательств по отношению к Версальским решениям, принятым без их участия и подписанным вынужденно (28 июня 1919 г. Германию вынудили подписать Версальский мирный договор, не отвечавший условиям перемирия 11 ноября 1918 г., которые не предусматривали аннексий, контрибуций и моральной ответственности за войну. Даже современная историческая наука не может дать однозначного ответа об ответственности за Первую миро-

вую войну. Это важно помнить, так как стереотипно немецкую — бесспорную — ответственность за Вторую мировую войну распространяют и на Империалистическую войну 1914 г.). Поэтому немецкая общественность безоговорочно поддерживала все гитлеровские начинания по ликвидации Версальской системы. Разумеется, и в правительстве Гитлера в 1933 г. были решительные сторонники ревизии Версальской системы, не являвшиеся нацистами, — Франц фон Папен, Константин фон Нойрат, Альфред Гутенберг, Вернер фон Бломберг. Уход с Женевской конференции по разоружению в середине октября 1933 г. был первым симптомом начала гитлеровской политики вооружения; из бюджета Рейха, опубликованного в начале 1934 г., было видно, что расходы на вооружения очень выросли. 16 марта 1935 г. была восстановлена всеобщая воинская обязанность; численность рейхсвера мирного времени в одностороннем порядке была определена в 550 тыс. солдат. 18 июня 1935 г. англо-германский договор о флотах фактически санкционировал разрушение немцами Версальских установлений. Инициатива соглашения с Англией по размерам ВМФ исходила от Гитлера. Адмирал Редер писал, что договор с Англией о флотах позволял предположить, что теперь вопросы развития флота не окажутся в центре внимания политики, как это было до Первой мировой войны. Заключение договора с Англией создало Гитлеру большой авторитет среди моряков; как писал Редер: «теперь мы могли с уверенностью смотреть в будущее, спокойно развивая ВМФ. Трагедия всей моей жизни заключалась в том, что на самом деле развитие событий вскоре приняло совершенно иной поворот»²⁸⁸. Как и адмирал, сначала большинство немцев было в восторге от происходящего.

Незадолго до подписания морского соглашения между Англией и Германией, 11—14 апреля 1935 г., на конференции в итальянском городе Стреза Англия, Франция и Италия осудили немецкие нарушения Версальского договора и обязались в будущем противодействовать подобным нарушениям всеми возможными средствами. Практического значения этот договор не имел по причине агрессии

Италии в Абиссинии, одобренной партнерами в Стреза, а также по причине упомянутого англо-германского договора о флотах.

Грубо говоря, Версальские условия обеспечили имперской ревизионистской политике в Германии общественную поддержку и доверие. Версальские условия просто толкали Германию на путь ревизионизма, а потом и предоставили ей все необходимые для ревизии средства: со временем из гарантов Версальской системы остались только Англия и Франция, которые не в состоянии были удержать 70-миллионную Германию (во Франции население составляло около 40 млн человек). С другой стороны, очевидно, что в процессе ревизии Версальских установлений уже Г. Штреземанн сделал большой шаг вперед, но достижения Штреземанна немцы оценивали ниже, чем успехи гитлеровского ревизионизма, так как первый действовал под знаком политики умиротворения и согласия с обидчиками Германии, а Гитлер — вопреки их воле, что, безусловно, психологически было более действенно. Это психологическое преимущество Гитлера нарастало из года в год; этапы его известны: увенчала гитлеровские завоевания победа над Францией, ставшая торжеством его политического гения и обеспечившая ему репутацию чудотворца и национального мессии.

Когда Гитлер почувствовал, что западные страны не развяжут ему руки на Востоке, он расценил перспективу войны на западном направлении как исторический шанс; в дальнейшем он все более убеждался в необходимости военной кампании на Западе для «ликвидации Вестфальского мира» 1648 г., который, как известно, не только закрепил немецкую раздробленность, но и пресек притязания Священной Римской империи германской нации на Голландию, Бельгию, Люксембург, часть Франции и Швейцарию. Гитлер хотел воскресить эти претензии. Еще до французского триумфа вермахта летом 1940 г., Геббельс воспринимал войну на Западе как повод для огромной пропагандистской кампании, смысл которой сводился к тому, что Вестфальский мир наконец разрушен и восстановлена

возможность «естественного развития» Рейха. 2 марта 1940 г. именно министр пропаганды организовал в Мюнстере, — где в 1648 г. был подписан один (второй — в Оснабрюке) из договоров, составлявших Вестфальский мир, — выступление перед гауляйтерами; в речи Гитлера содержалась широковещательная декларация о необходимости окончательной ревизии Вестфальского мира. По распоряжению Геббельса в немецких газетах писали даже о необходимости ликвидации последствий Верденского раздела (843 г.)²⁸⁹ империи Карла Великого между его внуками Лотарем, Карлом Лысым и Людовиком Немецким, а этот договор Ф. Гизо в XIX веке расценил как размежевание Европы по национальному признаку (на Западно-Франкское и Восточно-Франкское государства). Получалось, что нацисты хотели повернуть историю вспять к моменту существования империи Карла Великого, которая охватывала территорию всей современной Европы и включала в свой состав все европейские народы, за исключением восточноевропейских. Собственно, в немецкой прессе словосочетание «германская империя» (*Germanisches Reich*) появлялось редко — его чаще употребляли по отношению к норвежцам, датчанам и голландцам. Рейхскомиссар в Норвегии Й. Тербовен заявил, что «более необходимо ассимилировать в новой общности немцев и норвежцев, чем пруссаков и баварцев». А Зейсс-Инкварт на вопрос, что будет с Бельгией, ответил (чем заслужил одобрение Гитлера): «150 лет назад Бельгия была нашей провинцией»²⁹⁰. В «германский Рейх», однако, не суждено было попасть не-германцам — валлонам (в Бельгии), французам, не говоря уже о славянских «недочеловеках». Своей расовой политикой нацисты разрушали перспективу европейского единства. После победы на Западе в 1940 г. Гитлер все чаще стал употреблять словосочетание «германская империя» (а не немецкая), что указывает на имевшиеся у него планы геополитических преобразований Запада. У Гитлера не было имперских захватнических планов по отношению к западным территориям; там оккупационным властям было запрещено практиковать насилие (как на Востоке), ибо речь шла о родственных «арийских» народах. С другой стороны, вовсе отка-

заться от имперской политики Гитлер не мог, поэтому был избран некий средний путь; и можно было представить себе, что ждет Европу в случае победы Гитлера в Мировой войне.

Во «Второй книге» Гитлер писал, что в обозримом будущем для Германии в Европе есть только два возможных союзника — это Италия и Англия; «Франция же, ведомая евреями, совершает грех против человечества»²⁹¹. Впрочем, Гитлер полагал, что и в Англии положение не легче - «в этой стране “свободной демократии” евреи полностью управляют общественным мнением, но в Англии хотя бы идет непрерывная борьба между представителями английских национальных интересов и еврейской мировой диктатурой. Уничтожение Германии было не в британских, а в еврейских интересах, точно также как уничтожение Японии не служит британским государственным интересам, но выгодно мировому еврейству»²⁹². Розенберг считал, что в будущем четыре больших националистических доктрины должны определять судьбу европейского сообщества государств - английский, французский, итальянский и немецкий национализм²⁹³.

Нападая на Польшу, Гитлер не рассчитывал встретить сопротивление со стороны Запада. Сначала казалось, его расчеты оправдываются, поскольку хоть Запад и объявил Германии войну, но вести ее не собирался. Это было ясно хотя бы по тому, что Запад не объявил войны СССР, который вместе с Германией оккупировал Западную Украину и Белоруссию, бывшие частью Польши, которую защищали Англия и Франция. Для оправдания бездействия в отношении агрессии СССР западные страны использовали типичные советские формулировки: польское государство все равно перестало существовать, и надо позаботиться о белорусском и украинском населении в восточной Польше. Это дало Западу благовидный предлог игнорировать известие о советском нападении на Польшу. Впрочем, военные действия прекратились уже 27 сентября, а на следующий день СССР и Германия заключили договор о дружбе и границах. Еще одним «оправдывающим» Запад обстоятельством было то, что Люблинское и Варшавское

воеводства отошли не к СССР, как планировалось протоколом от 23 августа 1939 г., а к Германии: Сталин благополучно не стал включать исконные польские земли в состав СССР, хотя для поляков исконной территорией были и Западная Белоруссия, и Западная Украина.

Еще до нападения на Польшу Гитлер решил, что не оставит полякам никакой государственности (до Первой мировой войны они ее и не имели); но он понимал, что мир с Западом без признания польского государства невозможен. Именно по этой причине 6 октября 1939 г., в большой речи перед рейхстагом, Гитлер намекнул Западу, что заинтересован в создании двухсторонней системы безопасности в Европе, и заявил, что после определения границ Польши у него не останется никаких целей в Центральной Европе и никаких требований к Западу, за исключением возвращения немецких колоний. При этом он подчеркнул, что не требует ревизии прежнего положения и больше не желает применять силу²⁹⁴. Из остатков польского государства для этой цели было создано «генерал-губернаторство». Это произвело большое впечатление на немецкую общественность, но французское и английское правительства никак не отреагировали на «мирные инициативы» Гитлера. Особенно своей жесткостью выделялась позиция Черчилля.

Гитлер не хотел предпринимать никаких активных действий на Западе. Первый планируемый срок нападения на Западе — 15 ноября 1939 г. — им многократно переносился (до 10 мая 1940 г.). Однако в войне на Западе время явно работало против него, поэтому командующий немецким ВМФ адмирал Эрих Редер в декабре в 1939 г. сумел убедить Гитлера, что Норвегии грозит английская оккупация. 8—9 апреля началась оккупация Дании и Норвегии; 4 июня 1940 г. англичане прекратили сопротивление и покинули Нарвик. Потом последовала блестящая победа над Францией (после 10 июня 1940 г.), после которой Гитлер решил, что окончательная победа является лишь делом времени: зондаж в Англии шел через шведского предпринимателя Биргера Далеруса и по дипломатическим каналам в Мадриде. Итоги этих попыток были

отрицательными, и 16 июля появилось распоряжение Гитлера о подготовке плана вторжения в Британию; впрочем, скорее всего, Гитлер надеялся, что план этот никогда не придется претворять в жизнь. В эти дни Гитлера больше занимала мысль о скорейшем переходе к активным действиям на Востоке; он собирался разорвать тактическое соглашение с СССР и перейти к решению самого важного вопроса: о завоевании жизненного пространства на Востоке. Любопытно, что Розенберг в своем политическом дневнике отмечал, что так же, как Спарта и Афины попеременно звали на помощь персов, так Англия и Германия попеременно обращаются к СССР. Англичане, по мнению Розенберга, первыми предприняли попытку натравить Советский Союз на Германию²⁹⁵.

19 июля 1940 г. Гитлер воззвал к англичанам, предлагая компромиссный мир на условиях раздела сфер влияния: он собирался оставить англичанам даже их традиционную сферу полномочий — Средиземноморье. Но ожидания Гитлера не оправдались: 22 июля 1940 г. последовал отрицательный ответ лорда Галифакса (после скандального перелета Гесса в Великобританию), сопровождаемый резкими комментариями журналиста Би-Би-Си Сефтона Делмера. Геббельс немедленно приказал редакторам немецких газет подготовить общественное мнение к мысли о нанесении по Великобритании смертоносных ударов с большим количеством жертв; подчеркивая при этом, что, возможно, бомбежки будут настолько сильными, что подвигнут англичан к капитуляции, и до вторжения дело не дойдет²⁹⁶. Газетная кампания по возбуждению ненависти к Англии в конце концов возымела успех. В «Вестях из Рейха» СД передавала, что сначала настроения немецкой общественности были переменчивы — многие немцы хотели мира и, несмотря на пропаганду, ничего против Англии не имели. Однако после речи Галифакса положение кардинально изменилось: все громче стали раздаваться требования рассчитаться наконец с Англией²⁹⁷. В одном из сообщений СД передавалось, что в Лейпциге прошел митинг, на котором выступавшие требовали уничтожить злейшего врага — коварный Альбион. Возмущение

и озлобление, однако, вскоре улеглось, ибо ничего не происходило — Гитлер выжидал... Только 12 августа Геринг объявил о начале воздушной войны против Англии, встретившей оживленную реакцию немецкой общественности; те, кто верил в скорейшее окончание войны, были разочарованы. После того, как люфтваффе проиграло воздушную войну, настроения в немецком обществе упали, и только после заключения германо-итало-японского пакта от 27 сентября 1940 г. немцы опять стали склоняться (как передавала СД) к одобрению нападения на Англию²⁹⁸. Первый английский налет на Берлин (24 августа 1940 г.) шокировал немцев - никто не мог поверить, что такое возможно, ибо в начале войны Геринг клятвенно обещал, что ни один вражеский самолет не пересечет немецкие пределы. Герингу верили: он имел репутацию энергичного, ответственного и умного человека.

19 июля Гитлер пророчески заявил, что продолжение военных действий будет стоить Британии ее империи. В книге о политике Черчилля²⁹⁹ Английский историк Дж. Чармли парадоксальным образом доказывал, что в геополитическом плане все произошло точно так, как предрекал Гитлер. На самом деле, английская колониальная империя в середине 60-х гг. исчезла; уровень жизни англичан в 60—80 гг. составлял 80% от немецкого, а английский фунт стал слабее немецкой марки. Чармли остроумно предположил, что инопланетянин, попавший в Европу 50—80-х гг., на вопрос, кто в 1945 г. проиграл войну, наверняка дал бы неправильный ответ: если англичане вели войну за независимость Польши, то она закончилась неудачно; если войну вели для того, чтобы не дать тоталитаризму проникнуть в Европу, то она тоже закончилась неудачно; если ее вели для того, чтобы сохранить положение Великобритании как мировой державы, то она и в этом смысле закончилась поражением. Чармли считал, что сделка, которую Гитлер собирался предложить Великобритании, была великодушной: ведь своим приближенным Гитлер сказал, что хочет от нее только возвращения германских колоний, отнятых в конце Первой мировой войны, и признания гегемонии Германии в Ев-

роне. (Не желая видеть Великобританию разрушенной, фюрер - как сторонник превосходства белой расы - хотел сохранения Британской империи и во время войны неоднократно сожалел о ее гибели). Это, безусловно, означало бы сохранение флота Великобритании; Гитлер даже собирался предложить Англии 12 германских дивизий для заморского использования. Одним из доказательств немецкой лояльности по отношению к Великобритании было цивилизованное обращение с англичанами на оккупированных Германией и находившихся под контролем немецкой военной полевой комендатуры английских Норманнских островах (7000 жителей) в Ла Манше у полуострова Котантен.

Интересно предположить, а что бы произошло, если бы Гитлер обнародовал это предложение? Черчиллю, напоминает Чармли, летом 1940 г. удалось воспрепятствовать переговорам, убедив своих коллег по правительству в том, что германские условия будут абсолютно неприемлемыми. Он нарисовал мрачную картину Великобритании, из-за разоружения оставленной на милость Германии, и передачи Германии военно-морских баз на Оркнейских островах. Это не соответствовало действительности, но отвечало его цели — не допустить начала мирных переговоров. Если бы Англия согласилась с этими условиями, — нетрудно догадаться, что произошло бы дальше. Уже к июлю 1940 г. германо-советский пакт начал разваливаться вследствие аннексии Советским Союзом прибалтийских государств, претензий Сталина на Болгарию и, самое главное, вследствие геополитических планов Гитлера на Востоке. Гитлер почти наверняка напал бы на СССР летом 1941 г., но неучастие Великобритании в войне радикально изменило бы ситуацию: время стало бы работать на Гитлера. Если бы Германия не отвлекалась на борьбу против вторжения англичан в Северную Африку, на Балканы и в Грецию, то она начала бы свое вторжение в СССР тогда, когда это планировалось первоначально, то есть в мае; его не пришлось бы откладывать до июня. Таким образом, вермахт не остановился бы у ворот Москвы, а может, взял бы ее. Не было бы английских конвоев, при-

шедших на помощь Восточному фронту. Сотни тысяч немецких солдат можно было послать на советский фронт, и Красная Армия была бы разбита к 1942 г. или, по меньшей мере, отброшена к Уралу. Сталин оказался бы перед лицом поражения, и мировые события развивались бы совершенно иначе. Возьми Гитлер на себя задачу гарантировать сохранение британской империи, Япония лишилась бы поддержки Германии. Поэтому даже после Перл-Харбора, между Германией и США, наверное, войны бы не было. В любом случае, разве поссорился бы Гитлер с Рузвельтом, если бы Вашингтон не помогал Великобритании? К 1942 г. Гитлер одержал бы победы во всех сферах. Может быть, Красная Армия и продолжала бы войну в Сибири, но Гитлер ведь это и планировал, пророчествуя о том, что время от времени из глубин Азии на немецкие пределы будут накатывать дикие большевистские орды, которые будут поддерживать в немецком народе дух борьбы. На Украине и Кавказе начался бы масштабный процесс германской колонизации. На Западе поверженные страны начали бы приспосабливаться к новому порядку: их валюты были бы привязаны к рейхсмарке, их внешняя политика формировалась бы договорами о «вечной дружбе» с Германией. Подобно сегодняшней Америке, Германия стала бы непобедимой: к 1944 г. только ее вооруженные силы были бы оснащены снарядами с нервно-паралитическим газом (только что изобретенным немецкими химиками), реактивными самолетами, подводными лодками с ракетами, ядерным оружием. Наверное, американские ядерщики лишились бы помощи, которую им в рамках «Манхеттенского проекта» предоставили англичане. Сбылось бы предсказание Черчилля о том, что победа Германии означала бы новое средневековье в более страшном варианте. Однако предположения Чармли — это хотя и увлекательные, но пустые абстракции, ибо Черчилль был готов вести борьбу до конца и смог убедить в этом англичан. Решение Черчилля в 1940 г. продолжить войну после поражения Франции считают самым мужественным политическим решением XX века, но чего оно стоило, если бы Гитлер не на-

пал на СССР и если бы он не объявил войну США? Даже после Пирл-Харбора было невозможно убедить Конгресс объявить войну Германии; но Гитлер сам сделал первый шаг. Геополитические мотивы Черчилля были отчасти романтического свойства, отчасти являлись следствием точного расчета (Гитлер нападет на СССР, а США помогут Британии), отчасти проистекали из его плохой информированности (вследствие плохой работы разведки).

Дело в том, что критическим моментом в развитии британской внешней политики по отношению к Германии стал захват немцами (вопреки обещаниям на Мюнхенской конференции в сентябре 1938 г.) Чехии в марте 1939 г. До конца 1938 г. все соглашались, что главные цели фюрера лежат в восточноевропейском направлении; существовало общее мнение, что он хочет просто сломать версальские ограничения и собрать в рейхе всех немцев Центральной Европы. Зверская волна антисемитизма в Германии (после погрома 8 ноября 1938 г.) смыла все надежды на мирное решение конфликта, и с зимы 1938-1939 гг. война с Германией стала казаться англичанам неизбежностью. Малодушные и ошибочные расчеты, приведшие к Мюнхену, отступили перед безрассудной и иррациональной решимостью англичан в следующий раз дать отпор Гитлеру, чего бы это ни стоило. Это была истерическая реакция, но гитлеровское ускорение истории рано или поздно должно было такую реакцию вызвать.

Кроме того, с середины декабря 1938 г. по середину апреля 1939 г. английское руководство получил не менее 20 донесений, предупреждавших о надвигающейся немецкой агрессии. Во многих донесениях утверждалось, что следующей целью Гитлера будет Западная, а не Восточная Европа, и в качестве одного из возможных вариантов назывался удар по Лондону. Заместитель министра иностранных дел А. Кадоган, который и после Мюнхена не отказался от идеи новой мирной конференции для исправления ошибок 1919 г., утверждал 26 февраля 1939 г.: «Намерения Гитлера вызывают у меня серьезные подозрения... По-моему, его самым большим желанием, будь это в его силах, является разгром Британской империи»³⁰⁰.

Английский историк Д. Рейнолдс писал, что в конце мая 1940 г. британский кабинет обсуждал возможности мирных переговоров, и Галифакс, поддержанный Чемберленом, предложил выяснить условия Гитлера для сохранения независимости Великобритании, пусть ценой утери части империи. Черчилль, только что ставший премьером, сказал, что удовлетворительные условия мира невысказаны, пока страна силой оружия не докажет, что ее невозможно завоевать, то есть пока не выиграна битва за Британию. Галифакс вспоминал, что в принципе Черчилль не был против мирных переговоров: «если бы смогли выбраться из этой переделки, уступив Мальту, Гибралтар и некоторые африканские территории, он бы ухватился за это», «мир на условиях возвращения Германии ее колоний и ее господства в Центральной Европе приемлем, но его перспективы, — считал Черчилль, — маловероятны»³⁰¹. Выражая возникшую у англичан уверенность, что после января 1939 г. Британия является для Германии целью номер один, Черчилль утверждал, что «если Франции Германия, скорее всего, предложит приличные условия мира, то нам этого ожидать не приходится... Требования, которые Германия предложит нам, будь на то ее воля, будут беспредельны». 12 июня 1940 г., когда французы выразили готовность капитулировать, Черчилль сказал одному из своих секретарей, что «не пройдет и трех месяцев, как нас с вами не будет в живых»³⁰². Следует отметить, что на ненависть Черчилля Гитлер отвечал той же монетой: в пропагандистских инструкциях Геббельс, по приказу Гитлера, указывал, что немецкая пресса не должна быть агрессивной по отношению к английскому народу, а только по отношению к Черчиллю и «его клике»³⁰³.

С другой стороны, с моральной точки зрения капитуляция Британии была невысказана до начала сражения и при наличии невредимых и готовых к бою ВМС и ВВС. Еще для успеха в этой войне требовались основания — рациональное объяснение необходимости продолжать сражаться. Таким основанием стало утвердившееся практически на пустом месте убеждение английского руководства, что германская экономика перенапряжена. 25 мая начальники

штабов Великобритании заявили, что если блокада будет продолжаться, то к середине 1941 г. значительная часть заводов в Европе встанет из-за недостатка нефти, продуктов питания, сырья, — это был чистой воды вымысел.

Рейнолдс пишет, что анализ отношения британцев к Третьему Рейху в 1933—1940 гг. выявил несколько проблем. Во-первых, англичане продолжали считать, что сильная и процветающая Германия представляет собой не только неизбежный, но и желательный фактор в Центральной Европе. Поэтому стремление французов к расчленению и разоружению Германии отклонялось. Также отвергалось стремление Франции окружить Германию системой союзов с восточноевропейскими странами. Во-вторых, британские политики сильно преувеличивали значение военно-воздушной техники. Страх перед бомбежками вызвал капитуляцию 1938 г.: нацисты безнаказанно присоединили к территории Рейха Чехию. В-третьих, британские лидеры неверно оценивали экономическое положение Германии. Последствия гитлеровских завоеваний 1939—1940 гг. для состояния людских ресурсов Германии серьезно недооценивались: на самом деле эти завоевания значительно улучшили положение Германии. В-четвертых, англичане все время неправильно оценивали Гитлера — сначала недооценивали, считая его просто недостаточно последовательным сторонником великогерманской политики, направленной в основном на Восток Европы, затем убедили себя, что его ближайшей и главнейшей целью является уничтожение Британской империи. По иронии судьбы, наиболее обоснованный аргумент в пользу того, что приоритетной целью Гитлера было жизненное пространство на Востоке и истребление славянства, — никогда всерьез не упоминался в разведывательных оценках англичан, появившись в сводках разведки лишь за несколько недель до начала операции «Барбаросса»³⁰⁴. Основную вину за дезориентацию английского руководства Рейнолдс возлагал на никудышную работу разведки и отсутствие координации разных ее частей. На самом же деле менее чем через две недели после оккупации Чехии Гитлер денонсировал договор с Польшей от 1934 г., намереваясь покончить с ней

как с «несчастной географической аномалией» (слова Гитлера). Самое главное для Гитлера было в том, что Польша преграждала путь для вторжения в СССР, поэтому Польша должна была либо стать союзницей Германии, либо быть уничтоженной (с Румынией, также имевшей общую границу с СССР, Гитлер смог договориться). Гитлер не видел особых причин, по которым Англия и Франция стали бы противиться его планам: если они не были готовы бороться за Чехословакию, которая имела для них определенное военное значение, то зачем им было бороться за Польшу, вообще не имевшую никакого военного значения? Вместо этого Британия (через три дня после оккупации Гитлером Богемии) дала Польше гарантию, что если «будет предпринято действие, которое явным образом угрожает независимости Польши, и если Польша будет вынуждена сопротивляться с помощью своих национальных сил, то правительство Ее Величества сразу же окажет ей поддержку всеми средствами, которыми располагает». «Таймс», проинструктированная Чемберленом, поторопилась объявить, что небрежно высказанные гарантии Польше — самые необдуманные в истории Англии, и они касаются только «независимости» Польши, а не ее «целостности» — таким образом оставлялась лазейка для возможности изменения версальских границ в пользу Германии. Гитлер это понял и предположил, что именно гарантии заставят Британию нажать на Польшу, как перед этим на Чехословакию, для удовлетворения его требований (включая предоставление коридоров для вторжения в СССР). У Гитлера не было намерений провоцировать войну с Британией. К тому же принудить Британию к более компромиссной позиции в Европе, где экономически господствовала Германия, он рассчитывал при помощи экономических факторов. Переговоры в этом направлении вел в Лондоне один из функционеров управления Генерального уполномоченного по Четырехлетнему плану Хельмут Вольтат, предлагавший англичанам экономическое сотрудничество неслыханного для тех времен масштаба (такое сотрудничество началось только с вступлением Великобритании в ЕЭС с 1973 г.³⁰⁵). Гитлер стремился избежать всеобщей войны на уничто-

жение, которую вели державы в 1914—1918 гг.; он хотел ограничиться краткими, подобно войнам Бисмарка, кампаниями. Даже обеспечив необходимые гарантии при помощи пакта со Сталиным (от 23 августа 1939 г.), Гитлер еще надеялся избежать войны против Запада, считая, что пакт повергнет Британию в состояние бессильной пассивности. Гитлер говорил Карлу Буркхарду, комиссару Лиги Наций в Данциге: «Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы понять это, то я буду вынужден добиться соглашения с русскими, раздавить Запад, а потом повернуть свою объединенную мощь против Советского Союза»³⁰⁶.

В 1940 г. Гитлер был уверен, что британцы одумаются и запросят мира, поскольку английские гарантии имели смысл, если бы их поддержал СССР; отказ Британии спутал его планы. Правда, за отказом этим стояла не беззаветная готовность к борьбе с «коричневым чудищем» (как это обыкновенно представляют в западной историографии), а отсутствие правильной информации о намерениях Гитлера. Нельзя, впрочем, упускать из виду и то, что английскую решимость подкрепляли американские военные поставки: после поражения на континенте Англия и США заключили соглашение о поставках оружия, и, к примеру, половина производимых в Америке самолетов (350-400 штук ежемесячно) направлялась в Англию. 2 сентября 1940 г. Рузвельт и Черчилль заключили соглашение о передаче 15 старых американских военных кораблей Британии в обмен на английские опорные пункты в Атлантике и на Карибских островах³⁰⁷. Когда в конце 1940 г. обнаружилось, что Англии нечем платить за оружие, Рузвельт (говоря, что если у соседа горит дом, то ему нужно дать займы шланг) начал кампанию за ленд-лиз. Рузвельт утверждал, что США должны стать «арсеналом демократии». 11 марта 1941 г. американский парламент под давлением Рузвельта принял закон о ленд-лизе, который разрешал президенту «продавать, перебрасывать, разменивать, сдавать в аренду, давать займы или предоставлять другими способами» материальные средства любой стране, оборону которой он считал жизненно важной для обороны Америки. В принципе

Рузвельт мог без оплаты отправлять в Британию вооружения и материалы, но в действительности Британия продолжала платить за значительную часть вооружений, а в обмен на соглашение она передала США практически все остатки своей экспортной торговли и (согласно Генеральному соглашению от 23 февраля 1942 г.) была обязана после войны отменить имперские преференции, что для государственного секретаря Корделла Хэлла было более важным, чем сдерживание тоталитарных систем.

7 июля 1941 г. американские солдаты заменили в Исландии находившихся там с мая 1940 г. английских солдат. Параллельно с этой (по существу, несовместимой с нейтралитетом) политикой увеличивалось американское военное производство. Последнее обстоятельство, впрочем, имело и социально-экономические основания: в 1938 г. в США было 10,5 миллионов безработных (19%), и американская промышленность была загружена лишь наполовину. Экспорт оружия в этой ситуации оказался нужным подспорьем, и он вырос с \$498 млн в 1939 г. до \$1 млрд в 1941 г. Благодаря военным заказам, а также динамизму и гибкости (что впоследствии сочеталось с ясной целью войны) американская экономика совершила мощный рывок вперед. Одновременно началось перевооружение армии США. Во время французской кампании вермахта американский конгресс обсуждал масштабы военных расходов, и 19 июля 1940 г. был принят закон о строительстве двух океанских флотов. Военные расходы США выросли с \$1 млрд в 1939 г. до \$9 млрд в 1941 г. Уже в октябре 1940 г. конгресс США принял программу вооружений на \$17 млрд — значительно больше, чем США потратили в Первую мировую войну. Американцы не ограничивались только военно-морским строительством и созданием ВВС, они понимали, что без большой сухопутной армии Германию не сломить, поэтому численность американской армии выросла с 338 тыс. в 1939 г. до 1,5 млн к концу 1941 г. Всеобщая воинская повинность — впервые в истории США — была введена 15 сентября 1940 г.

Американские военные корабли передавали координаты немецких подводных лодок англичанам. 18 апреля

1941 г. американцы значительно расширили собственную зону безопасности: теперь она вклинивалась в операционную зону немецких подлодок. По существу, этими действиями США был запрограммирован американско-немецкий конфликт, но Гитлер до поры до времени вел себя сдержанно, ибо перед ним стояла задача нападения на СССР. Рузвельт же в этот момент был нацелен на эскалацию конфликта с Германией и использовал для этого любую возможность, не брезгуя даже ложью в конгрессе. Так, 4 сентября 1941 г. при неясных обстоятельствах и неизвестно по чьей вине произошел инцидент между американским крейсером и немецкой подлодкой; этот случай был использован Рузвельтом для установки открывать огонь без предупреждения (*shoot-on-sight-order*) по военным кораблям, представляющим угрозу, — ясно, что речь шла о немецких кораблях. С 13 ноября 1941 г. американские торговые корабли начали вооружаться; им было разрешено примыкать к английским конвоям. Рузвельту хотелось ускорить конфликт, потому что, если бы СССР потерпел поражение, конгресс не объявил бы Германии войну; поэтому Рузвельт провоцировал немцев на войну еще до окончания военных действий на Восточном фронте. Гитлер же, наоборот, хотел оттянуть начало войны: когда после занятия американцами Исландии адмирал Редер спросил Гитлера, а не следует ли расценивать это как вступление в войну США, Гитлер ответил, что нужно сделать все, чтобы оттянуть вступление США в войну³⁰⁸. Но, в принципе, в будущем Гитлер планировал разместить на Азорских островах подразделение дальних бомбардировщиков, которые налетами на Нью-Йорк и Вашингтон покажут всем, кто в мире хозяин³⁰⁹. К тому же, как рассчитывал Гитлер, США со своими 130 миллионами населения ничего не смогут сделать с 400-миллионным населением Европы.

В апреле 1941 г. Гитлер с беспокойством наблюдал за японо-американскими переговорами; для него ситуация изменилась только после того, как японцы стали интересоваться поведением Германии в случае войны Японии с США. Гитлер сразу заявил, что готов поддержать Японию в ее войне с США. Объявление войны США свидетель-

ствовало о том, что, несмотря на зимний провал 1941 г. на Восточном фронте, Гитлер не думал о политических путях выхода из войны и следующим летом хотел продолжить восточную кампанию. С точки зрения Гитлера, если бы японцы не напали на США, то для Германии дело обстояло бы еще хуже; а с японским нападением на Перл-Харбор для Германии открылось стратегическое окно, возникла пауза, которой можно было воспользоваться для того, чтобы успеть покончить с СССР до того, как закончится война Америки с Японией. В принципе, Гитлер был прав: силы антигитлеровской коалиции с вступлением в войну Японии расплылись, но война на Тихом океане отнюдь не значила, что США перестали помогать своим союзникам в Европе, — американских ресурсов с лихвой хватало на всех. Поэтому, проиграв блицкриг, Германия оказалась втянута в «битву ресурсов»; Гитлер, по всей видимости, прекрасно понимал, что эту войну Германии не выиграть, но отступить было уже поздно. Объявление 11 декабря войны США дало возможность Рузвельту изобразить дело так, будто бы страны «оси» координируют свои действия (это совершенно не соответствовало действительности). В США произошла национальная консолидация, что, скорее, было следствием ошибок Гитлера, чем осознанных решений или пропаганды Рузвельта. Массированная пропаганда легенды «об ударе ножом в спину» (*Dolchstoßlegende*) немецкому фронту Ноябрьской революцией (1918 г.) способствовала тому, что в Германии мало кто понимал решающее значение вступления США в заключительной стадии Первой мировой войны. На этом фоне Гитлеру легко было представить США как незначительный стратегический фактор.

Интересно отметить, что СД в своих «Вестях из Рейха» передавала, что объявление войны США не вызвало каких-либо негативных эмоций — немцы полностью отдавали себе отчет в том, что на практике Америка давно уже воевала на стороне противников Германии. Только в крестьянской среде высказывалось удивление приумножением без надобности противников Германии. В целом же немцы восприняли объявление войны США как спра-

ведливое наказание Америки за ее вмешательство в европейские дела — ведь Германия никак не ущемляла американские интересы, а американцы упорно поддерживали врагов Рейха и всячески ему вредили³¹⁰. В донесениях СД отмечалось, что у простых немцев было негативное отношение к «царившей» в США еврейской клике, но против американцев никто не испытывал никаких недобрых чувств, кроме ставшего традиционным чувства культурного превосходства.

В разгар войны в Германии появилась потребность в определении будущего статуса Запада в системе нацистского «нового порядка» в Европе, но четких и ясных деклараций на этот счет окончания войны Гитлер намеренно не давал: таким образом нацисты упустили шанс создания в будущем чувства европейской общности и использования его для текущих задач. На более низком уровне такие декларации были; так, 3 апреля 1943 г. немецкий юрист профессор Ганс Петер Ипсен опубликовал в «Брюссельской газете» статью о различных правовых основаниях и различных принципах управления внешними западными (находящимися за пределами старой границы Рейха) областями Третьего Рейха. Эти территории составляли по площади 2 865 000 квадратных километров со 154 млн населения, что равнялось 30% ненемецкой территории Европы. Немецкий профессор должен был согласиться с тем, что никакой центральной администрации — наподобие той, что создали японцы в сентябре 1942 г. для управления «Великой азиатской сферой благополучия и процветания» в юго-восточной Азии, — нацисты в Европе не создали; у них, в силу хаоса компетенций, существовало несколько моделей правовых статусов в оккупированных районах. Профессор Ипсен был вынужден признать, что целостной картины управления оккупированными территориями создать невозможно. Правда, ему удалось найти правдоподобное и элегантное объяснение для фрагментарного и импровизированного характера нацистской оккупационной политики: последняя-де заранее не планировалась, решения о наступлении на Западе были вынужденными

и являлись ответом на «агрессивные» действия западных держав³¹¹. Ко всему прочему, Гитлер не придавал ни малейшего значения организации центральной администрации в оккупированных районах, полагая, что сначала нужно выиграть войну, поэтому и эта сфера оказалась в пределах противостояния различных компетенций.

Насколько различными были условия оккупации, видно из следующего описания статусов местных властей в разных западных странах.

Норвегия с ее 3 млн жителей после бегства короля в Англию получила немецкую гражданскую администрацию во главе с Йозефом Тербовеном, которому не удалось достичь значимой поддержки у местного населения. Не располагал поддержкой народа и назначенный 1 февраля 1942 г. премьер-министром коллаборационист Видкун Квислинг³¹², создавший чисто норвежское правительство, полностью, впрочем, зависимое от Третьего Рейха³¹³. Норвежская национальная интеллигенция решительно отказалась от сотрудничества с оккупантами: например, попытка назначения на должность профессора университета Осло нациста (в мае 1941 г.) привела к столь решительному протесту Союза норвежских ученых, что норвежские высшие школы вообще закрылись на весь период войны. Хотя Норвегии в будущем и суждено было стать частью «Великогерманского Рейха», в политическом отношении нацисты старались с ней считаться. От норвежцев ждали, что они сдадут в аренду Германии Тронхейм, - там Гитлер хотел создать крупнейшую немецкую военно-морскую базу.

Какие же, собственно, намерения лелеял Гитлер по отношению к Норвегии? Решение об оккупации Норвегии было принято спонтанно: в декабре 1939 г. адмирал Редер в разговоре с Гитлером о Скандинавии высказался за необходимость ее оккупации в тактических целях. В это время в ставке появился Квислинг и стал заверять Гитлера и Редера в реальной опасности английской оккупации Норвегии. После этого Гитлер решил, что не начнет решительное наступление на Западе до тех пор, пока фланги не будут безопасными. Одновременно он пришел к мысли о необходимости борьбы за Великогер-

манский Рейх, включающий все германские народы на континенте³¹⁴.

Легче всех отделалась Дания (3,9 млн жителей) — здесь вообще было сохранено довоенное местное правительство (оно просуществовало до 29 августа 1943 г.), а немецкие интересы в стране представлял назначенный Гитлером полномочный «дипломатический» представитель; поначалу им был Сесил фон Ренте-Финк, которого позднее сменил ээсовский юрист, один из крупнейших нацистских интеллектуалов, доктор Вернер Бест, который вел себя по отношению к датчанам довольно лояльно. Отрадным для датчан было и то обстоятельство, что антисемитизм не был определяющим пунктом мировоззрения В. Беста³¹⁵, несмотря на его ээсовский чин. Подчиненным Бест постоянно повторял: «в этой стране мы должны меньше командовать» (*wenig zu regieren*)³¹⁶. Отношения с Данией регулировались через МИД, контроль и воздействие на датские власти осуществлялось дипломатическим путем; оккупационных расходов страна не оплачивала. Командующий войсками вермахта в Дании генерал Н. фон Фалькенхорст внушал солдатам, что не следует задевать национальные чувства датчан прусским командным тоном; лучше вести себя дружелюбно и в сложных ситуациях проявлять чувство юмора, дабы не напоминать датчанам-англофилам о 1864 годе (датско-прусская война из-за Шлезвиг-Гольштейна).

Несмотря на оккупацию, фолькетинг и правительство продолжали работать (правда, в контакте с немецкими представителями из МИДа). Дания была единственной из оккупированных стран, которую контролировал МИД. По требованию немецкой стороны консервативный политик, отличавшийся открыто англофильской позицией, был уволен с поста министра торговли; расстался с портфелем и министр юстиции, который, на взгляд немцев, недостаточно энергично действовал в поисках зачинщиков безобразной драки, возникшей во время футбольного матча (играла датская сборная и венская «Адмира») между датскими болельщиками и немецкими солдатами.

Прямым следствием умеренной политики в Дании было то, что в 1941 г. от 10 до 15% от потребляемых в Германии продуктов питания имели датское происхождение. К тому же, 30 тыс. датчан работало в Северной Германии³¹⁷.

По норвежской модели было устроено и немецкое управление в Голландии (9 млн населения): страна получила немецкую гражданскую администрацию во главе с имперским комиссаром Артуром Зейсс-Инквартом. Последний, как и Тербовен, был лично подчинен Гитлеру. Если национализация Норвегии провалилась, то в Голландии существовали некоторые предпосылки для ее успеха (правая партия «Нидерландский унион», которая резко отрицательно относилась к демократии и ориентировалась на фашистско-корпоративистские представления). Проблема состояла в том, что «Унион» был враждебно настроен по отношению к руководимому Адрианом Муссертом «Национал-социалистическому движению». Муссерт был искренне предан нацистам, которые злоупотребляли его доверием, а это закрывало пути для взаимовыгодного сотрудничества. К тому же, «Унион» отрицательно относился и к антисемитизму. С декабря 1941 г. Зейс-Инкварт сделал ставку на Муссерта, а «Унион» распустил. Голландии также суждено было в будущем стать частью «Великогерманского Рейха»; более определенно нацистское руководство не высказывалось, но, по всей видимости, Голландия должна была стать немецкой провинцией, а Роттердаму (по завершении строительства системы каналов Рейн-Майн-Дунай) отводилась бы роль крупнейшего порта Рейха.

Имевшая военное значение как операционная база для войны с Англией, Бельгия (8,3 млн населения) вместе с северными французскими департаментами попала под контроль немецкой военной администрации (как и Франция) во главе с генералом бароном Александром фон Фалькенхаузенем, который вел по отношению к бельгийцам себя вполне лояльно. Лишь после покушения на Гитлера военная администрация была сменена гражданской, во главе с имперским комиссаром Йозефом Гроз. Король

Леопольд III был интернирован в замке Лекен. Определенную роль в лояльном обращении с королем сыграло и то обстоятельство, что Леопольд, принадлежа к немецкой Заксен-Кобургской династии, был родственником итальянского короля. Области Эйпен, Мальмеди и Морено, отобранные у Германии после окончания Первой мировой войны, по распоряжению Гитлера были присоединены к Германии 18 мая 1940 г. Вместе с ними к Рейху присоединили еще 200 квадратных километров бельгийской территории, населенных преимущественно немцами, — эти земли никогда раньше немцам не принадлежали³¹⁸. По планам нацистов, Бельгия должна была расстаться с этими территориями: им предстояло войти в состав рейхсгау Фландрия.

Люксембург с 300 тыс. населения вскоре после оккупации фактически был включен в состав Рейха, сделавшись частью гау Мозель, хотя формально страна не была включена в Рейх — как и Эльзас, Лотарингия, Нижняя Штирия, Каринтия, Крайна и Белостокская область. Формально аннексированными считались только Данциг-Западная Пруссия, район Варты, юго-восточная часть Пруссии и восточная часть Верхней Силезии³¹⁹.

Франция (41,4 млн жителей) была разделена на разные зоны. Северная Франция попала под юрисдикцию немецкой военной администрации во главе с генералом Йоханнесом фон Бласковицем (до октября 1940 г.), затем ее возглавит генерал Карл-Генрих фон Штюльпнагель, казненный за участие в заговоре против Гитлера 20 июля 1944. Департаменты Нор и Па-де-Кале (3,2 млн жителей) были подчинены военному коменданту Бельгии. Эльзас и Лотарингия (департаменты Мозель, Нижний Рейн и Верхний Рейн) в августе 1940 г. были фактически включены в состав Рейха. В 1940 г. гауляйтер Бадена Р. Вагнер стал гауляйтером Эльзаса и перенес все свои баденские ведомства в Страсбург. Эльзас и Лотарингия не были полностью включены в состав Рейха, но на них распространялась юрисдикция немецких законов. Фран-

цузский язык был запрещен, береты (рассматриваемые как чисто французская часть туалета) носить было нежелательно, французские семьи старались онемечить. Особенно упорствующих онемечиванию помещали в концлагерь Нацвайлер³²⁰. Сам Гитлер, впрочем, не высказывал никаких реваншистских настроений. По воспоминаниям Шпеера, Гитлер считал, что не имеет смысла заводить новую войну ради Эльзаса и Лотарингии — этой ничтожной полоски земли. Вдобавок, будучи предметом извечного раздора двух государств и переходя из одного гражданства в другое, эльзасцы утратили национальный характер и не представляют более интереса ни для той, ни для другой стороны. Мужество французских солдат произвело на Гитлера чрезвычайное впечатление; офицерский же корпус он считал слишком изнеженным. «Вот с немецкими офицерами из французов получилась бы великолепная армия»³²¹, сказала однажды Гитлер.

26 апреля 1942 г., после разговора с Гитлером о значении французского коллаборационизма для будущего «нового порядка» в Европе, Геббельс записал в дневнике: «Разговоры о коллаборационизме актуальны только в данный момент, а в дальнейшем, — указывал фюрер, — мы должны судить более по делам, а не по разговорам. Когда закончится война, то, по мнению фюрера, Франция должна за нее заплатить сполна, поскольку именно она ее инициировала и начала. Францию следует свести к границам 1500 г., то есть Бургундия должна быть включена в Рейх — таким образом мы получим провинции, которые по красоте и богатству едва ли уступают немецким землям»³²². Гитлер не раз подчеркивал, что французская историческая область Бургундия по праву принадлежит немцам (Гиммлер даже планировал создание имперской области Бургундия с центром в Дижоне под эгидой СС³²³). Представление о том, что режим Виши защищал французов от оккупантов, было фикцией и самообманом коллаборационистов: Гитлер ни в малейшей степени не принимал во внимание их интересы. Еще более смехотворными были рассуждения иных интеллектуалов-коллаборационистов о том, что в условиях оккупации французам суждено сыг-

рать такую же культуртрегерскую роль для германцев, какую играли древние греки в Римской империи...

Район Ниццы и французской границы в Альпах попали под контроль итальянской военной администрации. В Дюнкерке и Булони находились немецкие военно-морские базы. Остальная территория Франции была под контролем коллаборационистской администрации Петена, но эта территория была оккупирована в ноябре 1942 г. итальянскими и немецкими войсками. Петен, впрочем, продолжал распоряжаться французскими колониальными владениями и вооруженными силами. Правительство Виши было признано всеми, включая даже воюющую Великобританию.

По нацистским планам, в будущем Франции отводилась роль «увеличенной Швейцарии», небольшого атлантического государства, привлекательного для туристов и производящего модные товары и одежды. Так, журналистам Геббельс рекомендовал писать, что утверждение сильной авторитарной власти во Франции не является целью Германии, ибо «в Европе все должна решать только Германия»³²⁴.

В Италии (30 млн жителей) провинции Боцен, Триент и Беллуно с сентября 1943 г. считались прифронтовой зоной «Предгорья Альп» и были подчинены гауляйтеру Францу Хоферу; провинции Фриули, Триест, Герц, Истрия, Лайбах также считались прифронтовой зоной («Адриатическое побережье») и находились под началом гауляйтера Фридриха Райнера. В Северной Италии ограничено распоряжалось правительство «Итальянской социальной республики» во главе с Муссолини.

Национальная центральная и местная администрация на Западе во всех случаях сохранялась, а ее полномочия регулировались отчасти прежним законодательством, отчасти распоряжениями нацистских властей. По способу администрирования следует различать традиционное (как в Первую мировую войну) военное оккупационное управление — Бельгия, Франция, английские острова на Ла

Манше и, с другой стороны, гражданское управление — Норвегия, Голландия, итальянские прифронтовые зоны; с третьей стороны, надзор гражданских органов власти; с четвертой — простое распространение полномочий гражданской администрации Третьего Рейха на присоединенные к Рейху территории (Эльзас, Лотарингия, Люксембург). Имперские уполномоченные, имперские комиссары и главы немецкой гражданской администрации осуществляли различной степени влияние на местные органы власти. Что касается подчинения, то военная администрация, главы гражданской администрации (в Люксембурге — гауляйтер Густав Симон, в Эльзасе — гауляйтер Роберт Вагнер, в Лотарингии — гауляйтер Йозеф Бюркель), а также имперские комиссары Тербовен, Зейсс-Инкварт и Гроз подчинялись непосредственно Гитлеру. Имперский уполномоченный в Дании подчинялся немецкому МИДу.³²⁵ Удивительно, что МИД имело своих представителей только в Дании, а также, с ограниченными полномочиями, — в Париже (Отто Абетц) и в Италии (Рудольф Ран). Гитлер мало полагался на МИД; он считал, что в оккупированных районах немецкие дипломаты будут просто лишними.

Армия первоначально рассчитывала на создание собственной администрации на Западе; зимой 1939—40 гг. руководство армии с одобрения Гитлера разрабатывало детальные планы установления военной администрации в Голландии, Бельгии и Люксембурге. Эти страны военные хотели отобрать у партии, но после военного успеха Гитлер перестал обращать внимание на генералов. В сфере влияния военным удалось удержать только Францию и Бельгию. Имперские же комиссары в Голландии, Норвегии и Бельгии последовательно проводили линию на вступление указанных стран в состав Рейха то ли в качестве гау, то ли на правах ассоциированных членов федерации: определенные цели ассимиляционной политики не были сформулированы конкретно. Характерно, что после аншлюса Австрии туда был внедрен имперский комиссар с задачей скорейшей унификации «Восточной марки» (так именовали страну нацисты). Иными словами, пост и назначение рейхскомиссара были связаны с

агрессивностью в проведении партийной линии³²⁶. Поэтому назначение в германские («близкие по крови») страны имперских комиссаров было знаком их будущей унификации в составе Третьего Рейха, что сами нацисты рассматривали как привилегию лишь для некоторых «расово близких» стран. Открыто декларировать свои геополитические планы в Европе Гитлер опасался, предвидя неблагоприятную реакцию внутри страны и за границей. Стремление Гитлера к созданию великодержавной империи при отказе в суверенитете средним и мелким европейским государствам прослеживается по его высказываниям с 1928 г. 8 мая 1943 г. Геббельс записал высказывание фюрера о настоятельной необходимости как можно быстрее уничтожить «мелкотравчатую» государственность в Европе. Если же мелкие народы относятся к «полноценной расе», то их следует насильственно кооптировать в великогерманский Рейх, о необходимости создания которого Гитлер говорил в своей секретной речи на совещании в Зонтхофене 23 ноября 1937 г. 9 апреля 1940 г., накануне оккупации Норвегии и Дании, Гитлер заявил, что как в 1866 г. вследствие военных действий началось формирование бисмарковского государства, так с Норвегии и Дании должно начаться формирование «великогерманского Рейха»³²⁷.

Основопологающей идеей геополитической концепции Гитлера было создание большого нацистского Рейха в Европе, в котором у ненемецких народов не было бы шансов для соучастия в государственном управлении. Голландскому нацистскому лидеру Антону Муссерту, выступавшему за государственную самостоятельность своей страны, Гитлер откровенно сказал, что о федеративном устройстве Рейха не может быть и речи; части великогерманского Рейха Норвегия, Дания, Швеция и Голландия будут унифицированы по принципу расовой принадлежности без учета пожеланий их жителей; сопротивление этой унификации через пару столетий будет преодолено³²⁸.

Более радикальные планы обсуждались в ведомстве Гимmlера, позиции которого еще более укрепились после того, как 12 августа 1942 г. он, по распоряжению Гитлера, получил исключительное право в переговорах и со-

трудничестве с коллаборационистскими группами в оккупированных районах Западной Европы. Что касается международного права, то нацистские интеллектуалы вроде Вернера Беста его в принципе отвергали.

Вот как Бест классифицировал модели оккупационных нацистских режимов:

1. Союзническая администрация, которая является наиболее свободной для оккупируемой области формой управления.

2. Администрация надзора, которая более строго вмешивается в управление в смысле охранительном и контрольном. За этой администрацией зарезервированы главные правительственные и административные полномочия.

3. Правительственная администрация, сосредоточившая в своих руках все главные правительственные функции; незначительное местное самоуправление остается лишь на самом низком административном уровне.

4. Колониальное администрирование, в котором абсолютно все функции власти находятся в руках оккупационных властей³²⁹.

Если примерить эту классификацию на Западную Европу, получается, что там не было ни третьего (как в Польше — «генерал-губернаторство»), ни четвертого типа (как в оккупированных районах СССР). Доминирующим на Западе был второй тип, а первый тип нацисты использовали только в Республике Сало (Италия) и в Дании. От категории администрации зависело и количество немецкого персонала: в администрации Дании было 89 немцев (1941 г.), в Норвегии — 239 (1940 г.), в Бельгии — 1166 (1941 г.), в Голландии — 1596 (1941 г.), во Франции — 22 000 (1941 г.), в Италии — 950 (только военные)³³⁰.

В соответствии со статьей 49 Гаагских соглашений (о порядке ведения военных действий, от 18 октября 1907 г.), оккупационные власти имели право взимать с местного населения суммы для содержания армии-победительницы. Нацистские требования к побежденным превышали реальные потребности войск на постое. Подсчитано, что только на средства, взысканные с французов, можно было содержать армию в 18 (!) млн солдат. В целом отдельные

территории заплатили Германии следующие суммы: английские острова на Ла Манше — 4,6 млн рейхсмарок, Дания — 1,2 млрд, Бельгия — 5,57 млрд, Голландия — 14,8 млрд, Франция — 34 млрд, Италия — 174 млрд лир. Компенсационные платежи на содержание немецких войск зачастую имели характер грабежа под благовидным предлогом³³¹.

Товаров в оккупированные районы Рейх поставлял меньше, чем получал сам; исключение составила только Норвегия, на взаиморасчетных безналичных (клиринговых) счетах которой был положительный экспортный баланс с Германией. Поскольку финансовые компенсации предусматривались лишь после окончания войны, то и клиринговые расчеты носили характер кредита, который следовало погасить после войны. В одной только в Бельгии в 1942 г. платежи в пользу Германии составляли 67% государственных расходов, при отсутствии соответствующих налоговых поступлений³³². Огромные долги Рейха были и на клиринговых счетах Дании, Голландии, Франции. Впрочем, без мобилизации финансовых, промышленных и людских ресурсов оккупированных стран Рейх и не смог бы вести войну до 1945 г. Сначала эта мобилизационные планы строились исходя из концепции молниеносной войны: конфисковывались вещи необходимые (непосредственно) для ведения войны. Часто из-за стремления получить краткосрочную пользу наносили непоправимый вред экономике, то есть дойную корову забивали на мясо, не используя ее по назначению.

В августе-сентябре 1940 г., после того как вторжение в Англию стало неактуальным и на первый план вышло нападение на СССР, нацистское руководство начало систематическое использование ресурсов Западной Европы. За счет многочисленных поручений иностранным фирмам, немецкая экономика была значительно разгружена в производстве военных грузовиков, боеприпасов, вооружений, оптики, кораблей, инструментов и машин. До января 1944 г. французская промышленность произвела 3704 самолета и 9619 авиационных моторов для Германии. В 1942г-1943 гг. французы построили для вермахта

51 954 грузовика. В Голландии в 1943 г. треть, а в 1944 г. половина промышленного производства предназначалась Рейху. Датские поставщики покрывали 10% немецких потребностей в сливочном масле, 90% в рыбе и 20% в мясе (в 1944 г.)³³³.

Генеральный уполномоченный по четырехлетнему плану Геринг стремился взять под контроль промышленность и источники энергии в Европе. Так, он помог ИГ-Фарбен прибрать к рукам контрольный пакет акций норвежского химического концерна *Norsk Hydro*. Также было взято под контроль норвежское производство легких металлов, нужных авиационной промышленности. Квислинг пытался противодействовать распродаже норвежской промышленности, но никакой реальной властью он не обладал. Тербовен доложил Гитлеру о недовольстве Квислинга, после чего фюрер приказал действовать в одностороннем порядке, не принимая во внимание возражения норвежских союзников³³⁴.

Когда в 1943 г. Шпеер получил полномочия по мобилизации военного производства, в его министерстве вооружений возникло плановое ведомство, и сотрудник этого ведомства, правительственный советник Арнольд Кестер, составил памятную записку относительно организации европейского промышленного планирования, в которой он предлагал привлекать лояльно относящиеся к немцам силы к добровольному сотрудничеству, избегая прямого давления³³⁵. Самой ненавистой для европейцев оказалась депортация рабочей силы в Рейх на нужды военного производства; Из европейских стран Гитлер распорядился не трогать лишь Данию и Норвегию. До 1941 г. работа в Германии была добровольным делом; проводились рекламные кампании, которые, несмотря на безработицу в Европе, давали скромные результаты. До февраля 1942 г. из Голландии приехало 227 тыс. рабочих, из Бельгии и Северной Франции — 261 тыс., из Дании (до августа 1942 г.) — 95 тыс., из Франции — 120 тыс. (французские, валлонские и итальянские военнопленные работали на военном производстве, а голландские, фламандские и норвежские военнопленные были отпущены по причине расовой политики нацистов). Эти доб-

ровольцы-рабочие, однако, не могли удовлетворить потребностей немецкой промышленности. В марте 1942 г. гауляйтер Фриц Заукель был назначен имперским уполномоченным по мобилизации трудовых ресурсов, и положение резко изменилось: начались насильственные депортации рабочей силы в Рейх. За год полномочий Заукеля из Голландии было вывезено 163 тыс. рабочих³³⁶. 16 июня 1942 г. премьер-министра Франции Лавалья обязали как можно быстрее мобилизовать на работы в Германии 150 тыс. рабочих-специалистов взамен на немецкие уверения в том, что 50 тыс. французских военнопленных получат отпуска. За годы деятельности Заукеля в Рейх было вывезено 240 тыс. рабочих. Под его давлением режим Виши ввел обязательную трудовую повинность. В рамках второй и третьей кампании Заукель мобилизовал еще 410 тыс. французских рабочих. С насильственной мобилизацией нацисты явно перегнули палку, ее продолжение наталкивалось на все растущие трудности; за пойманного рабочего стали даже платить премию.

С осени 1943 г. в сферу деятельности Заукеля попала и Северная Италия, что, естественно, не вызвало ни малейшего энтузиазма у фашистского правительства, пытавшегося даже пассивно сопротивляться.

К августу 1944 г. в Рейхе находилось 7,5 млн иностранных рабочих; из них с Запада — 2 364 038: 253 648 бельгийцев (включая 50 386 военнопленных), 1 254 749 французов (599 967 военнопленных), 585 337 итальянцев (427 238 военнопленных) и 270 304 голландца. Знаменитая фраза Гитлера о том, что Тербовен должен завоевать доверие норвежцев и сделать их друзьями Германии, была, скорее, исключением, а не правилом³³⁷.

Размах террора в отдельных странах зависел от немецких властей: администрация вермахта в Бельгии и имперский уполномоченный в Копенгагене целенаправленно старались свести масштабы террора к минимуму. Генерал фон Фалькенхаузен в Бельгии действовал в соответствии с традиционными правовыми нормами, но и он для того, чтобы покарать убийства членами бельгийского Сопротивления рексистов (с января 1943 г. до марта 1944 г. было уби-

то 740 рексистов), вынужден был брать заложников и наказывать их, что не было предусмотрено Гаагскими соглашениями³³⁸.

Центр постоянно подстегивал оккупационные власти на местах: так, 16 сентября 1941 г. В. Кейтель потребовал радикально пресекать акты саботажа и покушений на немецких солдат, за жизнь каждого из которых следовало, по его мнению, уничтожить от 50 до 100 коммунистов. С 7 декабря того же года указом Гитлера всякое противодействие оккупационным властям каралось смертной казнью. Этот гитлеровский указ получил кодовое название, точно соответствующее его духу, «мрак и туман» (*Nebel und Nacht*). Указ действовал во всех оккупированных районах, кроме Дании.

В оккупированных районах создавали концентрационные, полицейские и пересыльные лагеря. Точное количество жертв в каждом отдельном случае определить сложно. В Бельгии было расстреляно 240 заложников³³⁹. Во Франции, по французским послевоенным данным, было расстреляно 29 660 заложников. В Дании по судебным-приговорам немецких военных судов было расстреляно 102 человека³⁴⁰. Своего пика нацистский террор достиг, однако, не в процессе борьбы против политических противников, а в ходе расовых чисток. В первую очередь это касалось евреев, которых вытесняли из общественной жизни, лишали собственности, а затем отправляли в концлагеря на территории Польши. В Голландии первая волна депортаций евреев имела место 22—23 февраля 1941 г. — после того, как в еврейском квартале Амстердама погиб один голландский нацист. Гиммлер приказал отправить 425 евреев в концлагерь Маутхаузен, где они все и погибли. Организованные депортации начались в сентябре 1942 г., а завершились 12 сентября 1944 г., когда последний поезд с голландскими евреями покинул страну. Всего из Голландии было депортировано 112 000 евреев, из которых погибло 105 000. Из 25 000 депортированных бельгийских евреев остались в живых 1200³⁴¹. 20 января 1944 г. итальянский МВД запретил выдавать СС местных евреев, но в обход запрета Гиммлер распорядился осуществлять депортации; было вывезено 8300 итальянских ев-

реев, из которых 8000 погибли³⁴², но 4/5 живших в Италии евреев избежали депортации и смерти.

В Норвегии и Дании нацистам также не удалось достичь своей цели: сделать эти страны «очищенными от евреев» (*jüdenfrei*). Имперский уполномоченный в Дании В. Бест был противником осуществления массовых депортаций евреев; на его взгляд, это мешало нормализации обстановки в стране. Бест через посредника информировал датских социал-демократов о предстоящих акциях СС; те передали информацию еврейской общине, и акции 1-2 октября 1943 г. провалились.³⁴³ В Дании нацистам удалось арестовать 477 евреев; их депортировали в Терезиенштадт, где до конца войны погиб 51 человек³⁴⁴.

Опасаясь уменьшения своего влияния, Гитлер не стремился к созданию сильных и влиятельных пронацистских партий в Европе: он предпочитал сотрудничать с традиционными элитами. В Норвегии и Голландии сделать это не удалось, а во Франции и Дании удалось отчасти. Целью Гитлера было как можно больше скомпрометировать коллаборационистов и таким образом привязать их к Германии. Но коллаборационисты имели собственные представления о политическом устройстве своих стран и не желали быть простыми марионетками. Квислинг и Муссерт так и не оставили мыслей о федеративном европейском устройстве и о достойном месте своих стран в этой федерации. Великобургундская концепция Дегреля не вписывалась в нацистскую схему деления Рейха на гау. Даже датские нацисты (Клаузен) не хотели уступать Рейху Северный Шлезвиг. Поэтому германские нацисты прибегали к нехитрой тактике интриг против неугодных партийных боссов коллаборационистов, выставляя и поощряя собственных протеже: Ли в Норвегии, Фельдмейер и Рост ван Тоннинген в Голландии, ван де Виле во Фландрии. Эти люди должны были позаботиться о том, чтобы новая Европа стала увеличенной до размера континента нацистской Германией.

В контрасте с политикой гитлеровцев на Западе находилась их политика в Восточной Европе, где планировалось сохранить протекторат Богемия и Моравия и полуса-

мостоятельную Словакию и Хорватию. Во время польской кампании вермахта словаки поддержали немцев, обещавших им за это часть Польши (по договору от 21 ноября 1939 г.). По конституции 26 октября 1939 г. Словакия формально была республикой, хотя там была однопартийная система; основателем националистической партии был Андрей Глинка, умерший в 1938 г. В глинковской партии с самого начала наблюдался антисемитизм; под давлением нацистов он со временем усилился. Сано Мах (*Šano Mach*), являвшийся руководителем «гвардии Глинки», сыграл значительную роль в сближении этой организации с СС и Гиммлером³⁴⁵. После Глинки, наиболее влиятельными политиками были президент Й. Тисо и премьер-министр доктор Тука. Курьезно, но официально установленные хлебные rationy в союзных с Германией странах (Хорватии, Италии, Румынии, Словакии) были ниже, чем в оккупированных немцами западных европейских странах³⁴⁶, что указывало на истинное положение этих «союзников» Германии.

Что касается Юго-Восточной Европы, то там немцы оккупировали остатки Югославии (61 тыс. кв. км с 4,2 млн населения). Часть Словении (10 тыс. кв. км и 800 тыс. человек) была аннексирована Рейхом. Немцы, итальянцы и болгары оккупировали Грецию (7 млн жителей). После капитуляции Италии территорию ее оккупации в Греции и Албании переняли немцы, болгары, хорваты, а также словенские и черногорские автономисты. Созданное 10 апреля 1941 г. Хорватское государство находилось в зависимости от Рейха. Румыния получила от Рейха Северную Буковину (10 тыс. кв. км и 280 тыс. человек) и Молдавию (45 тыс. кв. км и 2,85 млн человек), область между Бугом и Днестром (Трансистрию) с Одессой (40 тыс. кв. км и 1,85 млн человек). Под финский суверенитет отошла, помимо отвоеванных территорий в Карелии, еще Восточная Карелия с населением 500 тыс. человек.

*Гитлеровская геополитика и оккупационная политика
в Польше и немецкое общество*

«Восток — сегодня колония, завтра — место для расселения немцев, а послезавтра — территория Рейха».

(Г. Гиммлер 23 ноября 1942 г.³⁴⁷)

Поскольку отношения немцев и поляков с давних времен (вследствие попыток германизации польских земель) были довольно натянутыми, а также потому, что Польша более всех европейских стран пострадала от нацистского ига, — намерения Гитлера в отношении этой страны заслуживают отдельного рассмотрения.

Прежде всего следует отметить, что в глазах значительной части современников Гитлера и Сталина учрежденные победителями в Первой мировой войне восточноевропейские государства (Польша, Латвия, Литва, Эстония, Чехословакия и Финляндия) были «ублюдками Версальской системы»; по мнению пострадавших от Версальского диктата, они вообще не имели права на существование. Такая позиция была следствием того, что упомянутые государства возникли только по причине временного бессилия Германии и России (именно эти державы ранее доминировали в Восточной Европе) в заключительной стадии Первой мировой войны, а не по их доброй воле и не вследствие целенаправленной и осознанной борьбы за собственную государственность, которая, по существу, была им подарена случаем. Этот тонкий, скорее психологический, нюанс не следует экстраполировать на наше время — ныне его не существует, государственность упомянутых стран общепризнанна и ни у кого сомнений не вызывает. Однако в описываемое время мысль об искусственности упомянутых государственных образований было распространена довольно широко, что и использовали немецкий шовинист Гитлер и русский шовинист Сталин в своих целях, разделив между собой Восточную Европу, в том числе и Польшу, тайным протоколом к договору от 23 августа 1939 г. Упомянутый психо-

логический нюанс трудно представить себе в полной мере (если настаивать на его значении, можно оказаться неправильно понятым и попасть под обвинение в шовинизме), но он сыграл огромную роль в формировании благоприятного отношения немецкого общества к гитлеровским претензиям к Польше.

В этой связи встает еще одна важная проблема, однозначно разрешить которую довольно сложно: дело в том, что объектом экспансии Гитлера Польша стала спонтанно; Гитлер долгое время считал, что сможет договориться с поляками и приступить к реализации своей самой главной задачи — завоевании «жизненного пространства» в России. В первую очередь Гитлера привлекали огромные просторы России, а не скромный геополитический потенциал непосредственных соседей Германии на Востоке Европы. Иными словами, прочие восточноевропейские страны попали в орбиту нацистской геополитики именно вследствие гитлеровских геополитических устремлений в нашей стране, а не вместе с ней. Это вовлечение восточноевропейских стран в сферу интересов нацистской геополитики произошло исподволь, вследствие общей логики развития политической ситуации после подписания Версальского договора. Сначала Гитлер ясно и определенно говорил только об одном своем намерении — о преодолении еврейско-большевистской системы в СССР и о приобретении там «жизненного пространства». И современники, и последующие интерпретаторы гитлеровской внешней политики недооценивали значимость концепции «жизненного пространства», принимая первоначальную внешнюю политику Гитлера за обычный великодержавный курс. Подлинную картину нацистской политики маскировал и конкордат 20 июля 1933 г., и пакт о ненападении с Польшей от 26 января 1934 г., и позднейший молотовско-риббентроповский пакт, — все это были хитрые обманные маневры Гитлера. Договор с Польшей должен был разрушить французский «санитарный кордон», помочь Германии справиться с изоляцией после выхода из Лиги Наций, а также стать первым камнем в

фундамент будущих двухсторонних (а не многосторонних) отношений в Европе. Коротко говоря, все эти договоры носили служебный, тактический, временный характер, а не были отражением стратегической линии гитлеровской геополитики.

Иными словами, Гитлер не просто воспринял традиционную немецкую геополитическую линию на Востоке Европы, но в корне ее преобразовал, придав своей геополитике черты расовой доктрины, совершенно исключая учет интересов и даже самого существования народов, находившихся якобы на низшей ступени расового и общественного развития. Через все выступления и высказывания Гитлера красной нитью проходит стремление к обеспечению для немцев «жизненного пространства» на Востоке — об этом свидетельствует многократно цитированное высказывание Гитлера из «Майн кампф» о том, что «если мы говорим о жизненном пространстве, то прежде всего имеем в виду территории в России и в подчиненных ей государствах». Существенным отличием от прежней немецкой колонизации Востока было то, что Гитлер совсем не думал о культуртрегерской роли немцев и о мирном сосуществовании со славянами, как это было прежде. Гитлеровская геополитика строилась на расово-биологической концепции превосходства германцев и имела следствием порабощение или даже уничтожение славянских народов Европы.

В этой связи следует подчеркнуть, что первоначально Польша для Гитлера не являлась планируемым объектом экспансии и, несмотря на свои расистские представления, по отношению к полякам Гитлер не испытывал никакой ненависти или враждебности, а «начальник Польского государства» Пилсудский восхищал его своим образом действий. Маршал Пилсудский в принципе был прав, когда в 1933 г. сказал, что Гитлер австриец (католик), а не пруссак (протестант), и поэтому у него нет традиционной антипольской позиции прежних немецких лидеров³⁴⁸. На самом деле, Польша с ее авторитарной формой правления, с твердыми антикоммунистическими, антирусскими и антисемитскими настроениями

была бы самым подходящим союзником Германии в завоевании «жизненного пространства» на Востоке. Польское руководство долгое время поддерживало с немцами самые хорошие отношения: так, в 1938 г. заместитель польского министра иностранных дел Юзефа Бека Ян Шембек говорил, что Германия в своей польской политике руководствуется тем, что в будущем германо-русском конфликте Польша — наравне с Италией и Японией — будет ее естественным союзником. В конце 1938 г. II отдел польского Генштаба подготовил доклад, в котором указывалось, что в основе политики Польши на Востоке лежит стремление к расчленению СССР, и для Польши вопрос состоит в том, будет ли она участвовать в этом разделе. «Польша не должна оставаться пассивной в этот знаменательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель — ослабление и разгром России»³⁴⁹.

В свое время Пилсудский, обеспокоенный антипольскими выходками в дни «национальной революции» СА, призвал Францию к превентивной войне против Германии — французы, впрочем, к этому не были готовы. Между тем, для Пилсудского это был подходящий момент, ибо польская армия в этот момент в два раза превышала по численности немецкую. 6 марта 1933 г., в нарушение статуса Данцига, Пилсудский увеличил численность ограниченного польского воинского контингента в гарнизоне на Вестерплатте (бухта при входе в гавань Данцига). На Гитлера же все эти польские военные приготовления не произвели ни малейшего впечатления. По предложению англичан Лига Наций осудила польскую провокацию на Вестерплатте, и поляки вынуждены были вывести свои войска³⁵⁰. Гитлеру провокационный образ действий Пилсудского даже понравился — он узрел в польском диктаторе родственную душу. «Польше здорово повезло, — сказал Гитлер польскому послу, — что ею правит такой выдающийся человек, как маршал Пилсудский»³⁵¹. После смерти Пилсудского поляки не оставили свои территориальные притязания: район полуострова Вестер-

пляютте был предметом спора между Данцигом и Польшей. Поляки оккупировали полуостров в марте 1938 г., но по требованию держав прекратили оккупацию, получив право держать на Вестерпляютте склады с боеприпасами; этот район был сильно укреплен и оборудован дотами, но, несмотря на это, именно он стал первым объектом немецких атак 1 сентября 1939 г.

Упорное стремление польского руководства ориентироваться на западные державы в конце концов вывело Гитлера из себя; дело осложнялось и тем, что одно из основных гитлеровских требований³⁵² к Польше — Данциг — польская сторона была неправомочна выполнить, так как Данциг не был польским, а подлежал юрисдикции Лиги Наций. Поэтому отказ от выполнения требований Гитлера означал скорее конфликт с западными державами, которые гарантировали Версальские установления. Именно для того, чтобы избежать войны на два фронта, Гитлер — хотя он не очень верил в возможность нападения Англии и Франции на Германию — пошел на подписание договора с советской стороной. Это не значит, что гитлеровцы собирались оставить Польшу в покое — нет, но в случае соглашения с польской стороной по поводу «польского коридора» и Данцига события развивались бы иначе: вытеснение поляков, германизация польских земель откладывалась на более позднее время и, наверное, протекала бы в другой форме. Не следует упускать из виду и вызывающее поведение польского военного руководства, его чрезмерно преувеличенные представления о собственном военном могуществе; все это раздражало Гитлера и в конечном счете побудило его (после провокации в Глейвице) начать войну с Польшей.

В Веймарской республике правительство пыталось проводить последовательную национальную линию в политике внутренней колонизации Восточной Пруссии, вытесняя поляков-поденщиков, а также стремилось поддерживать (преимущественно морально) многочисленную немецкую колонию на территории Польши. В этой политике, однако, трудно найти удовлетворительное объяснение

немецкой ненависти к полякам: бесспорно, до войны у немцев была некоторая антипатия к полякам, но, придя к власти, нацисты долгое время (1934—1938 гг.) проводили политику сотрудничества с Польшей. Сначала Гитлер делал ставку на союз с Польшей, о чем свидетельствуют его предложения от 24 октября 1938 г. Эти предложения сами немцы считали «великодушными», поскольку Гитлер гарантировал полякам их западную границу, претендуя только на Данциг и на экстерриториальную автостраду до Восточной Пруссии. Более того, эти предварительные соглашения рассматривались как подготовительные к союзу, поэтому Польше было предложено не только продление пакта о ненападении, но и его дополнение — вступление Польши в Антикоминтерновский пакт. По всей видимости, Гитлер и Риббентроп хотели урегулировать отношения с Польшей таким же образом, как с Италией в 1936—1937 гг., при этом, правда, оставался открытым вопрос, против кого будет направлен этот союз с Польшей — против Запада или против СССР. 19 ноября 1938 г. поляки ответили отказом. Если учесть, что сами поляки никогда не считали Данциг польским городом, то легко понять, почему немцы не поверили в то, что их предприятие окончательно провалилось, и начали осуществлять давление. В этой связи 5 декабря 1938 г. в немецкой прессе был ослаблен прежний запрет на обсуждение проблемы фольксдойч в Польше³⁵³. Может быть, упомянутая немецкая ненависть к полякам стала результатом умело организованной антипольской пропагандистской кампании? Это можно допустить, но нужно учесть еще и роковой характер развития событий.

Гитлер принял решение нанести Чехии смертельный удар в середине февраля 1939 г., а 14 марта словацкое правительство (по наущению Гитлера) позвало на помощь немецкие войска. В этот же день немецкие и венгерские (в Карпатах) войска вступили в Чехию. Чешский президент Эмиль Гаха под давлением Гитлера подписал заранее подготовленные документы, в которых были слова «для сохранения порядка, спокойствия и мира» и «передача судьбы чешского народа в руки фюрера»³⁵⁴. Вскоре Гитлер под-

писал указ о создании «протектората», в этом указе говорилось, что «чешско-моравские земли тысячелетиями принадлежали к жизненному пространству немецкого народа», и «теперь прежнее положение восстановлено»³⁵⁵. После присоединения Чехии к Рейху Риббентроп повторил немецкие предложения Польше от 24 октября, но польское правительство не поддавалось давлению даже после того, как 22 марта 1939 г. Литва передала Германии Мемель, что, собственно, было первым нарушением Версальских территориальных ограничений на Востоке. Польская решительность и соответствующие декларации произвели на европейскую общественность большое впечатление, и 31 марта 1939 г. Невилл Чемберлен объявил об английской готовности помочь Польше, его поддержал французский премьер-министр Эдуард Даладье. 6 апреля английские гарантии были оформлены в польско-английские взаимные обязательства, за которыми должно было последовать подписание договора. 13 апреля Англия и Франция дали подобные гарантии Румынии и Греции, а в мае — Турции. Для британской дипломатии такие обязательства были настоящей революцией — до этого, за исключением Бельгии, они таких обязательств никому не давали. Как тут не вспомнить знаменитое высказывание Дизраэли, что у Великобритании нет друзей, нет врагов, а есть только интересы. Этот завет лидера английских консерваторов XIX века был нарушен, и 1 апреля 1939 г. Чемберлен дал клятвенное обещание в интересах обеспечения мира в Европе защищать Польшу от любой угрозы со стороны Германии. После захвата Австрии, Чехии и Мемеля Гитлер высказывался том смысле, что враги Германии ничего не стоят, они не в состоянии предпринять какие-либо решительные действия, и это показали события после подписания Мюнхенского договора. Но Гитлер ошибся: Чемберлен направил правительству Польши предложения поддерживать ее против любой акции агрессии. Таким образом, судьба Великобритании оказалась в руках польских правителей, политика которых имела весьма непостоянный характер. Кабинет министров Англии одобрил эти гарантии, даже не

ознакомившись с докладом Генерального штаба, где говорилось о невозможности оказания активной помощи Польше. Один американский журналист сказал по этому поводу, что премьер-министр Чемберлен совершил грубейшую ошибку со времен принятия закона о гербовом сборе (этот закон был одной из самых существенных причин начала войны за независимость Северной Америки от Великобритании), поскольку можно застраховать пороховой завод, если на нем соблюдаются правила техники безопасности, однако страховать пороховой завод, если на нем работают сумасшедшие, безрассудно³⁵⁶. В английском парламенте только Ллойд Джордж указывал на недопустимость таких гарантий без поддержки и согласия России; по его словам, английские гарантии просто подстрекали Гитлера показать, насколько они малоэффективны. Англичане предоставили беспрецедентные гарантии не из любви к Польше, но чтобы поставить на место Гитлера, проявившего слишком большие аппетиты. Гитлера это разозлило, и он незамедлительно (27 апреля 1939 г.) объявил недействительным немецко-английский договор о флоте и немецко-польский пакт о ненападении. С другой стороны, Гитлер и в этот момент предлагал полякам договориться, но они не шли ни на какие уступки.

В этой ситуации единственным государством, которое могло реально помочь Польше, был именно Советский Союз, но поляки понимали, что Сталин сам не прочь вернуть Западную Украину и Западную Белоруссию. Это и побудило Гитлера пойти на соглашения со Сталиным 23 августа 1939 г.; в этот же день британский посол в Берлине передал Гитлеру послание Чемберлена, в котором говорилось, что британские намерения в отношении гарантий Польше остаются прежними, и что немецкое нападение на Польшу повлечет за собой мировую войну. Гитлер ответил, что английские гарантии Польше влекут за собой безнаказанные преследования поляками немецких меньшинств. Примечательно, что в этом же ответе он написал, что учитывает возможность долгой войны, и что Германия к ней готова³⁵⁷. 26 августа Гитлер отдал при-

каз о наступлении на Польшу, но, получив письмо от Муссолини, в котором говорилось, что Италия не может вступить в войну до 1942 г., отозвал свой приказ. Выдвигавшиеся к польской границе немецкие дивизии соблюдали радиомолчание, и выполнение отмены приказа стало настоящим организационным достижением. Один офицер связи приземлился на самолете прямо перед немецкой танковой колонной и таким образом остановил ее за несколько километров от границы³⁵⁸.

В параноидальной привязанности к фиксированным геополитическим установкам и проявилось наиболее существенное отличие гитлеровского экспансионизма от старой немецкой колониальной политики и экспансионизма, направленных на завоевание рынков сбыта, защиту торговых путей и захват сырьевой базы. Нацисты же рассматривали свои завоевания и установление господства на Востоке лишь как средство, основу для биологической экспансии. Гитлер был готов к экспансии в любом направлении — на север, юг или запад; так оно и произошло на самом деле, однако коренное отличие прочих завоевательных походов вермахта заключалось в том, что нигде, кроме Востока, Гитлер не планировал биологической, расовой экспансии. Поэтому на всех направлениях, кроме Востока, война для Гитлера носила второстепенный характер, можно даже утверждать, что он был втянут в эти войны помимо собственной воли, а желанной, планируемой и имеющей смысл для него была только одна война — война с Советским Союзом за «жизненное пространство».

На первый взгляд, гитлеровская геополитика за 12 лет нацистской диктатуры шла от кризиса к кризису; а для преодоления кризисов требовались срочные и жесткие меры. Но такое развитие не было следствием свободной от идеологии оппортунистической политики, напротив, и в принципиальных вопросах, и в моменты кризисов Гитлер действовал с чрезвычайно редко встречающейся в истории принципиальностью и последовательностью. Это утверждение нельзя опровергнуть даже указанием на

советско-германский пакт от 23 августа 1939 г., который в Германии восприняли либо как гениальный ход, либо как отменную шутку³⁵⁹. Для партийных ветеранов пакт стал моральным унижением; так, спустя месяц после подписания пакта А. Розенберг отмечал в своем дневнике: «У меня такое ощущение, что этот московский договор когда-нибудь отомстит нам. Этот шаг не был связан со свободным волеизъявлением, он представлял собой прошение главы одной революции у руководителя другой революции. Это прошение унизило и релятивировало результаты и идеалы двадцатилетней борьбы нашего национал-социалистического движения. Отныне мы уже не в состоянии говорить о спасении и организации Европы по-новому: ведь мы обратились за помощью именно к главному разрушителю и врагу Европы, благодетельствовать которую мы и стремились»³⁶⁰. У. Ширер, напротив, отмечал в своем дневнике, что немцы восприняли пакт с облегчением, ибо он означал исключение войны на два фронта³⁶¹.

Сам Гитлер оправдывал пакт со Сталиным таким образом: «Всем известно, что Россия и Германия руководствуются различными политическими доктринами, но ни Германия не желает экспортировать свое мировоззрение, ни в данный момент Россия. Поэтому я не вижу причины продолжать противостоять друг другу. Всем должно быть ясно, что наше противоборство с Россией может принести пользу только третьей стороне, поэтому мы и решили заключить пакт. Этот пакт обязывает стороны консультироваться по некоторым вопросам развития Европы, а также сделает возможным взаимовыгодное экономическое сотрудничество. Я могу определенно сказать, что это политическое решение имеет огромное значение для будущего и является окончательным и бесповоротным»³⁶². В секретной же памятной записке военному руководству Гитлер уже 9 октября 1939 г. подчеркивал, что нейтралитет Советского Союза нельзя гарантировать никакими договорами и соглашениями.

Немецкую общественность Гитлер успокаивал указанием на то, что Германия и Россия, хотя и воевали друг

против друга, но при этом стали главными потерпевшими сторонами в годы Первой мировой войны, и нет никакой необходимости повторять этот неудачный опыт во второй раз. Что касалось собственно целей Гитлера в начавшейся войне, то их он формулировал следующим образом: «Я хочу, во-первых, решить вопрос Данцига; во-вторых, вопрос “польского коридора”; в-третьих, обеспечить поворот к лучшему в развитии германо-польских отношений и нашего мирного сосуществования с Польшей»³⁶³.

Один американский путешественник писал в дневнике, что «договор с Россией подействовал на немцев не так, как полагало большинство американцев. Мне удалось выявить следующие мотивы отношений немцев к молотовско-риббентроповскому пакту:

1. Фюрер знает, что делает.
2. Фюрер имеет право вступать в союзы и со своими врагами, а потом эти союзы разрывать в интересах дела.
3. Этим пактом мы возрождаем старое русско-немецкое содружество, которое при Гогенцоллернах длилось практически век.
4. Это временная мера в политических интересах.
5. Прорыв из окружения коалиции врагов Германии этого стоит.
6. Лучше с русскими, с которыми у нас нет никаких споров, чем с британцами, которые желают нашей гибели.
7. Мы и так наполовину большевизированы, чего же бояться?
8. Россия на полпути к фашизму, и вскоре мы встретимся.
9. Только с помощью России мы сможем прорвать вражескую блокаду.
10. Этот пакт ускорит пролетарскую революцию в Германии. Не следует забывать, что некоторые немецкие политэкономы долгое время обосновывали необходимость сотрудничества и союза с Россией. Мне показалось чрезвычайно интересным, что никакой дискуссии по этому поводу в прессе и в рейхстаге не было. Пессимизм в от-

ношении дальнейшего развития событий не велик, как, впрочем, отсутствует и воодушевление начавшейся войной - немцы более говорят о тех, кто наживется на войне: о спекулянтах, мешочниках и т. п.»³⁶⁴. Далее американец утверждал, что немцы хотя и желают победы, но не любой ценой, как это утверждает нацистская пропаганда. Когда 22 августа 1939 г. Гитлер пригласил в Бергхоф военное руководство и заявил о своем намерении напасть на Польшу, то протестовать никто не стал - в отличие от Судетского кризиса, когда Гитлер натолкнулся на значительное сопротивление. Даже представители офицерской фронды сочли гитлеровские претензии к Польше справедливыми, а пакт со Сталиным они по недоразумению восприняли как продолжение бисмарковской политики в отношении России. В последнем обстоятельстве большую роль сыграл Геббельс, отдавший указание пропагандировать «традиционную» дружбу и добрососедство с Россией. В народе же, который, как известно, трудно обмануть, стал расти страх перед войной³⁶⁵.

После победы над Польшей Гитлер отказался от мысли создать на ее территории марионеточное государство и использовать его в политическом диалоге с Западом в целях заключения мира, тем более что на Западе к переговорам желания никто не изъявлял. В средствах пропаганды немецкую общественность уверяли, что «немецкая деловитость» покончит наконец с «польской безалаберностью».

Масштабы геополитических переделов Гитлера в Польше были довольно большими: после нападения на Польшу (с населением в 22 млн человек) 2/3 польской территории с 10 млн населения перешли под немецкий контроль и были аннексированы³⁶⁶. Между тем, немецкое меньшинство в Польше (не считая Данцига) насчитывало в 1931 г. не более 744 тыс. человек, что составляло 2,3% населения Польши³⁶⁷. Мазовия и Познань были включены в Рейх (Гитлер отнял у Польши в два раза больше, чем Германия вынуждена была уступить в 1919 г.³⁶⁸), а территория генерал-губернаторства оставалась зависимой от Берлина, и ей

было суждено оставаться резервуаром дешевой рабочей силы и местом «окончательного решения» еврейского вопроса (2,5 млн переселяемых в Польшу евреев Гиммлер планировал использовать для строительства Восточного вала в Польше на границе с СССР; распоряжение о строительстве было отдано 22 ноября 1939 г.). Галиция (воеводства Львов, Тернополь и Станислав), в которой из 4,5 миллионов населения было полмиллиона евреев, с 1 августа 1941 г. была присоединена административно к генерал-губернаторству.

Ганс Франк стал неограниченным властителем генерал-губернаторства со столицей в краковском королевском замке Вавель. В Третьем Рейхе ходила шутка, что генерал-губернаторство будет переименовано в «*Frank-Reich*» (по аналогии с немецким названием Франции — *Frankreich*). После гитлеровского нападения на СССР генерал-губернаторство приняло окончательные очертания; в него вошли следующие дистрикты: Краков, Варшава, Люблин, Радом и Галиция. Округ Белосток был подчинен восточно-прусскому гауляйтеру Эриху Коху. Во главе гау, присоединенных после ограбления Польши, были поставлены наиболее бескомпромиссные нацисты — Артур Грайзер и Альберт Форстер, к тому же 7 октября Гиммлер получил титул «имперского комиссара по укреплению немецкой народности» и стал ответственным за проведение этнических чисток в Польше. 7 сентября 1939 г. группенфюрер Гейдрих отдал приказ об «обезвреживании всей польской верхушки»³⁶⁹. Нацисты систематически разрушали культурное наследие Польши и уничтожали цвет польской культуры: предвестником последующих акций был арест профессоров университета Кракова и отправление их в Заксенхаузен. При участии местных украинских националистов во Львове были убиты профессора университета этого города. Всего в Польше было создано более 2000 лагерей различного предназначения, в том числе и для изоляции от польского общества его старой элиты.

В аннексированных у Польши землях селили этнических немцев (фольксдойч) — из полумиллиона фольксдойч

собственно в Германию попало только 50 тыс.³⁷⁰. Забота об устройстве фольксдойч на новом месте жительства была возложена на РКФДВ (*RKF DV*- имперский комиссариат по укреплению немецкой народности), который отвечал за здоровье переселенцев, их морально-политическое состояние, обеспечение их работой и жильем. С 1939 г. по 1945 г. комиссариат переселил 1,25 млн этнических немцев. Ответственность за перевозку и размещение фольксдойч несли посреднические бюро фольксдойч — ВОМИ (*Vomi — Volksdeutsche Mittelstelle*), которые создавали временные лагеря и обеспечивали переселенцев транспортом³⁷¹.

До 26 октября 1939 г. остатки польской территории находились в ведении вермахта, затем, по приказу Гитлера, вермахт уступил власть рейхсминистру без портфеля Гансу Франку, ставшему главой генерал-губернаторства. При Франке начала осуществляться программа экономического порабощения страны; в народе считают, что Гитлер якобы приказал Франку превратить Польшу в «ад на земле». В Польше, как всегда при нацистах, власть строилась на борьбе компетенций во всех сферах. Кроме вермахта и СС, значительным фактором влияния было ведомство четырехлетнего плана и его «генеральный уполномоченный» Геринг. Последний еще 19 октября заявил, что его ведомство конфискует все имущество евреев и поляков на аннексированной территории. Для управления этими имуществами было создано специальное «главное ведомство по опеке Ост» (*Haupttreuhandstelle Ost*)³⁷², с помощью которого Геринг стремился к полному контролю над польской экономикой.

С 1942 г. генерал-губернаторство Польша во все большей степени стало подпадать под суверенитет СС; особенно активны были: глава СС в Польше Вильгельм Крюгер и руководитель СС в Люблине Одило Глобочник. Одило Глобочник постоянно провоцировал конфликты компетенций; он отличался необыкновенно жестоким обращением с поляками, поэтому его действия соответствовали представлениям Гимmlера о правилах обращения с местным населением. Гимmlер был убежден в верности

Глобочника и 17 июля 1941 г. назначил его «уполномоченным по созданию опорных пунктов СС и полиции безопасности в новых восточных районах». Глобочник планировал создание немецких поселений в Польше и СССР; эти поселения крестьян-воинов (*Wehrbauer*) должны были оставаться под эгидой СС не только в военном, но и в хозяйственном отношении. В июле 1941 г. Глобочник предложил создать в Люблине и Замостье кольцо немецких поселений с опорными пунктами в Прибалтике и в Семиградье; это кольцо опоясывало бы остатки польского крестьянского населения. В перспективе и этих поляков Глобочник собирался вытеснить или ассимилировать³⁷³. С согласия Гимmlера, с ноября 1942 г. и мартом 1943 г. Глобочник организовал принудительное переселение 110 тыс. поляков и украинцев из 300 польских деревень. Это переселение было плохо организовано, вызвало хаос и привело к многочисленным нападениям бежавших в леса польских крестьян на немецких поселенцев, что повлекло жестокие репрессии властей по отношению к оставшимся полякам. Жестокость и неэффективность в переселенческой политике в Польше привела к отставке Глобочника в сентябре 1943 г.³⁷⁴ Гимmlер, впрочем, обещал, что на «освободившиеся» в Польше земли немцев не будут переселять до окончания войны; земли эти предназначены для ветеранов войны³⁷⁵. Такая призывная система стала актуальной: с осени 1939 г. начали формироваться первые части Ваффен СС, которым Гимmlер предрекал решающий вклад в победу, обещая в награду землю.

В совершенном противоречии с немецкой (особенно прусской) склонностью к порядку, строгой организации и административной стройности нацистская оккупационная власть в генерал-губернаторстве отличалась поразительной аморфностью, там царил беспрецедентный для немецкой административной традиции хаос компетенций и анархия властей. Различия в подходах и споры о польских делах особенно часто возникали между рейхсфюрером СС Гимmlером и генерал-губернатором Франком. Гимmlер не желал допускать дальнейшего расшире-

ния администрации в генерал-губернаторстве; он стремился к порабощению, давлению, репрессиям, к уничтожению всякого Сопротивления и к полному контролю. Франк, напротив, представлял более «мягкую» линию, полагая, что таким путем можно добиться лучших результатов в процессе организации поставок продуктов питания, сырья и рабочей силы в Рейх. Это соперничество со временем (1942—1943 гг.) вылилось в своего рода двоевластие. К «параллельности» властей добавилось еще и соперничество между гауляйтерами и СС; например, между гауляйтером Западной Пруссии Альбертом Форстером³⁷⁶ и Гиммлером³⁷⁷. Со временем джунгли компетенций в генерал-губернаторстве становились все более дремучими. Франк был против эсэсовских планов выселения поляков из юго-восточного польского района Замостье и заселения его немцами; он выступал за более лояльное обращение с поляками, но его усилия оказались бесплодными (за исключением Галиции и Кракова, где ему удалось добиться некоторых успехов в организации польской культурной и хозяйственной жизни). Во всех прочих частях генерал-губернаторства с осени 1943 г. разрастался террор. Ближе к концу войны немцы стали обещать полякам некоторые послабления, обязались превратить Польшу в протекторат; после подавления Варшавского восстания с польской стороны был подписан мирный договор, крайовцев Гитлер даже признал комбатантами, были выпущены на свободу польские антикоммунисты.

«Адекватных» в расовом отношении поляков оккупанты стали включать в так называемые «немецкие народные списки» (*Deutsche Volksliste*), и эти люди пользовались большими правами, чем остальные поляки. В «немецкие народные списки» были занесены свыше 2 миллионов человек, большей частью в Силезии и Померании³⁷⁸. Очевидно, однако, было совершенно противоположное — главной целью нацистских оккупантов являлось искоренение польской нации, физическое уничтожение ведущих представителей польской нации. Расовые чистки в Польше касались евреев, цыган, хронически больных, асоциальных элементов. Далее в эсэсовских списках на

ликвидацию находились так называемые «ренегаты», упоминавшиеся в части IV «немецких народных списков», — те, кто в какой-либо форме оказывал сопротивление оккупантам. Продовольственное снабжение в Польше было организовано так, что продуктов едва хватало для поддержания работоспособности. Результатом такой политики стало то, что среди гражданского польского населения потерь были выше, чем среди воевавших поляков.

Число людских потерь Польши с точностью определить невозможно, но по польским оценкам нацисты уничтожили 4 145 000 поляков, а общие польские потери оцениваются в 6 090 000 человек³⁷⁹. Насильное переселение коснулось 1,2 млн поляков. Из восставшей Варшавы было изгнано около 500 000 человек. 2,5 млн поляков были насильно (добровольцев было мало) угнаны в Рейх на работы³⁸⁰.

Гитлеровская геополитика и политика экономического ограбления в отношении СССР

«Первоначально войны не были средством борьбы за средства пропитания. Ныне же речь идет прежде всего о природных богатствах. По воле творца они принадлежат тому, кто их завоюет».

(А. Гитлер, 10 октября 1940 г.³⁸¹)

«Ленин - это один из величайших деятелей истории, он освободил русский народ от оков царизма и от гнета средневековой феодальной системы. К сожалению, эта новая свобода оказалась непродолжительной, потому что была основана на декадентском марксизме, представляющем собой ущербное дитя механистического западного просвещения и французской революции».

(Й. Геббельс³⁸²)

«Курьезно, что мы с помощью Японии уничтожаем позиции белой расы в Восточной

Азии, а Англия с помощью большевистских свиней борется против Европы».

(А. Гитлер)

«В этой войне победит не тот, кто удачлив, а тот, кто прав».

(А. Гитлер³⁸³)

Гитлер принадлежал к поколению, пережившему на фронте Первую мировую войну, и эта война имела определяющее значение для развития его геополитических представлений: в заключительной стадии Первой мировой войны захватнические помыслы Германии обратились не на Запад, а на Восток. Собственно, Германия и в войне-то оказалась из-за страха перед растущей мощью России — огромной тиранической империи, стоявшей у самого порога Германии и, по мнению немцев, враждебной по отношению к ней. К середине 1918 г. германцы выполнили свою главную задачу, избавились от самого страшного кошмара — царская Россия была побеждена и уничтожена, а Брестский мир гарантировал Германии ее завоевания. Брестский договор передавал Германии все, что она считала ценным в европейской части России. Как злорадно отметил один из членов германского правительства: «Именно на Востоке мы соберем проценты наших военных облигаций»³⁸⁴. Брестский договор открывал для немцев захватывающую перспективу создания огромного экономического пространства на Востоке Европы под контролем Германии, что обеспечило бы последней желанную автаркию (Германия в этот момент изнывала от эффективной континентальной блокады, организованной Англией).

Именно царская Россия мешала реализации старинной германской мечты о колонизации Востока, и вот в заключительной фазе войны эта помеха оказалась устранена: 1 марта 1918 г. немецкие войска захватили Киев: по указке Людендорфа была декларирована «Украинская держава» во главе с гетманом П.П. Скоропадским и под германским контролем, и это явилось основой для консолидации колонии-сателлита Германского Рейха. В ок-

купированной немцами Прибалтике кайзер стал герцогом Курляндским, в состав которого были включены Литва и Эстония, управляемые местным немецким меньшинством. В апреле 1918 г. войска германского генерала фон дер Гольца захватили Финляндию, также потенциально-го сателлита или союзницу Германии.

7 мая 1918 г. был подписан Бухарестский мир, который обеспечивал германцам хорошие возможности экономической экспансии в Румынии. По приказу Людендорфа немецкие войска были введены в Крым, тамошняя немецкая колония до войны была экономически доминирующей, и, по логике завоевателей, Крым также подлежал германскому освоению и колонизации. В сентябре 1918 г. немецкие войска добрались до бакинских нефтяных скважин, готовясь сделать рывок в Закавказье, чтобы занять стратегические позиции на границе с Центральной Азией. Даже приближающееся падение Габсбургской монархии и Османской Порты рассматривались немецким военным руководством как дополнительная возможность для экономической и политической экспансии на Ближний Восток и Юго-Восточную Европу. Коротко говоря, к осени 1918 г. немцам казалось, что, несмотря на «тактическое» отступление на Западе, война отнюдь не проиграна, а, наоборот, на самых существенных направлениях выиграна с огромным перевесом. Более того, казалось, что из послевоенного перераспределения мира Германия (по экономическому потенциалу и масштабам природных богатств и ресурсов) выйдет равной США и Великобритании.

Положение вещей немцы осознали только в мае 1919 г., когда были опубликованы условия Версальского мира, воистину ставший для немцев «Карфагенским миром». И это несмотря на то, что Версальский мир позволил Германии сохранить все, что было создано Бисмарком. По Версальскому миру немцы потеряли относительно немного, но эти потери следует рассматривать в перспективе тех захватывающих дух завоеваний, которые Германия уже считала состоявшимися. По мнению Гитлера, после Брестского мира немецкое руководство стояло на

верном пути в решении геополитической проблемы Германии, и вот в самый ответственный момент последовало «нелепое» поражение. Планы Гитлера начинались там, где кончался Брест-Литовский мир. В этом отношении интересно отметить, что гитлеровские геополитические устремления французский дипломат А. Франсуа-Понсе объяснял не расовой доктриной, а стремлением к преемственности кайзеровской внешней политике и ее достижениям, до которых Гитлер хотел сначала добраться, а потом и превзойти³⁸⁵. Мысль о том, что Россия навязала бы Германии куда более тяжелые условия (так и произошло в 1945 г.), не приходила в голову немцам, поскольку царская Россия была уничтожена именно при помощи германского оружия! Почему же тогда целые германские общины на Востоке Германия должна отдавать под власть варваров? Именно эти потери и вызвали у немцев сильную горечь и негодование, им казалось противоестественным жить под славянским игом, под игом людей, которые пришли к европейской цивилизации во многом благодаря немцам³⁸⁶...

Гитлер, скорее всего, и находился в плену этого видения: для него война с Советским Союзом была осуществлением обширной территориальной экспансии немецкого народа с целью обеспечения его долгосрочной экономической безопасности и одновременно реализацией возможности постоянного расового обновления. В войне на Востоке речь шла не о таких банальных вещах, как изоляция Британии или обеспечением Германии жидким топливом. Общая картина гитлеровского видения перспектив войны на Востоке претерпевала во время войны некоторые изменения, под влиянием актуальной политики и реалий происходили переносы акцентов, но главный принцип сохранялся — он заключался в обеспечении Германии «жизненного пространства». Еще в 1919 г. Гитлер риторически вопрошал, справедливо ли, что в России земли на человека приходится в 18 раз больше, чем в Германии; поэтому неудивительно, что, став канцлером, Гитлер сразу объявил о своих намерениях и не забывал о них никогда. Уже в феврале 1933 г., выступая перед офице-

рами рейхсвера, он заявил, что расширение и укрепление армии является важнейшей предпосылкой восстановления внешнеполитических позиций Рейха, которые должны обеспечить переход к «завоеванию нового жизненного пространства на Востоке и безоговорочной и безусловной его германизации»³⁸⁷. Ни немецкая, ни мировая общественность, несмотря на открытое декларирование этих целей в «Майн кампф», не представляла, насколько последовательно будет действовать Гитлер. С другой стороны, эта гитлеровская «открытость» была затемнена и замаскирована его прочими декларациями и уверениями в собственном миролюбии и готовности к сотрудничеству; это делалось для успокоения соседей и выигрыша времени для подготовки к войне. Эти заверения и тактические маневры фюрера до сих пор дезориентируют историков.

Гитлер рассчитывал на то, что вследствие большевистской революции Россия ослаблена, и какие-либо позитивные достижения стали для нее невозможны. Из гитлеровской логики видно, что причиной нацистского экспансионизма нельзя считать оборонительную реакцию буржуазной Европы против большевистской опасности: глубоко укорененный в нацизме антикоммунизм и нацистский экспансионизм существовали каждый сам по себе. Первый был просто удобным предлогом для экспансии. Интересно отметить, что сначала Гитлер считал, что сумеет договориться с Польшей; когда этого сделать не удалось и Германия напала на Польшу, Гитлер просто распространил концепцию «жизненного пространства» (прежде относящуюся исключительно к России) и на Польшу. В этой связи интересно отметить, что цель польской кампании 22 августа 1939 г. Гитлер определял как «уничтожение Польши», «уничтожение ее жизненных сил, а не выход на определенную линию». Даже Данциг для него не был важной целью — это был всего лишь повод к дальнейшему расширению или «округлению жизненного пространства».³⁸⁸ Напротив, в отношении Советского Союза захватнические цели были заранее определены и зафиксированы. Эту фиксацию, бесспорно,

привнес в геополитику сам Гитлер, но диалектика развития позиции Гитлера в отношении СССР имела довольно сложную природу: дело в том, что еще в 1914 г. правящие круги Германии оказались в своей геополитике в Восточной Европе во власти логики, последовательно опровергнуть или ревизовать которую довольно сложно. Центральное (срединное) положение Германии в системе держав в Европе всегда было чревато всевозможными осложнениями, и находившаяся на подъеме кайзеровская Германия хотела разорвать этот замкнутый круг проблем путем утверждения европейской континентальной гегемонии. Этот германский гегемонизм и империализм не были специфически немецкими: ничуть не лучше и не хуже были французские или английские имперские доктрины. После Первой мировой войны, однако, эта первоначально безобидная или, по крайней мере, трезвая немецкая геополитическая логика стала носить зловещий характер, поскольку Советская Россия могла осуществить желанную мировую революцию только через Берлин, а Запад мог защитить демократию и собственную интегральность только на Рейне. Гитлер, обладая необыкновенно развитым политическим инстинктом, использовал эту новую ситуацию для решения старой проблемы срединного (центрального), следовательно, не имеющего резервов развития, положения Германии путем экспансии на Восток, путем завоевания там «жизненного пространства». Это последнее, однако, было настолько отвлеченным понятием, что не имело никакого исторического смысла (может быть, только футуристическое)³⁸⁹. Столь же нелепым выглядит и его стремление представить старую европейскую державу — Россию, имевшую вековые имперские традиции и долгое время являвшуюся самым существенным континентальным имперским центром силы, — объектом колонизации. Легко было предвидеть, что в случае неудачи этой авантюры сами немцы могли оказаться (с ГДР так и получилось) в той роли, которую они уготовили русским.

По всей видимости, огромное влияние на отношение Гитлера к России оказала националистическая традиция;

основными выразителями антирусских настроений в Германии во время Первой мировой войны, когда Гитлер как губка, впитывал основы националистических убеждений, были три балтийских немца: Теодор Шиман, Йоганн Галлер и Пауль Рорбах. Двое первых были известными историками, а Рорбах был публицистом³⁹⁰. Колония прибалтийских немцев, несмотря на свою относительную малочисленность, во многих отношениях, и особенно в геополитическом, оказала огромное интеллектуальное воздействие на немцев в Рейхе. Многочисленные труды упомянутой троицы, несмотря на то, что эти деятели не были прямо связаны с нацистами и даже относились к ним критически, повлияли и на нацистов и на поколения немецких теоретиков и практиков национализма. Издавна прибалтийские немцы (с их культом эффективности, целесообразности и рациональности) с неодобрением и скептицизмом наблюдали за тем, как отвратительно устроено хозяйство в России; но объясняли плачевное состояние этой страны не расовой неполноценностью русских, как это делали нацисты, а культурными и этическими различиями. Справедливость этого можно признать и сейчас. Реакция русских на подобное отношение была соответствующей: немцев в России не любили — стоит вспомнить Штольца в романе И. А. Гончарова «Обломов» (1859 г.): вроде бы во всех отношениях положительный, образ этот вызывает у русского читателя устойчивую антипатию. Присущий немцам культ эффективности не мог совпасть с движениями русской души по причинам, вдаваться в которые мы не будем. Теоретики превосходства германцев считали русских неспособными измениться к лучшему, поэтому полагали, что русские, будучи не в состоянии ассимилировать даже близкие им народы (украинцев и белорусов), — не имеют право диктовать свою волю другим. Один из самых известных и читаемых теоретиков геополитики Пауль Рорбах в Первую мировую войну отстаивал идею расчленения России на «естественные» составляющие: Финляндию, Польшу, Бесарабию, Украину, Кавказ, Туркестан, Россию. Рорбах писал, что Российскую империю можно разделить на части, как апельсин —

без разреза и ран, естественным образом³⁹¹. Следует еще раз подчеркнуть, что ни один из упомянутых прибалтийских геополитиков не был расистом; эта разновидность империализма была вдохновлена национально-либеральными идеями, широко распространенными не только в Германии, но и во всей Европе, во всяком случае, в этих представлениях не было ничего исключительно немецкого. Вместе со всей цивилизованной Европой Рорбах осуждал преследования евреев в России. Не менее влиятельный и известный публицист профессор русской истории Теодор Шиман считал русскую империю искусственным образованием, ибо она, на его взгляд, представляла собой конгломерат несовместимых между собой народов и рас³⁹². Не меньшей русофобией дышали многочисленные публикации Й. Галлера, который пытался реставрировать старый лозунг крестоносцев о натиске на Восток, ибо, по его мнению, Россия все равно находится вне семьи европейских народов³⁹³.

Суждения прибалтийско-немецких «остфоршереров», конечно же, были учтены Гитлером в его размышлениях о геополитическом «тупике» Германии (как он его себе представлял) накануне войны. Гитлер так обосновывал необходимость войны на Востоке: «Эта вечная болтовня о мире — она доводит народы до сумасшествия. Ведь в чем дело? Нам нужны зерно и древесина. Из-за зерна мне нужно пространство на Востоке, из-за древесины — одна колония, только одна. Мы жизнеспособны. Наши урожаи в 1938 г. и в этом году были прекрасными. Но однажды почва истощится и откажется работать, как тело, после того как проходит эффект от допинга. И что тогда? Я не могу допустить, чтобы мой народ страдал от голода. Не лучше ли мне оставить два миллиона на поле боя, чем потерять еще больше от голода? Мы знаем, что это такое — умирать от голода. У меня нет романтических целей, у меня нет желания господствовать. Прежде всего, я ничего не хочу от Запада, — ни сегодня, ни завтра. Я ничего не хочу от регионов мира с высокой плотностью населения. Там мне ничего не надо, совсем ничего, раз и навсегда. Все идеи, которые мне приписывают по этой

части — выдумка, но мне нужна свобода рук на Востоке»³⁹⁴. Приблизительно так же Гитлер обосновывал внешнюю экспансию и в «Майн кампф»: «Германия имеет ежегодный прирост населения в 900 тыс. человек, и задача пропитания этой массы людей становится из года в год все сложней, и однажды станет вовсе неразрешимой, настанет голод». Выход Гитлер видел не в ограничении рождаемости (этот путь отнимает у народа будущее, полагал Гитлер), не во внутренней колонизации (этот путь чреват распространением пацифизма, по мнению Гитлера), не в активной торговой и промышленной экспансии (другие европейские страны, он полагал, будут сильными конкурентами Германии), а в более «здоровом», по его выражению, пути — в территориальных захватах³⁹⁵. После 1933 г., по мере наращивания вооружений, экономическая проблема становилась все более приоритетной и важной.

В августе 1936 г. в «Памятной записке» к четырехлетнему плану Гитлер ставил задачу через 4 года быть готовым к войне на Востоке; эта война, по его мнению, должна дать сырьевую и продовольственную базу для немецкого народа. На совещании 5 ноября 1937 г. Гитлер заявил: «Участие в мировом хозяйственном процессе: перед нами возведены границы, которые мы не в состоянии устранить... И в особенности следует основательно задуматься над тем, что с момента окончания мировой войны происходит индустриализация как раз тех стран, которые ранее были экспортерами продовольственных товаров». А поскольку автаркия в Германии может быть реализована только в отдельных отраслях, то Гитлер делает вывод: «Единственный и, вероятно, кажущийся несбыточным способ устранить наши трудности лежит в завоевании более обширного жизненного пространства, то есть в том, что во все времена было причиной основания государств и народных движений»³⁹⁶. 9 января 1941 г. Гитлер говорил, что «русская территория таит в себе неизмеримые богатства. Германия должна установить над ней экономическое и политическое господство, но не присоединять ее к себе. Тем самым создадутся все возможности

для будущей борьбы с континентом, и тогда уж Германию разгромить не удастся никому»³⁹⁷. Отто Вегенеру, руководителю экономико-политического отдела НСДАП, концепцию завоевания «жизненного пространства» в России Гитлер разъяснял таким образом: «Европе, чтобы выстоять в решительной борьбе с Америкой, потребуется зерно, мясо, древесина, уголь, железо и нефть России»³⁹⁸.

В октябре 1941 г. Гитлер говорил, что захваченное в России «жизненное пространство», по-видимому, обеспечит автаркию для Европы: «Где еще мы найдем область, имеющую железо столь высокого качества, как украинское? Где еще столько никеля, угля, марганца, молибдена? Это же те самые марганцевые рудники, из которых получает руду Америка. К тому же есть возможность разведения каучуконосных растений! Если их посевную площадь довести до 40 тыс. га, то мы покроем все наши потребности в резине»³⁹⁹. Особенно «прониновенно» о советских богатствах Гитлер говорил в беседе с голландским нацистом Муссертом: «В распоряжении Востока, по-видимому, находятся гигантские запасы сырья, будь то в сельском хозяйстве или в отношении рудных залежей. Россия, безусловно, самая богатая страна на земле. Вспомним хотя бы о железорудных месторождениях Керчи, о запасах нефти, о редких металлах и так далее. Кроме того, в распоряжении России есть, вероятно, важнейшее сырье — человек»⁴⁰⁰. Представление о том, что этим «сырьем» в СССР распоряжаются плохо и не те люди, в Германии было распространено не только среди нацистов; так, государственный секретарь Вейцзекер, довольно далекий от нацистов, описывал свое впечатление от визита советской делегации в Берлин в 1940 г.: «Свита Молотова состояла из типичных уголовных типов, как будто специально подобранных для съемки кинофильма. Мне стало даже не по себе, что огромный 130-миллионный народ представлен подобной делегацией»⁴⁰¹.

Таким образом, ясно, что именно геополитические, а не идеологические задачи предопределили для Гитлера главное направление экспансии — Советский Союз; сле-

довательно, не «еврейско-большевистский» характер Советского Союза был подлинной причиной принятия Гитлером программной целевой установки на войну против России. Решение о начале этой войны было принято независимо от этого, хотя, конечно, Гитлеру удалось использовать антибольшевистскую пропаганду в качестве дополнительного обоснования завоевательных целей на Востоке. Этот же предлог был основным и в оправдании «разрыва» с бисмарковской традицией союза с Россией: в России во времена Бисмарка господствующее положение занимала германская элита, а в СССР настоящими хозяевами являются евреи⁴⁰². По этому поводу Гитлер однажды заявил: «Нордическая раса имеет право доминировать во всем мире — вот краеугольный принцип нашей внешней политики. Поэтому никакой союз с Россией, славяно-татарским государством, которым управляют евреи, невозможен. Знал я этих славян в своей собственной стране! Когда над ними доминируют немцы, Германия может объединиться с ними для достижения общих целей, как это было во времена Бисмарка. Сегодня же такое поведение было бы преступлением»⁴⁰³. Собственно, господство евреев и большевизм были для Гитлера идентичны. Нельзя упускать из виду и характерный для австрийца устойчивый антиславизм Гитлера. В «Майн кампф» он писал: «во время русско-японской войны я был на стороне японцев, в поражении русских я увидел и поражение австрийского славянства». Характерен его отклик об убийстве кронпринца Франца Фердинанда: «Самый большой друг славян пал под пулями фанатика-славянина. Вначале я боялся, что кронпринца убил какой-нибудь немецкий студент из-за славянофильства наследника австрийского престола»⁴⁰⁴. С началом войны на Востоке антиславизм этот стал нарастать, принимая гротескные формы и эксцессивный характер. Об этом свидетельствует то, Красную Армию планировалось отбросить за Урал; в Сибири Гитлер допускал существование остатков большевистского режима. Он рассчитывал на возникновение перманентных вооруженных стычек с вермахтом, позволявших бы вермахту поддерживать боевой дух и испытывать

новые. Такой беспредельный акционизм кажется просто анекдотическим, но, тем не менее, это так. 9 июля 1941 г. Геббельс: «Если большевизм будет ликвидирован, на Востоке достаточно оставить 50 дивизий. Этими силами страна, поскольку она станет нами оккупирована, будет совершенно умиротворена»⁴⁰⁵. В сентябре 1941 г. Гитлер заявил, что граница между Европой и Азией проходит не на Урале, а там, где кончаются поселения племен германского толка и начинается славянство; поэтому задачей немцев, на его взгляд, должно стать максимальный перенос этой границы на Восток⁴⁰⁶.

К концу 1941 г. вермахтом в СССР был завоеван 1 миллион квадратных километров территории с населением в 60—70 млн человек. К осени 1942 г. площадь завоеванной территории удвоилась. До войны на этой земле проживало 85 млн человек, после эвакуации осталось около 70 млн. Под гражданским управлением в рейхскомиссариате Украина и Остланд проживало 50 млн человек⁴⁰⁷. Под германскую оккупацию попало 47% сельскохозяйственного производства СССР, треть промышленного производства.

Нацистское руководство постановило, что непосредственно прифронтовая полоса будет составлять 15—25 км, за ней следует в 50 км шириной «войсковой тыл» (*rückwärtige Heeresgebiet*), затем шириной в 100 км «армейский тыл» (*rückwärtige Armeegebiet*). На гигантской оккупированной территории немцами был установлен новый порядок - была установлена военная и гражданская администрация. Какой будет эта администрация, зависело от многих факторов, и в разных районах Восточного фронта она была разная. В тылу группы армий Центр во главе военной администрации были участники заговора против Гитлера офицеры Шлябрендорф, Тресков, Герсторф. Они распорядились вновь открыть школы и училища, а на Кавказе, по указанию Штауффенберга, была восстановлена свобода вероисповедания для мусульман, православных и буддистов, и началось преобразование колхозов в кооперативы⁴⁰⁸.

За полосами военной администрации в ведении гражданской администрации находились два комиссариата, которые номинально подчинялись созданному 17 июля 1941 г. и утвержденному в ноябре⁴⁰⁹ «Восточному министерству» (*Ostministerium*) во главе с Розенбергом; его заместителем и постоянным представителем на оккупированной территории являлся Альфред Майер⁴¹⁰. Это министерство в шутку немцы именовали «министерство хаоса», поскольку Розенберг почти не имел возможностей влиять на номинально подчиненные ему рейхскомиссариаты «Остланд» (во главе с Генрихом Лозе, гауляйтером Шлезвига и Гольштейна) и «Украина» (во главе с гауляйтером Восточной Пруссии Эрихом Кохом)⁴¹¹. Крым планировали сделать частью рейхскомиссариата «Украина». В СССР наивысший административный пост, доступный местным, был пост бургомистра или (редко) окружного начальника. Впрочем, в Польше местным жителям и эти административные должности были не доступны. И Кох и Лозе имели прямой выход на Гитлера и, разумеется, следовали его распоряжениям, а не приказам Розенберга. Конкурентами фиктивной власти Розенберга были Геринг с полномочиями экономического диктатора; министерство вооружений Шпеера, обладавшего особой властью; ведомство Заукеля, ведавшее рекрутированием рабочей силы, а также многочисленные эсэсовские начальники⁴¹².

Сначала немецкая оккупационная политика исходила из необходимости создания на территории СССР нескольких вассальных государств. Эта концепция Розенберга представлялась оптимальной, ибо готовность к сотрудничеству в западных районах СССР была довольно велика. Гитлер и сам указывал, что идеология не является прочным связующим элементом советской системы, и стоит только убрать функционеров, поддерживающих ее, как государство рухнет⁴¹³. Если в момент нападения на Польшу характер войны на уничтожение был неочевиден, то в войне против СССР он стал явственным; Гитлер неоднократно повторял, что это война на уничтожение, и ни о каких послаблениях врагу не может быть и речи. Гитлеровские планы предусматривали оккупацию

СССР до Урала; на этой линии нацисты собирались удерживать противника точно так же, как на своих границах Римская империя удерживала варваров.

Советские немцы и некоторые национальные группы (латыши, эстонцы) в СССР были признаны «достойными германизации»; другие нации рассматривались как резервуар дешевой рабочей силы.

Единственным осуществленным на Украине проектом по колонизации было поселение Хегевальд; для него силой очистили от украинцев несколько сел и заселили их немцами с Волыни⁴¹⁴. Вообще, ожидания аграрных романтиков Гимmlера и Розенберга в отношении бурной немецкой колонизации Востока оказались полной чепухой; хотя во время войны на Восток переместилось около полумиллиона немцев, но это были не крепкие крестьяне-фермеры, а горожане: чиновники и предприниматели, приехавшие в надежде получить синекуры или чем-нибудь поживиться.

Промышленный потенциал оккупированных советских территорий не очень эксплуатировался нацистами: в их распоряжении находилось промышленное производство всей Европы; на Востоке они занимались в основном грабежами. В будущем, однако, планировалась «европеизация» и «модернизация» некультурного, с точки зрения нацистов, Востока — все пространство до Черного моря они собирались покрыть сетью автобанов. При этом Гитлер принципиально отклонял возможность сотрудничества с местным населением, что не без успеха делали японцы при оккупации Юго-Восточной Азии. Берлин отклонил также предложение Муссолини декларировать европейскую хартию, которая дала бы народам оккупированной Европы какую-нибудь надежду на самостоятельность в будущей Европе.

Европейскую территорию СССР Гитлер планировал поделить на четыре провинции — рейхскомиссариаты: рейхскомиссариат Остланд с центром в Риге должен был охватывать государства Балтии и Белоруссию; его нацисты хотели населить немцами Поволжья, датчанами, норвежцами, англичанами; рейхс комиссариат Украину со

столицей в Ровно, как будущую немецкую житницу, планировалось быстро заселить 20 млн немцев; рейхскомиссариат Кавказ со столицей в Тбилиси становился нефтяным придатком Третьего Рейха; самая крупная провинция — Московия — простиралась от Балтики до Уфы. По детальному плану ДАФ, после войны Россия должна была попасть под экономический контроль немцев, как и польские территории. Планировалось в течение 100 лет постепенно заселить немцами территорию до Урала⁴¹⁵. Германскую «Ривьеру» собирались устроить в Крыму (переименованном в Готенланд); сюда хотели переселить немцев из Южного Тироля. Ключом к колонизации оккупированных на Востоке земель должна была стать система автобанов, которые, по словам Гитлера, сотрут границы старой Европы: Ф. Порше утверждал, что по хорошей дороге от Одессы до Берлина можно будет добраться за 30 часов. Сама колонизация должна была выглядеть, как американская колонизация Дикого Запада — каждое немецкое семейство колонистов будет обрабатывать свой даровой участок земли, а на ночь укрываться в укрепленной деревне. Россию Гитлер рассматривал как немецкую Индию; для понимания психологии «туземцев» он даже рекомендовал немецким офицерам на Восточном фронте читать Карла Мая — автора романов о Чингачгукке и Виннету...

Первый вариант плана освоения восточных территорий, составленный профессором Конрадом Майером-Херлингом после совещания у Гитлера 15 июля 1941 г., был признан негодным. Разрушая эсэсовские планы, Гитлер приказал включить большие куски советской территории непосредственно в состав Рейха: Прибалтику и Крым⁴¹⁶. Новый вариант «генерального плана Ост» был готов в конце мая 1942 г.; он был рассчитан (при двух подготовительных годах) на пять пятилеток, в течение которых планировалось «онемечить» так называемую «Ингерманландию» (Ленинград, Псков, Новгород), «Готенгау» (Крым и район Херсона), район Мемеля и Нарвы (Западная Литва и Белосток). Колоссальные проекты поселений можно было осуществить только при помощи привлечения боль-

ших контингентов рабочей силы. Гиммлер в речи 9 июля 1942 г. сказал: «Третьей большой проблемой в мирные дни станут поселения на Востоке. Война не имела бы смысла, если бы после нее мы не стали заселять немцами Богемию и Моравию, юго-восточные районы Пруссии, Западную Пруссию, Район Варты, Верхнюю Силезию, генерал-губернаторство, Крым, Ингерманландию — все нужно будет сделать за 20 лет. Но сделать это не удастся, если на Востоке мы не наладим производства кирпича и черепицы, если мы не соберем в концлагеря достаточное количество рабов для работ по строительству дорог, вокзалов, городов и деревень для немцев, первые поколения которых должны уже в ближайшее время начать осваиваться на Востоке»⁴¹⁷.

Сейчас Освенцим справедливо считается символом холокоста; однако, возможно, главные мотивы создания этого огромного концлагеря были утилитарного свойства. Гиммлер, Поль и эксперты СС планировали Освенцим не как лагерь уничтожения, а как рабочий лагерь для строительства поселений для немцев на Востоке, для производства кирпича и других строительных материалов. В этом лагере планировалось собрать большое количество рабочей силы для ее последующего использования на Востоке. Только с лета 1942 г., когда планирование восточных немецких поселений стало отодвигаться сначала в неопределенное, а затем и вовсе в нереалистическое будущее, - тогда Аушвиц-Биркенау стал превращаться в лагерь смерти. Сюда было депортировано около 1,3 млн человек, большинство из которых погибло⁴¹⁸.

В марте 1941 г. Гитлер постановил, что на оккупированных в России территориях армейские функции будет осуществлять вермахт, СС будет исполнять полицейские функции, общими вопросами администрирования будет заниматься имперское министерство оккупированных районов Востока во главе с А. Розенбергом, а экономические вопросы будут находиться в юрисдикции ведомства четырехлетнего плана⁴¹⁹. Вопреки гитлеровским по-

становлениям, до практического экономического освоения восточных земель дело не дошло; можно сказать, что оккупанты ограничились грабежом. Дело в том, что одним из приоритетных направлений гитлеровской политики было сохранение в Германии стандартов питания (за счет вывоза продовольствия с оккупированных советских территорий). Немецкий «продовольственный диктатор» Герберт Баке планировал изъятие продовольствия в СССР, допуская при этом смерть от голода около 10 млн человек. В брошюре «Двенадцать заповедей для немецких сельскохозяйственных экспертов в России» Баке указывал, что нищета и голод - это непереносимые спутники жизни русских людей уже много веков, поэтому к ним не может быть никакого снисхождения и сочувствия⁴²⁰. Впрочем, политика голодной смерти была частью более широких гитлеровских планов в отношении будущего СССР.

В этой связи весьма характерен ход колонизации восточных территорий, ради которой, собственно, и велась война. Можно определенно сказать, что переселенческие и колонизационные потенции Германии нацистами были абсурдно переоценены, а в реализации планов колонизации ээсовцы провалились. Насколько большого успеха Гиммлер добился в создании Ваффен СС, насколько эффективный полицейский аппарат был создан в Германии, насколько жесткая система концлагерей была создана СС, настолько же провальной и неудачной была поселенческая политика и колонизационная политика СС. На этом «поприще» Гиммлера ожидала и масса проблем объективного свойства и организационных провалов, являвшихся следствием интриг соперничающих с СС инстанций.

Розенберг, один из конкурентов Гиммлера на Востоке, прекрасно видел перспективу своей административной власти перед лицом конкуренции с СС: «Наша задача будет состоять в том, чтобы возможно быстрее принудить согнанных в резервации славян к эмиграции или вымиранию. Все позитивные задачи возьмет на себя СС». В борьбе за компетенции Розенберг имел хорошую поддержку в

лице ответственного за продовольствие и сельскохозяйственное производство в «экономическом штабе Ост» Йохима Рике, который до 1939 г. руководил имперским ведомством по переселению, вытесненным в борьбе компетенций СС; теперь, при поддержке вермахта и Геринга, Рике стремился взять под контроль продовольственные поступления с Востока. Под его началом было более 10 тыс. сельскохозяйственных функционеров, руководивших колхозами и другими предприятиями.

Сохранение старой системы землепользования летом 1941 г. объяснялось немцами тем, что массовое перераспределение земли может привести к голоду, как привели к голоду колхозы. 27 августа 1941 г. было утверждено нацистское «Положение об общем дворе». В нем было заявление, что «немцы признают исключительно частное имущество, а колхозы придуманы коммунистами, чтобы погубить русское крестьянство», но из него все же следовало, что колхозы (общие дворы) сохраняются. Объем сданной сельхозпродукции устанавливался оккупантами не ниже прошлогоднего. Право на собственное хозяйство можно было доказать своей работой⁴²¹. В целом, руководство общими дворами обычно возлагалось на немцев, на советских граждан, обиженных властью, иногда на прежних председателей или агрономов при условии, что они гарантируют предотвращение падения производства. Были случаи назначения управляющими даже бывших помещиков, если они были немцы: так, в Лужском районе Ленинградской области управляющими стали барон Бильдерлинг и барон фон Розен. Набрать нужное количество управляющих не удалось, и на одного руководителя приходилось порой по несколько тысяч га земли. В некоторых местах руководство сельскохозяйственными делами осуществлялось непосредственно воинскими частями и комендатурами⁴²².

В оккупированных районах СССР порядок землепользования, размеры полевых и приусадебных участков и распределение урожая отличались большой пестротой. Поскольку единой гражданской администрации не было, каждая местная комендатура вводила свои порядки. В ок-

купированных районах Ленинградской области были введены индивидуальные формы землепользования, но в одних районах земля нарезалась по числу едоков (Сланцевский район), а в других (Гдовский район) - всем поровну. Незначительная часть колхозного инвентаря и скота в этих районах раздавалась крестьянам, но большая часть реквизировалась воинскими частями. На Северном Кавказе немцы создавали так называемые «десятидворки» для совместной обработки земли. На каждую «десятидворку» они оставляли одну-две лошади, на каждую семью — по пуду муки и зерна, а весь остальной скот и продовольствие конфисковывали. В Курской области общинное хозяйство именовали «экономией», в которой крестьяне обязаны были работать три дня в неделю, а остальное время могли использовать для обработки своих наделов⁴²³.

Иногда сельскохозяйственные функционеры оккупантов чувствовали себя будущими хозяевами крестьян и, к неудовольствию Розенберга, стремились сохранить колхозы и препятствовать передаче земли крестьянам на местах⁴²⁴. Летом 1942 г. сельскохозяйственные вожди на Востоке решили создать сеть опорных пунктов для надзора над так называемыми «товариществами по обработке земли» (*Landbaugenossenschaften*), созданными на колхозной основе; землю этих товариществ (в них попала 1/10 земли всех колхозов) Розенберг планировал со временем передать в собственность крестьянам, чтобы повысить продуктивность их хозяйств⁴²⁵. Местные нацистские функционеры, напротив, предполагали, что со временем эти опорные пункты станут их собственностью. Поэтому они не были заинтересованы в реприватизации земли местными крестьянами — этим и объясняется феномен сохранения нацистами колхозной организации на оккупированной территории СССР. Статс-секретарь имперского министерства продовольствия Г. Баке даже заявил: «если бы колхозы и совхозы не были бы созданы большевиками, их должны были создать мы»⁴²⁶. Сельскохозяйственный статус 1942 г. только переименовал колхоз в «общинное хозяйство», которое должно

было стать переходной формой к будущему частному крестьянскому хозяйству. Совхозы же, в отличие от колхозов, находились под прямым руководством немецких экспертов, которых на нацистском жаргоне именовали «сельскохозяйственными руководителями» (*Landwirtschaftsfuhrem*); их местное население боялось и ненавидело.

23 мая 1941 г. были утверждены «Основные направления экономической политики» (*Wirtschaftspolitische Richtlinien*) экономического штаба Ост. В соответствии с ними, европейская часть Советского Союза оказалась разделена на две половины: на экспортирующее продовольствие Черноземье (*Überschußgebiete*) и дотационную лесную зону (*Zuschußgebiete*). Одна должна быть отделена от другой; это означало постепенное вымирание или выселение миллионов людей. Такая участь грозила, прежде всего, населению больших городов, поскольку в соответствии с нацистскими планами промышленное производство должно было исчезнуть. Немецкую политику характеризовало не намеренное стремление к физическому уничтожению местного населения на территории СССР, но, скорее, неучет голода и его последствий. Это, впрочем, никак не релятивирует преступные расовые и человеконенавистнические цели оккупантов.

Насколько в немецких войсках на Восточном фронте были осведомлены об этих планах? «Основные направления политики» экономического штаба Ост от 23 мая 1941 г. были внутренним документом этой организации, и в войсках о нем ничего не знали. Для войск предназначался другой документ — «Основные направления руководства экономикой во вновь оккупированных восточных районах» от июня 1941 г., так называемая «зеленая папка». В «зеленой папке» злобещие намерения нацистского руководства были несколько завуалированы: рекомендовалось содействовать экономическому восстановлению и развитию только тех районов, которые могли поставлять в Рейх продовольствие и нефть. Во всех же остальных (это почти все районы северной и центральной России) экономическое руководство должно огра-

ничиваться поддержанием существующего уровня развития производства⁴²⁷.

Например, до войны в Минске было 332 фабрики с 40 тысячами рабочих, а в октябре 1941 г. осталось 39 фабрик и 3378 рабочих мест⁴²⁸. Более того, и работающие предприятия должны были обслуживать сиюминутные интересы оккупантов; активность многочисленных немецких «обществ с ограниченной ответственностью» (*GmbH*) ограничивалась, по большей части, грабежом оккупированных территорий. В Германии ходила шутливая расшифровка аббревиатуры *GmbH*: «*Greift mit beiden Händen*» (хапай обеими руками).

Именно по этой причине достигнутые в период нацистской оккупации производственные показатели были удивительно низкими: если до войны шахты Донбасса давали ежегодно 90 млн тонн угля, то ежегодная добыча при нацистах составила всего 4,1 млн тонн. Из Криворожского железорудного бассейна нацисты получали только 12% от довоенного уровня добычи руды. Оккупированные районы Советского Союза давали Рейху только седьмую (!) часть того, что шло в Германию из Франции. Парадоксально, но в 1940 г. по торговым договорам Германия получила от СССР 700 тыс. тонн ячменя, а в 1942 г., в условиях насильственных реквизиций, — всего 120 468 тонн. И вообще, в мирное время немцы получали от СССР больше сырья и продовольствия, чем смогли взять силой во время войны. Министр финансов граф Шверин фон Крозигк считал, что причиной столь низких экономических показателей было отвратительно организованное оккупантами хозяйствование⁴²⁹. Совершенно очевидно, что главный гитлеровский интерес на Востоке имел не экономическую, а геополитическую природу — в противном случае Гитлер не стал бы рубить яблоню для того, чтобы снять урожай яблок одного года...

Политика оккупантов в сфере финансов, налогов и заработной платы также свидетельствовала о том, что они не собирались создавать какой-либо прочной системы, а ограничивались грабежом. Платежным средством на ок-

купированной территории были объявлены банкноты германских кредитных касс (*Reichskreditkassenschein*). Они имели вид денежных знаков, но по существу являлись денежным суррогатом, не имевшем никакого обеспечения. Расчеты же в рейхсмарках, имевших золотое обеспечение, были на оккупированной советской территории категорически запрещены — это делалось для того, чтобы избежать их накопления в руках местных жителей. Даже жалование солдатам выплачивали оккупационными марками. Когда начались валютные спекуляции, власти распорядились обменивать советские рубли на оккупационные марки при курсе 1:10. На юге России и на Украине имел хождение «карбованец», который также имел 1/10 стоимости марки⁴³⁰.

Что касается налогов, то, основным налогом в сельской местности был подушный налог; его сумма была фиксированной — 120 руб. с человека в год, и собирали этот налог в конце года. Этот налог был довольно тяжелым: бургомистр из «новой русской администрации», например, получал самую большую зарплату - 1500 руб., мелкие служащие получали от 300 до 700 руб. Для простых же людей выплата налогов стала непосильным бременем, поскольку даже при выполнении различных работ на оккупантов оплата не предусматривалась, а практиковалась выдача продовольственных пайков в форме производственного питания. Более того — за невыполнение заданий людей лишали продовольствия. Согласно официальной установке немецких властей, заработная плата на производстве и рыночные цены должны были сохраняться на дооккупационном уровне. Исходя из этого, оплата квалифицированного рабочего в оккупированных районах РСФСР составила 1,70 руб. в час, неквалифицированных — 1 руб. в час. В итоге зарплата квалифицированного рабочего составляла в месяц 300 руб., а неквалифицированного — 150 руб.⁴³¹

Постепенно немцы стали переходить на натуральные сборы: деньги обесценивались. Осенью 1942 г. в одном из партизанских донесений говорилось о следующих налогах для русского населения Смоленщины: поставки хлеба — по

3 центнера с га, поставки молока — по 360 литров с коровы, поставки яиц - по 30 яиц с одной курицы, поставки шерсти — 475 граммов шерсти с овцы, налог на собак — 200 руб. В ряде случаев оккупационные власти взимали даже особые налоги за окна, двери, «излишнюю» мебель⁴³². В некоторых районах устанавливались налоги по сдаче «даров леса». Так, в Смоленской области оккупанты требовали от каждого крестьянского хозяйства по килограмму сушеных грибов, земляники и малины; кроме того, сельские жители обязаны были сдавать бруснику, липовый цвет, пр.

Не на оккупированных советских территориях, а только в Чехии и Моравии (и отчасти в аннексированных у Польши землях) нацисты смогли приступить к начальной стадии освоения отобранной у славян земли. Когда Гейдрих стал рейхспротектором Чехии, он получил возможность реализовать планы СС по созданию поселений в Богемии и Моравии. При вступлении в должность 2 октября 1941 г., Гейдрих сказал, что на Востоке нужно создать слой немецких «хозяев», которые будут распоряжаться славянскими «илотами»; что на первом этапе нужно заселить аннексированные польские районы, затем территорию собственно Польши, а затем Украину. Несмотря на то, что в этих планах ничего принципиально нового не было, Гитлеру эти предложения понравились⁴³³. В одной из застольных бесед он однажды сказал, что чехи прилежны и исполнительны и, может быть, они смогут служить надсмотрщиками на Востоке. Гитлер поддержал Гейдриха и разрешил распространить область действия эсэсовского «Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности» на Богемию и Моравию, что стало крупной победой ведомства Гимmlера. Убийство Гейдриха спутало планы СС в Богемии, ибо его преемник, генерал-полковник полиции Далюге, старый оппонент Гимmlера, был сторонником объединения вопросов колонизации и эксплуатации оккупированных территорий под эгидой министерства Шпеера. В Лотарингии местный гауляйтер Роберт Вагнер был против поселения 5 тыс. человек из Буковины — Вагнер сам хотел решать

вопросы, связанные с переселением, а не исполнять приказы соответствующих эсэсовских ведомств. С большими трудностями столкнулись и планы создания немецкого поселения в районе Замостья (дистрикт Люблин); это поселение должно было стать первым в цепочке немецких поселений от Балтики до Крыма. Гиммлер планировал переселение 60 тыс. немцев с Волыни в стратегически важные пункты района Житомира и Винницы⁴³⁴. Вооруженное сопротивление этому оказали местные польские и украинские крестьяне; протестовали и гражданские немецкие власти, опасавшиеся срыва планов производства сельскохозяйственной продукции и покушения на их компетенции.

В соответствии с вышеупомянутым планом профессора К. Майера-Херлинга, представленном в конце мая 1942 г., предлагалось создать «поселенческие марки», которые находились бы под полным контролем РКФДВ (Имперский комиссариат по укреплению немецкой народности), а Розенбергу осталось бы только управление славянскими резерватами. По этому плану в течение 25 лет должны были возникнуть три марки — в Крыму, в районе Ленинграда и в Белоруссии. Для поселения и размещения 5 млн немцев предполагалось потратить 66 миллиардов марок. Гиммлеру план в целом понравился, но он потребовал включения в план колонизации и «германизации» района Западной Пруссии и Данцига, района Варты, юго-восточной Пруссии, Верхней Силезии, Богемии и Моравии, Эльзаса и Лотарингии, Верхней Крайны и южного Штайермарка. Кроме того, в планировании «тотального онемечивания» Гиммлер потребовал учесть генерал-губернаторство Польшу, Латвию, Эстонию (их предполагалось заселить в течение 20 лет), хотя рейхсфюрер «отдавал себе отчет, насколько трудна эта задача».⁴³⁵ Слово «трудна» в этой цитате — это эвфемизм, так как указанная задача была или невыполнима вовсе, или была делом чрезвычайно отдаленного будущего. Наиболее ответственные и профессиональные немецкие администраторы прекрасно это понимали; так, сотрудник Розенберга министерсдиректор в Прибалтике Петер

Кляйст, ээсовец, в резких выражениях критиковал колониционную политику Гимmlера: «Нам, немцам, нужна земля не для колыбелей, а для могил погибшим воинам. Если через 100 лет у нас будет избыток населения, то его можно расселять в Эстонии, Латвии, Литве, но только после того как немецкими городами и районами станут не являющиеся таковыми до сих пор Познань, Лицманнштадт (Лодзь), Прага, Краков и множество других мест, нужно будет эвакуировать тамошнее население. Сейчас гораздо важнее выиграть войну, а не пропагандировать утопии, которые мешают победить»⁴³⁶.

В завершение обзора гитлеровской геополитики следует сказать о ее итогах: после Второй мировой войны миллионы немцев были изгнаны со своей исторической родины; границы, устроенные Бисмарком, рухнули, а немецкие пределы были перенесены далеко на Запад. Гитлеровская геополитика означала завершение немецкой колониционной и, в некотором роде, культуртрегерской роли в Европе, особенно в Восточной Европе: большинство из 18 млн немцев на Востоке после 1945 г. было охвачено бегством; 1,71 млн из них погибли, из 12,45 млн немецких беженцев 7,9 млн осели в ФРГ, 4,065 млн в ГДР, 370 тыс. в Австрии, 115 тыс. в других странах⁴³⁷. Немцам понадобилось более четверти века для того, чтобы найти в себе силы и примириться (в канцлерство Вилли Брандта) с территориальными потерями на Востоке. В итоге то, что Гитлер планировал для других народов, обернулось против самих немцев: почти все немецкое население Восточной Европы (более 12 млн человек) было выселено; это стало самым крупным переселением за обозримую человеческую историю.

В исторической перспективе гитлеровская геополитика оказалась ложной не только вследствие ее совершенно очевидных обскурантистских установок, но и по существу: после войны, на рубеже 50—60-х годов, произошла «зеленая революция», которая (вкупе с изменившейся демографической ситуацией) в корне изменило положе-

ние. Если до Первой мировой войны в Германии постоянно был сильный дефицит в сельскохозяйственном производстве: 28% составляла нехватка белка, около 20% — нехватка по калориям; кризисы снабжения продуктами питания продолжались и в 30-е гг., превратившись для Гитлера в настоящий кошмар⁴³⁸, — то во второй половине XX века все изменилось: рынок продовольствия на Западе перенасыщен. Поэтому гитлеровские ожидания продовольственной катастрофы представляются ныне нелепыми, а его геополитика с высоты опыта начала XXI века предстает совершенной чепухой.

Многие немецкие современники Гитлера, глядя так же, как он, на географическую карту, думали, что их страна слишком мала для тогдашнего населения Германии, но эти размеры имеют значение лишь при экстенсивном, а не высокотехнологическом развитии. Теперь, после «зеленой революции», 4—5% нынешнего немецкого населения обеспечивают потребности страны в продуктах питания более чем на 70%, при этом их доля в ВВП по сравнению с довоенными временами умопомрачительно мала. Гитлер сделал немцев жертвой изобретенного им же мифа — мифа борьбы за жизненное пространство, который утерял свою актуальность за полторы тысячи лет до него.

Гитлер сопоставлял благосостояние и мощь государства с размерами его территории, упуская из виду гораздо более важный фактор: промышленную революцию, давно уже ставшую реальностью. После промышленной революции благосостояние и мощь государства уже не зависело от размеров земельных владений, но от состояния технологии и масштабов ее развития; для интенсивного и поступательного развития технологии размеры территории не имели ни малейшего значения. Для развития промышленности высоких технологий большая территория, наоборот, кажется препятствием, а не преимуществом. Именно из-за отсутствия или недостаточности высоких технологий СССР так и не смог грамотно воспользоваться огромными естественными богатствами страны. С другой стороны, промышленный рост был при-

чиной устойчивого и живучего страха европейцев перед бесчеловечным, безжалостным и унифицирующим миром современного производства; Гитлер собирался избежать такого будущего, реализуя утопические геополитические идеи, но всякая утопия является, как известно, исторически реакционной.

Часть II

НЕГАТИВНЫЙ АСПЕКТ ГИТЛЕРОВСКОГО СОЦИАЛИЗМА: ИДЕОЛОГИЯ И РЕАЛИИ РАСОВОЙ УТОПИИ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

ВВЕДЕНИЕ

Немецкий филолог Вильгельм Шерер писал, что в Германии духовные взлеты и падения отличаются исключительной основательностью: вознестись немцы могут очень высоко, но и низвергнуться очень глубоко: «Создается впечатление, что отсутствие меры есть проклятие, сопровождающее наше духовное развитие. Чем выше мы взлетаем, тем глубже падаем. Мы похожи на того германца, который, бросая игральные кости, проигрывает все свое добро и в последнем броске ставит на кон свою собственную свободу, теряет ее и добровольно продает себя в рабство»⁴³⁹. По всей видимости, время национал-социализма в Германии было самой глубокой отметкой падения страны, так как в ней господствовала ярко выраженная, последовательная и совершенно обскурантистская расовая доктрина.

Вместе с тем, несмотря на то, что нацизм, бесспорно, был временем рабства духа и морально-нравственного упадка, следует различать разные его ипостаси: в Германии позитивная и негативная функции режима строго разделялись: позитивное — немцам, а негативное — не немцам и расово «неполноценным» немцам, а также политическим противникам, которых, впрочем, было удивительно мало. Хотя всякое сравнение хромает, но все же бросается в глаза, что в Советской России сталинская тоталитарная машинерия была в одинаковой степени нацелена против всех, и русские пострадали по крайней мере не менее, а может быть, и более других. Сталинский террор выступил как средство воспитания всех без различий народов СССР; этот террор действовал фронтально, систематически истребляя или изолируя самых активных,

самых предприимчивых, самых незаурядных, самых талантливых, — и этот негативный отбор действовал в СССР довольно продолжительное время. Нацистский террор, напротив, имел другие задачи и был направлен против евреев (по расовым мотивам и на основе старых и новых антисемитских стереотипов), коммунистов, социал-демократов (они представлялись нацистам антинациональными силами), левых интеллектуалов (они критически относились к Третьему Рейху) и внешних врагов (в войну). В процессе первоначальной унификации общества нацисты эффективно действовали террористическими методами: кто в начале 1933 г. мог себе представить, что через пять месяцев самое мощное в Европе рабочее движение без труда будет разбито; что крайне правая НННП (Немецкая национальная народная партия), слывшая жесткой, деструктивной и несговорчивой политической силой, и ее парамилитаристский «Стальной шлем» добровольно подадут документы о самороспуске; что о КПГ уже через пол года ничего не будет слышно? Самой поразительной, однако, была судьба СДПГ, в процессе ликвидации которой большое значение имело то обстоятельство, что после выборов 5 марта 1933 г. АДГБ (объединение немецких профсоюзов, являвшееся коллективным членом СДПГ) отошло от СДПГ: председатель АДГБ Лейпарт в открытом письме к Гитлеру полностью отказался от ориентации профсоюза на социал-демократию⁴⁴⁰. Что касается КПГ, то в процессе ее унификации большое значение имели «дикие» концлагеря СА, где активно проводилось «перевоспитание» функционеров коммунистической партии, а рядовых членов партии нацисты предпочитали привлекать на свою сторону иными методами, связанными с политической демагогией и социальной политикой, направленной на действительный рост благосостояния простых людей. За год после прихода к власти Гитлера в «дикие» концлагеря СА попало около 100 тыс. человек, преимущественно функционеров СДПГ и КПГ. За несколько месяцев неугодные нацистам политические активисты прошли «перековку» и были выпущены на свободу. Главным «воспитательным»

средством в концлагерях был труд, при помощи которого нацисты стремились сломить человека физически и духовно; это происходило под циничным лозунгом «работа делает свободным» (*Arbeit macht frei*). После «ночи длинных ножей» контроль над концлагерями перешел от СА к СС; и количество заключенных в них резко упало: процесс «перевоспитания» большей части политических противников сочли завершенным. Концлагеря вновь начали расти после начала войны, но заполняли их уже в основном не немцы.

Парадоксально, но наиболее стойкими противниками Гитлера были не коммунисты и социал-демократы, а консерваторы, которые добились хотя бы каких-то признаков успеха в противостоянии нацизму. Консервативные политические силы с их устойчивыми и прочными позициями в армии, дипломатическом корпусе и среди высших государственных чиновников оставались для Гитлера постоянной головной болью хотя бы по той причине, что они были для него наполовину союзниками, наполовину оппозицией. С точки зрения консерваторов, Гитлер был левым политиком. На самом деле, Папен и Шлейхер интриговали против Гитлера в 1934 г.; консервативные генералы во главе генералом фон Бекком строили планы заговора в 1938—1939 гг.; известные консервативные политики Герделер (имперский комиссар по ценам в отставке, бывший бургомистр Лейпцига) и Попиц (министр финансов в отставке) во время войны развили бурную конспиративную деятельность, контактировали с единомышленниками в армии, государстве и экономике, что и вылилось в покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. Впрочем, кардинально изменить картину почти полной беспомощности немецкого общества перед нацистской унификацией не смогли и консерваторы.

Такая быстрая нацистская политическая унификация немецкого общества объясняется тем, что позитивные задачи нацистского режима стояли особняком и внешне никакого отношения к негативным задачам не имели; негативный аспект (культивирование вражды к чуждым нацистской общности элементам) способствовал развитию

национального высокомерия и давал немцам чувство защищенности и ощущения органического единства. Если в Советском Союзе человека хотели изменить морально, то в нацистской Германии его хотели сделать другим и физически, сохранив наилучший с расовой точки зрения человеческий «материал», — это и предопределило разные подходы к унификации общества в нацистской Германии и СССР. Такое разделение негативной и позитивной функций в Германии способствовало тому, что нацисты не боялись демонстрировать насилие, а в сталинском Советском Союзе его стыдливо скрывали. Нацистский режим, как и большевистский режим в Советской Союзе, добился значительной степени консолидации немецкого общества, но оставались некоторые далекие от нацистского режима общественные группы, (помимо тех, которых гитлеровцы изначально воспринимали как врагов и которых не пытались интегрировать по расовым причинам), которые нацисты не смогли интегрировать: это прежде всего консервативные по своей природе силы в обществе (армия, церковь, государственная бюрократия). Консерваторы стремились к порядку и преемственности⁴⁴¹; военные хотели избежать катастрофы, подобной поражению 1918г.; католическая церковь никак не могла примирить собственный универсализм с нацистской идеологией; протестантская церковь (по крайней мере, часть ее) не могла примириться с нацизмом по морально-этическим причинам; крупную промышленность от нацизма отвращал откровенный гитлеровский дирижизм; средний класс не мог быть унифицирован уже вследствие его многообразия. Оппозиционные силы, однако, в условиях тоталитарной политической системы не смогли никак выразиться и практического значения для развития страны после 1933 г. не имели. Это произошло по той причине, что Гитлер проводил четкое разделение между политическими и мировоззренческими партиями. Поскольку главным свойством мировоззренческой партии является непогрешимость⁴⁴², то в условиях ее прихода к власти логичной стала бы однопартийная система. Тем более что итальянский опыт борьбы против парламентаризма и

демократии, а также опыт Веймарской республики учил скорейшей ликвидации парламентской демократии, что Гитлер и сделал в удивительно короткий срок при почти полном отсутствии организованного сопротивления. С другой стороны, Гитлер довольно лояльно отнесся к бывшим политическим противникам: «ноябрьские преступники» сначала были заперты в концлагеря, но потом почти все отпущены, а иных вообще не тронули. Террор СА 1933—1934 гг. постепенно сошел на нет, с 1935 г. Германия вернулась к нормальной жизни, концлагеря почти исчезли с тем, чтобы вернуться во время войны; казалось, что правы те, кто говорил, что нацистская «революция» всего лишь временное явление.

Особый интерес представляет то, каким образом Гитлер и нацисты смогли (помимо насилия над левыми), склонить немецкую общественность к принятию и оправданию насильственных действий против своих мнимых или настоящих противников. Это можно выяснить лишь в процессе рассмотрения эволюции мифов расизма в специфических условиях нацистской тоталитарной системы с помощью анализа конкретных проявлений расизма и становления «национальной общности». Вообще, серьезной проблемой в интерпретации нацистского расизма является отсутствие его систематической, обоснованной и аргументированной теории. На самом деле, сегодня никому не придет в голову серьезно обсуждать вопрос истинности расовой теории, или стоит или нет принимать антисемитизм: ясно, что антисемитизм должен быть отвергнут. В условиях же Третьего Рейха эти вопросы предстали перед общественностью в совершенно ином, намеренно искаженном виде. Тому, как нацистам это удалось сделать, и посвящена данная часть работы.

Негативный аспект создания нацистской «национальной общности» в современной историографии обыкновенно сводят к изоляции и вытеснению евреев из Германии и Европы во время войны. Это справедливо, ибо гитлеровский расизм имеет истоки прежде всего в антисемитизме; вместе с тем необходимо рассмотрение вопросов проявления расизма по отношению к другим

народам и отношения немцев к этой политике нацистского государства. Такое разделение провести довольно сложно, и мы постоянно будем обращаться к еврейскому вопросу. К примеру, программа эвтаназии рядом функционеров нацистской системы была воспринята как первая возможность для реализации планов физического уничтожения евреев, и прецедент, созданный убийством больных по программе эвтаназии, создал возможность быстро и незаметно перейти к систематическим убийствам евреев. Бесспорно, это не был линейный процесс нарастания террора; его развитие носило прерывистый (дискретный) характер, что было обусловлено внешними обстоятельствами. Или, например, нападение на СССР означало радикализацию режима по той причине, что под прикрытием «приказа о комиссарах» СС получили полную свободу в реализации планов убийств евреев не только на Восточном фронте, но и во всех частях Рейха и на оккупированных территориях; смерть и убийства миллионов людей на Восточном фронте релятивировали убийство как таковое, и евреев стали убивать систематически. «Неотделимость» одной разновидности расизма от другой и определяет необходимость представить в следующей главе более широкую картину негативного аспекта истории Третьего Рейха.

ГЛАВА I

НАЦИСТСКИЙ РАСИЗМ И НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО

Мифы расы в Третьем Рейхе

«Человеком я стал благодаря природе, а французом — благодаря случаю».

(Ш. Монтескье)

«Мы являемся свидетелями одной из самых крупных культурных катастроф мировой истории: целый народ, весь немецкий Рейх обращен в животноводческую веру расы и тому подобного идиотизма и дебилизма, как вам это нравится: весь народ целиком с университетскими профессорами, священниками, писателями, врачами, юристами! Представьте себе, оказалось, что вполне можно пропагандировать эту животноводческую доктрину - что за дело до того, что каждый образованный человек того просвещенного Рейха будет пожимать плечами и сухо говорить, что он с этими тупицами и олухами не имеет ничего общего».

(Карел Чапек⁴⁴³)

«Раса — это группа людей, которая отделяется от других рас совокупностью физических признаков и духовных качеств, и которая воспроизводит только себе подобных».

(Ганс Ф. К Гюнтер⁴⁴⁴)

Расовые мифы Третьего Рейха формировались прежде всего самим Гитлером, и понимание его суждений и хода мыслей является весьма важным для понимания существа расовых мифов Третьего Рейха. Логика Гитлера и его расизм сегодня производят впечатление сумасбродных фантазий, но в свое время они не были таковыми; так же, как Гитлер, в среде европейской интеллигенции, к которой он принадлежал, думали многие. Расовые

мифы являлись навязчивой идеей, во времена молодости Гитлера они были широко распространены в Европе (так же, как экологическое загрязнение стало навязчивой идеей для многих людей в 70-80-е годы XX века). Дело в том, что любые групповые различия в принципе можно трактовать как расовые, и Гитлер этим активно пользовался — именно это обстоятельство объясняет то, что для немецкой общественности одиозный характер расистской доктрины был «невидимым». На самом деле, отрицательное отношение к расизму появилось только после нацистов; в первой трети XX в. и ранее он воспринимался как одно из возможных объяснений исторического развития и как один из рецептов «исправления» общества. Антисемитизм также был неотъемлемой частью европейского культурного стереотипа, и к евреям, как к нелюбимому меньшинству, многие европейцы (и немцы) относились настороженно. Поэтому Гитлеру для вытеснения и убийств евреев легко удалось найти большое количество исполнителей, которые были совершенно нормальными людьми, рассматривавшими евреев как некую метафизическую причину собственных бед, своеобразных козлов отпущения. Большинство немцев после 1933 г. одобрило террор против левых (коммунистов и социал-демократов). Немецкий ученый еврейского происхождения Виктор Клемперер, переживший нацизм в Германии, с горечью отмечал в дневнике, что масштабы сопротивления нацизму были ничтожно малы: 90% немцев хотели фюрера и целиком поддерживали его программу⁴⁴⁵. А как в современной России относятся к чеченским боевикам, или в США — к арабским террористам, или к ИРА в Англии? В лучшем случае — посадить их в тюрьму, а ключи выбросить. А ведь в Германии после 1929 г. давление левых было самым сильным в Западной Европе, и перспективу оно сулило вполне определенную (принимая во внимание активность сталинского Коминтерна, дисциплинированной частью которой была КПГ), — поэтому не приходится удивляться одобрению немцами политического террора. Немцы были поставлены перед выбором: то ли кричать «хайль Гитлер», то ли «хайль Москау», поэтому, как писал английский историк

Д. Ирвинг: «почти монолитное единство между Гитлером и немецким народом сохранилось до конца»⁴⁴⁶. Это единство оправдывала реальная опасность со стороны левых для общества и государства в Германии — у всех был перед глазами пример России. Эта опасность в Европе (в Италии, к примеру, в 1920—1921 гг.) ощущалась как вполне реальная; в Германии положение было особенно сложным из-за активности первой на Западе массовой коммунистической партии (КПГ), которая после кризиса 1929 г. уверенно набирала очки и в момент назначения Гитлера канцлером была третьей партией рейхстага.

Чрезвычайное социальное напряжение, вызванное беспрецедентным социально-экономическим кризисом 1929 г., без особых последствий смогла перенести лишь Великобритания, неписаная (состоящая из прецедентов) и тем более действенная конституция которой смогла обеспечить безболезненный «переход через пустыню». В остальных европейских странах имел место острейший кризис демократии; в Европе повсеместно обратились к поискам иных путей развития. Единственно, чем нацисты действительно выделялись на европейском политическом ландшафте, в чем они были по-настоящему «оригинальны», — это последовательный расизм и основанный на нем империализм. Один из лидеров первого этапа нацистского движения, «аграрный папа» Вальтер Дарре, писал, что «если мировоззрение национал-социализма свести к его ядру, то таковым окажется расизм; можно сказать, что признание факта наследования человеческих свойств составляет суть национал-социализма»⁴⁴⁷. Наиболее ярким воплощением расизма в XX веке был именно Гитлер, чья бескомпромиссность и решимость воплотить в жизнь свои идеи были непреклонными. В расизме Гитлер был особенно последователен по той причине, что, представляя ясный образ врага, расизм идеально подходил для политической мобилизации и был поводом для стимуляции общественной динамики и активности (в чем нацисты чрезвычайно преуспели).

Помимо этого, акцентирование нацистов на расизме имела собственную внутреннюю логику. Дело в том, что в

современной историографии только недавно стали обращать внимание на родство нацистской расовой доктрины с тогдашним состоянием естествознания, особенно биологии и психологии, не исключавшими расизм как таковой, но часто привлекавшими его для объяснения особенностей исторического развития отдельных народов. Гитлер, с его развитым политическим инстинктом, прекрасно это понимал и использовал для формирования расового мифа. Этот процесс, естественно, происходил не на пустом месте: расизм еще в XIX веке стал прочной составной частью европейской политической культуры (впрочем, в латентной форме он остается таковой поныне).

Миф об исконном неравенстве людей использовал для оправдания различного социального положения людей еще древнегреческий философ Платон. В качестве ступеней перехода от проторасизма к современному расизму можно назвать, во-первых, эпохальный 1492 г. (завершение Реконквисты, изгнание евреев из Испании и Португалии и открытие Америки); во-вторых, XVIII в. с его энтузиазмом по отношению к античным идеалам красоты (соответственно, образы, не соответствовавшие аполлоновским стандартам, считались уродливыми; внешность человека стали связывать с его моральными достоинствами); в-третьих, последняя четверть XIX века, когда стали видны негативные последствия Просвещения и прогрессистский энтузиазм сменился культурным пессимизмом. Большую роль сыграла дарвиновская эволюционная теория и учение об естественном отборе: биологизм красной нитью проходит сквозь структуру расистского мышления. Расизм основывается на убеждении, что человечество по определенным физическим признакам разделено на устойчивые и неизменные группы. Поскольку расовая теория охватывает лишь незначительную долю этих физических признаков, то классификация на ее основании имеет поверхностный вид. Искусственно отделенным друг от друга расам приписывались, исходя из различных физических характеристик, различные умственные способности, психические свойства, и, в конечном счете, различные расовые характеры. Этой экстраполяцией физических

и психических свойств расизм и отличается от классифицирующей научной теории рас: поскольку эти различия существуют, они нуждаются в классификации и фиксации. Как писал Леон Полиаков «расист тот, кто обосновывает расу в социологическом смысле этого слова»⁴⁴⁸. Бурное развитие естествознания в XIX в. и его механицизм привели к тому, что начали разделять только внешние признаки расы: цвет кожи, строение тела, форму черепа, профиль лица, цвет глаз, форму носа, цвет и форму волос (кучерявые или прямые) и так далее. С развитием современной генетики расовая теория все более отходит от внешних проявлений расы. С одной стороны, ввели различие генотипа и фенотипа, то есть взаимодействия наследственных и приобретенных признаков; с другой стороны, теория наследования приобретенных признаков Жана Батиста Ламарка уже не годилась для расового учения, ибо она уравнивала приобретенные и унаследованные признаки. Поэтому расовые теоретики обратились исключительно к приобретенным качествам человека, которые объявлялись самыми важными. Отказавшись от внешних признаков, расовая теория потеряла в наглядности и перестала быть «визуальной идеологией». Но, с другой стороны, расизм получил возможность апеллировать к этническим, национальным, религиозным и социальным группам внутри «белой расы», представители которых внешне никак не отличаются от других людей. С расширением понятия расы дело дошло до деления на «антропологический» и «гигиенический» расизм. В Германии антропологический расизм был нацелен против цветного населения в колониях и против цветных меньшинств в собственной стране: против цыган (хотя они и арийцы), против «рейнских» метисов, родившихся от связей французских солдат африканского происхождения и местных девушек во время французской оккупации, против этнических меньшинств (поляков в Силезии) или против евреев, которых рассматривали не как религиозную, этническую или социальную, но как обособленную расовую группу. От традиционной ненависти к евреям нацистский антисемитизм отличался тем, что он опирался

на расовое учение. Гигиенический расизм был нацелен на физически больных или неполноценных людей (которых рассматривали как наследственных больных), а также против маргинальных общественных групп — бродяг, нищих, проституток, алкоголиков и рецидивистов, аномальное поведение и образ жизни которых расисты-гигиенисты возводят к генетическим особенностям, а не к социальным условиям их существования. Для всех людей, относящихся к религиозным, этническим, социальным и национальным группам, подпадающим под расистские суждения и определения, границы их групп в воображении расистов становились непроницаемыми, механизмы ассимиляции и эмансипации переставали действовать. Если ранее еврей переходил в христианскую веру и переставал быть евреем, то для расиста этот переход ничего не значил. Расизм выступал с претензией на то, чтобы объяснять социальные процессы, структуры и конфликты биологическими обстоятельствами, — этот подход долгое время оправдывал существование колониальной зависимости.

Расизм как идеология принял более-менее ясные очертания еще в XVIII веке среди французских дворян, считавших себя потомками германских завоевателей, а крестьян — потомками покоренных галльских земледельцев. Корни социал-дарвинизма можно найти и в суждениях английского социолога и философа Герберта Спенсера (1820—1903). Во второй половине XIX века английские теоретики сконструировали из социал-дарвинизма целую систему; в таком виде она и попала впервые в Германию. Племянник Дарвина Фрэнсис Гэлтон написал книгу «Наследственность, талант и характер» (1865 г.), в которой с помощью статистики пытался доказать, что психология и характер большинства людей зависит от физического их строения, которое и является причиной разделения на бедных и богатых. По мнению Гэлтона, низшие слои общества могут воспроизводить только лишь неполноценную расу. Он назвал свою систему «евгеникой» (от греческого слова, означающее «хороший от рождения, благородного происхождения, породистый»). Гэлтон полагал,

что расовый отбор следует сделать частью социальной политики; его сторонники были заморожены видением нового мира, в котором не будет место нищете и болезням. Расизм не случайно возник в Британии, так как колониальная политика британцев требовала «теоретического» оправдания; именно в колониях имели место первые прецеденты расовой дискриминации. В Египте и Судане, где англичане были полными хозяевами с 1882 г., туземцы при встрече с английскими колонизаторами должны были падать ниц. Распоряжение соблюдалось строжайшим образом; сегодня в Европе это забыли, но в арабском мире помнят, и это, кстати, одна из причин враждебности к американцам, которых рассматривают как приемников англичан.

Первые обмеры черепов сделал немецкий врач и анатом Франц Галл. Новую науку он назвал «краниоскопия», но вскоре в Германии ее запретили, и он выехал за границу. Немецкий же ученый, геттингенский профессор медицины Фридрих Блюменбах, изобрел головной указатель, который нацисты так часто использовали в практике своей расовой политики⁴⁴⁹. Сторонники «череповедения» полагали, что судьба и способности человека зависят от 2—3 миллиметров разницы в длине или ширине его черепа. Расистские теоретики не удовлетворялись, разумеется, этими измерениями - в отличие от Северной Америки, где расизм ориентировался преимущественно на цвет кожи, в Европе он расширялся до подчеркивания культурных и духовных различий, превращаясь в расовый миф. В таком виде гитлеровцы и приспособили его к своим политическим целям и практике. Впрочем, и в НСДАП многие скептически относились к практическому значению краниологии; так, Розенберг однажды сказал: «Нет ничего ошибочнее, чем с сантиметром в руках измерять индексы черепов. При оценке отдельных людей нужно правильно оценивать их жизнь на службе нации»⁴⁵⁰. Утверждением о неравенстве человеческих рас нацистский расизм отвергал единство человечества: чуждые расы были объявлены замкнутыми видами. Цветные расы расизм рассматривал как переходные к животному миру, а

больных или умственно отсталых людей - как находящихся на промежуточной ступени между человеком и животным. Поскольку для расизма субъектом истории является не индивидуум, а раса, то объективно расизм сводится к превознесению и абсолютизации надындивидуальных социальных структур (раса, народ, государство). Нацистские расовые теоретики и евгеники считали, что любое состояние дисгармонии в человеческом обществе коренится в наследственных качествах и может быть «излечено» путем «очищения народного организма от нездоровых наследственных предрасположенностей» (как указывал один из нацистских расовых теоретиков Фриц Ленц). «Ужасно видеть, — писал Ленц, — как миллионы людей прозябают на грани возможного существования вследствие унаследованной физической и духовной несостоятельности. Внешними средствами здесь никак не помочь, но нужно прекратить продолжение рода среди наследственно слабых и несостоятельных. Расово-гигиеническая стерилизация является самым гуманным способом, какой только существует»⁴⁵¹.

Значительный «вклад» в нацистскую расовую доктрину внес немецкий социолог и историк Людвиг Гумплович, который, — продолжая линию английских социал-дарвинистов, - изображал дело так, будто всякая мощная этническая группа стремится к тому, чтобы поработить другие, а расовая борьба — это единственная настоящая движущая сила истории⁴⁵². Нужно отметить, что еще в XIX веке расовая теория абсолютно доказуемо опровергалась. Так, крупнейший немецкий патолог и гигиенист того времени Рудольф Вирхов (1821—1903) на основании исследования 7 млн детских черепов пришел к выводу, что немцы не имеют определенного расового типа. Из 6 777 000 немецких детей 31,8% были блондинами, 14,05% брюнетами, 47% — смешанного типа. Из 75 377 еврейских детей 11% были блондинами, 42% брюнетами, 47% — смешанного типа⁴⁵³. Разумеется, за эти исследования Вирхов подвергался ожесточенным нападкам националистов. Он также доказал, что инфекционные заболевания обусловлены социально, а не генетически (как это утверждали сторонники

расовой теории). Следует отметить, что в отрицательном отношении к расовой теории Вирхов был не одинок: антрополог Рудольф Мартин считал расовую теорию ненаучной и при вступлении в должность профессора потребовал прекратить привязывать антропологию к политике. Жестким критиком расовой теории был известный зоолог профессор Оскар Хертвиг.

Несмотря на объективные данные науки, евгеника в начале XX века получила (под названием «расовая гигиена») особенно значительное распространение в Германии. Отцом этого движения стал Альфред Плетц, издавший в 1895 г. книгу «Основы расовой теории» (долгое время эта книга считалась самым основательным трудом по расовой гигиене). В 1893 г. Альфред Плетц вместе с друзьями основал в американском штате Айова общину *Pacific* — своего рода икарийскую, утопическую коммуну; но вскоре он разочаровался в возможностях подобного сообщества, так как счел наличный человеческий материал совершенно для этого неподходящим. Плетц обратился к изучению медицинских аспектов проблемы и в 1904 г. выпустил первый номер журнала «Архив расовой и общественной биологии» (*Archiv für Rassen- und Gesellschaftsbiologie*). В 1905 г. было основано «Берлинское общество расовой гигиены», а в 1910 г. — «Немецкое общество расовой гигиены», в которое входили медики, зоологи, генетики, социологи, гигиенисты, антропологи, этнологи и все интересующиеся этой проблемой⁴⁵⁴. Свидетельством широкого распространения расовой теории в Германии является то, что перед Первой мировой войной там издавалось шесть (!) псевдонаучных журналов по расовой теории. Столь широкое распространение расовой теории именно в Германии (по сравнению с другими европейскими странами) связано, очевидно, с тем, что если в Англии и Франции расовую теорию одно время использовали против буржуазии (отчего значительная ее часть отрицательно относилась к расизму), то в Германии — против нарастающего рабочего движения и левых, борьба с которыми долго оставалась актуальной⁴⁵⁵. Свое победное шествие по земному шару евгеника начала в

1890 г., а уже в 1911 г. в Дрездене в рамках международной выставки гигиены состоялась встреча евгеников из 8 стран. Своего пика это движение достигло в 30-е гг. евгеника процветала как в авторитарных, так и в демократических странах, а также в Советском Союзе⁴⁵⁶.

Наиболее жестким и прямолинейным последователем Плетца был немецкий социолог, дарвинист и политик Александр Тилле, который в ряде публикаций в начале XX века дал национал-социализму для его расовой теории и практики теоретический инструментарий. Задолго до 1933 г. Тилле требовал признать русских, румын, цыган, евреев и поляков «расово неполноценными». Он же еще до Первой мировой войны призывал к умерщвлению душевнобольных и к категорическим запретам смешанных браков⁴⁵⁷. Некоторые пассажи в «Майн кампф» почти дословно совпадают с высказываниями Тилле.

Прямое применение расовой теории пропагандировал саксонский учитель гимназии, зоолог Вилибальд Хентшель, который в 1906 г. основал «Митгарбунд» — эта организация должна была служить практической реализации расовой теории. Хентшель планировал создать так называемые мужские и женские дома, в которых регламентировалось бы спаривание. С 30 тыс. мужских и 300 тыс. женских элитных арийских экземпляров он хотел наладить «производство» 100 тыс. голов «истинных германцев» в год⁴⁵⁸... Во время Первой мировой войны Хентшель был ментором одной из правых молодежных организаций, из которой вышли многие активисты нацистского движения.

Расизм — это краеугольный камень национал-социализма и его идеология, а любой идеологии присущи определенные свойства, среди которых на первом месте стоят: практическая полезность, инструментальный характер (правильное отражение ложной действительности, как указывал Ю. Хабермас), неопределенность и отсутствие доказуемых научных признаков, но не истинность и научная ясность. В принципе, понятие «раса» биологически определимо и имеет вполне конкретное содержание, но нацистские идеологи избегали определять его

биологически. Примечательно, что термин «раса», казавшийся ему грубым биологизмом, Розенберг свел к понятию «расовая душа». Он писал: «Душа — это раса изнутри, и, наоборот, раса — это внешнее проявление души. Пробудить расовую душу — значит осознать ее высшие ценности и указать другим ценностям их место в государстве, искусстве, религии. Задачей нашего времени является создание при помощи мифа расы нового человеческого типа»⁴⁵⁹. Возвышение расы до общественного мифа, впрочем, не мешало Гимmlеру, наивно полагавшемуся в этом вопросе на науку, прибегать к измерениям черепов для того, чтобы выделить нордическую расу. Также большое влияние на нацистов оказали книги Ганса Гюнтера «Расоведение немецкого народа» (1922 г.) и Людвига Клагеса «Нордическая душа» (1923 г.); обе книги многократно переиздавались и имели широкий общественный резонанс. Целью этих работ было доказать, что немцы по своей биологической, духовной и культурной природе принадлежат к самостоятельно сформировавшемуся нордическому расовому типу.

Первоначально нацистская расовая доктрина формировалась как обоснование «качественных» различий между арийцами (индоевропейскими народами) и евреями⁴⁶⁰, а с началом Второй мировой войны потребовалось отделить от индоевропейской языковой семьи относящихся к ней славян, ставших врагами. Легко представить, что никаких научных и теоретических трудностей нацистские идеологи при этом не испытывали, так как нацистская расовая теория никакой научной или теоретической базой и не обладала. Она основывалась на старинном открытии индоевропейской языковой общности (от индоевропейского протоязыка произошли санскрит, древнегреческий, латынь, а также большая часть современных европейских языков), знания о которой были развиты трудами братьев Гримм и Франца Боппа. Последние установили основополагающее родство всех европейских языков от Англии до Индии (составляющими которых являются санскрит, латинский, греческий, персидский, германские и славянские языки). В самом деле, в древ-

них греческих, индийских и кельтских текстах говорится о богах и героях со светлыми волосами и голубыми глазами. Розенберг указывал, что даже индийские касты были необходимой обороной арийцев от чуждой крови: термин «варна» означает одновременно и касту и цвет⁴⁶¹. Обескураженные ученые сделали вывод, что все народы, говорящие на индогерманских языках, были либо одинакового происхождения, либо индо — германцы представляли собой особую аристократию, которая завоевала всю Европу и большую часть Азии и насадила в завоеванных народах индогерманские языки. При таком подходе легко объяснить возникновение и укрепление расового мифа: его справедливость казалась очевидной и доступной пониманию каждого. Нордический человек, казалось, был единственным фактором истории: он покори́л весь мир, и от него исходит все творческое начало. Розенберг писал: «Арийская Индия подарила человечеству метафизику, арийская Персия — религиозный идеал, дорическая Эллада — идеал красоты, античный Рим — идеал державности и права, германская Европа стала образцом для всего человечества»⁴⁶². В учебниках по расовой гигиене расовое превосходство нордического человека обосновывалось тем, что именно арии создали высокую культуру Индии и Персии; они же были созидателями итальянского Ренессанса. По словам авторов одного из учебников, только там, где появляется нордическая раса, возникает истинно высокая культура⁴⁶³. Эту картину нацистским пропагандистам нужно было просто спроецировать в будущее... Хотя сам Гитлер, в отличие от Гимmlера, по отношению к индийцам был настроен скептически: «индийский легион — это анекдот. Среди индийцев есть такие, которые и мухи не обидят, предпочтя, чтобы съели их самих... Что касается молитв, то это самые выносливые солдаты в мире, но использовать их в смертельном бою — это просто смехотворно»⁴⁶⁴.

Было распространено убеждение, что народ, захвативший Римскую империю, начал свою эволюцию с северо-германской равнины (в представлениях современных уче-

ных этот центр переместился в район юго-восточнее Каспия). Полагали, что именно с северогерманской равнины воинственные племена отправлялись на завоевание Индии, в Спарту и Рим. Отсюда и проистекало убеждение нацистских расовых теоретиков, что немцы — это самые аутентичные и чистые представители расы ариев. Последним приписывали все черты возвышенной и благородной расы, что носило порой анекдотический характер. Так, в сочинении о мифе XX в. Розенберг писал, что только завоеватели-вандалы покончили в Риме с позорной практикой гладиаторских боев, заменив их рыцарскими турнирами⁴⁶⁵. Очевидно, что причины этого не в благородстве варваров, а, например, отсутствие в их традиции такого вида «национальной забавы» или в том, гладиаторами в Риме и были по преимуществу варвары. Не менее нелепо обвинение славян-таборитов в «сумасшествии» на том основании, что они разрушали католические символы и святыни⁴⁶⁶, будто такими же точно действиями не были отмечены действия протестантов (независимо от их расовой принадлежности) по всей Европе.

Нацистские расовые теоретики доказывали, что белая раса является единственной одаренной расой — монголоиды, хотя и превосходят по одаренности черных африканцев, но значительно отстают от белых. В учебнике по расовой гигиене доказывалось, что монголоиды так же отличаются от европеоидов, как мужчина отличается от женщины, и они не так воинственны; средиземноморская же раса (итальянцы, французы, испанцы) менее одарены, чем германские народы. Ренессанс в Италии, по мнению авторов учебника, был возможен только тогда, когда у итальянцев преобладала кровь германцев-лангобардов. Поскольку Восточно-римскую империю захватили турки, то Ренессанса там быть не могло по причине «плохого» расового происхождения турок; российское государство было основано норманнами, поскольку сами русские не способны к государственности⁴⁶⁷. Нетрудно понять, что после окончания Первой мировой войны ущемленные политически немцы пытались таким образом доказать, что Германия (и прежде всего ее нордичес-

кий элемент) несправедливо и вопреки логике истории отеснена на второй план мировой политики.

К расизму относится и стремление охранить благородную арийскую расу от вредоносных влияний и болезней: реформаторы от медицины задолго до нацистов говорили о необходимости радикальных мер по борьбе с распространением наследственных психических и других болезней. Врачи — социал-демократы задолго до 1933 г. убеждали в «необходимости уничтожения психически и физически неполноценных людей»⁴⁶⁸. Сторонники евгеники претендовали на право обладания истиной и на основе ее добивались власти над жизнями людей задолго до нацистов. При этом они признавали: «мы не знаем ничего достоверного с точки зрения наследственности... ни в одном психологическом заболевании передача наследственных признаков не удалось прояснить полностью»⁴⁶⁹. Между тем, несмотря на отсутствие научных аргументов в пользу евгеники (опуская моральные соображения), ее сторонники не сомневались, что основанием для стерилизации может быть и слабое зрение, и искривление позвоночника, и выраженная некрасивость человека. В 20-е гг. социал-демократический евгеник А. Гротьян считал, что треть населения Германии не имеет права продолжить свой род и подлежит стерилизации. Гротьян всерьез полагал, что выявление и изоляция «дефектной» части населения Германии должны стать амортизацией человеческой неполноценности в целом, и эта амортизация приведет к сокращению, а потом и исчезновению нищих, бродяг, тунеядцев, алкоголиков, рецидивистов⁴⁷⁰. Отсюда ясно, что теоретический вклад традиции немецкой евгеники в практику массовых уничтожений людей нацистами трудно переоценить.

Расизм был тем основанием, которое составляло гитлеровское видение мира. Конкретными планами реализации своего видения он не располагал — ни по завоеванию «жизненного пространства», ни по убиению евреев. Нацистские руководители без указаний знали, что согласуется с гитлеровскими расовыми представлениями и

действовали соответствующим образом; всем было ясно, что расизм и антисемитизм стали в Германии после 1933 г. государственной доктриной. Расизм составляет краеугольный камень нацизма точно так же как марксизм — краеугольный камень большевистского тоталитаризма. В свое время марксизму сразу удалось стать большим, чем просто политическая, социальная, экономическая программа, в глазах его основателей и сторонников он был всеобъемлющей философией истории, ключом к пониманию прошлого, настоящего и будущего, он сильно обновил методы исторического познания. Но он же был и мировоззрением с присущим ему эсхатологическим видением тотального переворота, переоценки всех ценностей, при этом пролетариат должен был привести человечество к окончанию его предыстории и началу подлинной истории. Иными словами, марксизм был религией спасения. Этому грандиозному видению нового мира национализм противопоставил свой миф — миф расы, который соответствовал определенным чертам немецкого духа и характера в еще большей степени, чем большевизм соответствовал российской политической культуре с ее авторитаризмом. При этом нацистский расизм все же сохранял «эсхатологический» характер, утверждая мнение, что не немцы являются расой господ, они сами нуждаются в руководстве последней; на самом деле «раса господ»-де находится в процессе становления. Гитлер также в одной из застольных бесед (23 ноября 1937 г.) сказал, что «в определенном смысле мы только должны еще стать расой»⁴⁷¹.

Миф расы также имел претензию стать философией истории, по-своему объяснить современность; он стал мировоззрением и сформулировал собственные методы и пути обновления и так же, как марксизм, стал религией спасения и благодати. Отличие состояло в том, что марксизм был оригинальной доктриной, а идеологическую основу нацистской политики геноцида составлял современный расизм, который в целом сформировался к концу XIX века, поэтому нацистский расизм не представляет собой нечто особенное, отдельное от расовой теории

как таковой. Новым в нацистском расизме было стремление практически решить расовую проблему, а также то, что нацистский расизм носил государственный характер, — прецедентов этому в истории крайне мало, хотя они и есть.

Импульсы к нацистскому расизму и экспансионизму имеют сложную природу, связанную с духовным и общественным развитием Германии; войдя в политическую действительность, они стали самостоятельным фактором развития, самым мощным и значительным в условиях тоталитарной действительности Третьего Рейха. Нацисты связали свой расизм и антисемитизм с социал-дарвинистским мировоззрением и реакционными представлениями об обновлении общества, создав устойчивый конгломерат обскурантистских представлений, имевший огромное воздействие на политику в 1933—1945 гг. Особенно опасной была увязка расизма и экспансионизма, которые подстегивали друг друга к формированию все более радикальных и антигуманных целей и методов. Если представить, что только немцы или «арийцы» способны к воспроизводству культуры, то из этого представления следует не столько право, сколько обязанность этой единственной «творческой» расы к экспансии. «Открытая» расистами иерархия рас обеспечила экспансионизму наилучшее оправдание, а нации и обществу в целом — спокойную совесть. И наоборот, экспансионизм радикализовал и узаконивал расизм — с 1941 г. это видно абсолютно отчетливо. Если пригодность немцев к экспансии основывается на их расовых качествах, то подготовку и осуществление завоевательных войн следует увязывать прежде всего с искоренением «расово чуждых» элементов, особенно евреев, которые выступали как раса-антипод, раса-враг. Эту сумасбродную логику Гитлер и его сторонники считали неопровержимой: как в марксизме, так и в расизме огромное значение имело избрание изначально ложных посылок. До 1933 г. все эти расистские идеи выражались лишь в публицистике и речах Гитлера, а как только он пришел к власти, они начали последовательно воплощаться на практике. На международной арене Гитлер постепенно перешел от политики оппортуни-

стического использования шансов, которые предоставляли ему другие, к принципиальной реализации собственных расовых представлений.

Эту параллель между марксизмом и расовым учением можно продолжить: марксизм был реакцией на большие социальные перегрузки, возникшие в начальной стадии индустриализации, а нацистский расизм и связанный с ним социал-дарвинизм были реакцией на унижение Германии после Первой мировой войны и одновременно отражением присущего эпохе непререкаемого авторитета естественных наук с их «однозначными» и «строгими» доказательствами. Весьма причудливый и необычный характер нацистскому расизму придали присущие той же эпохе эстетизация и романтизация войны, борьбы, насилия.

Как марксизм, так и не разрешивший противоречия между теорией трудовой стоимости и теорией рыночной стоимости товара, так и нацизм не смог выбрать между расой и народом, а между тем последняя пара состоит из различных величин. Поэтому никакого «научного» знания ни в марксистской теории, ни в расовой теории не было, в обоих случаях политики апеллировали к чувствам, эмоциям, мифам, а не к разуму. Как Маркс в эпоху индустриализации воспользовался временным социальным перенапряжением, так и нацисты использовали в своей политической практике совершенно очевидные для современников азбучные истины. Культурное высокомерие и ксенофобия — ровесники человечества: этноцентризм и ксенофобию можно считать антропологическими характеристиками, свойственными человеку в различные исторические эпохи; они актуальны и сегодня.

Несмотря на то, что предпосылки расизма носят иррациональный характер, расизм представляет собой рационально продуманную систему взглядов. Эволюцию этой системы азбучных истин, претендующих на естественнонаучный характер, можно описывать следующим образом: совершенно очевидно, что существуют различные народы и расы, хотя о последних (в политическом смысле) после Гитлера уже не принято говорить. Также

азбучной истиной является утверждение, что желатель-но, чтобы государство было национальным, а не много-национальным. И не Гитлер открыл, что война — это не-избежная часть политики. А вот далее начинается уже соб-ственно гитлеризм: субъектом истории являются только народы и расы, а не классы, религии или даже государ-ства. Кто хочет жить, должен бороться, кто не борется, не достоин жизни; борьба между народами — это война. Гитлер представлял войну не как насилие и неприятное явление, а как естественное состояние, форму жизни расы. Политика, как учил Гитлер, — это искусство орга-низации борьбы народа за существование, а внешняя по-литика (самая главная форма политики) — это процесс обеспечения необходимого жизненного пространства для народа. Короче говоря, политика — это война и подготов-ка к войне, в которой главное — это «жизненное про-странство». Главная цель политики немецкого народа — это ликвидация несоответствия между численностью не-мецкого населения и площадью его проживания. В войне речь идет о господстве и подчинении, ибо основополага-ющий аристократический принцип природы гласит: дол-жен победить сильнейший, а слабый уничтожен или под-чинен⁴⁷². Наиболее ясно эта мысль Гитлера была выраже-на в его речи 13 ноября 1930 г.: «Каждое существо стремится к власти, каждый народ к мировому господству. Мы все чувствуем, что в отдаленном будущем перед людьми ста-нут проблемы, для преодоления которых нужна воля расы господ, опирающаяся на возможности и средства всего че-ловечества и всей земли. Этой расой должны стать нем-цы»⁴⁷³.

В принципе, суждения Гитлера открытий не содержат; проблема только в том, как различать расу и народ, арий-цев и немцев, - Хаффнер указывал, что на эти кардиналь-ные вопросы у Гитлера ответа найти невозможно. «Хоро-шая раса», «плохая раса» — это понятия из мира селек-ции (например, кур или кроликов), когда сам селекционер определяет, что ему нужно, и в соответствии с этими установками слабых и неполноценных (на его взгляд) ликвидируют, стерилизуют или изолируют. Но по-

нятие «раса» по отношению к людям дифференцировать невозможно — на каком основании одну расу (например, динарскую) считать малоценной, а другую (нордическую⁴⁷⁴) высокоценной? На этот вопрос нет ответа; более того: действительные расовые различия (между белой, желтой, черной расами) Гитлера не интересовали, — его больше занимала борьба между «арийцами» и евреями.

В этой борьбе (по Гитлеру) речь шла не о «жизненном пространстве», а о самой жизни, о войне на уничтожение. Он уточнял: «еврей — это всеобщий враг, ибо его конечная цель — лишение наций их характерных черт, всеобщая бастардизация других народов, снижение расового уровня, установление своего господства над этой расовой кашей посредством уничтожения народной интеллигенции и замена ее представителями собственного народа». И далее: «если евреи победят при помощи марксистской веры, то их корона станет могильным венком человечества, наша планета, как и миллионы лет назад, будет нестись сквозь космический эфир пустой»⁴⁷⁵. Таким образом, Гитлер, как и марксисты, представлял себя борцом за интересы не только Германии, но интернационалистом, осчастливившим человечество. В последней диктовке Борману (2 апреля 1945 г.) Гитлер сказал: «Человечество должно быть вечно благодарно национал-социализму, что он выдворил евреев из Германии и Европы»⁴⁷⁶.

Опровергать приведенные доводы нет смысла, да и это невозможно по той причине, что ошибочной является сама система координат гитлеровских воззрений; она строится на заведомо неприемлемых исходных позициях, определяемых ксенофобией, расизмом, обскурантизмом и национальным эгоизмом.

В середине 30-х гг. обозначение «арийцы» и «семиты» было заменено в нацистской пропаганде на обозначение «немецкого происхождения» (*Deutschstammige*) или родственной крови и «чуждого вида» (*artfremd*) или еврей (*Jude*). Это позволяло объявить семитов-арабов людьми родственного вида и использовать их в борьбе с евреями: Гитлер даже встречался с родственником Ясира Арафата муфтием Палестины Мухаммедом Али аль-Хуссейни, пы-

таясь и лице арабов получить союзников в борьбе против евреев; этим планам помешала позиция Италии, которая, будучи союзницей Германии, находилась в конфликте с арабским миром (вследствие своих колониальных притязаний). Во время войны и монголоидные японцы были объявлены народом родственного немцам вида. Звучит анекдотично, но в 1938 г. было установлено, что у одного из руководителей имперской палаты печати бабушка была индианкой из племени сиу: после продолжительной дискуссии было установлено, что сиу — это народ, по виду родственник немцам⁴⁷⁷. Во время войны, когда множество солдат оказалось за границей, для законной регистрации брака с иностранками, чистота арийского происхождения которых не была документально подтверждена, требовалось предоставление фотографии невесты в обнаженном виде⁴⁷⁸. В ноябре 1940 г. вышло распоряжение Бормана, что браки между членами партии и чешками, поляками, венгерками в принципе не запрещены, но требуют особого разрешения гауляйтера⁴⁷⁹.

Не менее субъективными и натянутыми являются внешне стройные суждения самого Гитлера в «Майн кампф». Фюрер рассуждал следующим образом: каждое скрещивание неравноценных особей дает среднюю величину между родителями, то есть очевидно, что потомки в расовом отношении будут стоять выше, чем более низкая часть пары родителей, но не выше, чем более высокая часть. Такое скрещивание, однако, по мысли Гитлера, противоречит стремлению природы (!?) к совершенству и отбору. Гитлер указывал, что предпосылкой истинного отбора является не воспроизводство более или менее ценного материала, а абсолютная победа полноценной расы: «Сильный должен господствовать, а не сливаться с более слабым, жертвуя собственным величием и достоинством. Только человек неполноценной расы может считать такой подход жестоким, на то он и дегенерат. Если этот закон не будет реализовываться, то какое-либо развитие станет немислимым»⁴⁸⁰. В рассуждениях Гитлера есть лишь одна верная мысль: без неравенства (если все будут одинаковыми) в любых отношениях развитие невоз-

можно. Но как определить, и каков будет критерий — что более, а что менее ценно? Представить себе ответ даже теоретически невозможно: развитие постоянно меняет условия жизни, и именно многообразие (в том числе и расовое) обеспечивает оптимальные условия совершенствования человека. То, что в один момент было слабостью, неразвитостью или отклонением, может обернуться выигрышной стороной: «чистота» и стерильность в этом смысле как раз являются причиной стагнации и отсутствия развития, а в перспективе — и гибели.

Гитлер же, напротив, пытается доказать, что исторический опыт указывает на смешение крови как на причину гибели культур. В «Майн кампф» он пишет: «Исторический опыт показывает, что смешение арийцев с другими народами означает конец культуры. Северная Америка, население которой состоит преимущественно из германского элемента и лишь в незначительной степени смешалось с туземцами, демонстрирует другую культуру и человеческие качества, чем страны Латинской Америки, население которой значительно смешалось с индейцами. На этом примере ясно видны следствия смешения рас»⁴⁸¹. Даже признав относительную неустойчивость политической и социально-экономической системы в отнюдь не однородных странах Латинской Америки, нужно считаться, с историческими, политическими, культурными, этическими обстоятельствами, которые определяли это развитие, начавшееся под эгидой Испании и Португалии, — а не замыкаться исключительно на расовых особенностях местного индейского населения, определивших якобы низкое качество человеческого материала в Латинской Америке и ставших главной причиной ее отставания от Северной Америки или Европы. Если, предположим, взять и переселить все население США в Африку, а все африканское население в Северную Америку, то вскоре Африка станет процветающим краем, а Америка погрязнет в нищете, но это не будет доказательством большей ценности американской цивилизации, а всего лишь подтверждением ее лучшей приспособленности к современным условиям хозяйствования и ценностям современной цивилизации. Отно-

сительный, но не абсолютный характер ценностей этой цивилизации даже не нуждается в каких-либо доказательствах или комментариях.

Гитлер был совершенно не прав, когда утверждал, что человечество всему обязано только арийцам, их творческой энергии и гению. Он писал: «ариец — это прототип того, кого мы называем “человек”, он Прометей человечества, от светлого чела которого исходят лучи гениальности. Если его не будет, то тьма опустится на землю, человеческая культура погибнет, а мир опустеет»⁴⁸². Достаточно самого поверхностного взгляда на всемирную историю, чтобы стало ясно, что не один, а множество элементов определяло развитие человечества и что только синтетические культуры (а не замкнутые и изолированные группы) имели продолжение и были продуктивны.

Гитлеровские рассуждения по расовым вопросам в (особенно в 11 главе первого тома «Майн кампф») могут иногда казаться резонными; местами встречаются удачные публицистические и пропагандистские находки, но все это не отменяет их научной несостоятельности, поэтому эти суждения ничего не стоят, хотя в свое время они льстили самолюбию немцев и никакой критики (по большей части) у них не вызывали. Тот, кто применяет к человеческим расам те же критерии, что к породам кур, упускает из виду одно важное обстоятельство: именно интенсивное общение рас, культур, цивилизаций является почвой всякого развития, и, наоборот, замкнутость и изоляция являются причинами стагнации и упадка культур. Очевидно, что причиной относительной отсталости Африки является периферийное положение континента и его изоляция Сахарой с севера и океаном с других сторон, а не пресловутые расовые особенности и причины. Наоборот, возникновение первых древних цивилизаций происходило именно в местах интенсивного общения культур.

Вышеприведенное сравнение Гитлера Северной и Южной Америки производило впечатление на немецкую публику еще и потому, что, как известно, американское правительство на самом деле долгое время поощряло эмигрантов *WASP* (белые, англо-саксонцы, протестанты); под

влиянием евгенических теорий англичанина Френсиса Гэлтона в некоторых штатах США дело дошло даже до законов о стерилизации, шедших дальше законов о стерилизации Третьего Рейха⁴⁸³. Но здесь нужно говорить о своеобразии протестантской этики, а не о расовых особенностях, так как люди, относящиеся к одной расе, в рамках разных видов религиозной этики выказывали совершенно различные свойства. Современная мировая цивилизация имеет преимущественно западное (в терминах Гитлера «арийское») происхождение, но она стала таковой не потому, что исключала все то, что не относилось к ней, а наоборот: пронизательный голландский историк Й. Хейзинга справедливо указывал, что «современная культура Запада — первая, которая обладает прошлым мира в качестве своего прошлого; только наша история является, строго говоря, мировой историей». Значимость западной цивилизации обеспечила не изоляция, а, наоборот, открытость и готовность воспринять любые влияния и культуры. Гитлер же упорно твердит одно и то же — малочисленные арийские племена покоряли чужие народы и расширяли свою власть до тех пор, пока не прекращали блюсти чистоту крови; допуская смешанные браки, «они заканчивали свои дни, ибо грехопадение имеет следствие изгнанием из рая».⁴⁸⁴ В такого рода умозаключениях отсутствует стремление выйти за рамки расовых представлений — ведь есть еще и политические, социальные, культурные, ментальные, этические и нравственные обстоятельства. По словам немецкого знатока нацизма Г. Буххайма, отдельные нации для Гитлера и СС представляли собой не устойчивые сложившиеся общности, а «нерационально высаженные в почву растения, окруженные со всех сторон сорняками, этим растениям надлежало создать соответствующий порядок в их жизнедеятельности, удаляя асоциальные элементы, уничтожая «ферменты деконструкции», а также умножая полноценные элементы расы и удаляя неполноценные»⁴⁸⁵. Поэтому нацисты носились с мыслью о необходимости евгенических планов селекции (по отношению к родственным немцам народам) по предложенным их псевдоченым признакам.

Планы селекции распространялись и на немцев: на каждого жителя Рейха составлялся специальный «родословный паспорт», подтверждающий его арийское происхождение; этот документ нацисты сентиментально окрестили «шкатулкой сокровищ предков». Чистопородным арийцем экспертами признавался только один из тысячи; иногда результаты экспертизы могли означать концлагерь и смерть⁴⁸⁶. Об ажиотаже вокруг «арийства» можно судить по следующему факту; некий нацистский чиновник писал в докладе на самого себя: «При сборе документов для выяснения родословной я узнал страшный, до сих пор совершенно неизвестный мне факт: половина моих предков со стороны отца были евреями. Согласно Нюрнбергским законам моя кровь считается немецкой, так что как чиновника меня это не затрагивает, но как быть с членством в НСДАП и НСКК, и как будет обстоять дело с моими детьми, если они появятся на свет? У них неарийской крови будет 1/16?»⁴⁸⁷.

О бессистемном, произвольном характере нацистских расовых оценок и установок говорит следующий пример: в письме к руководителю РСХА Гиммлер указывает на недопустимость половых связей или браков между немцами (немцами) и рабочими (работницами) из Литвы по причине их недостойного поведения (?!), свидетельствующего об их плохом расовом наследии. Половые связи и браки рабочих (работниц) из Латвии и Эстонии с немцами Гиммлер считал допустимыми и желательными⁴⁸⁸...

Общим местом является утверждение о том, что на самом деле никаких чистых рас в природе не существует, и привязать определенные человеческие качества определенным расам можно только спекулятивным путем; такие построения не выдерживают никакой критики. Впрочем, встает вопрос, а связаны ли наследственность и определенный расовый физический тип с особыми моральными свойствами людей, с интеллектуальными способностями, с особым способом чувствовать и мыслить? Вопрос этот создает колоссальные возможности для всякого рода спекуляций; какие-либо научные данные в этой сфере весьма неопределенны и недостаточны. Поэтому

сторонники расового учения не обращаются к данным научной антропологии и этнографии, а довольствуются именно спекуляциями; поэтому расизм (как компенсация унижения Германии после Первой мировой войны) имел огромное значение в духовной атмосфере Германии 1920-1930-х гг.

К сожалению, расизм не умер вместе с Гитлером; он жив и в современном мире. Открытие в 1953 г. ДНК как носительницы наследственности окончательно поставило на расовой теории крест, но не покончило с расизмом и его предрассудками. В принципе, по вопросу об общественно-политических, морально-нравственных, социально-экономических и социальных следствиях расовых различий могут быть разные мнения, но ни одно из них не будет иметь строгой научной доказательной силы. Человек — это венец творения, и каким бы никчемным, жалким, ничтожным и вредным он ни казался, венцом творения он и останется, если мы не хотим варварства и анархии, если не желаем утверждения принципа зла. Есть люди, которые не переносят представителей других национальностей, и принудить их к терпимости невозможно; с этим нужно смириться, не оставляя надежды на постепенные перемены к лучшему вследствие распространения просвещения, терпимости и взаимопонимания, ибо другого просто не дано. Возведение в принцип ненависти к одному народу, как писал Н. А. Бердяев, есть человекоубийство, грех, и ненавидящий должен нести ответственность⁴⁸⁹.

Расизм в нацистской политике

«Немец, если только он использует все свои возможности, будет всегда выше иностранца».

(И. Г. Фихте)

«Со славянами нужно обращаться так, как на протяжении всей истории обращались те,

кто действительно господствовал над ними. Как те, кто умел справляться со славянами, - будь то Петр Великий, или еще раньше Чингизхан, или как позже г-н Ленин, а сегодня г-н Сталин — они-то знали своих людей».

(Г. Гиммлер⁴⁹⁰)

«Расизм есть самая грубая форма материализма, гораздо более грубая, чем материализм экономический. Расизм есть самая крайняя форма детерминизма и отрицания свободы духа. Расовая идеология представляет собой большую степень дегуманизации, чем классовая пролетарская идеология».

(Н. А. Бердяев)

«Славяне рождены рабами и сами чувствуют необходимость иметь над собой хозяина».

(А. Гитлер⁴⁹¹)

Расистская практика нацистов по отношению к соседним европейским народам заключалась в отрицательном отношении к славянам и в неоднозначном отношении к романским и германским народам. Это и понятно: главной функцией расовой идеологии (главным признаком которой была инструментальность) должно было стать «теоретическое» обеспечение политики завоевания «жизненного пространства» в Восточной Европе, а на Западе у Гитлера целей не было, или они были либо второстепенными, либо вынужденными. По этой причине гитлеровский расизм не носил выраженного характера по отношению к неславянским народам Европы. Хотя и здесь в любой момент политика могла повернуться как угодно: «неполноценной» могла стать любая европейская нация, поскольку никаких критериев «полноценности» не существовало. Непрозрачность гитлеровской политики в Европе вообще была принципиальной. Гитлер настаивал на строгой секретности; так, на совещании 16 июля 1940 г. он сказал: «Важно, чтобы наши цели не стали известны всему миру; в этом нет никакой необходимости; главное,

чтобы мы знали, чего хотим. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы ненужными декларациями воздвигать препятствия на нашем пути, такие заявления неуместны, ибо мы можем сделать все, что в нашей власти, а того, что находится вне нашей власти, мы все равно не сделаем. Мотивировка наших шагов перед лицом всего мира должна определяться тактическими соображениями. Мы должны действовать таким же образом, как в случаях с Норвегией, Данией, Голландией, Бельгией. Там мы не обмолвились ни словом о наших намерениях, так же мы будем действовать и впредь...»⁴⁹². Эта секретность давала возможность в любом конкретном случае прибегать к импровизации.

Характерным для нацистской практики расизма (применительно к родственным германским народам) было отношение нацистов и Гитлера к англичанам; лучше всего оно выражается немецким словом, которого нет ни в каком другом европейском языке, — «*Haßliebe*» (ненависть-любовь), то есть смесь восхищения имперскими достижениями и имперским величием Великобритании и ненависти к сопернику и стремления его обойти. На пике могущества Гитлер добивался мира и согласия с Великобританией и даже предлагал оставить ей прежнюю сферу влияния; предложения эти не нашли поддержки, и он вынужден был продолжить войну с англичанами. Когда Англия стала противником Германии, нацистская пропаганда принялась обличать британскую империю как социально реакционную. Немецкая пресса и радио стали разглагольствовать об ужасной эксплуатации английских трудящихся капиталистами-плутократами. В 1940 г. немецкие учителя входили в класс и торжественно провозглашали: «Боже, покарай Англию!», а учащиеся должны были отвечать «Он ее обязательно покарает!»⁴⁹³. От Вернера Зомбарта нацистская пропаганда переняла тезис о том, что англичане — это евреи среди арийских народов: именно англичане наиболее полно и последовательно осуществили коммерциализм, охвативший якобы все сферы жизни. Такой же ожесточенной критике подвергались английский парламентаризм и демократия. Один

из предшественников нацистского расизма - по происхождению англичанин, Х. С. Чемберлен — говорил, что англичане годятся разве только для того, чтобы угнетать примитивные народы, но сами при этом не отличаются героизмом или творческими способностями. В своем известном труде «Миф XIX столетия» Чемберлен доказывал, что в характере британцев преобладают лицемерие, наглость, холодная расчетливость, а идеализма, столь присущего немцам, у них нет вовсе.

Еще больше для критики Великобритании нацистские идеологи и пропагандисты почерпнули у О. Шпенглера, который в своем знаменитом памфлете «Пруссачество и социализм» увлеченно описывал богатый духовный мир немцев и отсутствие внутренней свободы у англичан, погрязших в материализме и либерализме. «Англичанин внутри своего существа есть раб, — писал Шпенглер, — будет ли он рационалистом, сенсуалистом или материалистом. В течение 200 лет он создает учения, которые уничтожают внутреннюю независимость; его последнее создание — дарвинизм — ставит всю совокупность духовной жизни в причинную зависимость от действия материальных факторов»⁴⁹⁴. Гитлер иногда апеллировал к такого рода высказываниям, хотя нетрудно заметить, что никаких расистских суждений у Шпенглера не заметно, это — обычная ксенофобия и непонимание особенностей политической культуры.

Отношение к другим германским народам Европы у нацистов было лояльным (в рамках возможного, особенно когда началась война). Так, оккупационный немецкий режим в западноевропейских странах радикально отличался от оккупационного режима в Польше или на территории Советского Союза — о расовой политике в собственном смысле слова там не было и речи. Так, 11 марта 1941 г. Геббельс записал в дневнике: «Фюрер разрешил офицерам браки с датчанками, голландками, норвежками и т. д. Это правильно и полезно политически»⁴⁹⁵. Гиммлер предложил Гитлеру открыть в Голландии две школы НАПОЛА (национально-политические учебные заведения по подготовке будущих партийных кадров); 1/3 учеников

будут голландскими детьми, а 2/3 — немецкими. После курса обучения голландцев будут направлять в немецкие НАПОЛА. Аналогичные школы Гиммлер собирался создать в Норвегии. Гитлер согласился с предложением рейхсфюрера⁴⁹⁶.

Немецкий историк Ганс-Дитрих Лок писал, что Гитлер не хотел военной оккупации Норвегии, но стремился к ее интеграции в Великогерманский Рейх. Гитлер не хотел изменения границ Норвегии; он хотел создать там условия для воспитания «нового человека»⁴⁹⁷; норвежская нация, по его мнению, содержала для этого подходящий материал. Поэтому в Норвегии оккупанты старались вести себя возможно более лояльно: там деятельность оперативных групп СС (в отличие от Польши и СССР) была запрещена, и только после того назначения гауляйтером Йозефа Тербовена эсэсовцы начали «работу» по подавлению Сопротивления и розыску евреев. Та же история повторилась и в Голландии: эсэсовцы были допущены и в эту страну только после назначения эсэсовского офицера Артура Зейсс-Инкварта имперским комиссаром в Голландию⁴⁹⁸.

Датчан признали «германским» народом, поэтому нацисты обращались с ними совершенно лояльно; Дания стала большой «потемкинской деревней» нацистского режима. Некий генерал люфтваффе точно определил разницу в нацистской расовой практике среди германских народов Запада и на Востоке Европы следующей формулой: «датчанин — это не поляк, а германец»⁴⁹⁹.

В радикальном стремлении к собиранию «лиц германской крови» по всему миру Гитлера превзошел Гиммлер, который пророчил создание Великогерманского Рейха до Урала; СС в нем имели бы полицейские и частично военные функции. Гиммлер считал, что за счет германских народов численность населения Германии необходимо увеличить на 30 млн человек. В ближайшие десятилетия «арийское» население (до 400 млн человек) должно будет составить ядро нового государства в Европе⁵⁰⁰. Этим целям служила и попытка привлечения добровольцев в части СС (с 1943 г. в САНТЬЯГО: стали

брать даже валлонов и французов, не говоря уже о представителях германских народов)⁵⁰¹. Нацистские планы не встретили энтузиазма у европейцев — из Голландии, Фландрии, Норвегии и Дании в СС вступило лишь 13 500 добровольцев.

Во Францию СС почти не допускались: только по личному распоряжению Геринга команда из 10 эсэсовцев, переодетых в форму вермахта, во главе с оберштурмбанфюрером (полковником) СС Гельмутом Кнохеном смогли проехать в Париж. Кнохен устроил свою штаб-квартиру в парижском “*Hotel de Louvre*”; глава немецкой военной администрации в Париже генерал Отто фон Штюльпнагель и находившиеся в его подчинении 2500 солдат полевой жандармерии вермахта всячески препятствовали активности Кнохена и его людей. Иногда военные даже лишали Кнохена связи с Берлином. Глава гестапо Мюллер мрачно шутил, что во Франции Кнохен сделался приверженцем Запада⁵⁰². Лишь в 1942 г. Гейдриху удалось избавить Кнохена от зависимости от военных; по-настоящему эсэсовцы смогли развернуться в Париже только после неудачного покушения на Гитлера, одним из организаторов которого был Штюльпнагель — глава немецких оккупационных войск во Франции.

Расизм нацистов все же давал о себе знать и на Западе. Вернув в состав Германии Эльзас и Лотарингию, нацисты активно взялись за германизацию местного населения, о расовом «состоянии» которого Гитлер высказывался весьма уничижительно⁵⁰³. В литературе часто встречается указание на то, что Гиммлер планировал создать эсэсовское государство Бургундия⁵⁰⁴, которое должно было обладать определенной автономией и стать образцовой моделью расового и мировоззренческого государства⁵⁰⁵. Эти планы, однако, так и остались планами.

Совершенно по-другому вели себя нацисты по отношению к славянским народам Восточной Европы. Эта имело долгую предысторию и было продолжением и безмерным расширением прежней традиционной немецкой «*Ostpolitik*» (восточной политики) кайзеровского Рейха и

Пруссии. В 1914 г. канцлер Т. Бетман-Гольвег заявил об агрессии славянства против германцев (*Germanentum*); это противостояние продолжилось и во Вторую мировую войну, хотя гораздо логичнее было бы, если авторитарные (затем тоталитарные) режимы в Германии и России вместе воевали бы против западных держав, а не против друг друга. И в Первую и во Вторую мировые войны германская враждебность к России нарушала традицию Бисмарка (дружественной и союзнической линии в отношениях с Россией). В Первую мировую войну нарушение этой традиции было связано с германо-австрийским союзом и с его вторжением в сферу российских интересов на Балканах; во Вторую мировую войну все было связано с нацистским расизмом. Дело в том, что Гитлер полагал, что Бисмарк пошел на союз с Россией потому, что в последней господствующее положение занимала неславянская (германская) элита, а хозяевами СССР являются евреи⁵⁰⁶. Собственно, еврейство и большевизм были для Гитлера идентичны. Гитлер повторял, что каждый большевик — это еврей, В «марафонской» по продолжительности речи (13 августа 1920 г.) он заявил, что во время Октябрьской революции погибло 300 тыс. русских, но ни одного еврея (это, конечно, ложь), несмотря на то, что большевистская верхушка на 90% состояла из евреев. 28 июля 1922 г. Гитлер заявил, что в России 30 млн человек замучено до смерти, казнено в застенках или умерло от голода. После упоминания об этих жертвах Гитлер переходил к разрушению евреями культуры Древнего Египта, Древней Греции и Римской империи. Эти жертвы, говорил Гитлер, не последние: если начнется большевизация Германии, то гибель немецкой культуры и государства неизбежны; лучшее доказательство этому, по его мнению, — судьба России⁵⁰⁷.

Хотя широта гитлеровских обобщений и реминисценций почти всегда находилась в обратной пропорции с его знанием предмета, они все равно интересны, так как влияние фюрера на политику Третьего Рейха было очень велико. Гитлер считал русских легковесным, поверхностным, женственным народом — в отличие от мужествен-

ных, последовательных и логичных немцев. Гитлер утверждал, что у русских нет представления об организации и порядке; что после революции 1917 г. в России бесспорными хозяевами стали евреи. «До большевистской революции, — говорил Гитлер, — Россия была поразительным примером государственно-творческой активности германского элемента в гуще низшей расы»⁵⁰⁸. Такие суждения не были оригинальными; в либеральном XIX веке многие немцы верили, что их народ выше славян. Не только либералы, но даже и социалисты (Маркс и Энгельс) часто огульно осуждали русских как реакционную, ригидную нацию; естественно, это делалось в полемическом запале и на обобщения не претендовало, но дыма без огня не бывает... В Первую мировую войну немецкие военные рассчитывали включить всю восточную Прибалтику в состав Рейха и утвердили в ней в период оккупации военную сатрапию, которую так живо и красочно описал Арнольд Цвейг в романе «Споре об унтере Грише» (1927 г.). Гитлер и Розенберг взяли на вооружение эти расхожие в либеральный XIX век суждения о русских и о Восточной Европе в целом. Находясь во власти стереотипов, Гитлер совершенно не представлял себе объектов своей расовой ненависти: в Полтаве он был поражен и смущен тем, сколько там белокурых и голубоглазых детей и женщин⁵⁰⁹. Дело в том, что нацистские расовые теоретики связывали определенные физические признаки людей с их моральными качествами: блондин — сильный, голубоглазый — верный и так далее⁵¹⁰. Правда, требуемым расовым качествам (высокий рост, голубые глаза, длинный череп, узкое лицо, светлые волосы, розово-бледная кожа) ни один из нацистских руководителей (кроме Гейдриха) не отвечал. Вероятно, поэтому Гитлер столь ревностно подходил к этому вопросу.

Вместе с тем, нельзя проводить линию преемственности между старым «обыденным» или «эмпирическим» расизмом и расизмом Гитлера и Розенберга: расизм последних имел инструментальный и поэтому зловещий характер. Он выражался в возведении в абсолют довольно безобидных (если к ним подходить с юмором) национальных

стереотипов. Гитлеровцы совершенно серьезно пытались привязать свои расовые представления к политике. Так, пользуясь поддержкой Гитлера, гауляйтер Восточной Пруссии Кох, находясь на посту рейхскомиссара Украины, постоянно конфликтовал с рейхсминистром, министром оккупированных восточных территорий Розенбергом; одним из камней преткновения было нежелание Коха предоставить Украине особый автономный статус⁵¹¹. Гитлер поддерживал Коха, считая, что украинцы и русские не способны к государственности: они ленивы, неорганизованны и склонны к анархии. Гитлер иногда хвалил Сталина, который насильно создал из «славянского сброда» государство⁵¹². На Востоке Европы, особенно в Польше, нацисты, используя старинные конфликты и вражду (например, украинцев и поляков, евреев и украинцев), натравливали одну нацию на другие. Аналогичную политику нацисты проводили и на северо-востоке Польши в Белостокском округе, где наряду с поляками проживало много белорусов. С первых же дней оккупации немецкие власти, игнорируя интересы польского населения, демонстративно отдавали предпочтение предателям из белорусов. Было разрешено открыть начальные школы с преподаванием на белорусском языке и национальные культурные организации. В Белостоке был создан так называемый Белорусский комитет из белорусских эмигрантов; этот комитет предназначался для управления не столько Белостокским округом, сколько всей Белоруссией. Впрочем, не считая белорусов самостоятельной нацией, нацисты вскоре прекратили этот флирт.⁵¹³

Нацисты пытались использовать национальные различия и противоречия даже внутри польской нации: дело в том, что в состав польского народа входят различные этнические группы — кашубы, мазуры, гуралы (всего около 1,5 млн человек), и отличаются они друг от друга не более, чем рязанцы от курян или ярославцев. Нацисты пытались использовать эти различия в собственных интересах: весной 1940 г. по отношению к кашубам, мазурам и силезцам было введено понятие «промежуточный

слои»; их перестали признавать поляками, но не признавали и немцами. Например, в районе Быдгоща проживало около 200 тыс. кашубов. Распоряжением гауляйтера Данцига и Западной Пруссии Форстера они были признаны народностью «немецкого происхождения». Чтобы вытравить сознание принадлежности кашубов к польской нации, немецкие власти искусственно возрождали их диалект, называя его самостоятельным языком⁵¹⁴. В конце концов нацисты объявили неполяками кашубов, Мазуров, горалов и лемков (руснаков)⁵¹⁵. В процессе национального размежевания большое значение имело занесение разных групп поляков в так называемые «немецкие народные списки» (см. первую часть), от положения в которых зависело многое: они предполагали некоторые поблажки и привилегии. В области Варты нацисты пытались посеять вражду между отдельными группами поляков, материально поощряя некоторые группы польского населения.

Ненависть и презрение к славянам в нацистской расистской практике культивировалась настолько сильно, что Гитлер распорядился чтобы немецкие войска вообще не входили в уцелевшие (после победы нацистов) советские города, — «пусть они и дальше влачат жалкое существование в собственной грязи»⁵¹⁶. Именно по этой причине 10 сентября 1941 г. Гитлер запретил вступление немецких войск (немецким войскам вступать) в Ленинград, мотивируя это угрозой начала уличных боев и больших потерь для вермахта. Гитлер вообще уничижительно отзывался о русских и об украинцах, которые, на его взгляд, привыкли реагировать только на удар кнута; они не имеют представления о трудовой морали и долге; под свободой украинцы понимают разрешение мыться один раз в день, а не два раза, как прежде⁵¹⁷. Не менее презрительно отзывался о славянах и Гиммлер; в мае 1940 г. он говорил, что «для ненемецкого населения Востока не нужно никакой высшей школы, достаточно четырех классов начальной школы. Целью школы является обучение счету до 500, написанию имени, послушанию немцам,

честности и прилежности. Чтению, я полагаю, обучать не нужно»⁵¹⁸.

Вместе с тем, нельзя и преувеличивать «новизну» нацистских суждений о славянах: даже среди немецких социологов было распространено убеждение, что европейский принцип самоопределения общества неприменим в Восточной Европе; только немцы в состоянии навести здесь порядок⁵¹⁹.

В принципе, существо нацистской расистской практики и будущая судьба славян в Рейхе стали понятны по тому, как Гитлер обошелся с побежденной Польшей: такого в европейской политической традиции и истории еще не было. Большая европейская страна была низведена до положения парии на том основании, что в начале 30-х гг. из 31 млн населения Польши украинцы составляли 6 млн, белорусы - 2,5 млн, евреи — 3 млн, немцы - 1,5 млн, литовцы — 100 тыс.; то есть к началу гитлеровской экспансии нацменьшинства в Польше насчитывали 14 млн человек (40%)⁵²⁰. Было ясно, что произошел пятый раздел Польши; четверть польской территории была включена в состав Рейха⁵²¹; польское общество попало под полный контроль оккупационных властей. В присоединенных к Германии польских районах были изменены все польские названия улиц и другие топонимы, закрыты все польские библиотеки, книжные магазины; нацисты уничтожали или перевозили в Рейх польские памятники культуры. Если в отдельных случаях польские библиотеки и открывали, то изымали все книги по географии, истории, карты, все книги на иностранных языках, всю польскую художественную литературу и все словари. Нацисты безжалостно разрушали архитектурные памятники; Варшаву, к концу 1939 г. разрушенную на 10%, Гитлер приказал не восстанавливать; политический центр генерал-губернаторства был перенесен в Краков. В самой Варшаве все замки и дворцы, за исключением Бельведере - кого дворца и Лазенков, предназначавшихся для немцев, собирались уничтожить. Культурную жизнь в Варшаве и других городах «генерал-губернаторства» пытались свести к самому примитивному уровню — опера и польский театр

были закрыты, работало только варьете. Из концертных залов «для поляков» была изгнана классическая музыка; музыка Шопена была категорически запрещена⁵²². Немецкая же культурная жизнь в Варшаве, напротив, всячески поощрялась: большие средства выделялись на немецкие театры и школы, на немецкую филармонию, на немецкие художественные выставки и немецкие кинотеатры; был создан даже собственный театр СС и полиции.

После окончания войны с Польшей Геббельс писал в дневнике, что «суждения фюрера о поляках — презрительные. Скорее животные, чем люди; совершенно тупы и аморфны. А наряду с этим — сословие шляхтичей, — по меньшей мере, продукт низших классов вперемешку с арийским слоем господ. Мерзость поляков даже и представить себе нельзя. Их способность судить о чем-либо равна нулю. Польский посол Липский считал, что после восьми дней войны с Польшей у нас наступит нервный кризис. Жалкий сумасброд! Фюрер не желает никакой ассимиляции немцев с поляками. Их нужно затолкать в уменьшившееся государство и полностью предоставить самим себе. Если бы Генрих Лев (1129—1195) завоевал Восток, результатом была бы сильно ослабяющаяся смешанная раса. Так что пусть все будет так, как оно есть. Теперь мы, во всяком случае, знаем расовые законы и можем направлять свою жизнь согласно им»⁵²³.

После оккупации немцами Польши впервые в истории Европы предпринята попытка ввергнуть польскую нацию в состояние рабства и зависимости от завоевателей, планировавших полную ассимиляцию народа, обладавшего мощной культурной традицией и развитым национальным самосознанием. После окончания военных действий (1939 г.) началось уничтожение польской интеллигенции; письменного распоряжения Гитлера на этот счет не существовало, имелось лишь устное указание. В генерал-губернаторстве допускалось только начальное и профессиональное образование; преподавание истории, иностранных языков, географии и физкультуры запрещалось. Летом 1940 г. по заготовленным спискам эсэсовцы

арестовали и расстреляли как заложников 3500 представителей польской интеллигенции. Гиммлер говорил о необходимости полной децивилизации Польши: помимо евреев, в 1939—1945 гг. в стране погибло 2,5 млн христиан⁵²⁴. Генерал-губернатор Польши Ганс Франк в 1940 г. сказал, что если бы он захотел вывешивать объявление по поводу смерти каждого убитого поляка, то в Польше не хватило бы лесов для изготовления такого количества бумаги⁵²⁵. Нещадно эксплуатировалась Польша и в экономическом смысле: в 1942—1943 гг. генерал-губернаторство поставило в Рейх 630 тыс. тонн зерна, 520 тыс. тонн картофеля, 28,6 тонн сахара, 55 тыс. тонн мяса и 7,5 тыс. тонн масла. В середине 1943 г. 1,3 млн польских рабочих находилась на работах в Рейхе⁵²⁶.

29 сентября 1939 г., после визита в Польшу, Гитлер сказал Розенбергу, что поляки — это тонкий германский слой сверху и жуткий материал внизу. Евреи там — самые ужасающие, каких только можно себе представить. Города до предела грязны. По словам фюрера, за этот визит он многому научился. Прежде всего, если бы Польша еще несколько десятилетий господствовала над старыми частями Рейха, все оказалось бы завшивевшим и запущенным; теперь здесь может господствовать только твердая рука господина. Гитлер сказал также, что хочет разделить Польшу на три части:

1. Между Вислой и Бутом; сюда из Рейха отправят всех евреев, а также другие ненадежные элементы, и воздвигнут на Висле непреодолимый вал — еще более сильный, чем на Западе.

2. На старой границе — широкий пояс германизации и колонизации. Здесь огромная задача для всего народа: создать германскую житницу, сильное крестьянство, переселить сюда немцев со всего мира.

3. Между ними — польская «государственность». Розенберг говорил, что Гитлер мечтал о расширении германского пояса расселения на Восток⁵²⁷.

В 1942 г. в комментариях к «плану Ост» Гиммлер писал: «Совершенно ясно, что польский вопрос нельзя решать путем ликвидации поляков, как это делается с ев-

реями. Такое решение польского вопроса обременило бы на вечные времена совесть немецкого народа и лишило бы его общей симпатии. Соседние с нами народы начали бы опасаться, что в одно прекрасное время их постигнет та же участь. По моему мнению, разрешить польский вопрос надо так, чтобы до минимума свести всякие политические сомнения»⁵²⁸.

И в аннексированных районах и в «генерал-губернаторстве» с поляками обращались, как с «недочеловеками»; их бесцеремонно отправляли на работы в Рейх или выселяли в генерал-губернаторство; с 1942 г. некоторых из них подвергали «германизации». Хуже всего приходилось полякам в области Варты, где гауляйтер Артур Грайзер давил даже на католическую церковь. При Грайзере область Варты была превращена в «образцовое» гау; он играл ведущую роль в проведении антиеврейских мероприятий в этом районе. В области Варты находился один из самых жутких концлагерей — Хелмно⁵²⁹. Грайзер был сторонником жесткой политики депортаций поляков: до 1943 г. из его гау было депортировано около 0,5 млн поляков и на их место поселено 350 тыс. фольксдойч. В то время как в Западной Пруссии или Верхней Силезии поляков ускоренное «онемечивали», внося в «немецкие народные списки» в группу 3 (статус «немецкого гражданина впредь до отмены»), — Грайзер держался за строгое отделение поляков от немцев. В 1944 г. только 1,5% из 4,4 млн польского населения области Варты были включены в эту третью группу (в Верхней Силезии — 36% населения, в Данциге — 44% польского населения)⁵³⁰. Более сносно было положение поляков в Верхней Силезии при гауляйтере Фрице Брахте (Брахт был заместителем Й. Вагнера — оберпрезидента Силезии с резиденцией в Бреслау, а в 1941 г. сам стал оберпрезидентом самостоятельного округа Верхняя Силезия).

Одно из самых страшных преступлений против человечности было совершено эсэсовцами при подавлении Варшавского восстания 1944 г. Когда началось восстание, Гиммлер обрадовался шансу избавиться от «польской проблемы» и приказал специалисту по борьбе с партиза-

нами Бах-Зелевскому набрать соответствующую команду. В этом отряде убийц, помимо подразделений СС и полиции, были остатки «бригады Каминского», а также батальон Дирлевангера (в Белоруссии батальон уничтожал население целых деревень и разминировал поля, прогоняя по ним женщин и детей). Жестокость команды Дирлевангера вызывала даже протесты гауляйтера Кубе (впрочем, бесполезные), а Гудериан лично просил Гитлера удалить этих убийц с Восточного фронта⁵³¹.

Внешнее кольцо обороны Варшавы против Советской армии удерживали части вермахта. Воинство Бах-Зелевского состояло из эсэсовцев-гомосексуалистов, педофилов, насильников, садистов, воров и убийц. Даже выдавшие виды эсэсовцы, которые сами использовали женщин и детей в качестве живого щита против танков противника, с удивлением наблюдали за тем, с каким ожесточением люди Дирлевангера штурмовали жилые кварталы в Варшаве; варшавян, попадавших им в руки, они выбрасывали из окон; раненых и женский медперсонал безжалостно уничтожали. В живых из батальона Дирлевангера (860 человек первоначальной численности плюс 1200 человек пополнения) осталось 648 человек. Дирлевангер приказом разрешил грабежи; он сам принимал в них участие и даже застрелил одного из своих подчиненных при дележе драгоценностей. Повстанцы узнавали бандитов Дирлевангера по петлицам с двумя перекрещенными карабинами и гранатой под ними⁵³². Батальон применял самые разнообразные орудия убийства: газ, огнеметы, роботы с дистанционным управлением «Голиаф» для доставки взрывчатки в те здания, где засели повстанцы, даже гигантскую стопятидесятитонную мортиру «Карл», которая метала тяжелые гранаты за 6 км, — от разрыва одной такой гранаты обваливались многоэтажные здания. В первые пять дней восстания в Варшаве было убито 40 тыс. гражданских лиц, а всего погибло четверть миллиона человек. Оставшихся в живых жителей вывезли за пределы города; немецкие саперы систематически, квартал за кварталом, взрывали польскую столицу. Огромный город практически исчез с лица земли⁵³³.

Сходные цели стояли перед нацистами и в России, хотя мысль превращение ее в колонию кажется особенно нелепой на фоне гордой российской имперской традиции, которую подсознательно воспроизвели большевики в теории мировой пролетарской революции. Представляя себе первозданную мощь и силу России, нацисты, тем не менее, всерьез собирались низвести эту европейскую державу до положения парии. Немецкая политика в отношении русских соответствовала их политике в Польше: в обеих странах немцы собирались ликвидировать господствующий слой (хотя в СССР он был коммунистическим, а в Польше — консервативно-католическим), но в преступлениях против СССР вольно или невольно принимал участие вермахт. От 30 до 40 млн жителей территорий СССР, которые нацисты собирались колонизировать, подлежало вытеснению или искоренению. Эти действия Гитлер связывал с расовым крестовым походом против евреев. Поэтому на Восточном фронте за войсками вермахта следовали специальные подразделения СС, имевшие целью уничтожение евреев; под видом ликвидации преступной советской власти уничтожалось и местное население. Дело в том, что первоначальные представления Гитлера о слабой заселенности Восточной Европы не соответствовали действительности — она, наоборот, страдала от аграрного перенаселения: идеология и действительность вошли в противоречие. Не нужно было быть опытным аналитиком, чтобы понять, за счет чего этому противоречию суждено было разрешиться: за счет выселения или смерти местного населения. Нацисты всячески маскировали свои «восточные» планы; так, 16 июля 1941 г. Мартин Борман записал следующие слова Гитлера на секретном совещании по оккупационной политике в России: «важнее всего — не выдать нашу цель всему миру!». Борман отмечал также, что «фюрер сказал, что важнее всего представить дело так, будто война против СССР — это война всей Европы. Мы будем снова и снова подчеркивать, что вынуждены были захватить ту или иную область, чтобы навести там порядок и обеспечить нашу безопасность. Мол, в интересах насе-

ления этой страны мы должны позаботиться о спокойствии, продовольственном снабжении, транспорте и т. д. Ни в коем случае нельзя показывать, что это сделано навсегда»⁵³⁴.

Представления о гитлеровских планах на Востоке дает «Генеральный план Ост», датированный 24 июня 1941 г. и предполагавший переселение 31 миллиона человек в течение 30 лет. 14 млн славян должны были остаться в немецком районе расселения в России; их предполагалось поставить под контроль переселенных туда 4,5 млн немцев; литовцев, эстонцев и латышей собирались подвергнуть расовому обновлению (*Umvolkung*) в соответствии с критериями «нордического типа». В течение 30 лет немецкое население в России предполагалось увеличить до 10 млн человек⁵³⁵. Немцев хотели расселять в Белоруссии и в части Украины. План предусматривал переселение на Восток за пределы колонизируемых немцами территорий 5—6 млн евреев, которых Гиммлер сначала собирался использовать для строительства Восточного вала в Польше на границе с СССР⁵³⁶.

Переселенческой политикой должно было заниматься специальное ведомство — РКФДВ (имперский комиссариат по укреплению немецкого народа), секретный указ о создании которого фюрер подписал 7 октября 1939 г. О существовании РКФДВ никогда не объявлялось официально, и по замыслу Гиммлера эта организация должна была вернуть из-за пределов Рейха всех немцев, чтобы исключить «вредоносное» влияние на них расово чужеродных элементов⁵³⁷. Этот указ предусматривал наделение Гиммлера полномочиями по пресечению вредоносных расовых влияний на немецкую нацию со стороны других народов; также Гиммлер был устно уполномочен Гитлером выселять поляков и евреев из тех районов, которые предназначались для поселения немцев. Возникла новая центральная имперская инстанция СС во главе с бригаденфюрером СС Ульрихом Грайфельтом. Это была отдельная властная инстанция, сосуществовавшая с органами гражданской администрации и конкурировавшая с ними. В качестве шефа РКФДФ Гиммлер получил возможность давать указания органам гражданской адми-

нистрации. В оккупированных районах Европы РКФДФ предстояло выполнить самую грязную работу по осуществлению геноцида по расовому признаку. Именно в этом комиссариате под руководством бригаденфюрера СС У. Грайфельта готовился «Генеральный план Ост». Грайфельт писал, что германского жизненного пространства должно хватить не только на нынешнее, но и на грядущие поколения немцев, а «если и этого места не хватит, тогда снова придется браться за оружие»⁵³⁸.

Практику нацистского расизма по отношению к славянам нельзя назвать полностью последовательной. Так, после оккупации Чехии (7 апреля 1939 г.) вся власть была передана имперскому протектору барону К. фон Нейрату, слывшему мягким и либерально мыслящим человеком. Национальное собрание Чехии было распущено, а на его место встало образование из представителей прежних партий (так называемое Национальное единство); протекторат был лишен права внешних сношений. Руководителем Национального единства провозглашался глава протектората, а 100 членов его совета не избирались, а назначались Э. Гахой, ставшим президентом Чехии 30 октября 1938 г., после того как Э. Бенеш подал в отставку⁵³⁹. Формально Национальное единство было наделено правом контроля над деятельностью правительства, главой которого с 29 апреля стал генерал А. Элиаш. Разумеется, в массе своей чехи негативно восприняли оккупацию своей страны Германией. В одном из донесений СД передавала: в ноябре 1939 г. в Чехии прошел слух, что всех чешских детей во время обязательной ежегодной кампании прививок против дифтерии собираются то ли заразить этой болезнью, то ли просто отравить, и 18 ноября матери с утра забрали своих детей из школы, занятия были сорваны. Призывы и увещевания чешской полиции остались без внимания⁵⁴⁰.

Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что обращение с чехами было несравненно более мягким, чем с поляками или русскими; это может объясняться в том числе и тем, что гитлеровцы считали чехов отчасти асси-

милированными многовековым немецким влиянием; в Германии чехов иногда называли «пруссаки среди славян». Характер нацистской политики по отношению к Чехии стал еще более ясным после того, как штатгалтером был назначен руководитель РСХА Р. Гейдрих (27 сентября 1941 г.). После его вступления в должность было объявлено о введении чрезвычайного положения, которое, впрочем, вскоре было отменено. За период действия чрезвычайного положения СС было казнено 404 человека: 169 из них были повешены за экономические преступления (спекуляция и укрывательство товаров), которые вели к ухудшению продовольственного снабжения местного населения. Гейдрих обратился к населению с просьбой указывать на злоупотребления любых служб, пусть даже и немецких; в его канцелярию посыпался поток заявлений и жалоб. Особое впечатление на чехов произвело то обстоятельство, что Гейдрих не щадил никого; террор был направлен не только против чехов и евреев, но и против тех немцев, которые, по словам Гейдриха, «помышляли только о собственной наживе, нанося вред Рейху»⁵⁴¹. 4 ноября 1941 г. по приказу Гейдриха за экономический саботаж были повешены немецкие фабриканты братья Вальтер и Гельмут Адамы, бывшие активными и убежденными нацистами; 30 сентября за связи с подпольщиками был казнен немецкий химик; 18 октября — немецкий мясник за посредническую торговлю и спекуляцию. Продукты, отобранные у спекулянтов, Гейдрих распределял между заводскими столовыми для чехов. По указанию Гейдриха в протекторате была создана сеть заводских столовых, где рабочим давали обеды без продовольственных карточек; эта мера имела большой успех и принесла Гейдриху популярность. Через месяц после прибытия в Прагу Гейдрих принял в Градчанах чешскую рабочую делегацию; в начале 1942 г. по распоряжению Гейдриха в протекторате было введено обязательное страхование по безработице. В мае 1942 г. Гейдрих объявил, что превращает отельлюкс в пригороде Праги в санаторий для рабочих-чехов⁵⁴². С другой стороны, в январе 1942 г. Гейдрих произвел реорганизацию правительства протектората, фактически

ликвидировав его как коллективный орган. Заседания Совета министров более не проводились. Разрешались лишь совещания главы правительства (после казни А. Элиаша им стал Я. Крейчи) с отдельными министрами, которые не имели права принимать какие-либо решения⁵⁴³. Другим важным элементом реформы Гейдриха было слияние всех министерств, связанных с экономикой, в одно Министерство экономики и труда во главе с немцем В. Берчем; вследствие этого чешская экономика стала интенсивно использоваться немцами в интересах войны. Гейдрих погиб от гранаты Кубиса и Габчика (диверсантов, присланных из Лондона) 4 июля 1942 г. После смерти Гейдриха его линию продолжил генерал СС К. Далуге, который последовательно стремился подчинить все чешские органы власти немцам; чешская полиция получала приказы непосредственно от немецкого руководства, а чешские правительственные войска стали выполнять обычные полицейские функции. Чехов не сделали гражданами Рейха; для них было решено ввести понятие «гражданин протектората», которое было гораздо уже понятия «гражданин Рейха». В ноябре 1940 г. Борман подписал распоряжение партийной канцелярии о том, что для браков между членами партии и чешками, поляками и венгерками требуется особое разрешение гауляйтера⁵⁴⁴. Чехи не могли служить в вермахте, им запрещалось вступать в браки с немцами (по данным германской статистики, в протекторате проживало 270 тыс. немцев)⁵⁴⁵. Представить себе аналогичное поведение оккупантов в Польше или Советском Союзе невозможно — там шла настоящая расовая война, и противостояние имело гораздо более ожесточенный характер.

Столь же жесткую (как в СССР) расовую политику нацистские оккупационные власти проводили на территории Югославии, с тем отличием, что в этой стране с 16-миллионным населением в качестве инструмента оккупационной политики они более активно использовали внутренние национальные проблемы и разногласия. К тому же, Югославия была единственной в Европе страной, оккупированной одновременно четырьмя государствами —

Германией, Италией, Венгрией и Болгарией⁵⁴⁶; это наложило отпечаток на расистскую практику нацистов. Нацисты использовали противоречия между сербами и хорватами, мусульманами и православными, католиками и протестантами, сербо-болгаро-греческие споры о Македонии и другие проблемы.

Наверное, самой необычной была участь словенцев: в июне 1941 г. руководитель РКФДВ Ульрих Грайфельт получил приказ о подготовке к присоединению Словении к Рейху и созданию новых провинций Южная Каринтия и Нижняя Штирия на территории Словении. Облеченный специальными гитлеровскими полномочиями, Грайфельт самостоятельно распоряжался переселением немцев из районов Тироля, отошедших Италии (по договору 31 августа 1941 г.), в район Любляны. Гиммлер настоял на расовой проверке словенцев, подлежащих выселению с родины; к ноябрю 1941 г. из 54 тыс. словенцев 38 тыс. было отправлено в Рейх с последующим расселением в Бадене и Вюртемберге, а остальные депортированы в Хорватию и Сербию⁵⁴⁷. Удивительно, но из полумиллиона этнических немцев только 50 тыс. было допущено в Рейх, а почти 70% немцев — словенцев — переселили в Германию! Расово-переселенческая комиссия признала словенцев «германизуемыми». Также для «германизации» было отобрано 20 тыс. поляков (преимущественно детей), 10 тысяч эльзасцев и лотарингцев, имевших немецкие фамилии, но не говоривших по-немецки⁵⁴⁸. В конце концов, из 250 тыс. детей, отправленных в Германию из Восточной Европы для «аризации», в свои семьи вернулось после войны только 25 тыс.⁵⁴⁹

Следует, однако, оговориться, что не эти странности определяли обыденную практику нацистского расизма в Восточной Европе, но убийства, жестокость и унижения. Немецкая общественность была осведомлена о характере нацистского господства в Европе, но как-либо влиять на положение дел она была не в состоянии.

«Гессе считал, что все темное, бессознательное, неразборчивое, хаотичное — это Азия. Наоборот, сознание, культура, ответственность, ясное разделение дозволенного и запрещенного — это Европа. Гессе был наивным человеком. Ему и в голову не приходило, что зло может быть абсолютно сознательным. И даже принципиальным».

(С. Довлатов)

«Если выживает сильнейший и процветает вреднейший, значит природа — это бог негодяев».

(Д. Б. Шоу)

«Не так благотворна истина, как зловредна ее видимость».

(Ф. Ларошфуко)

«В идеальном обществе человек — лучший, в плохом — худший из зверей».

(Стагирит)

«В каждом поступке, как и в проступке, есть свой смысл, а совесть — это еврейское изобретение».

(А. Гитлер⁵⁵⁰)

Задолго до возникновения Третьего Рейха врачи, психиатры и другие ученые многих стран предупреждали об опасности возможного биологического вырождения людей в ранее неведомых социальных условиях: в большой скученности в крупных индустриальных центрах с их искаженными и извращенными (по сравнению с простым крестьянским миром) представлениями, а также необычными (по сравнению с прежними временами) бытовыми условиями. Впрочем, и сейчас никто с полной уверенностью не сможет сказать, что социальные условия, возникшие вследствие урбанизации, прозрачны, контролируемы

и не вызывают никаких опасений. В первой трети XX века многим европейцам казалось, что нации подвергаются усиливающемуся давлению алкоголиков, уголовников-рецидивистов, всевозможных асоциальных элементов, больных и калек, воспроизводство которых никак не регулировалось в течение многих поколений (впрочем, оно не регулируется и сейчас); что достижения современной медицины, обеспечивавшие спасение новорожденных с различными наследственными заболеваниями, оборачиваются со временем против общества, поскольку эти калеки становятся для него обузой. В этих условиях многим казалось, что современная медицина и социальная сфера действуют вопреки естественному отбору, систематически ухудшая, а не улучшая человеческий материал. Иными словами, все победы современной науки и социальной политики представляли как пирровы победы⁵⁵¹. Таким образом, Гитлер не был особенно оригинален, когда в 1925 г. писал в «Майн кампф», что полумерой и нелепостью является забота о продолжении жизни неизлечимо больных людей; в таких случаях нужен ясный рациональный подход и последовательные действия.

Большинство европейцев было озабочено падением рождаемости, которое казалось опасным ввиду экспансии соседей; проблемой казался рост рождаемости у своих политических соперников. Точно так же, как сейчас в Европе опасаются роста населения в странах третьего мира, в межвоенный период французы боялись высокой рождаемости у своих воинственных соседей — немцев; немцы боялись угрозы бесчисленных «славянских орд»; англичане опасались большой рождаемости у ирландцев; итальянцы сетовали на «бандитский юг»; в европейской части России боялись высокой рождаемости в ближнем к нам азиатском зарубежье. В разных обществах в разные времена присутствовал страх перед иммигрантами, могущими «испортить» хорошую расу, и недовольство эмигрантами, снижающими расовое состояние общества вследствие отъезда за границу. В США, например, имел место страх перед волной эмигрантов из Азии или притоком эмигрантов из бедных регионов Восточной Европы,

«белых бедняков» (*white trash*), которые якобы снижали сопротивляемость белой расы перед лицом напористых афро-американцев. В этой связи существовали квоты на въезд в США определенных расовых типов. Впрочем, евгеника была не только европейской или американской болезнью, она процветала в Китае, в Аргентине, в Бразилии, в Индии.

Задолго до нацистов практические шаги для предотвращения воображаемой перспективы вырождения сделали шведы, хотя первая в мире кафедра евгеники была создана в 1909 г. в *University College* в Лондоне и лишь в 1922 г. — в университете Упсалы. В Швеции впервые стали практиковать добровольную стерилизацию в целях сохранения расовой чистоты и поддержания нордического типа. Впрочем, в практике евгеники американцы и немцы вскоре обошли англичан и шведов. Почти во всех американских штатах существовала узаконенная практика стерилизации наследственных больных, а в Калифорнии стерилизовывали больше, чем во всех остальных штатах вместе взятых⁵⁵². Воодушевленные законом США об эмиграции (1924 г.), немецкие евгеники заговорили о необходимости принятия подобного закона в Германии (перед лицом притока в страну евреев и южных славян). Также немецкие евгеники распространяли среди немцев всевозможные пропагандистские материалы с графиками и статистикой о затратах на социальную помощь неблагополучным (вследствие наследственных заболеваний) семьям. О необходимости устранять «человеческий балласт» еще в 1920 г. писали немецкий юрист Карл Биндинг и немецкий медик Альфред Хохе⁵⁵³. Они оценивали человеческую жизнь масштабами затрат на продукты питания, одежду, жилье, отопление и уход. Нацисты охотно повторяли эти доводы даже в школьных учебниках; потом они первыми перешагнули порог допустимого, задумав втайне от общественности осуществить программу эвтаназии⁵⁵⁴. В начале XX века к евгеническим кругам в Германии примыкали даже социал-демократы; во всех слоях общества находились люди, симпатизировавшие их идеям. Напротив, в Англии, когда некий лейборист внес

законопроект о добровольной стерилизации наследственно больных, то Сидней Уэбб протестовал, указывая, что это важное дело не может быть оставлено на усмотрение частных лиц и люмпен-пролетариев. В отличие от Германии, где ученые с большим энтузиазмом восприняли евгенические планы, в Англии никакого воодушевления они не вызвали — по всей видимости, евгеника в силу своего радикализма не подходила консервативным англичанам. В 1929 г. английскими психиатрами было установлено, что различными психическими расстройствами страдает около 300 тыс. англичан, из которых только 50 тыс. помещено в лечебницы. Данные статистики произвели сильное впечатление, но в 1931 г. британская нижняя палата отвергла закон о стерилизации⁵⁵⁵.

Без резких возражений против евгеники не обошлось и в Германии: в 1923 г. профессор Карл Бонхефер (отец Дитриха Бонхефера, известного деятеля антинацистского Сопротивления) выступил с резкой статьей, возражая против насильственной стерилизации людей, родившихся слепыми или глухими, идиотов, эпилептиков, преступников-рецидивистов и людей, имевших по крайней мере двоих внебрачных детей. Мюнхенский психиатр Освальд Бумке весьма точно заметил, что в дебатах о стерилизации речь идет прежде всего об арийцах и неарийцах, о долихоцефальных или брахицефальных головах, о нордической расе и неполноценных людях; но в этих сферах абсолютно ничего определенного нет, и ложные рецепты и неопределенные теории могут принести только вред. Бумке далее указывал, что в соответствии с этой логикой нужно убить не только всех душевнобольных и психопатов, но и инвалидов войны, безработных, пенсионеров и вдов, которые уже не способны рожать⁵⁵⁶.

Проблемы, связанные с евгеникой, коснулись Германии особенно остро и воспринимались частью общественности как подлежащие непременно разрешению. Причины этого, возможно, лежат в ожесточении немцев после Первой мировой войны, усугубленном позором Версальского договора и потрясениями кризиса 1929 г. После 1929 г. средств для проведения активной социаль-

ной политики не хватало, и все чаще раздавались голоса о необходимости превентивной стерилизации калек (чтобы воспрепятствовать их воспроизводству и таким образом сэкономить средства для поддержания здоровых людей, оказавшихся в нищете вследствие кризиса). В Германии был популярен тезис от том, что в войну действует негативный отбор, и погибают лучшие, а «неполноценные» процветают в тылу (при этом игнорировался тот факт, что в заключительной стадии Первой мировой войны в немецких психиатрических лечебницах и приютах для калек вследствие систематического недоедания погибло более 70 тысяч человек). Современная война с отравляющими газами и пулеметами привела к изменению моральных масштабов, чему соответствовало и поведение людей в тылу. Люди стали забывать, что обязанностью здорового и сильного является помощь слабому и больному, а не желание выжить за его счет⁵⁵⁷. Даже представители прогрессистов в Германии в 1914 г. высказывались за то, чтобы тратить дефицитные средства не на душевнобольных и калек, а на здоровых людей, которые могут принести стране пользу. Такая риторика немногим отличалась от нацистской. После войны наиболее радикальные публицисты стали призывать к преодолению «устаревшей» иудео-христианской морали и к возврату к первобытным и здоровым нравам спартанцев, которые убивали больных младенцев и беспомощных стариков.

Учитывая эти настроения, нацисты стали использовать все виды насильственного контроля над рождаемостью: стерилизацию, кастрацию, аборт, запрет брака; эти меры применялись к психическим и душевнобольным, калекам, алкоголикам, учащимся дефектологических школ, клиентам социальной помощи и благотворительности. Международный характер увлечения евгеникой никак не объясняет и не релятивирует масштабов систематической и злодейской политики нацистов в этом вопросе — эта политика вылилась не только в стерилизацию 400 тысяч людей, но и привела к убийству 200 тыс. человек в рамках программы эвтаназии. Хотя, наверное, во всех странах были и есть люди, верящие в необходимость

убийства неизлечимо больных или калек, но генеральных решений, могущих привести к изменению морального климата в обществе, еще никто нигде не принимал; нацисты, впрочем, тоже не решились сделать это публично (что свидетельствует о том, настолько спорным и сомнительным такое решение казалось даже им), и действовали тайно.

Нацистские врачи-евгеники действовали не спонтанно, а на основе некоторой законодательной базы. 14 июля 1933 г. вышел «закон о предохранении от наследственных болезней подрастающего поколения» (*Gesetz zur Verhütung erbkranken Nachwuchses*); в §1 этого закона признавалась необходимость принудительной стерилизации наследственных больных. Решение о стерилизации мог принять врач или врачебная инстанция, и осуществлялась она помимо воли пациента. В Третьем Рейхе этот закон открыл серию действий против «неполноценных в расовом отношении» людей. Первоначально нацисты ограничились лишь «рейнскими бастардами» (детьми, родившимися от цветных в период оккупации французами и бельгийцами Рейнской зоны и Рура с 1919 по 1934 гг.), которых сразу насильственно стерилизовали⁵⁵⁸, а также наследственно душевнобольными и преступниками-рецидивистами. Это не встретило какого-либо общественного противодействия. Закон о стерилизации 1933 г. имел безусловно расово-политический характер, поскольку диагнозы, предписывавшие стерилизацию, касались самых неоднозначных феноменов человеческой жизни и болезней⁵⁵⁹. Ни один из диагнозов не был точно описан и научно определен. В алкоголизме, например, следовало доказать еще наследуемость или ненаследуемость. Чаще всего приводившиеся диагнозы «шизофрения» и «слабумие» до сих пор весьма трудно определить; это, скорее, гипотезы, описывающие признаки болезни. Часто в практике стерилизации на первый план выходили немедицинские аспекты, например, «недостаточная жизнестойкость» (*mangelnde Lebensbewährung*)⁵⁶⁰. Даже гипотетический риск «плохой» наследственности от 10% до 90% считался достаточным для стерилизации. В 1934 г. некий

врач из Ростока таким образом оправдывал стерилизацию: «Сегодня нельзя, как это делали в старину, просто убить неполноценных, которые отягчают жизнь нации. Поэтому для благополучия народа следует, по возможности, уменьшить их количество»⁵⁶¹.

По подсчетам Гизель Бок, за весь период нацистской диктатуры был стерилизован 1 % немецкого населения в возрасте от 16 до 50 лет⁵⁶². По существу, начало стерилизации было первым прецедентом массовых убийств, ибо при стерилизации женщин существовал большой риск смертельного исхода. До начала войны в Германии было стерилизовано 350 тыс. мужчин и женщин. В 1935 г. закон о стерилизации был дополнен законом об абортах в евгенических целях. У женщин стерилизация проводилась путем опасной полостной операции (женщинам перевязывали трубы, а мужчинам удаляли семенники); по некоторым оценкам, в результате операций погибло около 5 тыс. женщин⁵⁶³. Одна немка из Франкфурта, чтобы избежать стерилизации, бежала за границу; другая объявила о готовности время, оставшееся до наступления климакса, провести в изоляции, а стоимость своего содержания предложила покрыть за счет пенсии в 58.20 рейхсмарок. Суд по наследственным заболеваниям и стерилизации (*EOG — Erbgesundheitsobergericht*) постановил даже, чтобы недостающую после перечисления пенсии сумму в 2.50 рейхсмарок выплачивало государство. Эта дама провела в лечебном заведении закрытого типа 3 года (с 1940 г. по 1943 г.); после наступления климакса она была отпущена на свободу⁵⁶⁴.

В основе нацистской расовой политики лежало 4 закона: «закон о предотвращении рождения потомства, имеющего наследственные болезни», «закон о предотвращении общественно опасного рецидивизма» (*Gewohnheitsverbrecher*), «закон об унификации системы здравоохранения» (все — 1934 г.) и «закон о необходимости прерывания беременности по причине наследственных болезней» (1935 г.). На основе первых двух законов было стерилизовано 350 тыс. человек — тексты законов позволяли толковать их все более расширительно, и к преступникам про-

тив морали стали причислять со временем так называемых «асоциальных элементов», то есть тунеядцев, бродяг, проституток, гомосексуалистов, сектантов и цыган. Всех их помещали в концлагеря или больницы.

Нацистский закон о стерилизации наследственно больных вступил в силу с 1 января 1934 г.; на этот раз стерилизация была объявлена обязательной. В число наследственных болезней закон включал шизофрению, слабоумие, эпилепсию, врожденную слепоту, глухоту, пляску святого Витта, сильные физические отклонения и хронический алкоголизм. Этот список легко было продолжить, а число «наследственных» больных — расширить. С 1936 г. стерилизацию женщин старше 38 лет, для которых оперативное вмешательство было недопустимо, стали проводить при помощи радиоактивного излучения⁵⁶⁵.

Поскольку большая часть душевнобольных уже была помещена в специальные больницы, то с выходом закона о стерилизации встал вопрос о том, кого считать «слабоумными»; это было важно, так как в итоге последние составили 60% из подвергшихся стерилизации. Немецкий союз психиатров считал «слабоумными» людей, *IQ* (индекс интеллекта) которых находился между полной идиотией (от 0 до 19 пунктов *IQ*) и имбецильностью (форма олигофрении, от 20 до 49 пунктов *IQ*). Исполнявшие этот закон распространяли его подчас и на дебилов (50—69 пунктов *IQ*). Это не было чисто научной медицинской проблемой, так как по этой классификации 10% военнослужащих подлежали стерилизации (!), а в СА этот процент был еще выше. Естественно, слабоумие своих сторонников нацисты объясняли не расовыми проблемами, а недостатками образования. Сам по себе *IQ* имел весьма условное значение для диагноза, так как, и не будучи идиотом, ребенок мог не знать, чем адвокат отличается от прокурора (правильно на этот вопрос отвечали лишь 7% нормально развитых детей), когда родился ‘Колумб или кто такой Бисмарк, почему люди молятся или почему они должны говорить правду (на такие вопросы и не могло быть однозначного ответа, что является обязательным условием тестирования)⁵⁶⁶.

В увлечении нацистов вопросами наследственности и расовой чистоты было много смешного и нелепого. Ирландский драматург и писатель Сэмюэл Беккет, побывавший в Германии в 30-е гг., задавал риторический вопрос, кто такой истинный ариец? И отвечал: «он должен быть блондином, как Гитлер, стройным, как Геринг, той же сексуальной ориентации, что и Рем (тот был гомосексуалистом), и носить фамилию Розенберг (эта фамилия для немецкого уха звучит как еврейская)».

Стерилизацию использовали для преследования политических противников, которых обвиняли в «моральном слабоумии» (к подобным методам прибегали и в советских психушках). Для вынесения решений о стерилизации создали 225 судов «наследственного здоровья». Один из комментаторов закона о стерилизации писал, что чиновники в этих судах должны постоянно помнить слова Гитлера о том, что личные права человека отступают на второй план перед обязанностью сохранения и развития расы. Стерилизация была не только тяжелым уроном человеческому достоинству и религиозным убеждениям, но и тяжелой психической травмой (от ощущения человеком своей второсортности и невозможности иметь детей). Как и прочие тоталитарные режимы, нацистский режим давил на чувство вины — абсурдно, но человек должен был оправдываться и подтверждать свое право иметь детей. Поскольку законом о стерилизации оказались затронуты многие немцы, нацисты предприняли серьезные усилия для пропаганды и разъяснения этого закона. Долгие годы психиатрические лечебницы и пансионаты были закрыты для глаз общественности; теперь же они стали работать в условиях гласности и прозрачности всех своих подразделений. Стали устраивать экскурсии по психиатрическим больницам: только одну лечебницу в Мюнхене с 1933 г. по 1939 г. посетила 21 тыс. экскурсантов; им демонстрировали самые крайние случаи помешательства, и большинство зрителей с ужасом и отвращением смотрело на душевнобольных. Снимались пропагандистские фильмы, читались лекции, из которых следовало, что, если все оставить как есть, Германии угрожает наплыв идиотов. Расовое политическое

пропагандистское ведомство в Берлине насчитывало 3600 сотрудников; для врачей всех специальностей организовывались курсы по расовой теории; в университетах открывались кафедры расовой гигиены; экзамены по этой дисциплине вводились для студентов всех специальностей⁵⁶⁷ (как в свое время в СССР по истории КПСС и научному коммунизму).

Пропагандисты рассказывали о колоссальных суммах затрат на содержание психиатрических лечебниц; «комфортабельные» условия сумасшедших сравнивали с жуткими жилищными условиями немецких рабочих семей. Зрителей и слушателей исподволь подводили к мысли, что здоровые дети живут впроголодь и играют на грязных задних дворах и в подворотнях, а идиоты проживают в роскошных условиях; что здоровые дети бегают босиком по снегу, потому что у их родителей нет денег на обувь, но государство выделяет миллиарды на содержание калек и дебилов. Особый упор делался на то, что среди евреев особенно высок процент душевнобольных; за их благополучное и сытое существование должны, работая в поте лица, расплачиваться немцы.

Некоторые протестантские теологи оправдывали стерилизацию и эвтаназию тем, что Бог создал такие надличностные и надчеловеческие организации, как семья, раса и нация, с тем умыслом, что они будут стоять выше, чем отдельный человек; их существование и процветание является поэтому более важным, чем благополучие отдельных людей. В 1934 г. ряд протестантских теологов выступил даже за принудительную стерилизацию глухих и слепых (ранее она делалась им только добровольно). Даже католическая церковь и ее организация милосердия «Каритас» не была полностью свободна от влияния идей евгеники, несмотря на то, что неприкосновенность человеческой жизни является одним из самых важных убеждений католиков — в этом вопросе нацистская идеология вступает в противоречие с католичеством даже сильнее, чем в вопросе с официальным антисемитизмом⁵⁶⁸. Тем более что папская энциклика 1930 г. о христианском браке была прямо направлена против законов о стерилизации в США.

Особое значение имела интеграция антисемитизма в евгеническую практику; хотя об антисемитизме в законе не говорилось, но евреи по умолчанию были включены в нежелательные для новой общности элементы. Общество не было против помещения в приюты «асоциальных элементов», «калек», «идиотов», «тунеядцев». В момент начала войны никто не протестовал и против «лазаретов-шлюзов», созданных военными медиками для призывников-невротиков, или против создания специальных подразделений (батальонов) для прохождения воинской службы слепыми, больными сердечно-сосудистыми заболеваниями или почками. «Симулянтам» грозили концлагерями или учреждениями для условно осужденных. Общественность безропотно приняла даже сокращение пищевых рационов для определенных групп пациентов⁵⁶⁹. При этом следует отметить, что снижение рационов часто предпринималось самими врачами с тем, чтобы увеличить смертность среди пациентов⁵⁷⁰. В конце концов, дело дошло до принуждения врачей и обслуживающего персонала принимать участие в убийствах своих пациентов.

Убийство детей-калек стало первым шагом в нацистской программе «эвтаназии». Эту тему Гитлер затронул на съезде партии в 1929 г.: «Если Германия будет ежегодно получать 1 миллион младенцев и избавляться от 700—800 слабейших из них, то в итоге страна от этого только выиграет. Более опасным является то, что мы добровольно отрезали себя от очищающего эффекта естественного отбора, а вместе с ним и от возможности иметь действительно способных людей. Талантами обладают не первенцы, а те, кто прошел сквозь сито отбора, — примером тому является Спарта, чисто расовое государство, последовательно осуществлявшее принципы отбора. У нас же все наоборот — наши гуманисты сохраняют и выхаживают слабых и больных за счет сильных и здоровых»⁵⁷¹.

Еще в 1935 г. руководитель имперской гильдии врачей Герхард Вагнер поставил перед Гитлером вопрос о предоставлении ему полномочий для уничтожения «недостойных жить людей», но фюрер призвал его к «осторожному выжиданию»⁵⁷². Гитлеровская позиция была не случайной:

дело в том, что еще в 1933 г. прусский министр юстиции Керрль представил комиссии по реформе права проект введения в Германии эвтаназии. Это предложение было отвергнуто министром юстиции Гюртнером, также отрицательно к эвтаназии относились Г. Вагнер и его преемник Леонардо Конти. Принимая во внимание оппозицию, Гитлер связывал свои надежды на реализацию программы эвтаназии с войной. Поэтому именно в октябре 1939 г., когда война уже началась, он уполномочил шефа своей канцелярии Филиппа Булера и своего личного врача Карла Брандта действовать в интересах реализации программы от его имени, давая санкции на убийство больных компетентным врачам. Некая супружеская пара безуспешно ходила по инстанциям, ходатайствуя об умерщвлении новорожденного-калеки (ДЦП). Случайно узнав об этом от своего врача Карла Брандта (генерального инспектора здравоохранения), Гитлер предложил исполнить желание родителей. Тогдашнее право этого не допускало, но Гитлер таким образом создал прецедент. Он не стал вводить эвтаназию законным путем, но 1 сентября 1939 г. отдал письменное распоряжение Булеру, Брандту, а также руководителю имперского союза врачей Вагнеру — во время войны взять на себя решение вопроса об эвтаназии⁵⁷³. Текст этого документа имел весьма двойственный смысл — говорилось о расширении полномочий лечащих врачей под ответственность Булера и Брандта⁵⁷⁴. Документ уполномочивал Брандта в случаях с неизлечимо больными новорожденными и другими пациентами действовать по своему усмотрению⁵⁷⁵. Была создана рабочая группа из 50 врачей и юристов. В канцелярии фюрера разработали даже арифметическую формулу для расчета количества людей, подлежащих «обработке» (эвфемизм убийства). Это число определялось по формуле 1000:10:5:1 - из тысячи людей 10, как правило, нуждаются в помощи психиатра, 5 из них подлежат стационарному лечению, а 1 — упомянутой «обработке». Исходя из общей численности населения Германии, «обработке» по этим планам должно было подвергнуться 65—70 тыс. немцев⁵⁷⁶.

В «деле» эвтаназии направляющую и организующую роль играла личная канцелярия Гитлера под руководством Булера, который подключил к осуществлению программы «Имперский комитет по научному исследованию наследственных и приобретенных болезней» (*Reichsausschluß zur wissenschaftliche Erfassung von erb- und anlagebedingten schweren Leiden*). Адрес этого комитета был: Берлин, Тиргартенштрассе дом 4, отсюда и кодовое название программы по эвтаназии - «Т4»; на служебном жаргоне организация называлась также «Т4». Поскольку традиционные медицинские инстанции для осуществления эвтаназии не годились, офицер СС Виктор Брак создал аппарат в 100 человек (из них 60 врачей), которые «работали» по осуществлению программы эвтаназии нескольких психиатрических клиниках, превращенных в места массовых убийств. Большинство исполнителей «Т4» двигала вера в необходимость этих мероприятий, хотя нельзя исключить и иные мотивы (участникам программы эвтаназии выплачивалась хорошая зарплата, а также им полагались дополнительные льготы. Текучесть кадров в «Т4» была низкой, конфликтов между руководством «Т4» и персоналом не было).⁵⁷⁷

С 18 августа 1939 г. акушерки роддомов обязаны были сообщать по инстанции о родившихся детях-калеках⁵⁷⁸; родители обязаны были зарегистрировать в комитете («Т4») своих детей — душевнобольных или калек в возрасте до трех лет; позднее возраст калек, подлежащих обязательной регистрации, был продлен до 17 лет. До 1945 г. было зарегистрировано около 100 тыс. пациентов, из них 5—8 тыс. детей было убито⁵⁷⁹. Экспертом по убийствам детей-калек был Ханс Хайнце — с осени 1939 г. он руководил 30 «детскими отделениями» (*Kinderfachabteilungen*); детей убивали передозировкой медикаментов или инъекциями яда. Предложения медицинских функционеров узаконить эвтаназию Гитлер отвергал; даже в 1939 г. он не решился принять законодательным путем соответствующие акты. Поэтому несмотря на то, что Булеру и Брандту были даны полномочия в духе радикальной расовой гигиены, полномочия эти были чрезвычайными и по су-

шеству не соответствовали праву; но эвтаназия была давней мечтой Гитлера, и этого было достаточно. На Нюрнбергском процессе врачей Карл Брандт свидетельствовал, что Гитлер еще в 1935 г. говорил, что намерен решить проблему эвтаназии во время войны, так как это будет самое подходящее время⁵⁸⁰. В соответствии с гитлеровским замыслом, с началом польской кампании на оккупированных польских территориях в Померании специальные подразделения уничтожали обитателей психиатрических больниц; общее число убитых достигло 10 тыс. человек. С октября 1939 г. Гитлер тайно уполномочил Брандта и Булера распространить мероприятия по эвтаназии в психиатрических лечебницах на всю территорию Рейха. И это свое решение Гитлер также отказался оформить законодательно. В оккупированных районах СССР было убито около 10 тыс. психически больных: в Ел главе, Риге и Двинске около 2200, в Полтаве 545, в Минске и Могилеве 836, в Днепропетровске 1500, в Маркаево 240, в Киеве — 360 человек.

В целом, в рамках операции «Т4» были задействованы 6 учреждений в разных частях Германии; «пациентов» в них умерщвляли при помощи уколов или больших доз лекарств. Таким образом, в октябре 1939 г. практика незаконной эвтаназии была распространена и на взрослых; решение об этом было принято на самом высоком политическом уровне, хотя эвтаназия оставалась тайной за семью печатями. На служебном жаргоне убийства назывались «дезинфекция». Деятельность «Т4» с января 1940 г. до августа 1941 г. принесла смерть 70273 душевнобольным и калекам. В первую очередь убивали евреев-душевнобольных, ибо они были одновременно и «наследственно больными», и «расово неполноценными». У убитых вынимали золотые зубные протезы (это с немецкой скрупулезностью фиксировалось, и золото передавали по инстанции). Таким образом была испытана модель осуществления массовых убийств евреев и цыган в концлагерях на территории Польши.

В первой половине 1940 г. было убито 8765 человек; 3/4 из них в мае и июне, когда внимание общественности было

поглощено французским походом вермахта. Документы регистратуры «Т4» показывают, что до конца 1940 г. было уничтожено 26 459 человек, а в первые восемь месяцев 1941 г. — еще 35 049. Эксперты-психиатры большей частью регистрировали у жертв шизофрению/эпилепсию и слабоумие. В заведениях «Т4» систематически убивали «душевнобольных уголовников»; большую роль в выборе жертв играла их трудоспособность, вернее нетрудоспособность.

Сотрудники «Т4» вершили свое «дело» с верой в то, для человечество, лишенного дурного наследия, наступят вскоре лучшие времена.

Что касается родственников погибших «пациентов» «Т4», то они получали стандартное письмо, в котором говорилось о смерти вследствие тяжелого заболевания (например, воспаления легких); там были слова о смерти тихой и безболезненной, об избавлении от бессмысленных страданий, и еще о том, что из-за опасности инфекции труп был кремирован, вещи сожжены, а пепел может быть выслан по любому указанному адресу. Часто возникали скандальные ситуации: например, в письме указывалось, что человек умер от воспаления слепой кишки, но родственники знали, что аппендикс ему удалили еще в детстве. Иногда вместо одной урны с прахом родственники получали две. В некоторых общинах люди были обеспокоены тем, что стандартные похоронные письма в массовых количествах приходили из одной и той же психиатрической лечебницы.

Само раннее известие о тревоге населения относится к августу 1940 г.; с этого момента стали просачиваться сведения об убийствах калек и больных, и общество забеспокоилось. То, что в некоторых клиниках (в Хадамаре, в Вайльбурге, в Альбахе) убивают душевнобольных и калек от рождения, знали многие, даже в детской игре «в больницу» обязательно присутствовало убийство больного; настоящим шоком, однако, стали слухи об эвтаназии тяжелораненых немецких солдат⁵⁸¹.

Растущая критика эвтаназии, в частности, проповедь епископа Клеменса фон Галена 3 августа 1941 г., — вы-

нудила Гитлера прикрыть программу. Многие родственники убитых обращались к своим духовникам (обоих вероисповеданий), и они также протестовали с амвонов церквей. Известия о новых случаях эвтаназии побудили Старопрусский вероисповедальный синод в день первой среды Великого поста (27 марта 1943 г.) направить всем пасторам послание, в котором открыто осуждалось уничтожение людей: «Горе нам и нашему народу, если Богом данная жизнь не представляет для нас ценности и человек, созданный Богом по своему образу и подобию, оценивается лишь по степени его практической полезности, если считается возможным убить человека, так как считается, что он недостоин жизни или принадлежит другой расе»⁵⁸².

По статистике до официального прекращения эвтаназии было уничтожено 70 273 человека; другая методика подсчета дает цифру 93 521. В итоге, был убит каждый третий немецкий душевнобольной. Но и после формального прекращения «Т4» массовые убийства обитателей психиатрических больниц продолжались⁵⁸³. СД передавала, что ходили слухи о том, что с целью экономии средств эвтаназии будут подвергать пенсионеров. В одном из сообщений СД говорилось, что народ не против самой идеи эвтаназии — он против того, как она осуществляется — без всякого плана, незаконно, тайно. Возмущались прежде всего родственники, раздраженные издевательским тоном похоронных писем⁵⁸⁴. Из неудачи с эвтаназией партийное руководство вынесло урок, что необходима большая секретность и перенос учреждений эвтаназии в отдаленные места, недоступные даже и косвенному контролю простых немцев.

Последовательному и решительному осуждению эвтаназии препятствовали некоторые объективные обстоятельства: в принципе, с начала XX века не было недостатка не только в планировании, но и в практическом применении расовой теории; так, в США между 1907 и 1928 гг. 21 штат выпустил законы о принудительной стерилизации уголовников, слабоумных и больных эпилепсией; в южных штатах за связь с белой женщиной стерилизовали чернокожих американцев. Хотя следует отме-

титель, что в Германии масштабы стерилизаций были более значительными: с 1934 г. по 1936 г. в Германии было стерилизовано 200 тыс. человек, то есть каждый 300-й немец; для сравнения - в США с 1911 г. по 1951 г. было стерилизовано 52 233 человека⁵⁸⁵, а в Швеции с 1936 по 1976 гг. (в годы действия закона о стерилизации) этой процедуре было насильно подвергнуто 60 тыс. душевнобольных⁵⁸⁶. Это несколько релятивирует нацистские драконовские меры по стерилизации. К тому же, психические больные и до 1933 г., и после 1945 г. признавались неполноценными, поэтому попытки родственников жертв «Т4» после 1945 г. получить компенсации отвергались как в ФРГ, так и в ГДР. Убитых людей так и не признали жертвами нацистского режима⁵⁸⁷, что свидетельствует о том, что даже современное общество не до конца освободилось от евгенических мифов. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что если в годы нацизма общественность хоть как-то протестовала по поводу эвтаназии, то после 1945 г. о ней забыли; в отношении убийств евреев все вышло наоборот: если в нацистские времена почти никто против этого не протестовал, то после 1945 г. отклики на зверства нацистов постоянно ширились, и это не прекращается до сих пор. Ничего парадоксального в реакции общественности: евреев пропаганда представляла как врагов, а враг подлежит ликвидации; но эвтаназия могла коснуться всех: и родственников и знакомых, поэтому она сразу вызвала болезненную реакцию, а потом постепенно забылась.

Евгеническими начинаниями нацистов оказались затронуты и цыгане. Когда Гитлер пришел к власти, в Германии было около 26 тыс. цыган, из них около 5 тыс. пережило войну⁵⁸⁸, а остальные попали под действие программы расового очищения Германии и погибли.

Исследования истории и происхождения цыган начались в Германии в 1899 г. и были связаны с именем Альфреда Дильмана, чиновника баварского правительства, который организовал в Мюнхене центр по сбору информации о цыганах. Нацисты, воспользовавшись его данными,

основали в 1936 г. Центр расовой гигиены и биологии населения медицинского департамента при МВД во главе с Робертом Риттером, который к началу 1942 г. классифицировал 30 тыс. цыган, что примерно совпадало с общим количеством цыган, проживавших на территории Германии⁵⁸⁹. Оценки этого Центра при МВД мало чем отличались от обыденных представлений; так, один из сотрудников Риттера писал, что «по своей природе цыгане коренным образом отличаются от нас и придерживаются абсолютно других жизненных правил. Они являются чужеродным элементом во всех культурах». Это мнение разделяли многие обыватели, а исследователи Центра расовой гигиены утверждали, что цыгане безнравственны, преступны, не любят трудиться и не поддаются обучению, поэтому являются бременем для общества. Нацисты подготавливали общественное мнение к мысли о необходимости выселения цыган из Германии; нацистская пресса поддержала предложение цыганского короля Польши Януша I Квиэка о поселении цыган в Эфиопии; некоторые расоведы предлагали поселить цыган в Полинезии⁵⁹⁰.

Общее настроение немцев выразил один из сотрудников Риттера, доктор Беренд: «Цыгане пришли из Индии и сейчас являются смешанной расой. Всего в Европе и Северной Америке их около двух миллионов. В Германии проживает 6 тыс. чистокровных цыган, а также 12 тыс. цыган смешанного происхождения и других кочевников, которые, не являясь цыганами, живут так же, как они. Принятые у них правила запрещают контролировать рождаемость. Они преступны, безнравственны и необучаемы. Всех цыган следует рассматривать как наследственных больных. Единственным решением цыганского вопроса является их полное уничтожение. Таким образом, нашей целью должно быть решительное уничтожение этого явно неполноценного элемента населения. Их следует отделить от общества и стерилизовать»⁵⁹¹. Ведущий нацистский специалист по цыганам Роберт Риттер писал: «Цыганский вопрос будет решен, когда большую часть асоциальных и бесполезных цыган смешанного происхождения соберут в крупные лагеря трудового на-

значения, где будут приняты действенные меры против их дальнейшего воспроизводства. Только так можно избавить будущие поколения немецкого народа от этой тяжелой ноши»⁵⁹². Риттер установил принцип, в соответствии с которым любой, у кого была даже 1/18 цыганской крови, считался цыганом смешанного происхождения, опасным для общества. Таких людей в Германии насчитывалось 18 тыс.

После Риттера самым известным специалистом по цыганам была Ева Юстин. Изучив жизнь 148 цыганских детей смешанного происхождения, воспитанных в приютах и в приемных семьях, она обнаружила, что их моральное состояние гораздо хуже, чем у выделенной для сравнения контрольной группы детей из кочевого табора. Юстин пришла к выводу, что цыгане не могут быть интегрированы из-за их примитивных жизненных установок и должны быть стерилизованы⁵⁹³. Юстин считала, что хотя цыгане и происходили из арийцев, во время великого переселения народов цыгане перемешались с азиатами и уголовниками и таким образом стали народом, в котором 90% составляют асоциальные элементы. Другой расовед, Вильгельм Кранц, в 1937 г. предлагал стерилизовать всех цыган как чуждое арийцам дегенеративное образование⁵⁹⁴.

Американское обвинение в Нюрнберге утверждало, что синти и рома (так же, как евреи и калеки) относились нацистским режимом к той генетической группе, жребием которой было ограничение, концентрация и уничтожение⁵⁹⁵, хотя они составляли в немецком населении всего 0,05%⁵⁹⁶. По закону о защите нации от наследственных болезней в июле 1933 г. синти и рома были названы «асоциальными» элементами и подлежащими стерилизации; поэтому уже в 1933 г. многие синти были арестованы и помещены в концлагеря. Правда, сначала цыганам отчасти повезло, так как Гиммлер верил в арийское происхождение цыган. Долгое время значительной части цыган разрешали жить в Германии, правда, изолированно от немцев, — но это было лучше, чем физическое уничтожение, уготованное евреям. С 1934 г. расово-

политическое ведомство НСДАП в сотрудничестве с гестапо начало составление списков «асоциальных элементов». Цыгане при этом классифицировались как «расово-биологическая проблема», как «неполноценные уголовники и асоциальные элементы» азиатского происхождения. Нацистская социальная политика по отношению к цыганам заключалась в сокращении на них государственных расходов. Если вспомоществование евреям было передано в руки Имперского представительства евреев, то расходы на цыган просто произвольно урезали. Цыгане находились в самом низу расовой нацистской шкалы; чуть выше — евреи, затем русские⁵⁹⁷. По Нюрнбергским законам, цыгане считались расово чуждым элементом (вместе с евреями и неграми)⁵⁹⁸. Закон о выборах в рейхстаг (7 марта 1936 г.) отказывал в избирательном праве обеим группам — и евреям, и цыганам. К референдуму об аншлюсе не были допущены ни цыгане, ни евреи.

Следуя призывам с мест, нацисты в 1936 г. создали «имперский центр по преодолению цыганской заразы» (*Reichszentrale zur Bekämpfung der Zigeunerplage*), который стал отделом имперского управления уголовной полиции в Берлине (с 1938 г.)⁵⁹⁹. Финансируемый этим ведомством упомянутый расовед Р. Рихтер (по специальности детский психолог) установил, что цыгане состоят из чистого в расовом отношении меньшинства собственно цыган, метисов и персон с «цыганообразным образом жизни». На основании многочисленных интервью, проведенных Риттером и его коллегами на цыганском языке, была составлена картотека цыганских родов в Германии. Частично это исследование финансировалось РСХА. «Чистопородным» цыганам разрешалось кочевать в установленных пределах — таким образом отдавалась дань этническому курьезу. Метисов подвергали насильственной стерилизации и помещению в концлагеря.

Накануне Олимпиады распоряжением МВД цыганские кочевки и бродяжничество были запрещены. Многие столичные цыганские семьи оказались в «месте отдыха» (*Rastplatz*) Марцан, в котором в июне 1936 г. нахо-

дилось 600 синти и рома - этих людей там держали насильно и отпускали из лагеря только на работу или за покупки под надзором охраны⁶⁰⁰. В эти дни газета «*Berliner Anzeiger*» сообщила, что столица, наконец, очищена от цыган. Берлинское предместье Марцан стало лагерем, охраняемым полицейскими с собаками; в нем в 130 кибушках жили цыгане. Никаких гигиенических норм при этом не соблюдалось — на весь лагерь было три водопроводных крана и два туалета. В марте 1938 г. там было отмечено 170 случаев инфекционных заболеваний. Лагерь был окружен забором, и только под охраной полиции женщины могли посещать магазины⁶⁰¹. Выхода из гетто для цыган практически не было. Правда, цыган из лагеря Марцан привлекали на работы и проводили в их среде антропологические измерения, используя данные против них же. Измерения проводил Герхард Штайн, ученик франкфуртского расоведа Отмара фон Вершуэра. В 1941 г. Штайн защитил диссертацию «К вопросу о психологии и антропологии цыган в Германии».

«Место для отдыха» в Марцане было создано, якобы чтобы на время Олимпиады очистить Берлин от карманников и попрошайек; потом временная мера стала постоянной. Во время войны обитатели Марцана работали в каменоломнях Заксенхаузена и разбирали завалы после бомбежек; в 1943 г. их депортировали в Освенцим. Марцан не был единственным лагерем для цыган, но он был самым большим. В 1933—1939 гг. подобные цыганские лагеря возникли в Кельне, Дюссельдорфе, Эссене, Франкфурте, Гамбурге, Магдебурге и Штеттине. После 1939 г. началась массовая депортация цыган в восточные концлагеря. Хотя эти депортации касались не всех цыган: среди них нацисты различали 2 группы: «чистокровные» синти⁶⁰² и лаллери (*Sinte- und Lalleriezigeneuer*), которым РСХА предоставляла определенную свободу передвижения и разрешало кочевать (циркуляр РСХА от 13 октября 1942 г.), а все прочие — рома и балканские цыгане — полицейским распоряжением от 16 декабря 1942 г. были отправлены в концлагеря⁶⁰³.

Цыганская группа синти была известна с XV века, это

были, можно сказать, коренные цыгане Германии; в 1939 г. их насчитывалось 13 тыс. человек, и только их нацисты признавали «истинными цыганами». В 1942 г. лаллери насчитывалось около 1 тыс. человек. Рома попали в Германию из Венгрии в 1860-1870 гг., в 1940 г. их насчитывалось около 1800 человек, и занимались они, в основном, торговлей лошадьми. Были и более мелкие группы: балканские цыгане в Бургенлянде, литаутикеры в Восточной Пруссии, дрисари, кэлдэрары, ловари, медваши, корзинщики⁶⁰⁴. Гиммлер неоднократно заявлял, что хочет сохранить только две группы цыган — синти и лаллери. В 1942 г. он приказал провести подготовку для идентификации и формальной организации этих групп. Представители синти (8 человек) и лаллери (1 человек) должны были работать при местных управлениях полиции. Эти представители цыган, обладая свободой передвижения, должны были составить списки, кого следовало сохранить. Расовые специалисты считали, что чистокровных лаллери не существует, и их классифицировали как цыган-иностранцев. Причину, по которой лаллери оказались за бортом, Риттер описывает следующим образом: «лаллери пришли из немецкоязычных земель Богемии и Моравии много веков назад. Большая их часть принадлежала к племени, жившему в Судетах, когда эти земли были присоединены к Германии»⁶⁰⁵.

В соответствии с нацистской доктриной, цыгане — это арийцы (они выходцы из Индии и их язык родственен санскриту), и Гиммлер долго колебался, прежде чем занять позицию по этому щекотливому вопросу. Наконец циркуляром рейхсфюрера от 12 декабря 1938 г. цыгане были разделены на чистокровных (коричневые паспорта) и метисов (паспорта с голубой полосой). «Аненэрбе» некоторое время ратовала за развитие и поддержку цыганского языка и обычаев, а из канцелярии Бормана в министерство юстиции пришло указание, что среди цыган есть полноценные в расовом отношении элементы⁶⁰⁶. Ведущий специалист по цыганам, врач Роберт Риттер, который и консультировал Гиммлера, считал, что в Германии чистокровных цыган не более 10%, а все остальные —

это метисы, подлежащие стерилизации⁶⁰⁷. По всей видимости, именно из числа цыганских «метисов» в Аушвиц и другие концлагеря «генерал-губернаторства» было депортировано в мае 1940 г. из Гамбурга, Кельна, Дюссельдорфа и Бремена 2,5 тыс. цыган⁶⁰⁸. С началом войны цыган, как и евреев, стали уничтожать. Эти убийства, впрочем, пропагандой никак не освещались (во всяком случае, никаких документов не сохранилось), и по причине маргинального положения цыган в обществе их никто не комментировал.

20 апреля 1942 г. Гиммлер, после разговора с Гейдрихом, записал: «никаких акций по уничтожению цыган!»; речь шла о немецких цыганах. 16 сентября 1942 г. Гиммлер распорядился установить устные контакты с представителями цыганской общины, изучать цыганский язык и обычаи цыган. В этот период в уголовную полицию пришел приказ, запрещающий дальнейшие перемещения цыган и предписывающий гуманное с ними обращение. Артур Небе (шеф уголовной полиции) разъяснил подчиненным, что (по словам Гиммлера) в дальнейшем у цыган будет свобода передвижения и им разрешат жить в соответствии с их обычаями. Гиммлер разъяснял, что метисы, которые по цыганским обычаям являются цыганами, получают возможность присоединиться к таборам. К разъяснению Небе приложил список цыганских старост (или цыганских гласных) в различных частях Германии. Эти люди должны были доносить уголовной полиции о преступлениях в цыганской среде. Они же составляли списки расово чистых цыган и отправляли его в Берлин, в РСХА. Добиться предоставления этих списков оказалось, однако, делом совершенно невыполнимым, и полиция стала сама составлять эти списки и утверждать их у старост. Разумеется, такая практика порождала коррупцию. Девяти старостам (гласным) предоставлялось право кочевать со своими таборами в установленных пределах, а инструкции они получали в Берлине. Рудольф Хесс в мемуарах писал, что на границе Австрии и Венгрии был выделен район для кочевков «чистых» в расовом отношении цыган⁶⁰⁹.

К инструкции прилагался образец удостоверения личности старост, где они назывались посредническим звеном между «чистокровными» цыганами и полицией. Там же имелось указание на то, что «истинные» цыгане обязались воздержаться от половых связей как с немцами (немками), так и с метисами. В войну «истинных» цыган собирались включить в «Индийский легион», формирующийся из военнопленных индийцев.

С марта 1943 г. все цыгане смешанного происхождения подлежали отправке в Освенцим; осужденные цыгане и те, кто нарушил приказ об оседлости, продолжая кочевать по стране, отправлялись в концлагерь (даже синти или лаллери). Нацисты предполагали, что списки синти и лаллери, не подлежащих отправке в концлагерь, гласные подготовят вовремя, но они этого не сделали: к 11 января 1943 г. такие списки были только у 3 из девяти гласных. По приказу Гимmlера, списки передавались в местные отделения полиции, там их проверяли и вычеркивали лиц с судимостями и членов их семей. На самом деле, отношение к спискам часто было формальным, и когда полицейские приходили в табор, то для отправки в концлагерь забирали всех без разбора⁶¹⁰. Бюрократический спор между Борманом и Гимmlером закончился тем, что «чистокровные» цыгане были освобождены от отправки в Освенцим, и около 15 тыс. человек остались в Рейхе после массовой депортации в марте 1943 г. Гимmlера настоял на том, чтобы статус «чистокровного» цыгана (после марта 1943 г.) защищал как от концлагерь, так и от стерилизации⁶¹¹, хотя Борман и министр юстиции Тирак считали отношение Гимmlера к цыганам слишком эксцентричным. Оба противника Гимmlера полагали, что цыгане — это асоциальный элемент, подлежащий ликвидации. Впоследствии, однако, Гимmlер поддался давлению и постановлением от 10 марта 1944 г. практически уравнил евреев и цыган⁶¹².

Заключая главу о нацистском расизме, следует подчеркнуть, что гитлеровский расизм был порочной идеологией не только в соответствии с этическими и моральными

ми соображениями, но также и по своему существу. Дело в том, что действительное расовое «возрождение» Германии, если оно вообще было возможно, потребовало бы смены многих поколений немцев и очень долгого времени, которого у Гитлера не было. Да и сама по себе вера Гитлера в то, что Европа сможет объединиться вокруг Германии только благодаря расизму и антисемитизму, была ложной по той причине, что европейцы не испытывали никаких симпатий к гитлеровским установкам.

Американский историк Д. Гольдхаген в книге с характерным названием «Добровольные помощники Гитлера», настаивал на генетической склонности немцев к расизму и антисемитизму. При этом он опирался на описание поведения полицейских из нескольких резервных батальонов, которые по национальному составу лишь на 10% состояли из немцев⁶¹³. Впрочем, в следующей книге этот писатель нашел еще одного «виновника» — католическую церковь, которая, на его взгляд, в гитлеровские времена была настроена расистски и антисемитски и не покаялась в этом до сих пор⁶¹⁴. Это нонсенс: автор просто перенес огонь критики с отдельных личностей (папы Пия XII, который допустил некоторые антисемитские выпады в 1919 г. и во время войны молчал о преступлениях против евреев) на всю церковь в целом. При этом Гольдхаген упустил из виду, что расизм и антисемитизм всегда были составными частями европейских культурных стереотипов, но только Гитлер придал им столь зловеющий характер. С другой стороны, именно благодаря расистской идеологии нацистам удалась быстрая и эффективная аккумуляция и стабилизация власти, так как расизм изолировал Германию от западной политической традиции и отрезал ей путь к цивилизованному обществу, строившемуся на гуманистической традиции. Этого, собственно, Гитлер и добивался — он стремился вернуть свой народ в далекое прошлое, до Просвещения и Гуманизма.

Большевики безжалостно боролись и истребляли многие духовные ценности западной цивилизации на том основании, что они связаны с идеологией буржуазии, об-

реченной историей. Этот процесс представлялся им революционным рывком вперед (в западном понимании прогресса), хотя на самом деле политическое развитие страны кардинально изменилось⁶¹⁵. Строя свою политику на идеологии расизма и «освобождая немцев от химеры совести», Гитлер осознанно направлял немецкое общество вспять, к первобытному варварству.

Глава II

АНТИСЕМИТИЗМ И НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

«Der Jud ist schuld⁶¹⁶».

(лозунг нацистской антисемитской пропаганды)

«Неподвижная автоматическая последовательность странным образом производит на наблюдателя впечатление гораздо большей радикальности, чем криминальная аффективная сладострастная брутальность».

(И. Фест⁶¹⁷)

«Антисемитизм — это обращенная форма комплекса неполноценности перед древним интеллигентным народом».

(Г. Гессе)

Когда Уинстона Черчилля спросили, почему в Великобритании нет антисемитизма, он ответил:

«Потому что англичане не считают, что евреи умнее их».

Инструментальный характер «теории» нацистского антисемитизма

Необходимость в отдельном рассмотрении нацистского антисемитизма вызвана тем, что гитлеровский расизм и гитлеровский антисемитизм не совместимы логически, так как Гитлер не считал евреев ни религиозной общностью, ни расой, ни народом; для него евреи были симптомом болезни и разложения национального государства, знаком его приближающейся гибели. При этом антисемитизм до самого конца был самым эффективным пропагандистским средством партии, самой действенной и популярной конкретизацией расовой доктрины; да и вообще, в сознании немецкого народа он тождественен

расовому учению. Виктор Клемперер остроумно заметил: что знает немецкий гражданин об опасности «негровизации» (*Vemiggerung*)? Как часто он лично сталкивался с пропагандируемой неполноценностью восточных и южных народов? Но хоть одного еврея знает каждый. В сознании немецкого обывателя антисемитизм и расовое учение — это синонимы⁶¹⁸.

Встает вопрос, а что, собственно, евреи делали для уничтожения других народов и чем они (по гитлеровской логике) заслужили свою жуткую участь? Гитлер считал, что главная опасность, исходящая от евреев, заключается в том, что они не являются государственным народом, они не способны на создание собственного государства; прилагательные «еврейский» и «интернациональный» были для Гитлера синонимами. Иными словами, Гитлер считал, что на Земле существует не имеющее собственной территории универсальное и интернациональное еврейское государство. Главное его качество — враждебность по отношению ко всем остальным национальным государствам; главные орудия — пацифизм, интернационализм, капитализм, коммунизм, либерализм, парламентаризм и демократия. Все вышеперечисленные доктрины евреи изобрели для того, чтобы помешать арийским народам в их борьбе за жизненное пространство. По мнению Гитлера, коварные евреи делают вид, что не участвуют в этой борьбе, а на самом деле стремятся к мировому господству, контролируя значительную (особенно по отношению к численности евреев) часть европейской экономической и духовной жизни. Гитлер писал, что в борьбе за жизненное пространство евреи — со своим интернационализмом, пацифизмом, международным коммунизмом и международным капитализмом — являются нарушителями правил игры. При этом он считал, что даже если евреи откажутся от своей религии, это ничего не изменит, так как они не являются религиозной общностью; если они откажутся от своей расы, смешиваясь с другими расами, — это еще опаснее, ибо так они ухудшат арийскую расу; если же они откажутся от своего народа и станут правоверными патриотами — нем-

цами, англичанами, французами - это хуже всего: они столкнули народы между собой и, используя деньги и пропаганду, сами станут хозяевами положения⁶¹⁹. Гитлер, таким образом, не оставлял евреям ни одной лазейки — что бы они ни делали, они всегда были неправы; в любом случае они должны быть удалены, растворены, изолированы, выселены... Бросается в глаза то, что эта логическая цепочка построена совершенно волюнтаристски; Гитлер представлял себе картину мира такой, какой он ее хотел видеть, и совершенно не обращал внимания на обстоятельства, противоречащие его мировоззрению или, вернее, идеологии. В интересах его идеологии стереотип еврея, многие века свойственный европейской культуре, был мифологизирован; евреям приписали не свойственное им единство, а бытовой антисемитизм (являющийся, по мысли Гессе, выражением комплекса неполноценности), Гитлер превратил в государственную доктрину.

Даже учитывая, что антисемитизм существовал в Германии и до нацистов, вряд ли немцы потерпели бы столь чудовищное отношение к евреям, если бы не массивная гитлеровская пропаганда: на евреев возложили вину за поражение в Первой мировой войне и Версальский договор; евреи назывались не иначе как «хитрыми», «пронырливыми», «испорченными», «похотливыми», «паразитирующими», «безродными», «трусливыми» и «неблагонадежными»; более того, немецкий язык «обогатился» такими словами, как: «еврейские холопы» (*Judenknecht*), «еврейские потаскухи» (*Judenhure*), «предатели народа» (*Volksverräter*), «осквернители крови» (*Blutschande*) и «расовый урон» (*Rassenschande*)⁶²⁰. Интересно отметить, что и в средние века сравнение евреев с чертями или с нечистью было семантической предпосылкой жестокости еврейских погромов⁶²¹.

Тонкий знаток немецкой традиции Гордон Грейг отмечал, что сходство двух народов — немцев и евреев — поразительно; оно проступает и в их трудолюбии, бережливости и экономности, в их упорстве и в их религиозности; в том, какое серьезное значение они придают семье, в их общем уважении к книге (это сделало евреев библей-

ским народом, а немцев — «народом писателей и философов» (*das Volk der Dichter und Denker*)). Немцы и евреи схожи и природой своих интеллектуальных притязаний: не ограничиваясь прагматическими и утилитарными целями, они разделяют амбиции Фауста, возжелавшего постигнуть секреты мироздания и решить загадку взаимоотношений человека с Богом (это стремление было в равной степени присуще таким крупным немецким метафизикам, как Кант, Гегель, Шеллинг, и еврейским каббалистам). И в их отрицательных свойствах тоже проявляется родство: оба этих народа недолюбливают за лихорадочную деловую активность, за их общую веру в абсолют, за отсутствие чувства меры, из-за чего они доводят все хорошее до той грани, где хорошее превращается в дурное, за неповторимую комбинацию бестактности и чуткости, высокомерия и подобострастия, гордости принадлежностью к избранным и презрение к самим себе⁶²². Немецкий историк Голо Манн, писал, что всякий немецкий еврей, крещеный или нет, является немцем по своим добродетелям и немцем же по своим недостаткам, немцем по манере одеваться, говорить и вести себя, патриотом и консерватором. Не было более истинных немцев, чем те еврейские бизнесмены, доктора, адвокаты и ученые, которые в 1914 г. добровольно отправлялись на фронт.⁶²³

Одной из общих проблем, относящихся к негативному аспекту истории Третьего Рейха, представляется проблема «зеркального» характера нацистской идеологии: нацисты строили свою идеологию, глядя на еврейскую идеологию — как они ее себе представляли. Вспомним Фридриха Ницше, написавшего, что «человек, который смотрит в бездну, должен помнить, что и бездна смотрит в него». Филолог В. Клемперер, переживший нацизм в Германии, записал в дневнике, что 23 июня 1942 г. он читал сионистскую литературу; это был текст Теодора Герцля, и текст этот оставлял чувство полной одинаковости с нацизмом⁶²⁴. Иными словами, нацисты стремились копировать то, как — по их представлениям — евреи утверждались во враждебном окружении и боролись за «миро-

вое господство». Гитлер как-то сказал Г. Раушнингу: «Вы не заметили, что евреи во всем составляют прямую противоположность немцам и, тем не менее, во всем нам родственны, как братья? Не может быть двух избранных народов — мы избранный народ и этим все сказано. Два мира противостоят друг другу! Человек Бога и человек Сатаны! Еврей — это античеловек, он — его противоположность. Еврей — это творение другого Бога, он вырос из другого корня человеческого рода. Арий и еврей так же далеки друг друга, как животное и человек. Я не хочу приравнять животное к еврею, он находится от животного дальше, чем ариец, еврей — это противное природе создание»⁶²⁵.

Подобная гитлеровской точка зрения на родство нацизма и сионизма проявлялась и позднее; так, парадоксальную и экстремальную позицию в толковании «зеркального» характера нацистского расизма занимал американский еврей Джордж Штайнер (*G. Steiner*), отец которого в преддверии нацизма покинул Австрию и переехал в США. Беллетристическое произведение Штайнера «Переправа Гитлера в Сан Кристобаль» (*The Portage to San Christobal of Adolf Hitler*, 1999 г.) вызвало столь негативную реакцию еврейской общины в Германии, что его запретили переводить на немецкий язык. В этом произведении Гитлер, переживший войну, предстает перед судом и говорит в свое оправдание, что он перенял расизм от еврейской идеи избранного народа и хотел облегчить этим «еврейским изобретением» совесть не только немцев, но и всего человечества. И он бы сделал это, если бы на него не оказали трансцендентального влияния три еврея — Моисей с его 10-ю заповедями, Иисус с Нагорной проповедью и Маркс с идеей социальной справедливости. И вообще, разве не несут евреи онтологической ответственности за ужасы, произошедшие с ними, уже потому, что они не приспособились и не ассимилировались?⁶²⁶ Предположение столь же необычное, как и парадоксальное, — трудно представить себе, что оно исходит от еврея.

Впрочем, сами нацисты также использовали в своих

целях подобные ходы — так, во время войны нацистские пропагандисты активно пользовались книгой американского еврея Кауфмана «Германия должна погибнуть» (*Germany must perish*). 24 июля 1941 г. ФБ вышел с шапкой «Рузвельт требует стерилизации немецкого народа». В статье говорилось, что американцы планируют стерилизацию солдат вермахта, а затем и всех немцев для того, чтобы освободить территорию для населения соседями немецкого народа. Газета сообщала, что в США была опубликована книга еврея Теодора Кауфмана, являвшегося президентом «Американского союза за мир»; книгу якобы инспирировал сам Рузвельт, провозгласивший программу «Германия должна погибнуть». Кауфман подвизался в рекламном бизнесе, это и наложило отпечаток на его стиль. Разумеется, никаких связей в правительственных кругах он не имел. Вскоре в партийной прессе появилась публикация отрывков из книги Кауфмана; чуть позже вышла отдельная брошюра с материалами из книги Кауфмана⁶²⁷.

В 1963 г. французский публицист Поль Рассинье высказал мнение, что Т. Кауфман инспирировал нацистскую программу уничтожения евреев своими предложениями о стерилизации всех 60 млн немцев. Рассинье писал, что Гитлер приказал зачитывать по радио выдержки из книги Кауфмана. Понятно, какое впечатление произвела на немецкую общественность эта книга. Адольф Эйхман в мемуарах прямо указывал, что объявление Гитлером войны США было исключительно следствием этой книги Кауфмана, в который предлагалось истребление немецкого народа посредством стерилизации. Правда, — писал Эйхман, — сейчас он понимает, что, по всей видимости, это была ловкая провокация для организации массированных антиеврейских мер⁶²⁸. В 1977 г. появилось полное немецкое издание книги Кауфмана в качестве исторического источника, поскольку наряду с «Протоколами сионских мудрецов» книга Кауфмана сыграла значительную роль в раздувании антисемитизма в Германии.

Из этого мнимого «зеркального» характера нацистского расизма не следует, что это копирование соответство-

вало реальной политической и идеологической действительности активности евреев; нет — оно соответствовало только гитлеровским, нацистским представлениям об образе действия и идеологии «всемирного еврейства». Это видно по многим признакам: даже, вроде бы, оригинальное нацистское представление о чистоте расы Гитлер позаимствовал у тех же евреев; он писал в «Майн кампф», что «еврейское религиозное учение — это, в первую очередь, руководство по сохранению чистоты крови еврейства, а также свод правил поведения по отношению к нееврейскому миру»⁶²⁹. На самом деле, вера в избранность народа, охранение чистоты расы — это идеи еврейского происхождения, но у евреев эти идеи были средством компенсации их векового униженного и неравноправного положения в диаспоре, а нацисты просто подражали им в стремлении возвеличить арийскую расу и найти действенное средство национальной мобилизации. Н. А. Бердяев резонно указывал, что в расизме как раз нет ничего арийского — и индийские и античные «арийцы» были склонны скорее к индивидуализму; более того, им было неизвестно понятие социальной справедливости (социализма), они чрезвычайно легко мирились со всяким социальным неравенством: нельзя представить себе более социально несправедливую систему, чем индийская варново-кастовая система или античное рабство, с которым мирились античные мыслители и философы⁶³⁰.

Рассматривая нацистский антисемитизм, следует понимать, что никакого специфического отрицательного отношения к евреям до нацистов в Германии не было; немецкий антисемитизм до Гитлера носил такой же маргинальный характер, как и в других западных странах. Многие избиратели не придавали никакого значения ненависти Гитлера к евреям, так как антисемитизм был частью европейского культурного стереотипа, на который давно перестали обращать внимание. Чрезвычайно интересное наблюдение оставил в своих мемуарах Шпеер: он писал, что никогда не замечал, что Гитлер антисемит, и не мог припомнить ни одного его антисемитского выпа-

да⁶³¹. Даже в демократических странах бытовой антисемитизм был довольно распространен, и на него не обращали внимание. Американский историк Д. Моссе однажды предположил, что если бы европейцам в начале XX века сказали, что в течение жизни одного поколения будет уничтожено большинство европейских евреев, то они, наверно, ответили бы, что французы способны на любое преступление, заподозрить могли и русских, но немцев назвали бы в последнюю очередь⁶³². Антисемитизм не был присущ даже немецким правым (сравните с Францией времен Дрейфуса) — Бисмарк с присущим ему чутким политическим инстинктом решительно отстранялся от всякого антисемитизма. Однажды он остроумно заметил, что, может быть, в Париже богатые евреи имеют дурное влияние, в Берлине же в благоприятных условиях они благотворно воздействуют на общество⁶³³. Нацистское «новаторство» в обосновании антисемитизма основывалось на том, что Гитлер рассматривал расовое смешение как биологическое отравление, и первопричиной этого отравления он считал евреев; это совершенно не вяжется со старомодным европейским антисемитизмом.

Гитлер и сам признавал в «Майн кампф», что поначалу «не могло быть и речи о планомерном антисемитизме. Я вспоминаю о трудностях, с которыми мы сталкивались, произнося слово «еврей». На нас либо глупо тарасились, не понимая, о чем речь, — либо бурно протестовали. Наши первые попытки показать общественности истинного врага поначалу казались бесперспективными, и лишь очень медленно и постепенно положение дел в этой области начало меняться к лучшему»⁶³⁴. Даже отец Гитлера внушал ему, что антисемитизм — это признак необразованности, поскольку обращен на жертву, а не на причину зла⁶³⁵. Даже в верхушке нацистской партии радикальные антисемиты были редкостью — порнограф и радикальный антисемит Ю. Штрайхер партийными иерархами был, по существу, дезавуирован и лишен поста гауляйтера; он остался только издателем скандального порнографического антисемитского листка

«Штюрмер». Геринг на Нюрнбергском процессе сказал, что он никогда не был антисемитом; вполне вероятно, что это правда⁶³⁶. На преодоление «непонимания» немецкой общественностью зловещей, по мнению Гитлера, роли евреев и была направлена чудовищная энергия и динамика нацистского режима, так как самым сильным чувством (сильнее, чем любовь к Германии и расизм) у Гитлера был антисемитизм. Будучи человеком «заговорщического» менталитета, он с маниакальной последовательностью развивал одну и ту же тему — тему еврейского заговора и угрозы, исходящей от евреев. Любопытно отметить, что бывший генерал-губернатор Польши (в 1939—1941 гг.) Ганс Франк в Нюрнберге в 1946 г. перешел в католичество и раскаялся в содеянном. Франк просил своего духовника Сикста О'Конора передать свои мемуары в архив какого-нибудь католического монастыря; в мемуарах Франк писал, что в 1930 г. Гитлер поручил ему провести расследование по факту шантажа; некие шантажисты утверждали, что Гитлер — еврей. Франк писал: «Я установил, что отец Адольфа Гитлера был внебрачным ребенком поварахи; по закону он получил фамилию матери Шикльгрубер. Когда его мать вышла замуж, она получила фамилию Гитлер. Бабушка Гитлера служила в еврейской семье Франкенбергер». Кроме того, Йоганн Непомук Гюдлер был не только дедом А. Гитлера по отцовской линии, но одновременно и дедом его матери, и его прадедом по материнской линии; Адольф Гитлер родился от связи Алоиза Гитлера и дочери его сводной сестры, то есть от связи родственников (троюродных). Как констатировал биограф Гитлера Венер Мазер, налицо был факт кровосмешения... Сам Гитлер, впрочем, относился к этому опять же через призму собственного антисемитизма: «Благодаря тысячелетнему кровосмешению еврей сохранил свою расу и своеобразие в большей степени, чем большинство народов, среди которых он живет». С другой стороны, Гитлер боялся стать отцом, ибо считал, что ребенок может быть ненормальным из-за его собственного происхождения, связанного с инцестом. Возможно, Гитлер сам не

был чужд инцесту: по слухам, он состоял любовной связи со своей племянницей «Гели» Раубаль, которая покончила жизнь самоубийством⁶³⁷.

Казалось, теоретический акцент на расизме и антисемитизме является в нацизме совершенно неожиданным, но, помимо сказанного, антисемитизм в нацистской идеологии был призван устранить объективные классовые, социальные и политические различия между людьми, заменив их систематическим преследованием и искоренением «зла». Гитлер полагал; что корень зла не в злокозненном отчуждении прибавочной стоимости (как считали коммунисты), а во внутреннем сходстве умирающего капитализма и надвигающегося коммунизма, и сходство это выражается в том, что оба они являются делом рук евреев, которые правят миром, которые в России уничтожили интеллигенцию, а при возможности уничтожат и опустошат весь мир. При этом следует отметить, что ясных критериев принадлежности к еврейству не существовало, поэтому понятие расы делалось инструментом тоталитарной политики; расовый принцип не был определен (да и не мог быть определен), и это способствовало произволу и всевозможным манипуляциям, оправдывающим подавление и уничтожение «враждебных групп», национальных меньшинств или даже целых народов: евреев, поляков, русских.

Ко времени прихода к власти нацистов в Германии проживало около полумиллиона евреев; это составляло 0,76%⁶³⁸ всего населения Третьего Рейха. Евреи — отчасти благодаря способности и уму, отчасти благодаря корпоративизму — заняли во многих странах, в том числе и в Германии, ведущие позиции в медицине, адвокатуре, прессе, в промышленности и финансах, в науке и искусстве. Тем самым они вызывали не только заслуженное уважение, но и зависть; студенческая молодежь, например, поддерживала нацистский антисемитизм, освобождая для немцев рабочие места⁶³⁹; однако уничтожать евреев физически, конечно, никому и в голову не приходило.

Немецкий историк Гельмут Геншель выяснил, что хотя доля евреев в торговле с конца XIX в. до 1933 г. снизилась с 5,71% до 2,48% - в розничной торговле (к 1933 г.) она составляла 25%, а в универмагах - 79%. Также весьма значительно евреи были представлены в банковском деле и на бирже — 12,7%, в торговле недвижимостью — 11,6%, в изготовлении одежды — 30%. Даже в 1933 г. немецких евреев свободных профессий было в три раза больше, чем немцев. В 1933 г. евреями были 16,16% немецких адвокатов и нотариусов, 13,28% поверенных юристов по патентному праву, 10,88% врачей, 8,59% зубных врачей⁶⁴⁰. В 1933 г. в Германии было 503 тыс. верующих евреев (0,75% населения Германии); евреи составляли 3,8% населения Берлина, 4,7% Франкфурта на Майне; евреи занимали 1/3 мест в берлинских гимназиях; в 1910 г. в высшую школу поступило 0,1% немцев, закончивших среднюю школу, и 0,4% евреев⁶⁴¹. Немецкие евреи внесли громадный вклад в развитие науки: треть (!) немецких лауреатов Нобелевской премии в первые 40 лет XX века были евреями⁶⁴². Значительных успехов евреи добились и в гуманитарных науках: такие имена, как Герман Коген, Зигмунд Фрейд, Эдмунд Гуссерль, Георг Зиммель, Гуго Пройс, Фридрих Гундольф, говорят сами за себя. Авторитет немецкой науки во всем мире к 1933 г. был столь значителен, а количество научных публикаций столь велико, что многие иностранные ученые специально изучали немецкий язык (как ныне изучают английский), чтобы знакомиться с научными публикациями в оригинале. Университеты и научные библиотеки Германии были образцом для американской системы высшего образования, а немецкие научные журналы (во многом благодаря евреям) были флагманами передовой научной мысли.

В результате нацистских антисемитских «чисток» в университетах и исследовательских центрах были опустошены целые отрасли знания — социология, искусствоведение, психология, психиатрия, иммунология, неврология, биохимия, физика, математика («ее теперь нет в Германии», — сказал после нацистских чисток один немецкий ученый). В естественных науках уволенные неарийцы

составляли 58,4%⁶⁴³. Особенно большую пользу от изгнания цвета мировой науки за пределы Германии извлекли США, где (несмотря на сокращение рабочих мест в высшей школе) смогли дать работу почти всем беженцам. Это была не филантропия, но очень выгодное вложение денег; в результате этого Америка после Второй мировой войны стала лидером во многих отраслях научного знания.

Такой значительной диспропорции в структуре занятости евреев были разнообразные причины и обстоятельства, за которые сами евреи ответственности не несут. Торнстейн Веблен, например, считал главной причиной успеха евреев в науке «творческий скепсис» (*creative scepticism*) людей исключенных или не полностью принимаемых обществом, поэтому более склонных к интеллектуальным занятиям⁶⁴⁴. Напротив, в политике евреи были представлены слабо; за исключением Ноябрьской революции, в политике они играли весьма скромную роль. В рейхстаге (который нацисты называли «орудием евреев») из 577 депутатов было всего два правоверных иудея и 15 депутатов еврейского происхождения.

Традиционная враждебность по отношению к евреям была частью не только немецких (даже не столько немецких), сколько общеевропейских культурных стереотипов. Собственный антисемитизм Гитлер старался представить естественной экзистенциональной реакцией; как-то он сравнил свой антисемитизм с реакцией обезьяны на вторжение в ее стаю чужака. Это ложное утверждение: природе не известна политика; государство — это человеческое изобретение, поэтому в природе нет садизма; животное убивает не потому, что жестоко, а потому, что хочет есть. Гете писал: «Животное по природе не садист, оно не понимает, что такое чужая боль. Только человек знает это и находит в этом удовольствие»⁶⁴⁵. Границы «животного» в человеке очень узки; там, где они кончаются, и начинается работа историков, теологов, философов.

Новшеством в гитлеровском антисемитизме было то, что он связывал евреев с левыми революционными движениями и с поражением Германии в Первой мировой войне.

На самом деле, причины военной катастрофы 1918 г. (как и причины трагических событий 1923 г. и особенно истоки кризиса 1929 г.) до сих пор не являются бесспорно и однозначно разрешенными и оцененными. В попытке установления советского режима в Баварии в 1923 г., бесспорно, приняли активное участие и евреи; это на самом деле было безобразной и безответственной анархией. То же относится и к режиму Белы Куна в Будапеште. Нацисты взвалили всю ответственность за эти события на евреев. Объяснение чрезвычайной активности евреев в революционном движении лежит, между тем, на поверхности: нежелательное меньшинство, евреи стремились изменить свое положение в обществе и участвовали в революции. В свое время Маркс перенял многое из мифологии антисемитизма: он идентифицировал иудаизм как отражение ростовщической фазы развития капитализма. Маркс полагал, что с наступлением пролетарской революции антисемитизм сам собой исчезнет, «перестанет существовать такое лицо, как еврей»⁶⁴⁶. Этот абсурдный постулат вынуждал еврейских марксистов Троцкого, Люксембург, Аксельрода, Бауэра и Мартова отказываться от идеи национального самоопределения евреев, но добиваться самоопределения для других национальностей.

Беспримерная активность евреев в левом движении объясняется также их честолюбием и склонностью к интеллектуализму, недаром многие представители художественной и научной интеллигенции были евреями (З. Фрейд, Э. Гуссерль, М. Либерман, А. Шницлер, М. Гарден, Т. Вольф). Евреями были и многие революционные теоретики: Маркс, Лассаль, Люксембург, Каутский, Пауль Леви, Бернштейн, Адлер, Троцкий, но было много и не евреев — Бебель, Либкнехт, Ленин, Сталин, Бакунин, Кропоткин и т. д. Последнее обстоятельство, однако, не смущало Гитлера: для него был важен мобилирующий эффект мифа о еврейском революционном заговоре и заговоре против Германии. Некоторые теории заговора традиционно поддерживаются только маргинальными группами общества, другие становятся

иногда интеллектуальной модой. История полна фантазий, заблуждения и лжи, и было бы проще отвести все эти выдумки и курьезы, если бы не ее воздействие на нацистскую доктрину. «Протоколы сионских мудрецов» были стенограммой хребтом теории заговора; они представляли собой якобы дословную запись бесед на 24 тайных встречах глав мирового еврейского заговора. «Сионские мудрецы» провозглашали своей целью разрушить все государства и на их обломках построить еврейскую мировую империю во главе с властителями из дома Давида; самым грозным оружием заговорщиков были демократия, социализм и либерализм.

Преследования евреев было «научно» обосновано в работах Фердинанда Клауса, Ганса Гюнтера, Альфреда Розенберга. Наибольшим экстремизмом отличалась книга Германа Эссера «Еврейская мировая чума»⁶⁴⁷, а также штрайхеровский порнографический еженедельник «Штюрмер»; с 1937 по 1944 гг. нацистами было издано 9 томов «Исследований по еврейскому вопросу»⁶⁴⁸. Впрочем, нужно помнить, что антисемитизм является идеологией, то есть категорией, теснейшим образом связанной с мифом, страстью, мировоззрением, — и поэтому не подлежащей обсуждению и критике и не нуждающейся в доказательствах. Сартр как-то заметил: антисемиты хорошо знают, что их доводы легковесны и ничего не стоят; они просто развлекаются, ибо доводы должны поставлять их оппоненты, которые серьезно относятся к словам, потому что верят в рациональное постижение истины⁶⁴⁹, а для антисемита важен сам по себе миф, который не нуждается даже в самых минимальных доказательствах. Евреи, как могли, боролись с антисемитизмом. Некоторые шли в армию, отдавали детей в мастерские или в работу на фермах. Некоторые впадали в другую крайность и проповедовали сионизм, образовывали боевые еврейские союзы, студенческие организации и дуэльные клубы. Но подобные попытки порождали только новые трудности и проблемы, ибо антисемитизм непроницаем для логики и доказательств, он многолик и многоглав; это неизлечимая болезнь. Мориц Гольдштейн счи-

тал, что бесполезно доказывать безосновательность антисемитских аргументов: «Что мы получим от этого? Знание, что их ненависть истинная. Когда клевета будет опровергнута, извращения исправлены, ложные понятия о нас отброшены, — антипатия останется как нечто непреодолимое»⁶⁵⁰.

Не столь примитивным, но не менее ложным является расхожее обвинение евреев в двойной лояльности — они якобы чувствуют себя более евреями, чем немцами. Столь же ложным является нацистское обвинение еврейской общины в том, что она является замкнутой в социальном, политическом, культурном и духовном отношении группой. Хотя пассажи «Майн кампф», где речь идет о структуре этой общности, не лишены внутренней логики. «Еврейское государство, — писал Гитлер, — никогда не было территориально ограничено, зато оно было ограничено одной расой. При этом еврейский народ всегда формировал внутри государств свое государство. Гениальнейшим трюком было то, что это еврейское государство всегда представляло себя как “религию”, что обеспечивало по отношению к нему политику терпимости, которую арийцы всегда внутренне были готовы выказать по отношению к иному религиозному сознанию. На самом деле иудаизм — это не что иное, как учение о сохранении еврейской расы. Инстинкт сохранения вида — вот первая причина возникновения государства. Поэтому государство — это национальный организм, а не экономический»⁶⁵¹. В такого рода умозаключениях довольно трудно различить, где кончается правда и начинается ложь.

Гитлер, как в свое время и Ленин, понимал, что для организации эффективной политики тоталитарного общества необходим образ врага. Эту мысль сформулировал выдающийся немецкий политический мыслитель Карл Шмитт в понятии «политического» и в противостоянии «друг-враг», характерном для политики, стремящейся быть эффективной⁶⁵². Если для большевиков таким врагом был враг классовый — буржуазия, то для нацистов и Гитлера таким врагом был «враг» расовый — евреи.

Евреи в гитлеровской системе власти были одновременно и средством мобилизации и ее целью, как это всегда бывало в истории: средства нельзя отделить от цели и наоборот - дурными средствами ничего хорошего не добиться. Нацисты использовали все расхожие предрассудки для консолидации господства, для моральной дискредитации и правового ущемления евреев. Образованным немецким евреям такая постановка вопроса казалась настолько немыслимой: их гражданские права и экономическое положение казались им гарантированными и не подверженными опасности.

Доказательством «инструментального» характера нацистской идеологии антисемитизма является стремление связать с евреями любые проблемы. «Евреи, — сказал Гитлер в одной из ранних речей, — выкинули действительно гениальный трюк. Этот капиталистический народ, который первым в мире ввел беззастенчивую эксплуатацию человека человеком, сумел захватить в свои руки руководство четвертым сословием, причем подошел к этому с двух сторон — справа и слева, недаром у них имеются апостолы в обоих лагерях. В правом лагере евреи стараются как можно больше раздражить человека из народа; они культивируют жажду денег, цинизм, жестокосердие и отвратительный снобизм. Это создает предпосылки для работы в левом лагере. Здесь евреи развернули свою низкую демагогию. Они выкуривают национальную интеллигенцию из руководства рабочим классом. Таким образом евреям удалось изолировать движение от национальных элементов. Используя прессу, евреи настолько подчинили массы своему влиянию, что правые стали видеть в ошибках левых ошибки немецкого рабочего, а ошибки правых представлялись немецкому рабочему ошибками так называемых буржуа. И оба лагеря не заметили, что ошибки обеих сторон являются результатом провокации со стороны чуждых элементов. Ирония истории: Мозес Кон, секретарь правления акционерного общества, подбивает акционеров не соглашаться с требованиями рабочих. А в это время его брат Исаак Кон на фабричном дворе науськивает массы: смот-

рите, как они вас угнетают... Эти господа хотят, чтобы народ уничтожил основу своей независимости — хозяйство и тем вернее попал в рабство этой расе — в золотые цепи вечной кабалы процента»⁶⁵³. Можно согласиться с баварским либеральным журналистом Гейденем, по книге которого приводилась эта обширная цитата, что это логичное и последовательное развитие темы сионских мудрецов, и уже кажется не столь важным, что мысль развивается внутри совершенно ложной системы взглядов.

К. Гейден восхищается блестящими финалами речей Гитлера и приводит следующую концовку одного из его выступлений: «Что такое интернационализм? Кто должен быть интернационалистом? Конечно, немецкий рабочий. Он должен быть братом китайского кули, малайского пароходного кочегара, неграмотного русского сплавщика леса; все эти люди, видите ли, ближе ему, чем его немецкий работодатель. Вам десятки лет рассказывали эту басню, и вы ей верили. На самом деле, существует единственный интернационал, да и то потому, что построен он на национальной основе, — это интернационал еврейских банкиров и их диктатура»⁶⁵⁴. Не совсем вразумительно (по поводу понятия «интернационализм»), зато точно совпадает с инструментальным характером организованной ненависти к евреям и ее мобилизационными политическими функциями и целями. Для нацистских идеологов все руководство большевиков было евреями; кто не еврей — тот китаец. Розенберг даже разрабатывал теорию о ведущей роли китайских торговцев шелком в русской революции⁶⁵⁵.

С другой стороны, следует помнить, что ничего оригинального Гитлер не придумал - еще известный русский монархист В. В. Шульгин доказывал, что существует единый фронт евреев-мультимиллионеров, финансировавший большевиков в 1917 г. Известный американский историк У. Лакер считает даже, что идея еврейского «заговора» и понимание «реальных» сил, стоявших за большевиками, пришла к Гитлеру от русских немцев, бежавших от революции⁶⁵⁶; в первую очередь это был А. Шойбнер-Рихтер, погибший в день «пивного путча», 8 ноября 1923 г.,

и А. Розенберг. Дополнительным подтверждением этой гипотезы является то, что никаких проявлений антисемитизма у Гитлера до его 30-летия не отмечено, а его характер (как отмечают все биографы) полностью сформировался между 1905 и 1908 гг.⁶⁵⁷. Откуда бы эта идея ни пришла, она была абсурдной, так как именно в гитлеровские времена «мировое еврейство» было в высшей степени раздроблено, расколото между религиозностью и атеизмом, между стремлением к ассимиляции и сионизмом, между национализмом и интернационализмом; не говоря уже о том, что евреев касались все большие идеологические разломы того времени: внутри марксизма, либерализма, консерватизма. Иными словами, нацисты, вообразившие себя Ланцелотом, убивающим дракона, на самом деле убивали ни в чем не повинных ягнят; людей, не имевших никакого отношения к злодейским замыслам, которые им приписывали их убийцы.

Еще одним (может быть, решающим) доводом в пользу инструментально-идеологического и политико-мобилизационного характера нацистского антисемитизма может быть то, что абсолютно никакой материальной, моральной или политической выгоды от своего антисемитизма нацисты не получили; более того, их действия нанесли немецкому государству невосполнимый культурный и материальный ущерб.

Немцы и изоляция евреев в 1933—1939 гг.

«В нынешнем распаде каждый из нас виноват — одни способствовали ему предательством, другие — несправедливостью, третьи — безверием, тиранством, алчностью, жестокостью, каждый по мере своих сил и возможностей; слабые и бессильные же внесли свою лепту глупостью, пассивностью и суетностью».

(Мишель де Монтень, 1533—1592)

«Злобные речи врагов мы когда-нибудь забудем, а вот молчание друзей — никогда».

(Мартин Лютер Кинг)

Если во Франции «дело Дрейфуса» завершилось избранием в 1906 г. премьер-министром Ж. Клемансо и поражением антиреспубликанских, антидемократических и антисемитских сил, то в Германии к 1933 г. антисемитизм невозможно было идентифицировать политически, он был рассеян во всем обществе. Это затрудняло борьбу против него в немецком обществе, где ранее не наблюдалось каких-либо значительных публичных эксцессов антисемитизма. Поэтому немецкие евреи (и не только они) и мысли не допускали, что после прихода Гитлера к власти их гражданские права и экономические основы существования могут быть значительно ущемлены, не говоря уже о чем-то большем.

Об отсутствии органической традиции антисемитизма в Германии свидетельствует и то, что политические силы и люди, формировавшие нацистский антисемитизм и организовывавшие преследования евреев, были неоднородны и пестры: садист и порнограф Штрайхер, мистик и теолог Розенберг, трезвый рационалист Гиммлер, экономист и организатор Шпеер и политик Гитлер⁶⁵⁸. Придя к власти, эти люди стали использовать идеологию антисемитизма для консолидации общества и государства в «новой» Германии, морально дискредитируя, притесняя и юридически дискриминируя небольшое еврейское меньшинство. Сначала (в 1933—1935 гг.) нацисты планомерно вытесняли евреев из общественной жизни; в 1936 г., на время Олимпиады, преследования были приостановлены, а в 1937—1938 гг. начала осуществляться «аризация» экономики. Евреи сделались символом всего антиарийского, а с началом войны они стали еще и олицетворением врага (коммунизма в СССР и капитализма на Западе), а с врагом в войну поступают только одним образом...

Обыденный антисемитизм, широко распространенный в Европе, ослабил сопротивление нацистскому радикальному антисемитизму. Немногие немцы отважиба-

лись помочь евреям. Эволюция нацистского антисемитизма в период с 1933 г. до 1938 г. не была прямолинейным процессом. Как уже говорилось, в партии не было единомыслия по отношению к «еврейской политике». Одна из партийных групп, состоявшая из фелькише, склонялась к традиционному антисемитизму и требовала исключения евреев из политики, но признавала необходимость сотрудничества с ними в экономической сфере, даже не помышляя об их уничтожении. Эту группу возглавляли руководитель расово-политического ведомства НСДАП Вальтер Гросс и референт по расовым проблемам в министерстве внутренних дел Бернгард Лезенер. Вторая группа, характеризующаяся мистическим антисемитизмом, сложилась вокруг главного партийного идеолога А. Розенберга. Третья же группа сформировалась вокруг главного редактора порнографического антисемитского журнала «Штюрмер» Юлиуса Штрайхера. Ни одна этих групп не получила преобладающего веса в силу того, что сам Гитлер долго занимал выжидательную позицию.

В первые месяцы после прихода нацистов к власти в «еврейской политике» доминировала группа Штрайхера, которая и инициировала безобразные антисемитские эксцессы в марте 1933 г. (штурмовики преследовали и избивали евреев, принуждали их оставить работу и пр.). Самому Гитлеру эти антисемитские эксцессы сначала мешали, сужая возможности маневра во внешней политике и затрудняя взаимопонимание с представителями промышленности. Поэтому Гитлер реагировал на погромы отрицательно — в Бреслау он даже пытался остановить акции СА, предлагая использовать для пресечения анархических эксцессов подразделения СС⁶⁵⁹. Увещевания Гитлера на СА не подействовали, и тогда фюрер решил перехватить инициативу и 1 апреля 1933 г. объявил о бойкоте еврейских магазинов, товаров, врачей, юристов. Для проведения бойкота был создан комитет под председательством гауляйтера Франконии Ю. Штрайхера; членами комитета были Г. Гиммлер, Р. Лей, В. Дарре, Г. Франк, А. фон Рентельн и Г. Вагнер — ни

один из них в этот момент не занимал государственного поста, то есть формально государство в бойкоте не участвовало. Однако — хотя было очевидно, что бойкот носит государственный характер, — законопослушные немцы сопротивлялись погромщикам (дело доходило даже до потасовок); в Берлине, например, были случаи, когда генералы при полном параде и с боевыми наградами специально заходили за покупками в лавки и магазины евреев, протестуя таким образом против нацистских выходок⁶⁶⁰.

Бойкот сводился к тому, что штурмовики или эсэсовцы стояли у входов в магазины и, взывая к «национальным» чувствам немцев, препятствовали посещению заведений, являвшихся еврейской собственностью. Из-за равнодушия народа и негативных откликов немецкой элиты бойкот с треском провалился. С другой стороны, нацистское давление в дни бойкота привело к бессистемным увольнениям евреев врачей, юристов, чиновников и музыкантов; к вывешиванию на пляжах, в парках и у концертных залов табличек с надписью «для евреев закрыто».

Кроме бойкота, гитлеровское правительство отреагировало на антисемитскую активность СА принятием плохо подготовленного закона о «реставрации немецкого служилого сословия» (*Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums*) (7 апреля 1933 г.). Целью этого закона было удаление с государственной службы политических противников нацистов; он коснулся всех чиновников и служащих еврейского происхождения. Закон довольно расплывчато формулировал принадлежность к евреям; парадоксально, но немецкие евреи вздохнули с облегчением, когда в 1935 г. были опубликованы «Нюрнбергские законы», в которых было четко указано, кого считать евреем. «Параграф об арийцах» в Законе о служилом сословии вскоре стали применять и к евреям, работавшим не только в государственных учреждениях, но и в профессиональных организациях корпоративного типа и других организациях, — евреев стремились все более обособить, оградить от контактов с немцами. Интересно, что

первоначально ограничениям не подвергались евреи-ветераны войны и родственники погибших в войну — это было сделано по настоянию президента Гинденбурга⁶⁶¹. На самом деле, в годы Первой мировой войны на фронте погибло 12 тыс. евреев — ни один нацистский пропагандист и ни один чиновник не вспомнили об этом, «Имперский союз евреев-фронтовиков», основанный в 1919 г., в специальном номере своего печатного органа «Щит» (*Der Schild*) (в августе 1933 г.) призвал признать за евреями права граждан немецкого государства и в октябре 1933 г. устроил патриотическую манифестацию по поводу выхода Германии из Лиги Наций. Осуществленное по настоянию Гинденбурга временное ограничение действия «параграфов об арийцах» привело к тому, что 60% евреев-адвокатов и 50% евреев-судей и прокурорских работников было оставлено на работе, а врачей — даже 75%⁶⁶². Благоприятным для нацистов фактором, способствовавшим реализации Закона о реставрации служилого сословия, была конкуренция чиновников, стремившихся выслужиться перед новыми властями в качестве радикальных антисемитов. Интересно, что самому Гитлеру, если бы ему нужно было устроиться на государственную службу, не удалось бы доказать свое арийское происхождение, как того требовал антисемитский параграф Закона о реставрации немецкого служилого сословия, ибо он сам не знал, кто был отец его матери; хотя по «Нюрнбергским законам» и метисы на четверть (на $\frac{1}{4}$ еврей) признавались полноправными гражданами Рейха.

В апреле 1933 г. был принят «Закон против переполнения немецких школ и университетов», который ограничил 5%-ю квоту евреев в любой школе и университете⁶⁶³. Евреев стремились вытеснить из культурной жизни любыми средствами, даже нарушая закон — 24 августа 1935 г. в одной из немецких газет появилась информация, имевшая большое значение для немецкого книжного дела: сообщалось о жалобе, поданной автором-евреем на издателя, который не выполнил условий подписанного в 1929 г. договора и отказался печатать произведение истца. Суд постановил, что издатель не может быть при-

нужден к печатанию произведения неарийского автора и поэтому освобождается от всех обязательств⁶⁶⁴. Таким образом для прочих судов был создан важный прецедент, который вскоре подкрепили законодательно: в октябре 1933 г. «законом о редакторах» евреи были удалены из прессы; 22 сентября 1933 г. был принят закон об удалении евреев из культурной жизни. Растущее количество ограничений до апреля 1934 г. затронуло сотни работников высшей школы, 4 тыс. адвокатов, 3 тыс. врачей, 2 тыс. государственных чиновников, 2 тыс. актеров и столько же музыкантов. Протесты Лиги Наций не помогли, и к 1938 г. лишь четверти (около 100 тыс.) из 550 тыс. немецких евреев удалось избежать концлагерей.

Опасаясь негодования мирового общественного мнения, нацисты долго не приступали к реализации своих варварских планов в отношении евреев, и вплоть до 1938—1939 гг. евреев пытались вытеснить из страны: 24 марта 1933 г. нацистские газеты призвали евреев покинуть страну в течение полугода. Уже в 1933—1934 гг. 60 тыс. евреев бежали в соседние, часто не очень гостеприимные страны. Начавшийся отъезд евреев уже летом 1933 г. привел к нежелательной для нацистов реакции на Западе; неудовольствие высказывала и церковь.

После вспышки нацистского антисемитизма в период «национальной революции» настало затишье, в 1934 г. преследования евреев пошли на убыль, и в этом вопросе настало некоторое затишье⁶⁶⁵ — влияние возымели умеренные антисемиты (например, министр юстиции Ганс Франк), которые считали, что с радикальным преследованием евреев нужно заканчивать. 9 мая 1935 г. «Фелькишер беобахтер» писала, что вследствие стабилизации обстановки в обществе почти 10 тысяч евреев вернулись в Германию⁶⁶⁶. Вместе с тем, в мае того же 1935 г. была основана газета СС «Черный корпус», первый номер которого вышел с передовицей «Еврейам нет места в армии» (21 мая 1935 г. еврейам было запрещено служить в рейхсвере, с лета 1935 г. евреев перестали пускать в публичные заведения — кафе и рестораны). «Черный корпус» из номера в номер публиковал материалы антисемитского со-

держания. В одном из номеров появилась статья доктора Курта Плишке, который призывал за половую связь между арийцами и неарийцами конфисковывать имущество неарийцев и лишать их гражданских прав⁶⁶⁷ (это предвосхищало Нюрнбергские законы). В парках, театрах и бассейнах, даже на некоторых городских улицах вновь, как и в 1933 г., появились щиты с надписями «евреям вход воспрещен»⁶⁶⁸.

«Нюрнбергские законы»⁶⁶⁹ были приняты по инициативе Геббельса. Первый из «Нюрнбергских законов» сделал евреев гражданами второго сорта, а второй — «закон о защите немецкой крови и немецкой чести» запрещал, помимо прочего, браки между немцами и евреями; внебрачные связи такого рода расценивались как ущерб нации и карались: смешанные браки или связь немца (немки) с евреями каралась каторгой, а с 1939 г. — смертной казнью. Чудовищные сами по себе, «Нюрнбергские законы» еще и создавали предпосылки для дальнейшей дискриминации, особенно закон о гражданстве, служивший основой для дальнейших многочисленных уточнений и запретов с целью ограничить права еврейского меньшинства. Советник министерства внутренних дел доктор Бернхард Лезенер в мемуарах писал, что «Нюрнбергские законы» нельзя рассматривать как первый шаг в преследовании евреев: ложная интерпретация «Нюрнбергских законов» пришла из-за океана, а затем утвердилась в Европе. Этот юрист считал, что безобразные преследования евреев и их последующее уничтожение развивались, скорее, помимо «Нюрнбергских законов» — по произволу СА, СС, СД и партии⁶⁷⁰. Накал антисемитской пропаганды, нагнетаемый названными инстанциями, был так велик, что переходил всякие мыслимые пределы; немцы это, разумеется ощущали, что отразилось в анекдоте нацистских времен: в нацистском школьном учебнике было сказано: «Евреи хотели высосать кровь немецкого народа, но фюрер их опередил».

Как указывалось выше, в определенном смысле «Нюрнбергские законы» положили конец бессистемным гонениям на евреев, так как они давали точное определение,

кто, собственно, является евреем (ранее этого не было), и предоставляли им некоторые (хотя и узкие) права. Известные комментарии Штукарта и Глобке к «Нюрнбергским законам» имели целью охватить возможно большее количество прецедентов с тем, чтобы гарантировать действенность сохранившихся за евреями прав. После 1949 г. Глобке пытался сделать политическую карьеру в новой Германии, и эти комментарии поставили ему в вину. Обвинения были напрасными, ибо целью Глобке было возможно более точное правовое определение положения евреев в немецком обществе, а, значит, и попытка их спасения⁶⁷¹. Например, в комментариях указывалось, что поцелуя и объятий между евреем (еврейкой) и арийцем (арийкой) недостаточно, чтобы осудить человека. На практике комментарии Глобке вскоре стали излишними по той причине, что стали преобладать ненормативные подходы к положению евреев — настало время незаконных и беспредельных гонений и произвола властей; дело в том, что «Нюрнбергские законы» не были звеном в цепи террора - они просто на время прервали его. Например, 5 сентября 1938 г. немецкий суд приговорил еврея к каторжным работам за то, что тот сказал вошедшей в комнату «арийской» даме: «снимайте пальто, устраивайтесь удобнее». 13 марта 1942 г. суд приговорил еврея к смерти, так как удалось доказать, что он целовался и обнимался с арийкой⁶⁷². Даже слух мог стать причиной причисления гражданина к евреям; немногие попавшие таким образом в тенета нацистской бюрократической машины могли из нее выбраться. Так, один мелкий служащий из Хемница, рожденный вне брака, долгое время боролся со слухами, что его отцом был еврей, и даже тот факт, что его предполагаемый еврейский предок в момент рождения этого служащего сам был ребенком, не убедил нацистские инстанции. Лишь вмешательство канцелярии фюрера позволило этому человеку продолжить работу в государственном учреждении в качестве метиса второй степени⁶⁷³.

Гораздо большее значение, чем «Нюрнбергские законы», имела активность режима в разжигании антиеврейских

настроений — с января 1933 г. до 1 сентября 1939 г. на государственном, земельном, коммунальном уровне было проведено 1448 антиеврейских мероприятий, по 20 мероприятий каждый месяц.⁶⁷⁴ Этого было, наверное, достаточно, чтобы сделать и равнодушных к проблемам маленького нелюбимого меньшинства немцев враждебными или недоброжелательными по отношению к евреям.

«Нюрнбергских законов», собственно, было три: о гражданстве, о браке между евреями и не евреями и о внебрачных связях между евреями и не евреями. Закон о гражданстве был сформулирован в высшей степени лапидарно, и хотя сам термин «еврей» в нем отсутствовал, было ясно, что они не являлись более гражданами Рейха, и этим законом им было запрещено занимать государственные должности. Евреем по «Нюрнбергским законам» считался человек, имевший обоих родителей евреев, состоявший в еврейской религиозной общине, женатый на еврейке. Еврей (по этому определению) не считался, как немцы, гражданином, но — «обладавшим принадлежностью к государству». Метисы, имевшие одного родителя-еврея (метисы первой степени), получали временные гражданские права и могли учиться в высшей школе. Метисы второй степени (евреи на 1/4) объявлялись военнообязанными. На основании «Нюрнбергских законов» нацистские суды приговорили к различным срокам заключения за «ущерб расе» в 1935 г. — 11 человек, в 1936 г. — 358 человек, в 1937 г. — 512 человек, в 1938 г. — 434 человека, в 1939 г. — 365 человек, в 1940 г. — 231 человек. В судебном же порядке на основании «Нюрнбергских законов» у евреев конфисковывали имущество — к 1938 г. — а сумму 2—3 млрд марок (для сравнения: прямые расходы на армию составили 40,5 млрд). Если в январе 1933 г. в Германии было около 100 000 еврейских предприятий, то в 1938 г. их осталось 39 532, а все остальные были либо ликвидированы, либо «аризированы»⁶⁷⁵. Одновременно с принятием «Нюрнбергских законов» рейхстаг и 7 съезд НСДАП одобрили Закон о флаге, сделавший антисемитский символ фелькише — свастику — государственной эмблемой Германии.

В год Олимпиады (зимние Олимпийские игры проходили в Гармиш-Партенкирхене с 6 февраля, а летние с 1 августа 1936 г. в Берлине), положение евреев несколько улучшилось, так как нацисты не хотели афишировать антисемитизм по той причине, что ни одно событие не принесло нацистскому режиму столько международного признания, как великолепно организованные Игры. На время проведения Олимпиады таблички с надписью «для евреев закрыто» в Берлине были сняты. К тому же, Геринг медлил с исключением евреев из экономики, что также благоприятно сказывалось на их положении.

Но, по большому счету, Олимпиада ничего не изменила в положении евреев: с марта 1936 г. многодетным еврейским семьям перестали выдавать пособия, в октябре 1936 г. евреям-учителям запретили давать частные уроки не евреям, и эти учителя, уволенные с государственной службы в школе, потеряли последний источник средств к существованию. С апреля 1937 г. евреи не могли выступать соискателями ученого звания в университетах, с сентября того же года была, по существу, закрыта практика врачам-евреям, та же судьба ждала адвокатов-евреев и другие профессиональные группы. 13 сентября 1937 г. Гиммлер распорядился освободить евреев из немецких тюрем, если они гарантируют свой незамедлительный отъезд в Палестину или США⁶⁷⁶. В Дюссельдорфе среди 45 тыс. учащихся народной школы было 300 еврейских детей, которых с 1 апреля 1933 г. под смехотворным предлогом отправляли на каникулы впредь до особого распоряжения; иудейское религиозное образование было запрещено. Следующим шагом было исключение еврейских детей из школы — еврейским общинам при синагогах было предложено самостоятельно организовать начальное образование. Эти школы открыли свои двери в 1935 г.; государство и местные власти выплачивали часть суммы, нужной на их содержание. В 1934 г. в еврейских школах государство допустило преподавание религии. Сначала не все еврейские дети посещали «свои» школы: в Дюссельдорфе в 1934 г. в них было 274 учащихся, а в 1935 г. — 74 учащихся,⁶⁷⁷ С 15 ноября 1938 г. разделение

еврейских детей на исповедовавших иудаизм и неверующих было ликвидировано, и всем еврейским детям запретили посещать немецкие школы. С 10 октября 1939 г. все расходы по содержанию еврейских школ взяло на себя общегерманское еврейское объединение, а государство отказалось их финансировать. Еврейские школы подвергались всякого рода дискриминации: так, в Дюссельдорфе городские власти отказывались предоставить еврейским школам время в городских купальнях для обучения детей плаванию, хотя именно этот вид физического воспитания детей там, в целях закаливания, поощряли⁶⁷⁸.

В конце апреля 1938 г. всех евреев принудили декларировать свои состояния; в июле была введена особая опознавательная карточка для евреев; в августе вышло постановление об обязательных дополнительных именах для всех евреев — Сара и Израиль; в начале октября того же года евреям стали ставить в паспорт печать с изображением буквы «J» (*Jude*), а с середины ноября детям евреев запретили посещать немецкие школы. По всей Германии начались местные инициативы: например, при въезде в определенный городской район местные «активисты» устанавливали щиты с надписями «проход для евреев запрещен», «евреи нежелательны», на скамейках в скверах — «только для арийцев», кое-где евреям запрещали пользоваться публичными бассейнами и т. д. К осени 1938 г., через пять лет после прихода Гитлера к власти, немецкие евреи были лишены почти всех источников существования и условия их жизни стали невыносимыми. Трудно было представить себе, что может быть еще хуже...

При этом нужно отметить, что в некоторых других европейских странах антисемитизм в 1938—1939 гг. был еще значительнее (например, в Польше, и эти события еще должны получить соответствующую оценку). В 1960 г. американский историк Хогган писал, что до начала войны обращение с евреями в Германии было гораздо более мягким, чем в Польше: если до 8 ноября 1938 г. из Польши бежало 600 тыс. евреев, из Германии за то же время — 170 тыс.⁶⁷⁹ Поэтому трудно поверить только в гуманистические мотивы Франции и Англии, на стороне Польши

вступивших в войну с нацистской Германией, - на это указывал в свое время А. Тойнби.

В марте 1938 г. польское правительство, воспользовавшись аншлюсом Австрии, объявило недействительными паспорта всех польских граждан, если они не были в Польше более 5 лет, — польские чиновники боялись, что 20 тыс. евреев, имевших польское гражданство и живших в Австрии, после аншлюса кинутся в Польшу. Всякий владелец просроченного (по этому закону) паспорта должен для въезда в страну был получить отметку в польском консульстве. Этот закон, однако, коснулся и 50 тыс. польских евреев, десятилетиями живших в Германии. Большинство этих людей должны были остаться вообще без гражданства. С другой стороны, и гитлеровское правительство лишилось возможности избавиться от восточных евреев, переправив их через польскую границу, так как они уже не были польскими гражданами. Польско-немецкие переговоры по этому вопросу ни к чему не привели, поляки решительно отказывались признать этих евреев своими гражданами. Гестапо же получила распоряжение в течение четырех дней выдворить всех польских евреев из страны и энергично принялась дело. Стремление нацистов во что бы то ни стало выдворить евреев из страны привело в октябре 1938 г. к так называемому «Збонщинскому выдворению». Речь шла о том, что когда польские власти аннулировали паспорта польских евреев, проживавших в Германии и Австрии, для того чтобы препятствовать их возвращению назад, то нацисты предприняли встречные шаги. Немецкая полиция арестовала около 18 тыс. польских евреев, доставила их на польскую границу и под дулами винтовок перегнала их на ту сторону границы. Значительная часть несчастных евреев оказались в приграничном польском селении Збонщин, где в течение многих месяцев они жили в крайне тяжелых условиях, отвергаемые обеими сторонами. На польско-немецкой границе разыгрывались отвратительные сцены, когда обе стороны хотели избавиться от этих евреев, при этом по цинизму и бесчеловечности польские чиновники далеко превосходили немецких⁶⁸⁰.

Среди этих евреев была и семья Грюншпанов; их 17-летний сын Гершель жил в Париже. Получив от сестры открытку с описанием мытарств, которые его семья испытывает на границе, юноша решил действовать: 3 ноября 1938 г. Гершель Грюншпан (он был психически не совсем нормальным человеком⁶⁸¹) 5 раз выстрелил в советника германского посольства в Париже члена НСДАП Эрнста фон Рата (он погиб от ран). К сожалению, объект террора был выбран неверно: и советник Эрнст фон Рат и его отец были убежденными противниками преследований евреев; впоследствии отец оказывал евреям помощь в самые худшие времена антиеврейских гонений.

Гершель Грюншпан протестовал таким образом против насильственной высылки польских евреев из Германии, но инициатором этого была Польша. Политических мотивов у Грюншпана не было, но геббельсовская пропаганда, разумеется, преподнесла это как мировой заговор евреев против Германии. Нацистам было важно не само событие, но — как и при поджоге рейхстага в феврале 1933 г. — возможности его интерпретации. Французская коммунистическая пресса утверждала даже, что Грюншпан был нацистским провокатором⁶⁸². Это тем более походило на правду, что за 2,5 года до этого еврей из Югославии Давид Франкфуртер по политическим мотивам убил в Давосе Вильгельма Густлова — главу швейцарских национал-социалистов. Практических действий по отмщению Густлова нацисты тогда не предприняли, поскольку в этом не было тактических потребностей. Имя Густлова, правда, нацисты использовали в пропаганде: так был назван один из кораблей ДАФ.

Под предлогом «спонтанного» народного ответа на это убийство в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. по Германии прокатилась организованная нацистами волна еврейских погромов, которые по причине огромного количества разбитых стекол получила название «хрустальная ночь» (*Reichskristallnacht*). После «хрустальной ночи» 30 тыс. наиболее известных представителей еврейской общины были заключены в три концентрационные лагеря — Дахау, Бухенвальд и Заксенхаузен. Расследование убийств

евреев во время «хрустальной ночи» было замято, и это стало поощрительным знаком для радикальных антисемитов⁶⁸³. Большинство евреев, отправленных в концлагеря после «хрустальной ночи», через три месяца было отпущено, более тысячи погибло, не вынеся побоев и издевательств. После «хрустальной ночи» на евреев был наложен коллективный штраф (или контрибуция) в 1 млрд марок⁶⁸⁴. Штраф объясняли тем, что имущество, поврежденное во время погрома, было застраховано, и некоторые страховые фирмы даже разорились. Нацисты умели использовать психологию толпы — Элиас Канетти писал, что толпа любит разрушать дома или какие-либо материальные объекты: окна, посуду, стекла. Именно хрупкость этих предметов способствует чувству удовлетворения, в звуках разбитых окон слышатся отчетливые звуки бодрой жизни, крики чего-то зарождающегося⁶⁸⁵. С другой стороны, ряд откликов свидетельствует, что немецкая общественность тягостно восприняла попытку организации массовых погромов, и нацистам пришлось свернуть это «мероприятие» до срока; и уж, разумеется, никто не верил в спонтанный характер погрома⁶⁸⁶. Даже Гитлер не одобрил всегерманский погром: он заявил, что это «перебор» (*diese Übergriffe*)⁶⁸¹.

Известие об убийстве Эрнста фон Рата Гитлер получил на партийном собрании в Мюнхене; партийные активисты с тревогой следили за реакцией Гитлера. На вопрос Геббельса, следует ли применять полицейские силы для предотвращения антиеврейских выступлений в Германии, Гитлер сказал: «Я считаю, что против спонтанных действий немецкого народа не нужно ничего предпринимать, напротив, для нас это может стать шансом для окончательного решения еврейского вопроса»⁶⁸⁸. В этом был он весь — его слова можно было трактовать как угодно. Геббельс, который в этот период испытывал некоторые трудности в поисках пропагандистских акцентов, сразу ухватился за мысль об организации погрома⁶⁸⁹. В результате действий нацистских активистов 11 ноября 1938 г. было разгромлено 815 еврейских магазинов, подожжено 18 универмагов, 171 жилой дом разорен и сожжен, сожжена

191 синагога, еще 76 сильно повреждены, 11 кладбищенских строений на еврейских кладбищах повреждены, а 3 полностью разрушены. В течение двух дней было арестовано 20 тыс. евреев, 7 арийцев и 2 иностранца, 36 евреев было убито, 36 тяжело ранено⁶⁹⁰.

Геринг неодобрительно отозвался о бесполезных материальных потерях; даже Гиммлеру и руководству СС погром пришлось не по вкусу, так как он противоречил четко рассчитанной, неэмоциональной линии поведения СС в еврейском вопросе. Один из руководителей СД О. Олендорф был «глубоко возмущен», другой генерал СС, Карл Вольф, говорил о «проигранной битве».

Собственно, в эти дни стало ясно, что нацистам не удалось создать общий антисемитский фронт. Наряду с христианскими и гуманистическими мотивами имели значение и либеральные мотивы: люди либеральных убеждений считали погромщиков и их лозунги «варварскими», «некультурными». СД в своих «Вестях из Рейха» передавала, что многие либерально настроенные немцы готовы были заступиться за евреев. Наиболее отрицательное отношение к погрому было на юге и западе Германии, то есть в католических районах; на севере, в протестантских районах, погром был встречен более лояльно⁶⁹¹.

После того, как с евреев Германии была взыскана контрибуция, началась «аризация» (экспроприация то ли в пользу партии, то ли в пользу государства предприятий, недвижимости, принадлежавшей ранее евреям). Окончательно вопрос об «аризации» еврейских предприятий был решен уже 12 ноября 1938 г.⁶⁹²; в тот момент нацистское руководство планировало разнообразные меры и помимо «аризации»: введение, как в средние века, обязательного ношения евреями специальных нарядов (на этом настаивал Геринг); обсуждался запрет евреям входить в немецкие леса и тому подобное. Драгоценные украшения, ювелирные изделия и антиквариат евреи должны были в обязательном порядке продать (по существу, сдать за мизерное «вознаграждение»). Вся еврейская недвижимость также подлежала обязательной «аризации». Из оставшихся к тому времени 3125 еврейских врачей

только 709 было разрешено практиковать (но лечить исключительно евреев).

С 15 ноября 1938 г. еврейские дети должны были посещать только еврейские школы. Тогда же евреям было запрещено посещать публичные заведения (библиотеки, музеи, кинотеатры, кафе). После начала войны вышло распоряжение, что евреи не могут покидать свой дом летом после 21.00, а зимой — после 20.00⁶⁹³. 22 сентября 1939 г. евреям было приказано сдать радиоприемники (интересно, что в СССР после 22 июня 1941 г. это обязаны были сделать все советские граждане); евреям, как врагам Рейха, было запрещено даже пользоваться телефоном. С 6 февраля 1940 г. среди евреев перестали распределять карточки на одежду, а продовольственные карточки они могли отоваривать только в специальных магазинах, причем в строго определенное время. Выдачи по еврейским продовольственным карточкам, естественно, были значительно более низкими, чем по арийским. Прожить на эти карточки без черного рынка было нельзя, но арест на черном рынке означал концлагерь. Евреям была запрещена езда на автомобилях — таким образом экономили горючее. Евреи не могли наследовать от арийцев имущество. Евреям запрещали держать домашних животных, ограничивали время отоваривания по карточкам с 16.00. до 17.00. 18 августа 1941 г. Гитлер поддержал предложение Эйхмана об обязательном ношении евреями звезды Давида, и с 19 сентября 1941 г. все евреи старше 6 лет должны были носить на верхней одежде желтую звезду (величиной с ладонь (*Handteller*) и с надписью «*Jude*»). Это распоряжение не касалось евреев, находящихся в браке с арийками, если от этого брака были дети, признанные не евреями, а также, если брак распался, но сын находился на фронте. Звезду могли не носить еврейки, находящиеся в бездетном браке с арийцами. За нарушение предусматривался денежный штраф в 150 рейхсмарок, а в особых случаях — арест на срок до 6 недель⁶⁹⁴. В. Клемперер спрашивал, какой день был самым тяжелым для евреев за двенадцать адских лет? И сам себе отвечал: 19 сентября 1941 г. — с этого дня нужно было носить звезду

Давида⁶⁹⁵. Таким образом, все евреи были поставлены под непосредственный полицейский контроль, и по отношению к ним гражданское право уже не действовало.

Интересно проследить реакцию немецкой общественности на распоряжение носить звезду Давида: СД в своих «Вестях из Рейха» передавала, что, в целом, это решение было благосклонно встречено немцами, лишь в католической среде и среди интеллигенции раздавались голоса, ропщущие на возвращение средневековья. 7 октября 1941 г. Виктор Клемперер отмечал в дневнике, что его знакомая слышала, что капеллан берлинской церкви Ядвиги (*Hedwigskirche*) появился в церкви с еврейской звездой на рясе⁶⁹⁶. По сообщениям СД, распоряжение о ношении евреями звезды Давида было признано немецкой общественностью вполне своевременной мерой⁶⁹⁷. После того, как евреи стали носить звезду Давида, многие немцы стали с удивлением замечать, как много еще евреев в Германии (на 1 октября 1941 г. евреев в Германии было 163 692, а к началу депортаций на Восток - 131 823⁶⁹⁸). Интересно отметить, что в Болгарии, являвшейся союзницей Германии, подобное же распоряжение царя Бориса III (об обязательном ношении евреями звезды Давида) было дружно проигнорировано и полицией, и болгарской общественностью, и самими евреями. Особую роль при этом сыграла церковь: митрополит Стефан демонстративно пригласил себе в гости главного раввина Болгарии и открыто высказывался против антихристианского расизма. Под давлением общественности царь Борис даже вынужден был отказаться от депортации евреев в концлагеря на территории Польши, на чем настаивали гитлеровцы; поэтому болгарская еврейская община не пострадала (в Болгарии проживало 50 тыс. евреев), за исключением 11 384 евреев, которых СС успели депортировать в Освенцим и Треблинку из присоединенных к Болгарии (в 1941 г.) Македонии и Тракии⁶⁹⁹. Голландцы и датчане тоже вступились за своих евреев: таким образом они выступали одновременно и против своего врага — нацистов. Представить себе подобное поведение дисциплинированных и склонных к конформизму немцев не-

возможно; кроме того, для немцев защита евреев могла равняться предательству собственного народа.

После ноябрьского погрома вышел запрет на выпуск всех еврейских газет и других печатных изданий. 30 апреля 1939 г. вышел «закон о найме жилья евреями», в соответствии с которым началась подготовка к переселению всех евреев в специальные дома (*Judenhäuser*). Цель этой акции была ясна — евреи, поселенные скученно, облегчали всевозможные охранительные мероприятия, а позже и депортацию. Закон обосновывался тем, что арийцы отвергают общежитие с евреями. СД передавала, что в городке Ансбах местные жители по собственной инициативе поставили для еврейки, жены часовщика-арийца, виселицу с надписью «для жидовки»⁷⁰⁰, а также что запрет евреям посещать городские ярмарки и рынки был положительно воспринят немцами. Трудно было подобрать время, подходящее для посещения евреями магазинов: в ранние часы евреи могли разобрать дефицитные товары, а вечером по магазинам ходили арийские женщины. СД сообщала, что многих немцев раздражало то, что еврейские дети получают одинаковые с арийскими детьми нормы молока⁷⁰¹.

Немцев, проявивших сочувствие к евреям, обвиняли в предательстве собственного народа, а людей, которые демонстративно помогали евреям, могли подвергнуть профилактическому аресту (*Schutzhaft*) и помещению в концлагерь. Большинство немцев было слишком занято своими проблемами, а потом напряженно следило за развитием военных событий, и на судьбу евреев обращали мало внимания. Например, когда 15 ноября 1941 г. нюрнбергцам стало известно, что на Восток отправляется первый транспорт с евреями, то местное население приняло это вполне равнодушно.

Все мероприятия, связанные с евреями, власти старались проводить скрытно; особенно это относится к СС, которые исподволь, постепенно стали играть все большую роль в «решении еврейской проблемы». Антисемитизм СС носил строго рассчитанный, незэмоциональный характер и потому был наиболее отвратительным. Влияние

СС выросло с началом войны: уже 30 октября 1939 г. Гиммлер отдал приказ очистить от евреев северо-восточную часть Польши (район Варты) и присоединить ее к Рейху. Польшу (вернее «генерал-губернаторство») после ее поражения в войне стали рассматривать как «германскую Сибирь»⁷⁰² и ссылали туда все нежелательные для Германии элементы. Политика вытеснения и депортаций евреев привела к созданию гетто — первое возникло в Лодзи (этот польский город оккупанты переименовали в *Litzmannstadt* — в честь немецкого генерала Первой мировой войны) в декабре 1939 г. Незадолго до переименования города, 10 ноября 1939 г., — в годовщину «хрустальной ночи», — были сожжены 4 главных синагоги Лодзи. Почти сразу после оккупации для всех евреев Польши была введена обязательная трудовая повинность. Неработоспособных евреев (женщин, детей, стариков) обрекали на медленную смерть в гетто, а работоспособных истощали и в конечном счете убивали тяжелой работой. Это и были первые практические шаги на пути к «окончательному решению еврейского вопроса» еще до того, как это решение было принято. Чуть позже Лодзинского гетто возникло Варшавское гетто⁷⁰³, социальные и гигиенические условия жизни в котором были настолько страшными, что даже местным нацистским функционерам приходила в голову мысль, а не гуманнее ли будет убить престарелых и нетрудоспособных евреев.

Люди, задающие вопрос, почему евреи своевременно, то есть до начала войны, не покинули Рейх, — упускают из виду то обстоятельство, что большинство немецких евреев не менее, чем сами немцы, чувствовали свою укорененность в немецкой культуре, традиции и языке, поэтому сама мысль об эмиграции и о необходимости вживаться в иной мир была для них тяжела; эти евреи не понимали, почему они должны уезжать и считали гонения временными. К тому же, среди немецких евреев было довольно мало сионистов, хотя чем страшнее вели себя нацисты, тем лучшую поддержку, казалось бы, получали для пропаганды сионисты (не только в Германии, но и в

других европейских странах). В апреле 1933 г. под руководством сионистов все еврейские организации Германии консолидировались и основали «Имперское представительство немецких евреев», главой которого был единодушно избран выдающийся мыслитель раввин и философ Лео Бек (*Leo Baeck*, 1873—1956). До 1939 г. «Представительство» проделало большую работу по организации помощи немецким евреям; средства оно получало не только от еврейской общины в Германии, но и из-за границы, от таких организаций как *American Joint Distribution Comitee*, *Central British Fund*.

«Имперское представительство немецких евреев» работало до 10 июня 1943 г., когда весь его состав был арестован и отправлен в концлагерь Терезиенштадт. В «привилегированном» концлагере Терезиенштадт было учреждено даже еврейское самоуправление, но в итоге евреев и из этого лагеря отправляли в Освенцим, Трешлинку, Белзек, Собибор. Для немецких евреев Терезиенштадт стал символом предательства Германии по отношению к ним, людям, которые чувствовали себя причастными к немецкой культуре и были в самом деле в высшей степени ассимилированы ею, тем, которые много сделали для ее процветания, тем, которые остались лояльны к своей родине до конца.

Несмотря на препоны властей, до 1941 г. эмигрировало около 300 тыс. евреев: если в 1871 г. евреи в населении Германии составляли 1% (382 тыс. человек), в 1925 г. — 0,9% (568 тыс.), то в 1939 г. — 0,32% (222 тысячи)⁷⁰⁴. Все страны Запада страдали от последствий кризиса 1929 г., везде царил массовая безработица, поэтому на Западе принимали только тех, кто имел определенные средства или родственников в данной стране. Из этих двух возможностей немецкие евреи преимущественно пользовались второй, поскольку драконовские меры нацистских властей не позволяли вывезти сколько-нибудь значительные средства. Серьезным препятствием было и то, что профессии немецких евреев не соответствовали спросу на сельскохозяйственных и промышленных рабочих и ремесленников. Ни одно государство не хотело принимать

у себя евреев ненужных профессий, если они не могли доказать финансовую состоятельность. Европейские страны заботились, прежде всего, о собственных интересах. Следует помнить и о другой важной проблеме — немецкие евреи были не единственным значительным потоком эмигрантов — большой антисемитизм царил в этот период в Польше, неблагоприятно для евреев дело обстояло и в Румынии, Латвии, Литве и Венгрии⁷⁰⁵. Вследствие столь широкой эмиграции у еврейских организаций катастрофически не хватало денег.

Что касается эмигрантской политики нацистов, то они одновременно и форсировали и тормозили еврейскую эмиграцию. Одно время нацисты даже поддерживали⁷⁰⁶ нелегальный выезд в Палестину; в августе 1933 г. ими было заключено соглашение с сионистами о переезде евреев в Палестину, куда до 1939 г. выехало около 60 тыс. евреев⁷⁰⁷. Заманчивое, казалось, предложение выехать в Палестину не принималось многими евреями по той причине, что там были нужны только молодые, способные к физическому труду люди; к тому же состоятельные немецкие евреи хотели и в эмиграции сохранить прежние стандарты, что тогда в Палестине было невозможно⁷⁰⁸. Ради поощрения выезда евреев в Палестину был даже заключен договор о переводе финансовых средств из Германии за границу (*Haavara-Abkommen*⁷⁰⁹), допускавший пересылку евреями денег (трансфертные операции). Некоторое время (между 1937 и 1938 гг.) немецкое государство следующим образом содействовало выезду евреев: выезжающие за пределы Германии состоятельные евреи с капиталом в 30 тыс. рейхсмарок на одного человека (или 50 тыс. на семью) могли определенную часть этих средств перевести в валюту и выехать вместе с деньгами; остатки этих средств министерство финансов удерживало для формирования «попечительского фонда». Несколько тысяч бедных эмигрантов могли воспользоваться услугами этого фонда, получив «*show-money*» в размере 600—900 золотых рейхсмарок. В 1938 г., однако, этот фонд был исчерпан⁷¹⁰.

Руководство СД на самом деле долгое время (практически до войны) собиралось выселить полмиллиона не-

мецких евреев в Палестину; особенно рьяно в этом направлении действовал один из функционеров СД Леопольд фон Мильденштейн. Итог его усилий оказался незначителен: в 1933 г. из выехавших евреев только 19% отправилось в Палестину, в 1934 г. — 38%, в 1935 г. — 36%, в 1936 г. — 34%, в 1937 г. — 17%⁷¹¹. Мильденштейн создал в СД еврейский реферат (отдел), который получил служебное обозначение II 112. Это событие знаменовало начало осуществления собственной эсэсовской политики в отношении евреев. От сионистских организаций Мильденштейн требовал создания в Германии трудовых лагерей для еврейской молодежи с целью обучения ее труду на земле (это пригодилось бы в киббуцах в Палестине). Любопытно, что и нацисты и сионисты признавали нацию мерой всех вещей. Именно Мильденштейн пригласил в свой реферат уроженца австрийского Золингена Адольфа Эйхмана, которому была суждена столь зловещая роль в «окончательном решении еврейского вопроса». Ничто в прежней жизни Эйхмана не указывало на его антисемитизм, но, в целях продвижения по служебной лестнице, он стал экспертом по еврейскому вопросу. Мильденштейн не нравился Гимmlеру своей неортодоксальной манерой общения; он был уволен и потом служил в МИДе. Эйхман же в разговоре так ловко обыгрывал всевозможные реалии из еврейской истории и жизни, что даже прошел слух, что он из палестинских немцев. Слух этот потом долго циркулировал в исторической литературе; впрочем, Эйхман на самом деле был двое суток в Хайфе. Целью его поездки туда (2 октября 1937 г.) была встреча с руководителем еврейской тайной организации самозащиты «Хагана» при Всемирной сионистской организации Фейвелом Полькесом. Из-за арабских волнений эту встречу пришлось перенести в Каир. Полькес сказал, что радикальный нацистский антисемитизм благотворно воздействует на увеличение еврейской эмиграции в Палестину, где численность еврейского населения вскоре превысит арабскую. Плоды поездки Эйхмана ему самому показались незначительными, зато начальство в лице Гимmlера и Гейдриха было чрезвычайно довольно,

и с января 1938 г. (после аншлюса) Эйхману поручили организацию выезда всех австрийских евреев; при этом он был произведен в чин унтерштурмфюрера. СС впервые получила самостоятельность в столь важном вопросе внутренней политики Третьего Рейха. Если до Эйхмана выезд евреев был их личным делом, то при нем началось принуждение. Именно при Эйхмане СС стали прибирать к рукам компетенции в еврейском вопросе: некоторые историки даже рассматривают «хрустальную ночь» как попытку бунта Геббельса против руководящей роли СС в этом вопросе: известно, что Гиммлер и Геббельс не переносили друг друга. Если это так, то бунт этот был неудачным.

В июле 1938 г. на берегу Женевского озера состоялась международная конференция по вопросу об еврейской эмиграции из Германии. Эта конференция констатировала, что существующие квоты уже исчерпаны, и создала еще один совершенно бесполезный комитет⁷¹² «*Intergovernmental Committee for Refugees*» (межправительственный комитет по делам беженцев), который никакими полномочиями не обладал.

В 1934—1935 гг. главной принимающей страной была Франция, но она сама находилась в тяжелом экономическом положении, и работу там было найти почти невозможно, поэтому многие евреи возвращались обратно. К тому же французские и бельгийские законы ограничивали возможность получить работу эмигрантам. Маленький Люксембург вплоть до немецкого нападения в 1940 г. предоставлял евреям убежище; в Голландии нашли временное убежище (до 1940 г.) — 25—30 тыс. немецких евреев. Италия предоставляла евреям убежище до сентября 1938 г., когда Муссолини под немецким давлением прекратил эту практику. Впрочем, хотя в Италии и Испании и были приняты расистские законы, но общественность их не принимала и не понимала, и практического значения они не имели. Нужно отметить, что и сами евреи рассматривали европейские страны как промежуточный этап для эмиграции либо в Палестину, либо в США. Немецкие евреи, как правило, без труда получали в этих «про-

межуточных» странах вид на жительство, но устроиться на работу они не могли и ехали дальше. В 1939 г., в связи с закрытием еврейских предприятий, СД сообщала о возникновении проблемы еврейской безработицы; в этой связи в ряде земель Германии заговорили о необходимости создания специальных рабочих лагерей для евреев, ибо они не могли бесконечно оставаться бременем на шею государства и благотворительных организаций, которые подчас чувствовали себя обязанными хоть как-то помогать евреям. Как передавали информаторы СД, соответствующие инстанции не чинят препятствий против того, чтобы занимать евреев на немецких предприятиях, при условии, что евреи будут работать отдельно от арийцев⁷¹³.

Англия приняла наибольшее число эмигрантов из Германии, она принимала больше всех и дольше всех. До осени 1938 г. на британских островах спаслось 11 тыс. евреев, после «хрустальной ночи» туда прибыло еще 40 тыс. человек. Благородной акцией британцев была немедленная (после погрома 1938 г.) эвакуация еврейских детей — тысячи детей специальными транспортами были вывезены из Германии и спасены от смерти в военных лагерях. Любопытно, что бывшая премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер вспоминала, что именно от еврейской девочки, принятой ее семьей, она впервые узнала, что такое нацизм. Надо думать, это был запоминающийся урок и не только будущей «железной леди», но и для многих ее соотечественников.

Для еврейских эмигрантов из Германии самыми желанными странами были США и Палестина. Палестина была британской подмандатной территорией, и энергичные молодые еврей-сионисты, готовые вести жизнь колонистов-поселенцев, попадали туда в соответствии со сложной системе квот. По официальным данным *Jewish Agency*, с 1933 по 1936 гг. из Германии в Палестину выехало 29 тыс. евреев, а в 1937-1941 гг. — еще 18 тыс.. Нелегальное переселение (*Alija Beth* или *Haapala*⁷¹⁴) было делом рискованным и редким⁷¹⁵. До определенного момента нелегальное переселение осуществлялось помимо сионистов; только к 1939 г. сионистское движение смогло

создать собственные организации для его осуществления. Из-за этого в 1939 г. нелегально в Палестину проникло 17 тыс. евреев, а легально — 11 тыс. Руководство *Jewish Agency* в лице Бен Гуриона и Элизер Каплан сначала было против нелегальных действий — они ничего не хотели предпринимать без ведома Британии и вопреки ее воле: они верили в расширение сотрудничества с Британией и не хотели портить с ней отношения. Лишь в конце 1938 г., поняв, что британская политика идет скорее на пользу арабам, Бен Гурион объявил о поддержке нелегалов; во время войны по объективным причинам нелегальное переселение евреев почти совершенно прекратилось.

Квоты на въезд в США стали непреодолимым барьером для многих евреев, но одно время — в 1931—1935 гг. — из-за всевозможных проблем число «евреев-возвращенцев» из США превышало число эмигрантов в США. Так, евреи — преподаватели высших учебных заведений имели шанс получить работу в США, но для подтверждения диплома юристы и врачи должны были пройти американские квалификационные экзамены, что в силу разницы стандартов было довольно сложно⁷¹⁶. Именно поэтому до 1939 г. ежегодные немецкие квоты для въезда в США не исчерпывались как по причине нехватки у выезжающих валюты, так и по причине ограничительной политики американских властей. Очень неприятный эксцесс произошел с пароходом «Сент-Люис», который 13 мая 1939 г. с 937 евреями на борту вышел из Гамбурга и 27 мая прибыл в Гавану; кубинский диктатор Федерико Ларедо Брю принял только 27 беженцев, объявив визы остальных недействительными. Пароход взял курс на Флориду, но и там было отказано в приеме. 17 июля 1939 г. пароход вернулся в Европу, в Антверпен. Только половина пассажиров этого судна пережила войну и холокост⁷¹⁷. После ноябрьского погрома 1938 г. въезд евреев в США был облегчен, но во многих случаях это было запоздалое решение. До этого американские власти не хотели наплыва нищих евреев из Восточной Европы, а чуть позже боялись, что среди европейских евреев, — в первую очередь среди немецких, — будет много нацистских шпионов. Однако

несмотря на все препоны и трения, США были самой важной для евреев Германии и Австрии страной эмиграции — 130 тыс. человек нашло там спасение от неминуемой смерти. 1939 г. был самым важным годом эмиграции — в этот год из Германии переселилось около 80 тыс. евреев. В 1940 г. эмигрировало еще 15 тыс., в 1941 г. — 8 тыс.,⁷¹⁸ а 23 октября 1941 г. еврейская эмиграция из Германии была закрыта; вскоре нацисты приступили к «окончательному решению еврейского вопроса», означавшему концентрацию и постепенное убийство европейских евреев в концлагерях Польши.

Под воздействием пропаганды антисемитские настроения в Германии нарастали: евреи стали чужими для арийских земляков; и когда осенью 1941 г. началась транспортировка евреев из собственно Германии (*Altreich*) на Восток, никто (или почти никто) не протестовал. Нацисты сделали безошибочную ставку на человеческое равнодушие: лишь немногие немцы спрашивались об исчезнувших соседях; некоторые рассчитывали на освободившуюся жилплощадь, другие зарились на добро евреев, третьи на престижную работу и освобожденные евреями вакансии. Даже обеспеченные люди так или иначе были захвачены конформизмом. Под влиянием этого конформизма собственный антисемитизм стал для многих немцев «невидимым». Немцы, которые, рискуя собственной жизнью, спасали евреев, были весьма немногочисленны; они удостоены камня памяти и благодарности на иерусалимском мемориальном кладбище *Yad Vashem*.

Холокост и немцы

«Сегодня я снова хочу быть пророком. Мое пророчество таково: если мировому еврейству вновь удастся вовлечь народы в мировую войну, то результатом этой войны станет не большевизация мира и победа мирового еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе».

(Гитлер, речь в рейхстаге 30 января 1939 г.⁷¹⁹)

«Можно ли в полной мере представить себе, что брат, друг, возлюбленная умерли под страшными пытками? Может быть, трусость не позволяет нам это представить? Вполне может быть, ибо если в полной мере вообразить себе смерть, тогда нельзя и жить больше. Только благодаря нашему равнодушию мы и продолжаем жить — это горько и стыдно признать. Кто во всем мире поднялся, чтобы отомстить за страдания сотен тысяч убитых армян? Кто возмутился пыткам инквизиторов? Известия об убийствах евреев обошли всю землю. Может быть, кому-то от этого известия завтрак показался менее вкусным, чем обычно? Может быть, кто-то не захотел больше жить, так как его душило представление о чудовищных страданиях, причиненных невинным людям?».

(Р. Андреас-Фридрих⁷²⁰)

Обещанное с началом войны «окончательное решение еврейского вопроса», вылившееся в холокост, отличалось по своей радикальности и жестокости от прочих насильственных действий нацистов; даже программа эвтаназии проистекала из совершенно иных идеологических посылок и имела отличный от холокоста характер. Если эвтаназия планировалась и развивалась по строгому сценарию, то массовые убийства евреев не были линейным процессом — они развивались, преодолевая противодействие иммунной системы, как развивается болезнетворный вирус в человеческом организме. Поскольку осуществить детальный анализ хитросплетений причудливо развивавшихся злодеяний нацистов по отношению к евреям в рамках данного исследования невозможно, то обратимся к некоторым характерным интенциям, обусловившим подобное обращение с евреями, и к реакции на него немецкого общества.

С момента завоевания Польши еврейский вопрос приобрел для нацистов новое измерение: дело в том, что в

Польше проживало больше всего (за исключением СССР) европейских евреев — 3,5 млн человек, при этом 2 млн человек попало в немецкую зону оккупации Польши (остальные — в советскую). В целом, когда летом 1941 г. Гитлер захватил западные районы СССР, под немецкой оккупацией на Востоке оказалось около 4 млн евреев⁷²¹. К ним гитлеровцы и захотели присоединить немецких евреев: изгнание евреев из Рейха было частью нового порядка в Европе. План перемещения немецких евреев в Польшу появился не сразу. О судьбе немецких, а затем и европейских евреев в нацистской верхушке много спорили. Вокруг этого вопроса плелись всевозможные интриги; был даже проект переселения евреев на Мадагаскар: этот план еще в 1927 г. предложил голландец Эгон ван Винглене, одно время его поддерживал Гейдрих. В июле 1938 г. на конференции по еврейскому вопросу во французском городе Эвиане⁷²² польская сторона повторила это предложение голландца⁷²³. Мадагаскарский план по своей нелепости был весьма похож на сталинский план переселения евреев в Биробиджан или на план П. П. Пестеля о переселении евреев и помощи им в учреждении собственного государства в Малой Азии⁷²⁴. 25 августа 1940 г. Гейдрих передал этот план Риббентропу — после поражения Франции нацисты собирались отобрать у нее Мадагаскар, создать там военно-морскую базу, а также поселить там 4 млн евреев. Мадагаскарский план нацисты считали удачным вариантом, так как Палестина принадлежала мусульманам и христианам. Первый транспорт на юг Африки должен был состоять преимущественно из крестьян, строителей, ремесленников и врачей; каждый мог захватить с собой до 200 килограмм багажа⁷²⁵. В преддверии «окончательного решения еврейского вопроса» евреев продолжали концентрировать в генерал-губернаторстве Польша, в этом «большом зале ожидания»; никто еще не знал, что с началом восточного похода вермахта Польша предстоит превратиться в «зал ожидания» смерти. О «мадагаскарском проекте», впрочем, забыли не сразу — за три недели до нападения на СССР Гитлер говорил о нем с Муссолини; месяц спустя в беседе с хорватским лидером Квартерником он уже вы-

бирал между Сибирью и Мадагаскаром⁷²⁶. С лета 1941 г. конкурирующие ведомства СС (ведомство рейхсфюрера и РСХА) ломали себе голову над тем, как исхитриться и переправить на Восток 10 млн славян из Польши и западных советских районов и освободить территорию для расселения немцев-колонистов.

Сразу после оккупации Польши Гейдрих приказал создать еврейскую резервацию — город бараков Ниско, юго-западной Люблина на реке Сан — и перевезти туда всех польских, а затем и немецких евреев. Осуществить этот план не удалось по многим причинам, в том числе и из-за противодействия Геринга, который, будучи генеральным уполномоченным по четырехлетнему плану беспокоился за трудовые резервы, в которых евреи составляли значительную величину. Осенью 1941 г. дефицит рабочей силы в Германии составлял 2,6 млн человек — это обстоятельство и побудило нацистов перестать игнорировать советских военнопленных, брошенных на произвол судьбы и обреченных на голодную смерть; их стали использовать в качестве рабочей силы⁷²⁷. Решив таким образом вопрос с рабочей силой, нацисты перешли к реализации зловещих планов по отношению к евреям.

Еще в разгар боевых действий в Польше, 10 сентября 1939 г., эксперт по переселенческим вопросам А. Эйхман предложил своему начальству депортировать евреев из моравской Остравы, а также из Вены в восточную Польшу. Это предложение Эйхмана ему же и вернулось в виде приказа, подписанного главой гестапо Г. Мюллером; правда в приказе речь шла о евреях не только Остравы, но и Катовице. Известие о предстоящем переселении быстро распространилось среди функционеров, и руководитель берлинской криминальной полиции просил Эйхмана заодно депортировать и цыган из Берлина; Эйхман согласился. Первый транспорт отправился 18 октября 1939 г. в город бараков Ниско (у Люблина, в Восточной Польше). Для строительства лагеря эсэсовская охрана отрядила только небольшую часть евреев, а остальных под свист, улюлюканье и стрельбу пытались прогнать на советскую сто-

рону; эти эксцессы вызвали протесты местных властей, военных и советской стороны. Начальство Эйхмана также было недовольно отсутствием организации в действиях подразделений СС. После неудачи первой попытки создания гетто в Ниско эсэсовцы решили переселять евреев в Люблин. В марте 1940 г. в Люблин было депортировано 160 евреев из Германии. Им ничего не разрешили взять в дорогу и даже отобрали теплые вещи и белье. На месте их распределили по трем деревням в 30 км от Люблина; к месту назначения полураздетых людей эсэсовская команда погнала по двадцатиградусному морозу. Дорога уже была усеяна трупами евреев, которых эсэсовцы депортировали из Щецина и прогнали той же дорогой. Тем евреям, которые смогли одолеть этот путь, ампутировали отмороженные пальцы или конечности⁷²⁸. Эти случаи бессмысленной жестокости показывают, что в войну положение евреев начало стремительно ухудшаться.

В октябре 1940 г. возникло Варшавское гетто, в марте 1941 г. — Краковское гетто, в апреле 1941 г. — гетто в Радоме и Люблине. Поскольку гетто были временными, то условия жизни там были совершенно дикими: в Варшавском гетто 445 тыс. евреев теснились в небольшом городском квартале в 61 295 квартирах, по 7,2 человека на комнату. В Варшавском гетто 30% населения города оказалось втиснуто на 2,4% его территории. Ранее в районах Варшавы, отошедших под гетто, проживало 80 тыс. жителей, теперь — почти полмиллиона. Даже на улицах гетто была постоянная толкучка. Уровень смертности в гетто был очень высок: в Лодзинском гетто погибло 25% населения, в Варшавском — 18%⁷²⁹. Нет ничего удивительного в том, что в нечеловеческих условиях евреям очень трудно было проявлять друг к другу участие. После своего визита в Лодзинское гетто Геббельс высокомерно заметил в своем дневнике: «По существу, это не люди, их состояние неопишимо, они более похожи на животных. Наша задача по отношению к ним не гуманистического, а более хирургического свойства, причем хирург должен действовать быстро и радикально»⁷³⁰. Чем тя-

желее становилось положение на фронте, чем большие трудности были со снабжением, тем хуже становилось положение евреев.

Именно в Польше руководство СС еще до начала похода на Советский Союз опробовало механизм массовых убийств, которые в Польше осуществляли оперативные группы полиции безопасности и СД (*Enisatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD*), подчинявшиеся Гейдриху. Эти подразделения имели задачу уничтожать всех «мировоззренческих» противников Третьего Рейха, национальную интеллигенцию, духовенство и политиков. Незадолго до нападения на Польшу было образовано шесть обозначенных римскими цифрами оперативных групп СС (по числу армий, действовавших в Польше, плюс одну группу специально для Познани, которую Гитлер хотел включить в состав Рейха, выселив местных поляков в Варшавское или Люблинское воеводства). Эти группы в Польше преследовали (и часто просто убивали) представителей польской интеллигенции — профессоров, офицеров, националистов и политических активистов, среди которых было много евреев. Из-за протестов вермахта расстрелы поляков и евреев в польскую кампанию пришлось на некоторое время прекратить⁷³¹. Самой страшной репутацией пользовалась опергруппа Верхней Силезии «фон Войрш», возглавляемая садистом, обергруппенфюрером СС Удо фон Войршем. К концу сентября 1939 г. командующий группой армий «Юг» Рундштедт потребовал незамедлительного прекращения преследований евреев. Гитлер, однако, встал на сторону СС и партии: он ликвидировал военную администрацию в Польше, назначив Форстера гауляйтером в Западную Пруссию, Грейзера гауляйтером в область Варты, Вагнера гауляйтером в Силезию, а Ганса Франка — генерал-губернатором остальной Польши. Иными словами, у власти в оккупированной Польше оказались самые радикальные и фанатичные партийные функционеры. Получив необходимые полномочия, гауляйтеры оккупированных польских территорий предоставили полную свободу деятельности (там, где она не ущемляла их собственную власть) опергруппам

СС, переименованным в различные подразделения гестапо или СД. В итоге Рундшедт подал в отставку, но и сменивший его генерал Йоханнес фон Бласковиц (слышавший довольно жестким человеком) в своих рапортах описывал ненависть и отвращение, вызываемые действиями опергрупп СС. Есть сведения, что в ставке Гитлера армейские офицеры перестали подавать ээсовцам руку⁷³². После польского похода вермахт представил Гитлеру том документов о зверствах СС, а последние в отместку представили документы о зверствах вермахта⁷³³. Этот неудачный опыт Гейдрих учел при нападении на СССР; здесь опергруппы получили и собственную юрисдикцию, и обязательства вермахта помогать им, и «приказ о комиссарах», на основании которого они и действовали. Оперативные группы полиции безопасности и СД на Восточном фронте подчинялись армейскому командованию лишь в вопросах, касающихся перемещения, питания и организации быта. Во всех других отношениях вермахт мог запретить действия опергрупп только в том случае, если они мешали проведению военных операций. Гейдрих широко трактовал задачи опергрупп: «Функционеры и активисты коммунистической партии, евреи, цыгане, саботажники и шпионы должны рассматриваться как лица, которые своим существованием угрожают безопасности войск и таким образом незамедлительно подлежат уничтожению»⁷³⁴.

С нападением на СССР геттоизация евреев продолжалась, но уже в качестве подготовительной меры по «окончательному решению еврейского вопроса», под которым подразумевалось выселение всех евреев из Европы; а когда это выселение потеряло смысл из-за наступления советской армии, то и убийство этих людей. В соответствии с предварительным, черновым «Генеральным планом Ост» в версии от 15 июля 1941 г., предполагалось переселение 5—6 млн европейских евреев на Восток за пределы районов, подлежащих немецкой колонизации. Конкретных очертаний это «окончательное решение» так и не приняло: по всей видимости, никто себе точно не

представлял, что и в какой последовательности нужно делать; в итоге все это завершилась холокостом.

После нападения Германии на СССР нацистская пропаганда принялась еще более интенсивно демонизировать евреев, возлагая на них ответственность как за «грабительский капитализм», так и за большевизм.

В ходе подготовки к реализации плана «Барбаросса» все большее внимание нацисты стали уделять гитлеровским планам ликвидации «преступной еврейско-большевистской элиты». Гитлер был убежден в том, что Сталин развязал геноцид при помощи евреев, сменивших руководящий слой русских и балтийских немцев; его вывод гласил: в рамках «плана Барбаросса» евреев необходимо уничтожать в качестве штрафной и превентивной меры. К марту 1941 г. контуры будущей войны мировоззрений были вполне ясны, они и повлияли решительным образом на судьбу евреев Европы. Дело в том, что пункт 12в, собственноручно внесенный Гитлером, гласил, что рейхсфюрер СС получает особые полномочия для обеспечения политического управления на территории СССР; в рамках этой задачи он действует самостоятельно.

Через две недели после нападения на СССР Гейдрих, в соответствии с полученными полномочиями, дал оперативным группам полиции безопасности и СД письменные инструкции; 4 пункт этих инструкций гласил: «Экзекуции подлежат все функционеры Коминтерна и коммунистической партии, советские работники вплоть до районного масштаба, всевозможные нарушители (саботажники, паникеры, уголовники, партизаны), евреи, являющиеся партийными или советскими работниками»⁷³⁵. Понятно, что экзекуции подлежали все евреи, ибо выяснить на месте, кто является советским работником, а кто нет, было невозможно. Эта неожиданная радикализация войны на Востоке и предопределила судьбу евреев в лагерях на территории Польши. Иными словами, с началом войны на Востоке (точнее, с осени 1941 г.) началось уничтожение сначала советских, а затем и европейских евреев. Действия СС на Востоке были сугубо секретными: в сентябре 1941 г. Гейдрих издал приказ осуществлять

все мероприятия против евреев тайно; круг осведомленных лиц был крайне узок. Даже имперский комиссар в Минске Вильгельм Кубе (впоследствии убитый партизанами) ничего об этом не знал⁷³⁶. После убийства 12 тысяч евреев Минска (7 ноября 1941 г.) эсэсовское начальство доложило по инстанции, что в гетто Минска освобождено место для немецких евреев. Против этого, однако, был В. Кубе, считавший «извращением» помещать людей (немецких евреев) из немецкого культурного круга в столь недостойные условия. Кубе подчеркивал, что среди немецких евреев есть награжденные боевыми орденами ветераны Первой мировой войны, квалифицированные рабочие и ремесленники; некоторые из них — евреи только на четверть. Кубе был категорически против подобного обращения с немецкими евреями. К прочим евреям благосклонность Кубе не относилась; так, в июле 1942 г. он рапортовал, что за предыдущие 10 недель было уничтожено 55 тыс. белорусских евреев⁷³⁷. До Гейдриха дошли слухи, что супруги Кубе имели парикмахера-еврея и еврейскую прислугу, услуги которых они оплачивали овощами и фруктами. Кубе всем давал понять, что немецкие евреи находятся под его опекой⁷³⁸.

Такая реакция на депортацию немецких евреев была редкостью: вакханалия смерти и массовых убийств на Восточном фронте продолжалась, и она отразилась на положении всех евреев, в том числе и немецких. В середине октября 1941 г. немецкие евреи получили распоряжение явиться на сборные пункты. Следующим шагом властей было распоряжение об эвакуации немецких евреев из Рейха на Восток. Из Баварии в Ригу первый транспорт с евреями (1001 человек взрослых и 9 детей) был отправлен 29 ноября 1941 г.⁷³⁹ За ним последовали другие транспорты: в Люблин, в Терезиенштадт и в другие восточные лагеря. 7 июля 1943 г. регирунгспрезидент Верхней и Средней Франконии докладывал, что последние 86 евреев отправлены на Восток и 36 в Терезиенштадт⁷⁴⁰. Тот же регирунгспрезидент рапортовал, что никаких беспорядков и протестов в процессе выселения евреев не было, за исключением двух случаев самоубийств евреев. Что ка-

сается слухов о систематических убийствах евреев на Востоке, то в это мало кто из немцев верил, считая эти слухи пропагандой противника⁷⁴¹.

Выселение евреев проводилось с чисто немецкой пунктуальностью: до отъезда евреи должны были уплатить все долги по квартплате, газу, свету и воде; жилье следовало оставить в хорошем состоянии. 15 октября вышло указание передать все права распоряжения еврейской собственностью полиции. Распоряжение от 25 ноября 1941 г. гласило, что, поскольку евреи потеряли немецкое гражданство, они не являются гражданами Германии и должны быть выселены за пределы страны; их имущество переходит в собственность Рейха. Все дела, связанные с выселением евреев, были поручены входившему в отдел IVB РСХА (во главе этого отдела стоял группенфюрер СС Г. Мюллер) реферату 4, которым руководил шестой по рангу офицер отдела IVB подполковник (*Sturmabfuhrer SS*) Адольф Эйхманн, обративший на себя внимание руководства СС во время выселения евреев из Чехии. Эйхманн был типичным, весьма исполнительным и вполне заурядным немецким бюрократом, которого после войны судили чуть ли не как главного палача евреев, — очевидно, это было пропагандистское преувеличение, хотя он, без сомнения, был одним из эсэсовских убийц и вполне заслужил своей участи.

Собственно, приказ Гитлера об «окончательном решении еврейского вопроса» (точно сказать, что это значило, довольно трудно) устно сформулировал Геринг, когда 31 июля 1941 г. поручал Гейдриху предпринять все необходимые практические меры⁷⁴². 20 января 1942 г. организационные детали депортации немецких евреев из Германии обсуждались на конференции в Ванзее под председательством Гейдриха. Конференция постановила, что евреи, которые не могут быть использованы на производстве, подлежат «специальной обработке»⁷⁴³. Этот эвфемизм применялся для обозначения убийства. Две недели спустя, на секретном совещании в Праге, Гейдрих говорил уже о необходимости депортации 11 млн европейских евреев в лагерь на территории советского Заполя-

рья. Строить эти лагеря должны были чехи, не подлежащие германизации. Количество заключенных, которых можно было переправить в советские лагеря, оценивалось в 15—20 млн. Гитлер не принял этого решения, вообразив, что суровые климатические условия приведут к закалке евреев и возникновению особой породы людей, способной перенести любые лишения. (Опыт советского Гулага в северных районах этого не подтверждал)⁷⁴⁴. Впрочем, из-за транспортных проблем нацистам все равно пришлось остановиться на Польше. Французский режиссер Клод Лянцман высказал абсурдное предположение, что концлагеря, в которых погибла значительная часть евреев, устраивали именно на территории Польши, потому что поляки имеют сильную предрасположенность к антисемитизму. На самом деле нацисты отказались от планов строительства крупных концлагерей во Львове, Могилеве, Саласпилсе или в советском Заполярье только по той причине, что советская железнодорожная колея была шире европейской (это затруднило бы транспортировку), а также вследствие хода военных действий⁷⁴⁵.

17 января 1942 г. вышло распоряжение о поголовном выселении евреев из Германии (за исключением кавалеров Железного креста первой степени); евреев, живущих в смешанном браке, и тех, кому больше 65 лет⁷⁴⁶. Все акции по сбору и отправке евреев осуществляли подразделения СС, по распоряжению Гитлера изъятые из юрисдикции военных и имевшие собственные суды⁷⁴⁷. Транспорт за транспортом отправлялся в лагеря на территорию Польши до февраля 1943 г. После этого в Германии остались лишь немногие функционеры еврейского самоуправления в Германии, а также те, кто состояли в браке с немками (немцами).

Редкий случай сопротивления был отмечен в начале 1943 г., когда берлинское гестапо собралось вывезти из города оставшихся на некоторых предприятиях евреев; с работы их должны были депортировать в Освенцим. Немок, проживавших в браке с евреями было всего 13 тыс., полторы тысячи из них оказали спонтанное сопротивле-

ние властям на Розенштрассе (в Берлине). Женщины несколько дней подряд скандировали слова протеста на месте сбора мужей для отправки в концентрационный лагерь. Демонстрацию разгонять не стали, а арестованных через пару дней освободили, и... произошло чудо: решение о депортации было отменено, и мужчин вернули в их семьи; в обществе, в котором попирались все нормы закона и морали, чудо совершила группа мужественных и любящих женщин⁷⁴⁸. По всей видимости, Гитлер не захотел, чтобы «окончательное решение еврейского вопроса» сделалось испытанием для национальной общности. То, что 2000 берлинских евреев были отпущены СС, долгое время считалось феноменом истории Третьего Рейха. Немецкий историк Вольф Грунер выяснил, что РСХА и без протестов отпустило бы этих людей, так как на конференции в Ванзее было решено исключить из числа депортируемых на Восток евреев тех, кто состоял в браке с немками⁷⁴⁹. Поправка историка ничуть не преуменьшает подвига людей, пришедших протестовать на Розенштрассе. Этот случай показывает, сколь большое значение даже в тоталитарной системе имело решительно высказанное общественное мнение. Как указывал американский историк Натан Штольцфус, 98% спасшихся немецких евреев имели арийских жен; что касается жен-евреек, то они были «аризированы» по решению Гитлера еще в 1938 г.⁷⁵⁰ Были и трагические случаи, связанные с желанием обратить внимание общественности на эту проблему: актер Йоахим Готтшальк (1906—1941), протестуя против антисемитской политики нацистов, покончил с собой вместе с женой-еврейкой и сыном. Известный философ Карл Ясперс отказался развестись со своей женой-еврейкой, и она прожила с ним до конца войны. Известный филолог В. Клемперер (еврей) благодаря своей жене всю войну прожил в Лейпциге и остался жив. Клемперер оставил великолепное исследование о языке Третьего Рейха, а также популярные в объединенной Германии мемуары, в которых он описывал слухи, которые ходили в городе по поводу насильственного расторжения властями смешанных браков.

К началу войны с СССР было сформировано четыре оперативных группы полиции безопасности и СД; в общей сложности — 3 тыс. эсэсовцев. Они и начали массовые убийства на Восточном фронте: в Крыму, Прибалтике и Белоруссии. Уже 29 декабря 1942 г. Гиммлер доносил Гитлеру, что опергруппами полиции безопасности и СД только на юге России было уничтожено евреев в августе — 31 246, сентябре — 165 282, в октябре — 95 735, ноябре — 70 948⁷⁵¹. Для советских евреев удар эсэсовцев оказался совершенно неожиданным: советская пресса ничего не сообщала о нацистском антисемитизме. Между июнем 1941 и апрелем 1942 гг. опергруппами в СССР было убито 560 тыс. человек; какая часть из них была евреями, сейчас уже выяснить невозможно.

В то время, когда опергруппы полиции безопасности и СД полным ходом осуществляли массовые убийства евреев, эсэсовская верхушка обсудила детали плана «окончательного решения еврейского вопроса» на упомянутой выше конференции (20 января 1942 г.) под председательство Гейдриха в Ванзее⁷⁵². Главной целью конференции было проверить реакцию государственной бюрократии на планируемое убийство европейских евреев — реакция эта не было негативной, но, правда, никто из собравшихся и не пытался претендовать на полномочия Гейдриха и взять на себя инициативу в координации и организации этого процесса⁷⁵³. Поскольку в Прибалтике публичные акции по ликвидации евреев из Германии (поздней осенью 1941 г.) привели к нежелательной реакции общественности, Геринг запретил такое уничтожение евреев; на конференции в Ванзее по предложению Гейдриха постановили, что необходима эвакуация евреев на Восток; акции же по их уничтожению утверждались только как возможный выход из положения. Формально предлагалось уничтожение только неработоспособных евреев; на деле все вылилось в массовые убийства⁷⁵⁴. На конференции в Ванзее численность число европейских евреев оценили в 11 млн человек, в это число вошли и евреи не оккупированных Германией стран⁷⁵⁵. Неделию спустя после конференции Гиммлер распорядился переправить 100 тыс. евреев в

Аушвиц (Освенцим), где в результате жестокого обращения погибло много советских военнопленных. Освенциму суждено было стать самым крупным нацистским концлагерем, в котором погибла значительная часть депортированных туда евреев.

Сначала казалось, что часть немецких евреев попала в привилегированное положение по сравнению с теми, кого отправляли в большие концентрационные лагеря на территории Польши. На севере Чехии, в стенах старинной австрийской крепости Терезиенштадт, было создано гетто, своего рода льготный лагерь для евреев — участников войны, кавалеров военных наград, заслуженных представителей культуры, науки и искусства. Нацистов поразило количество евреев-участников Первой мировой войны: в общей сложности в ней приняло участие около 100 тыс. евреев; 3 тысячи из них получили различные награды, 12 тыс. евреев погибло⁷⁵⁶. В Бухенвальде, в изолированном бараке для особо важных узников, находились бывший австрийский канцлер К. фон Шушниг с женой, один из лидеров СДПГ Р. Брайтшайд с женой, итальянская принцесса Мафальда фон Гессен со своей служанкой из секты исследователей Библии, немецкий промышленник Ф. Тиссен (сначала его держали в доме для умалишенных), промышленник Ф. Рехлинг, шесть членов семьи Штауффенберг, генерал фон Фалькенхаузен, семья У. фон Хасселя, жена Герделера с детьми, жена расстрелянного 20 июля 1944 г. генерала Линдемана и бывший французский премьер-министр Леон Блюм⁷⁵⁷.

К началу 1942 г. в гетто на территории Польши накопилось около 2 284 000 евреев, и руководство СС приняло решение о постепенной концентрации этих евреев в концлагерях на территории Польши. Сначала депортации евреев в концлагеря осуществлялись из гетто Варшавы, Львова, Радома и Кракова, а потом и из других гетто Восточной Европы⁷⁵⁸. Во время инспекционной поездки в Люблин Гиммлер издал распоряжение (19 июля 1942 г.), что депортация евреев в концлагеря должна закончиться к 31 декабря 1942 г. К этому сроку в живых должны были

остаться лишь те немногие евреи, труд которых был важен для военной экономики Германии.

В последние месяцы 1942 г., когда депортация евреев из генерал-губернаторства в концлагеря завершалась (операции «Рейнхардт»⁷⁵⁹), ее сфера была расширена на район Белостока, где находилось 210 тыс. евреев⁷⁶⁰. Руководителем этой депортации в ноябре 1941 г. был назначен Одило Глобочник, одна из самых одиозных фигур в руководстве СС, неуправляемый садист. Кстати, его судили и казнили за служебные злоупотребления сами нацисты. Из соображений безопасности и секретности Глобочник отдавал свои приказы по преимуществу устно. К августу 1943 г. в районе Белостока евреев не осталось. Не все евреи генерал-губернаторства были перемещены в концлагеря, значительную часть их убили на месте. Так, только в районе Львова было убито 250 тыс. евреев⁷⁶¹; долгое время, вплоть до восстания в 1943 г., продолжало существовать Варшавское гетто. Как в гетто, так и в концлагерях действовала так называемая еврейская полиция самоуправления, которая в процессе депортации и преследований евреев сыграла немаловажную роль: как указывал один из знатоков истории холокоста «злой дух насилия овладел и преследуемыми, принявшими активное участие в гонениях на своих собратьев»⁷⁶².

Персонал концлагерей штаб Глобочника набирал из советских военнопленных, преимущественно украинцев, а также прибалтов и фольксдойч. Их переводили в учебный лагерь Травники, где они получали оружие и черную униформу, разделялись на взводы и роты и проходили короткий курс обучения. Учебный лагерь Травники был создан по распоряжению Гимmlера в октябре 1941 г.; там готовили персонал для массовых убийств евреев. Хотя командирами взводов и рот в персонале охраны концлагерей были немцы⁷⁶³, но в целом в преступлениях против евреев в годы Второй мировой войны кроме упомянутых представителей населения Восточной Европы (по подсчетам «Шпигеля») приняло участие около 200 тыс. немцев⁷⁶⁴.

В ходе операции «Рейнхардт» было создано три крупных концлагеря — Бельзек, Собибор и Трeблинка; в каж-

дом из этих концлагерей было ядро из 20—30 опытных организаторов массовых убийств. Им передавали свой «опыт» специалисты из «Т4», которые к осени 1941 г. выполнили поставленную перед ними задачу. Были ли они привлечены в концлагеря Ф. Булером или Глобочником — неизвестно⁷⁶⁵. По возможности, место для концлагерей выбиралось ближе к железной дороге, но в отдалении от крупных населенных пунктов, чтобы соблюсти конспирацию: официальная легенда гласила, что евреев отправляют на работы в оккупированные советские территории. Первым (к марту 1942 г.) на железнодорожной ветке Люблин-Львов был создан лагерь Бельзек; в середине марта здесь начались массовые убийства. К апрелю восточнее Люблина был построен концлагерь Собибор. Лагерь Треблинка, располагавшийся в 80 км на северо-восток от Варшавы, принял первую партию евреев из Варшавского гетто⁷⁶⁶ 23 июля; все они были уничтожены. Сначала трупы хоронили в ямах; сжигать в гигантских кострах их начали только в конце 1942 г. 27 месяцев подряд (с апреля 1942 г.) действовал самый крупный эсэсовский концлагерь — Освенцим (железнодорожная станция на ветке между Краковом и Веной). Деятельность по уничтожению евреев трудно было сохранить в полной тайне. Впрочем, до побега из Освенцима евреев Врбы и Ветцлера, а также польского майора Ежи Табо, о массовых убийствах евреев в Третьем Рейхе на Западе ничего не знали, да и свидетельствам беглецов тоже не поверили.

Освенцим состоял из трех частей: в лагере 1 жили поляки, русские, политические узники, цыгане, свидетели Иеговы, гомосексуалисты и уголовники. В лагере 3 — иностранцы, работавшие на военных предприятиях ИГ-Фарбен. Для истребления евреев существовал лагерь 2 — Аушвиц-Биркенау, в котором убивали по 12 тыс. человек ежедневно⁷⁶⁷. Около 5 млн американских евреев весьма сдержанно отнеслись к рассказам беглецов о массовых уничтожениях евреев в концлагерях на территории Польши. После вступления США в войну там всего один раз состоялся митинг по спасению оставшихся в Европе евреев. При этом лидер инициативной группы по организа-

ции этого митинга считал, что не следует слишком раздувать этот вопрос, ибо может последовать вспышка антисемитизма (?!)⁷⁶⁸.

Чудовищность происходящего накладывала отпечаток даже на очень жестоких по натуре людей. Даже садист Глобочник как-то сказал своему сотруднику, что не может видеть свою трехлетнюю племянницу — перед его глазами постоянно стоят дети из Варшавского гетто⁷⁶⁹. Трудно представить себе, что палачи не испытывали особой ненависти к жертвам: они убивали из чувства «долга» и внешне были «нормальными» людьми - не преступниками, не садистами и не психопатами. Многие из них даже не испытывали ненависти к евреям. Один из участников опергруппы полиции безопасности и СД сказал на допросе в 1962 г.: «Мы искренне верили в войну, мы верили, что утверждаем новые ценности вопреки материализму и эгоизму отдельных людей. То, что при этом происходит извращение ценностей и отход от гуманизма, — этого никто из нас тогда не осознавал»⁷⁷⁰. Во время войны самым могущественным (после Гитлера) человеком в Германии был Гиммлер, обычный обыватель — не заблудший умник-интеллектуал, как Геббельс, не шарлатан, как Розенберг, не порнограф, как Штрайхер, не истерический фанатик, как Гитлер, не авантюрист, как Геринг, — но спокойный, ровный, обязательный и корректный чиновник. Англичанин Стефен Робертс после встречи с Гиммлером в 1939 г. описывал его как «очень вежливого и обходительного человека, без малейшего намека на позу — другие нацистские бонзы любили изображать из себя полубогов. Ни одного человека на посту главы немецкой полиции немцы не уважали бы больше, чем Гиммлера, и я убежден, что из всех, кого я встречал в Германии, он самый нормальный»⁷⁷¹. Интересно отметить, что Гиммлер еще в мае 1940 г. осудил как «большевистские» и «негерманские» методы физического уничтожения целых народов; правда, это замечание рейхсфюрера относилось только к полякам⁷⁷², а не к евреям.

Из соображений конспирации акции уничтожения евреев проходили далеко за пределами Германии, на Во-

стоке, где смерть стала частью повседневности: рядом проходил фронт, серьезный прецедент создало варварское обращение с советскими военнопленными, а также упоминавшийся «приказ о комиссарах». Именно по этим причинам первый случай массового убийства евреев имел место 30 ноября 1941 г. на Восточном фронте: до осени 1941 г. превалировало намерение нацистского руководства депортировать евреев. Когда блицкриг против СССР провалился, возникла иная ситуация: положение на фронте постоянно ухудшалось, а в лагеря продолжали свозить евреев; обеспечивать их не было никакой возможности и, главное, желания. Отсюда и высокая смертность, организованная по такой же почти схеме, как и с советскими военнопленными. Ведущие израильские специалисты по холокосту сходятся на том, что долгосрочной программы уничтожения не существовало⁷⁷³, так как от нее обязательно остались бы документальные архивные «хвосты» (особенно если принять во внимание пресловутую немецкую аккуратность). Нет никаких следов целенаправленного финансирования холокоста, хотя очевидно, что это была дорогостоящая операция. Пусть «ревизионисты» спорят о существовании газовых камер и о том, есть ли смысл в выражении «лагерь смерти», — в определенном смысле лагерями смерти стали все нацистские лагеря после того, как рухнул «план Барбаросса».

Официально евреев только «переселяли» на Восток. По всей видимости, Гитлер не хотел посвящать сограждан в самое свое тяжкое преступление — убийство евреев — по той причине, что он не доверял немцам⁷⁷⁴. Нацистское руководство держало такого рода акции в глубокой тайне и даже в служебной переписке пользовалось эвфемизмами. «Политика нацистов, — писал крупный знаток холокоста Иегуда Бауэр, — по отношению к евреям развивалась спиралеобразно, но это не значит, что гитлеровцы на каждом витке имели выбор и планировали свои последующие действия. По отношению к евреям в Германии существовала только одна последовательно реализуемая и одобряемая всеми инстанциями концепция: евреям в Германии больше нет места»⁷⁷⁵. Гитлеру и не нуж-

но было давать ясные указания для радикализации процесса решения еврейского вопроса. Типичной для Гитлера была мысль, высказанная им в конце 1940 г.: гауляйтерам на Востоке должна быть предоставлена свобода, чтобы через 10 лет они смогли доложить, что их районы являются «чистыми от евреев» (*Judenrein*); их никто не будет спрашивать, как они этого добились.

Внутренняя логика перехода нацистского режима к холокосту может быть показана на эволюции положения евреев во время войны. В войну положение евреев радикально изменилось к худшему: от войны не выигрывал никто, а евреи теряли больше всех. В сентябре 1939 г. когда пришло известие о начале войны, один из приятелей Тивадора Сороса (отца известного американского финансиста Джорджа Сороса) сказал, что только что человеческая жизнь потеряла 25% своей ценности, а жизнь еврея не будет стоить и гроша, как это бывало во все времена во все войны⁷⁷⁶.

После того, как началась война, НКВД стало расстреливать тысячи политических узников в тюрьмах Дубно, Львова, Ровно, Тернополя, Станислава и др. Среди расстрелянных было много украинских рационалистов, поляков, евреев и пленных немецких летчиков, сбитых над чужой территорией; были даже маленькие дети, которых садисты из НКВД прибивали гвоздями к стене. Когда об этих зверствах стало известно, раздался призыв к отмщению, а поскольку еврейство и большевизм для оккупантов и ОУН (Организация украинских националистов) были идентичны, то начались погромы. ОУН выдвинула лозунг: «Да здравствует великая, независимая Украина без евреев, поляков и немцев. Поляков — за реку Сан, немцев — в Берлин, а евреев — на виселицу»⁷⁷⁷. Погромы приняла на Украине большой размах; глава Униатской церкви епископ Шептицкий отправил папе Пию XII и Гимmlеру письма, в которых осуждал погромы и сетовал на пагубной их воздействие на молодежь. Сам епископ приютил у себя в доме 150 еврейских детей и 15 раввинов (вопреки строжайшим запретам оккупационных властей

и угрозе расстрела за укрывательство евреев)⁷⁷⁸. Там, где нацисты не находили никаких следов преступлений большевистского режима, они использовали в качестве предлога для погромов любой пожар, взрыв, факт саботажа, а если и таковых не находилось, евреев расстреливали просто так, без предлога.

Поскольку детальный и полный анализ провокаций нацистов и их убийств евреев невозможен, то обратимся к некоторым характерным эпизодам. Что творилось на местах, можно показать на примере Львова в момент вступления туда немецких солдат.

Авангард 17 немецкой армии был в 10 км от галицийской метрополии Львова уже 27 июня 1941 г., и город взяли быстро и без труда. При отступлении советских войск НКВД учинил кровавую баню среди политических заключенных местной тюрьмы: их было убито 3500 человек; трупы были частью захоронены, частью оставлены прямо в камерах. По приказу немецкого военного коменданта трупы для опознания разложили во дворе тюрьмы - их раскладывали евреи, которых военные представляли как заговорщиков, чинивших убийства украинцев вместе с комиссарами. В дневнике XXXIX армейского корпуса вермахта отмечалось, что среди местного украинского населения царил ужас перед деяниями большевиков; царила враждебность по отношению к евреям, которые якобы охотно сотрудничали с Советами⁷⁷⁹. Геббельс сразу ухватился за возможность показать миру «звериное рыло» еврейского большевизма. По его распоряжению во Львов было отправлено 20 журналистов со специальным заданием; был снят фильм; «Вохеншау» вышла с леденящими кровью картинками львовской резни. Гитлер сказал, что это лучший документальный фильм, который он видел. Материалов для подобной пропаганды НКВД оставил более чем достаточно: по самым осторожным оценкам, НКВД с 1939 по 1941 гг. убил на этой территории в 3—4 раза больше поляков, чем нацисты⁷⁸⁰ (погибло около 100 тыс. поляков); при этом советская зона оккупации Польши по тайному протоколу от 23 августа 1939 г. была в два раза меньше, чем немецкая. Нет

ничего удивительного в том, что после немецкого нападения на СССР многие тамошние жители восприняли вермахт как освободителей, а евреев сделали объектом своей мести при потворстве, вернее, по инициативе, немецких властей...

Во Львове начался погром — ученые до сих пор так и не пришли к выводу, кто его начал: то ли опергруппы полиции безопасности и СД, то ли украинские националисты из ОУН. Польский ученый Анджей Збиковский (*Zbikowski*) доказывал, что резня евреев во Львове — это акт мести местного населения за бойню, учиненную НКВД в тюрьмах Львова⁷⁸¹. В ходе этого погрома было убито около 4 тысяч львовских евреев. 10 июля 1941 г. в польской деревне Едвабне (*Jedwabne*) местные жители убили 1600 евреев⁷⁸² — этот погром также был спровоцирован советскими зверствами⁷⁸³. Во время оргии в Едвабне немцы соблюдали «доброжелательный нейтралитет» по отношению к полякам, которые «мстили» евреям-обидчикам. Один поляк убил 18 евреев; евреям отрезали головы, вырывали глаза; погромщики заставили группу евреев снять статую Ленина, закопать ее в землю, а потом всех евреев убили⁷⁸⁴. Все это происходило при попустительстве вермахта: было ясно, что для немцев на Восточном фронте точка возвращения пройдена и назад пути нет.

То же самое происходило и в Прибалтике — за 8 дней до 22 июня 1941 г. по заранее заготовленным спискам НКВД начал массовые аресты «неблагонадежных» элементов. Арестованных поместили в заколоченные вагоны, которые подолгу стояли на путях, на рельсы текли нечистоты (из вагонов никого не выпускали и никого не подпускали)⁷⁸⁵. Разумеется, эсэсовцам эти эксцессы НКВД были на руку, и они в полной мере использовали ненависть местного населения против советской власти, направляя ее на евреев, — в итоге при активнейшем участии местных погромщиков только в Вильно (культурной метрополии евреев Восточной Европы) было убито 76 тысяч евреев⁷⁸⁶. Эсэсовцы действовали настолько цинично, что привлекли к акциям по уничтожению евреев самих евреев - очевидец этих событий Григорий Шур писал, что

отряд еврейской полиции, направленный из Вильно в Ошмяны, провел там по приказу гестапо «чистку». Руководитель этой акции ставил себе в заслугу то, что вместо 1500 евреев было убито «только» 450⁷⁸⁷. Еврейская элита помогала нацистам в подготовке к депортации евреев в лагеря не только в Литве. Так, Мордехай Румковский, самовызвавшийся руководитель гетто Лодзи, добровольно помогал нацистам увеличить производительность фабрик в гетто. Будапештский сионистский лидер Р. Кашнер (*R. Kaszner*) заключил соглашение с Эйхманом для того, чтобы обеспечить выезд в Швейцарию 1685 избранным евреям (за тысячу долларов каждый), многие из которых были друзьями его семьи. Румковский погиб в Освенциме, а Кашнер был убит в Израиле за коллаборационизм⁷⁸⁸.

Гитлеровцы делали особый упор на идентичность коммунизма и евреев — это не соответствовало истине: так, в Литве евреи были активными борцами за независимость страны, они принимали активное участие в борьбе против Советов и Польши. Проблемы для евреев начались лишь в конце 30-х гг., когда были отменены законы о правах меньшинств и отношения между литовцами и евреями начали портиться. От введения советских войск в Литву в июне 1940 г. евреи пострадали более литовцев, но местные националисты возложили ответственность за советское вторжение на евреев. 57% фабрик и заводов, которые принадлежали евреям, были национализированы большевиками. Советы запретили «буржуазный» иврит в пользу «пролетарского» идиша; суббота была объявлена и для евреев рабочей. Из 60 тыс. человек, депортированных советскими властями в Сибирь из Литвы, 12 тыс. были евреями. Местных фанатиков антисемитизма, однако, интересовал только факт, что среди литовских коммунистов было 15,2% евреев, и были евреи среди советских комиссаров⁷⁸⁹. Вследствие погромов, учиненных местными жителями при поддержке немецких властей, 95% литовских евреев было убито (в основном местными националистами).

Может быть, жестокость НКВД и сыграла определенную роль в радикализации войны со стороны немцев, как утверждают некоторые историки-ревизионисты. Нужно принять во внимание, что нацистская пропаганда демонизировала евреев, делая их ответственными как за «грабительский капитализм», так и за большевизм: под этим давлением немецкое общественное мнение все более склонялось к тому, чтобы воспринимать евреев как существ, недостойных участия и человеческого сочувствия. Почти в каждом крупном советском городе солдаты вермахта находили следы расстрела тысяч узников; все указывало на то, что для советских условий это являлось обыденностью. «Обычный», «повседневный» характер убийств наверняка повлиял и на солдат вермахта, а эсэсовцы подстрекали местное население «отомстить» Советам за все. Большое значение имело и то, что сотни тысяч евреев в сентябре 1939 г. бежали от немцев в западные советские районы, а местное население негативно восприняло это нашествие. Довольно объективный немецкий наблюдатель сообщал, что «как ни дико выглядело огульное обвинение евреев, но многие местные жители и немецкие солдаты в это верили»⁷⁹⁰. Как бы там ни было, но следует учесть возможности релятивации советского и нацистского террора; Геббельс знал свое дело и умело связывал старые предрассудки и упомянутые инциденты на Восточном фронте. При этом, как передавали современники, большая часть немецких солдат оставалась нейтральной к антисемитским эксцессам. Кроме того, эти эксцессы были использованы нацистами для «окончательного решения еврейского вопроса»; 15 сентября 1941 г. филолог В. Клемперер записал в дневнике: газеты сообщают, что после того, как вермахт стал невольным свидетелем жутких зверств евреев в России, с них окончательно сорвана маска лицемерия, и поэтому нужно скорейшим образом избавить немцев от всякого соприкосновения и общения с евреями⁷⁹¹.

Так же, как украинцы, поляки и литовцы, вели себя по отношению к евреям и румыны. Когда опергруппа полиции безопасности и СД «D» численностью в 600 человек

под командой О. Олендорфа, приданная 11 -й армии группы армий Юг (зоной действия опергруппы была Бессарабия, юг Украины, Крым, Кавказ), прибыла в Бессарабию, массовые убийства евреев там уже шли полным ходом. Дело в том, что рядом с 11-й армией вермахта действовали две румынские армии, а диктатор Йон Антонеску еще 8 июля 1941 г. призывал покончить со «слащавым и узким гуманизмом» и требовал жесткой национальной чистки в захваченных районах⁷⁹². Войска Антонеску показали себя во всей красе в первом же захваченном молдавском городе Яссы, который еще с царских времен был оплотом антисемитизма; в Яссах в свое время действовали лидеры румынских антисемитов А. Куза и К. Кодряну. В городе проживало около 100 тыс. человек, половина из них — евреи. Румынская армия и полиция совместно с местными жителями между 23 и 30 июня 1941 г. организовали в Яссах еврейские погромы. По прибытию в Яссы, оперкоманда «10а» из опергруппы «D» обнаружила, что всю «работу» за них уже сделали — евреев в Яссах не было. То же произошло и в Бельцах. В Черновцах на Северной Буковине оперкоманда «10б» из опергруппы Олендорфа обнаружила тюрьму, забитую евреями-бедняками. Немцы представили евреев заговорщиками, действовавшими против румын, и провокация удалась⁷⁹³... На самом деле провокации и подстрекательства входили в обычный арсенал нацистов: парадоксально, но румыны, учинившие жуткие погромы в Одессе, в оккупированных районах Северной Буковины и Бессарабии и убившие там не менее 90 тыс. евреев, в самой Румынии евреев не трогали, и там войну пережило 300 тыс. евреев (они подвергались дискриминации, но их не сгоняли в гетто, не заставляли носить звезду Давида, не выдали нацистам, и они выжили). Правда, с румынским диктатором Антонеску была достигнута договоренность о депортации евреев, но затем диктатор обиделся на немцев, которые третировали в Берлине его полномочного представителя, и приказал даже облегчить режим для евреев⁷⁹⁴.

Там, где провоцировать местное население не было возможности, убийствами евреев занимались сами эсэ-

совцы. Помимо специальных опергрупп полиции безопасности и СД, массовые убийства евреев осуществляли подразделения «полиции безопасности», подчинявшиеся руководимому Куртом Далюге «главному ведомству полиции безопасности» (*Hauptamt Ordnungspolizei*). Офицерами в этих подразделениях были профессиональные полицейские, на рядовых должностях служили солдаты, которые по возрасту не попали в регулярные части вермахта. Именно батальоны полиции безопасности 29—30 сентября 1941 г. убили 34 тыс. евреев в Бабьем Яру. Американский историк, исследователь холокоста Кристофер Р. Браунинг (*Browning*) описал, каким образом обычные солдаты 101-го гамбургского резервного полицейского батальона (*Hamburger Reserve-Polizeibataillon 101*) стали убийцами⁷⁹⁵. Моральное напряжение в процессе этих убийств было столь велико, что один из солдат этого батальона после расстрела (в 1942 г.) 1500 евреев у польской деревни Йозефов (*Josefow*) сказал: «если я еще раз это сделаю, я рехнусь». Впрочем, батальон из 500 солдат уничтожил к ноябрю 1943 г. 45 тыс. евреев, и никто из солдат с ума не сошел. Почти все 500 солдат полицейского резервного 101-го батальона были из Гамбурга: портовые рабочие, шоферы, крановщики, парикмахеры, моряки, рабочие. Четверть состава батальона была членами партии. Средний возраст солдат батальона был 39 лет — для вермахта они были недостаточно молоды, поэтому их отрядили в полицейские части. Перед началом расстрела командир батальона майор Трапп объявил своим подчиненным задачу: отделение работоспособных евреев в деревне Йозефов, отправку их в лагерь и расстрел всех остальных — женщин, стариков и детей. После этого Трапп спросил, не желает ли кто-либо отказаться от этой «работы», на что отозвался один рядовой из 3-й роты, за ним еще 11 человек. Трапп приказал им сдать оружие и ждать дальнейших распоряжений. Любопытно отметить, что солдаты, отказавшиеся принимать участие в убийствах, не понесли никакого наказания⁷⁹⁶. За отказы исполнять приказ об убийствах беззащитных людей не расстреливали даже в СС - ни один офицер в СС не имел право

самочинно расстрелять рядового эсэсовца; приказать это мог лишь сам Гиммлер.

Пока его подчиненные в лесу расстреливали евреев, майор в полном смятении бегал по дому местного священника, он что-то бормотал, плакал. Командир 101-го резервного батальона Вильгельм Трапп был казнен в Польше в 1948 г., 14 подчиненных Траппа судили в Гамбурге в 1967 г. — троим дали по 5 лет, а других освободили. Многие солдаты этого батальона после войны вернулись к своим профессиям; 12 из 32 унтер-офицеров продолжили служить в полиции⁷⁹⁷. Этот пример ясно свидетельствует в пользу того, что объективные посылки для релятивирования всех убийств евреев во Вторую мировую войну были весьма устойчивы во время войны и продолжали сохранять свою актуальность еще долго после ее окончания, а чудовищность происшедшего стала очевидна общественности относительно недавно...

Можно почти навверное утверждать, что холокост начал формироваться еще в марте 1941 г., когда было решено, что война с СССР будет вестись не по правилам, установленным международным правом, а как война мировоззренческая; главной задачей этой мировоззренческой войны было устранение еврейско-большевистской интеллигенции, которая, на взгляд нацистов, доминировала в Советском Союзе. Иными словами, с началом осуществления «плана Барбаросса» евреи превратились из метафизического врага в реального противника, который, как всякий враг, подлежал уничтожению. Характерно, что группенфюрер СС Брахт в 1942 г. писал Гиммлеру, что название «Вторая мировая война» вряд ли укоренится, ибо «в конечном счете речь идет о лишении власти мирового еврейства»; он предлагал назвать ее «иудейская война».⁷⁹⁸ Массовые убийства начали на Восточном фронте опергруппы СС, уничтожившие в СССР за годы войны в полевых условиях 0,5 млн человек, включая не только евреев, но и местное население других национальностей; но евреев среди убитых было 9/10⁷⁹⁹. Отто Олендорф — единственный командир опергруппы полиции безопасности

и СД, представший перед судом в Нюрнберге, на допросе показал, что (при назначении командиром опергруппы) Б. Штекенбах передал ему устный приказ Гитлера убивать всех обнаруженных евреев⁸⁰⁰. Один информант из опергрупп показал, что такой приказ они получили в августе 1941 г. Сам Штекенбах, вернувшийся в 1955 г. из советского плена, отрицал, что передавал Олендорфу такой приказ (Олендорфа к тому времени казнили; в момент допроса Олендорф не знал, что Штекенбах жив)⁸⁰¹. По всей видимости, не одни приказы, но сама обстановка безграничного насилия и убийств на Восточном фронте побуждала эсэсовских руководителей к радикализации действий. Наверное, сыграла свою роль и трагедия плененных советских солдат, так как, наряду со зверствами по отношению к евреям, трагедией стала и смерть огромного числа советских военнопленных — из 3,35 млн к 1 февраля 1942 г. погибло 2 млн. Эпидемия убийств невинных людей расползлась постепенно на всю оккупированную Третьим Рейхом территорию и по отношению к евреям приняла характер геноцида, стала холокостом.

Холокост был следствием попытки нацистов переселить всех евреев из Европы в лагеря на территории Польши; но для одних немцев было непосильной задачей организовывать по всей Европе облавы, собирать евреев в лагеря интернированных, а затем сажать на поезда и отправлять в Польшу. Недостаток кадров и незнание нацистами местных условий были с лихвой были компенсированы активностью местных «активистов», которые действовали под немецким контролем. Так, до 1944 г. французы выдали 57 тыс. евреев, но затем, когда военное счастье отвернулось от немцев, антиеврейские облавы стали непопулярны, и премьер-министр П. Лаваль отказался выдавать ассимилированных французских евреев немецким властям, которые вынуждены были обращаться за помощью к местным антисемитам и фашистам. Трудно протекала депортация евреев из Голландии, Бельгии, Дании и Норвегии: местные жители воспринимали эти депортации преимущественно негативно и стре-

мились помочь евреям, поэтому там СС не удалось полностью достичь своих целей.

К моменту завершения войны самая большая (из еще существовавших в Европе) община евреев сохранялась в Венгрии; из этой общины 400 тыс. евреев (100 тыс. из них были обращены в христианство) проживало собственно в Венгрии, а во вновь присоединенных к Венгрии районах — 300 тыс.; также в Венгрии было 35 тыс. евреев-беженцев из Австрии и Чехословакии⁸⁰². 19 марта 1944 г. Гитлер ввел в Венгрию войска — еврейская община оказалась в его власти. Трагические следствия были очевидны: уже 24 марта Рузвельт заявил, что будет великой трагедией, если накануне победы венгерские евреи окажутся в смертельной опасности, и его опасения оправдались. В мае 1944 г. Гиммлер предлагал обменять 1 млн евреев на 10 тыс. грузовых автомобилей с гарантией того, что они будут использоваться только на Восточном фронте, но уже три месяца спустя после оккупации Венгрии треть местных евреев была сконцентрирована в концлагерях на территории Польши. Между 15 мая и 8 июля 1944 г. не меньше 437 тыс. евреев было депортировано из Венгрии (вернулось в Венгрию около 20 тыс.)⁸⁰³. Встает вопрос, как нацистскому государству, находящемуся на пороге поражения, удалось в кратчайший срок решить столь тяжелую организационную задачу. Как сотни тысяч людей без всякого сопротивления садились в вагоны для скота и собирались в колонны для депортаций? По всей видимости, сыграла роль таинственность операции, а также активное содействие местных властей.

Вступая в Первую мировую войну, Венгрия занимала большую часть (половину территории) великой европейской державы Австро-Венгрии; по Трианонскому миру она потеряла 2/3 территории и превратилась в маленькое государство. В 1938—1941 гг., отчасти под влиянием нацистов, отчасти по собственной инициативе, венгры приняли ряд антисемитских законов. Движение венгерских фашистов нилашистов (от венг. *Nyilaskeresztes part* — партия скрещенных стрел) во главе с Ф. Салаши выдвиг-

гала социал-революционные требования, имевшие поддержку среди венгров. Радикализм нилашистов вызывал опасения у консервативной венгерской дворянской верхушки, которая всячески сдерживала «революционеров», а заодно и их радикальный антисемитизм. Последний сильно обострялся тем, что в Венгрии долгое время не было собственной национальной буржуазии. Рвение, с которым венгры, как и украинцы, поддержали антиеврейские меры нацистов, удвоилось с нападением Гитлера на СССР. В августе 1941 г. 80 тыс. евреев, не имевших гражданства, были депортированы в украинский Каменец-Подольский Хмельницкой области и там уничтожены опергруппой полиции безопасности и СД. Венгерские войска вскоре и сами приняли участие в резне сербов и евреев в центре Воеводины (там была большая венгерская община), в городе Нови-Сад. Общественное возмущение этой бойней привело к отставке венгерского правительства и к суду над четырьмя венгерскими военными, которым, впрочем, после судебного процесса в 1943 г., Германия охотно предоставила политическое убежище. Много венгерских евреев было призвано в венгерскую армию в саперные войска, и на Восточном фронте они стали свидетелями расправ опергрупп полиции безопасности и СД над местными евреями. Потом эти еврейские батальоны отступали от Воронежа вместе со второй венгерской армией.

В апреле 1943 г. в замке Клессхайм Гитлер рассказывал венгерскому президенту М. Хорти о паразитическом характере евреев: «Если еврей не работает, его надо расстрелять. Если он не работоспособный, пусть умирает. С евреями нужно обходиться, как с носителями туберкулеза, от которых должно быть избавлено здоровое тело. Это не будет слишком жестоко, ибо убивают даже зайцев и косуль, если они наносят вред. Почему, собственно, бестии, которым мы обязаны большевизмом, должны быть пощажены? Народы, которые не избавятся от евреев, сами погибнут»⁸⁰⁴. Не доверяя Хорти, Гитлер отдал приказ о начале операции «Маргарита» (об оккупации Венгрии). В приказе говорилось о необходимости предотв-

ращения выхода Венгрии из войны, которого усиленно добиваются предатели из среды венгерской аристократии и евреи. После того, как две дивизии вермахта вошли в Венгрию, Гитлер продиктовал Хорти состав правительства и заметил, что в Финляндии только 6 тыс. евреев, но и они строят козни против независимости страны. Хорти ответил, что готов предоставить в распоряжение Шпеера 100 тыс. правоверных евреев для работ на военных предприятиях. Хорти хотел таким образом избавиться от неассимилированных евреев, которых он сам терпеть не мог.

За вермахтом в Венгрию вошли подразделения СС и полиции (2 тыс. человек) под командой Эйхмана. Это были опытные палачи: Франц Абромайт, Теодор Даннекер, Герман Крумей, Франц Новак, Дитер Вислесени. Немцы распорядились создать центральный еврейский совет, для того чтобы иметь полные сведения о местных евреях. СС сразу приступила к исключению из венгерской хозяйственной и культурной жизни тех евреев, которых преследования до этого не касались. У евреев отнимали автомобили, радиоприемники, телефоны. Католический кардинал Середи протестовал против приказа о ношении «звезды Давида» евреями, перешедшими в христианство. Между тем, Даннекер организовывал арест и высылку 8 тысяч евреев, являвшихся врачами или адвокатами, адреса которых он взял из телефонной книги; Эйхман тем временем обсуждал с властями детали массовых депортаций венгерских евреев. Венгрия была разделена на 6 зон, внутри которых венгерская полиция должна была сосредоточить местных евреев в городских гетто. Решение о депортации евреев прежде всего из восточных районов Венгрии было вызвано опасением прорыва советских войск. Большую часть из 200 тыс. будапештских евреев полиция и СС сосредоточили рядом с вокзалами и заводскими корпусами, чтобы во время союзных авианалетов они погибли первыми. Для того, чтобы найти повод к арестам евреев, им предъявляли фальсифицированные обвинения о спекуляциях валютой и нападениях на полицию — эти приемы эсэсовцы уже ис-

пытали в Париже⁸⁰⁵. Первые поезда с депортированными из Венгрии евреями были отправлены уже в конце апреля 1944 г. В мае в Вене состоялась совещание эсэсовских чинов, в которой приняли участие и представители венгерских властей; на этом совещании речь шла об организации депортаций евреев. До границы Венгрии эшелоны (по 3 тыс. человек) должны были сопровождать венгерские жандармы, затем — немецкие. Путь до Освенцима составлял 3 суток; ежедневно отправляли по 4 эшелона. Евреям разрешалось брать с собой только самое необходимое. Из 438 тыс. венгерских евреев, отправленных в Аушвиц, на работы забрали только 10%, остальные попали в крематории⁸⁰⁶.

6 июля 1944 г. Хорти неожиданно заявил, что более не потерпит депортаций, а десять дней спустя он потребовал у Гитлера вывести эсэсовские части из Венгрии. Поскольку эсэсовцы продолжали поиски евреев в Будапеште, Хорти распорядился поселить столичных евреев в сельской местности, подальше от СС. Эйхман вынужден был на время покинуть Венгрию, но после похищения сына Хорти и назначения премьер-министром Салаша, он вернулся и продолжил депортации евреев. Поскольку Освенцим уже был занят советскими войсками, то евреев пешим ходом отправляли к австрийской границе — те, кто дошли, были интернированы в Маутхаузене. Эйхман продолжал депортации даже после того, как советские войска окружили Будапешт.

В литературе редко можно найти указания на депортацию евреев из Греции, большая часть которой, включая столицу страны, была оккупирована итальянцами; немцы заняли Македонию и восточную Тракию, где и проживала большая часть греческих евреев. В момент вступления немецких войск в Грецию (9 апреля 1941 г.) в Салониках проживало 65 тыс. евреев — четверть населения города; эти евреи составляли 4/5 всех евреев Греции. В феврале 1943 г. в Салоники прибыла команда эсэсовцев во главе с Алоисон Бруннером и Дитером Вислисени; председателем юденрата (еврейского совета) был назна-

чен раввин из Польши доктор Коретц. Вышло распоряжение немецких властей о создании гетто в Салониках, в квартале *Aghia Paraskewi*, и началась регистрация евреев и перепись их имущества. Затем начались депортации в Польшу — всего из Салоник вывезли 45 300 евреев. За ними последовало около 11 тыс. евреев из других концов Греции (Корфу, Крита, Родоса)⁸⁰⁷. Евреи Афин выжили, поскольку местный рабби отказался выдать Вислисени список местной общины; он обратился за помощью к православным иерархам, и те ему помогли. Помогли и партизаны, которые за деньги еврейской общины прятали евреев в горах⁸⁰⁸.

Хуже всего дела обстояли в Восточной Европе, где местные жители иногда оказывали поддержку нацистским властям. Это относится к Венгрии, Украине, Литве, еврейские общины, в которых понесли большие потери вследствие массовых погромов и депортации в концлагеря на территории Польши. Из оккупированных стран всю войну происходили депортации евреев; так, только в 1942 г. из Франции в концлагеря на территории Польши было депортировано 42 655 евреев, в 1943 г. — 17 043, в 1944 г. — 16 025. Из вывезенных на Восток французских евреев погибло 75 721 человек, что составляет 23% всех французских евреев⁸⁰⁹. В Бельгии в 1937 г. было 65 тысяч евреев, а в 1946 г. их стало 45 тыс., соответственно, в Дании⁸¹⁰ — 8,5 тыс. и 5,5 тыс., в Греции — 77 тыс. и 10 тыс., в Италии — 48 тыс. и 53 тыс., в Югославии — 71 тыс. и 12 тыс., в Голландии — 140 тыс. и 28 тыс., в Австрии — 191 тыс. и 31 тыс., в Польше — 3,2 млн и 215 тыс., в Румынии — 850 тыс. и 420 тыс., в Чехословакии — 357 тыс. и 55 тыс., в СССР — 2,6 млн и 1,9 млн, в Венгрии — 400 тыс. и 145 тыс. Всего же численность европейских евреев сократилась с 1937 г. по 1946 г. с 9,6 млн до 3,8 млн⁸¹¹.

Введенный в начале 1960-х гг. в англоязычной литературе (прежде всего среди американских евреев) термин греческого происхождения «*holocaust*» — «всесожжение» — теперь в западной публицистике его теснит еврейское слово «*shoa*» (погибель, смерть) — описывает в истории

человеческой жестокости отдельное, ставшее со временем почти сакральным по своему мистическому ужасу событие, олицетворяющее абсолютное зло. В истории евреев это событие имеет ключевое значение.

Интересно, что первые биографы Гитлера почти не придавали значение его антисемитизму, и факты, связанные с холокостом, их не интересовали. А. Булок в биографии Гитлера (1952 г.) писал, что «суждения об антисемитизме Гитлера были чистой фантазией и никакого отношения к происходящему не имели»⁸¹². Со временем холокост становится все менее понятным, объяснить его природу с годами становится все сложнее; он обрастает мифами, которые трудно отделить от действительности, поскольку аналитический подход к этим событиям часто неприменим по морально-этическим и эмоциональным причинам.

Сами евреи считают холокост «чудом наоборот», «не делом рук человека в собственном смысле слова, по крайней мере не тем, что обычно понимается под этим выражением, а событием религиозного значения»⁸¹³. Встает вопрос, почему столь же большое значение не приписывают другим инцидентам геноцида (порой более значительным по количеству жертв), которые имели место в человеческой истории в древности или в новое время? Почему такой ажиотаж вокруг гибели во Вторую мировую войну 2—6 млн евреев, если всего в войну погибло около 50 млн? Ответ на этот вопрос не только в масштабах геноцида — иные современные публицисты стараются доказать, что масштабы холокоста были значительно меньшими, настаивая на числе в 300—400 тыс. Дело в другом — в том, что евреи сыграли (и продолжают играть) огромную роль в качестве одной из самых важных составляющих частей современной цивилизации, внесшей значительный вклад в ее формирование и в ее идейные ценности, и попытка «удалить» этот важный элемент, которую предприняли нацисты во время войны, имела и имеет огромный резонанс. Холокост как бы подчеркивает особое положение евреев в современном мире, несмотря на то, что после войны возникло еврейское государство и,

кажется, исчезла основа для антисемитизма прежнего характера и размаха.

Осознание значения холокоста пришло не сразу после войны, а значительно позже: поразительно, но в Польше уже в 1945 г. имели место еврейские погромы (11 августа в Кракове и 4 июля 1946 г. в Кильце (только в 1945 г. погибло 353 еврея)⁸¹⁴ вследствие активности евреев в администрации новых хозяев страны — коммунистов. Природа и причины активности польских евреев ясны: с одной стороны, она была средством компенсации прежнего бесправного их положения, с другой стороны, поляки особенно неохотно шли на службу советским оккупационным властям. В сталинском Советском Союзе, да и в последующие советские времена антисемитизм также был важной составной частью тоталитарного режима, правда, он носил не расовый, а политический характер, но его жертвам от этого было не легче. Холокост стал привлекать к себе повышенное внимание относительно недавно; в этом процессе сыграли роль следующие события: суд над Адольфом Эйхманом в 1961 г., войны Израиля 1967 и 1973 гг., американский телесериал «*Holocaust*» (1978 г.) и открытие музея холокоста в Вашингтоне в 1993 г.⁸¹⁵

Главную проблему в вопросе о холокосте составляет то обстоятельство, что никаких письменных или устных распоряжений и вообще никаких прямых приказов об уничтожении евреев не обнаружено, или их вовсе не было. Существуют только косвенные свидетельства, отдельные радикальные высказывания Гитлера или Гимmlера и тому подобное. Например, камердинер Гитлера Г. Линге вспоминал, что Гитлер часами с глазу на глаз беседовал с Гимmlером «очевидно, о делах, обсуждать которые он не хотел ни с кем. Это были дела, связанные с массовыми уничтожениями евреев»⁸¹⁶. Откуда Линге стало известно, о чем на самом деле шла речь? Подобные свидетельства, конечно, не могут рассматриваться как окончательное доказательство. Этим обстоятельством воспользовалась группа «ревизионистов» во главе с французским историком Полем Рассинье⁸¹⁷ (он сам с 1943 по

1945 г. был узником Бухенвальда и Доры) и публицистом Робером Фориссоном, в Австрии к ревизионистам примыкал Ф. Шейдл, в Германии — Г. Дивальд, в США — Д. М. Рид. Одним из первых «ревизионистские» настроения высказал английский писатель Джордж Оруэлл. Эти критически настроенные наблюдатели утверждают, что идеологически обоснованного и намеренного убийства евреев (холокоста) не было вовсе; они настаивают, что и газовых камер не было, а также оспаривают число (6 млн) убитых евреев, считая, что из узников концлагерей, включая евреев, погибло 200—360 тыс. человек⁸¹⁸. Доводы, приводимые ревизионистами, производят впечатление: например, что для сжигания одного трупа в печах Освенцима (5 печей) требовалось 30 кг кокса (самого компактного и калорийного топлива) на одного убитого, и если в этом самом крупном лагере на самом деле было убито около 2 млн евреев, то для сожжения трупов потребовалось бы 60 млн тонн кокса или гораздо большее количество какого-нибудь его заменителя⁸¹⁹. Такого количества дефицитного топлива нацисты просто были бы не в состоянии найти. «Ревизионисты» указывают небольшие размеры газовых камер в Аушвице, через которые должны были пройти миллионы людей... К тому же, газ — это самое неудобное орудие убийства, поскольку он опасен не только для жертв, но и для убийц, и для уборщиков трупов.

Фориссон утверждал, что концлагеря создавались нацистами преимущественно для перевоспитания, поскольку тюрьмы этой задачи не выполняли, и неправда, что существовали «лагеря уничтожения», — этот термин придумали сами победители. Как Луи-Бонапарт, учредивший каторгу, так и Гитлер, создавший концлагеря, по мнению Фориссона, ошибались, полагая, что перевоспитание лучше пойдет на открытом воздухе⁸²⁰. Также Фориссон утверждает, что нацисты представляли себе «окончательное решение еврейского вопроса» как территориальное вытеснение евреев из Западной Европы, а не их физическое уничтожение⁸²¹. Особенно шокирует утверждение ревизионистов, что газовых камер в Освенциме и других

концлагерях на территории Польши не было (экспертами Мюнхенского института современной истории установлено, что газовых камер на территории Германии на самом деле не было). Сторонники Рассинье и Фориссо-на стараются доказать, что убийство такого огромного количества людей при помощи газа (газ «Циклон Б» был запатентован в 1922 г. для борьбы с насекомыми-паразитами) было невозможным по причинам объективного свойства; что технически невозможно убить человека выхлопными газами от дизеля. Они уверяют, что трагедия евреев в годы Второй мировой войны была частью трагедии военного времени с его лишениями, эпидемиями, голодом, насилием, издевательствами и убийствами. Возникновение ревизионизма можно рассматривать как реакцию части европейской общественности на некоторые перегибы в покаянных настроениях в ФРГ, ответственность которой долгие годы культивирует немецкий комплекс вины за Аушвиц. Внимание к этой проблеме в ФРГ кажется иногда нарочитым и преувеличенным, а безоговорочная поддержка немцами Израиля (даже в его сомнительных начинаниях) — фальшивой. С другой стороны, еврейская община в США, Европе и Израиле склонна порой спекулировать на теме холокоста, добиваясь каких-либо финансовых, политических или моральных преимуществ⁸²², что производит неприятное впечатление — многим из тех бед, которые выпали на долю евреев, были подвержены и представители других наций, и намеренное выпячивание страданий именно еврейского народа вызывает внутренний протест, следствием которого и является «ревизионизм». Вопросы, связанные с количеством жертв холокоста, приобрели важное финансовое значение при переговорах между ФРГ и Израилем о возмещении ущерба.

Часто указывают и на то, что только в 80-е гг. тема холокоста выдвинулась на первый план, ранее на эту тему почти не говорили, опасаясь, по всей видимости, оживления стереотипа еврея-коммуниста⁸²³. Встает также вопрос, почему тема холокоста нарастает, ведь число евреев, переживших холокост, уменьшается? Иногда правитель-

ству Израиля бывает удобно обвинить в антисемитизме своих противников, что делает последних беспомощными... Израильский публицист Ури Авнери весьма остроумно сказал, что если в 1901 г. Карл Лютер говорил, что ему не нужны формальные признаки, он сам определит, кто еврей, а кто нет, то теперь ситуация изменилась с точностью до наоборот, и евреи сами определяют (и так же произвольно), кто антисемит, а кто нет⁸²⁴.

На проблему обоюдной нетерпимости (еврейской и нееврейской) указал в свое время при вступлении во Французскую Академию Ф. Миттеран; он сказал, что евреи не имеют монополии на страдание⁸²⁵. Это так, но найти меру в этом вопросе до сих пор очень трудно по причине отсутствия рецептов и правил: каждый для себя должен найти эту меру сам, помня о сотнях тысячах, о миллионах безвинно погибших евреев — женщин, детей, стариков.

Это направление в историографии называют, как указывалось выше, ревизионистским, в отличие от «экстерминалистского» направления, настаивающего на преднамеренном и массовом уничтожении евреев в газовых камерах и нацистских лагерях смерти. Экстерминалисты долгое время настаивали на том, что газовые камеры для уничтожения людей существовали в Бухенвальде, Равенсбрюке, Заксенхаузене, Штуттхофе, Берген-Бельзене, что не соответствует действительности. Когда англичане освободили расположенный недалеко от Ганновера Берген-Бельзен, они были в ужасе от условий содержания узников: с Востока прибывали все новые эшелоны с заключенными, санитарные условия в лагере ухудшались; начались эпидемии, усугубленные отсутствием воды, медикаментов и продуктов питания. Даже сами британцы, несмотря на все попытки, не смогли остановить эпидемию в лагере. Британцам пришлось хоронить погибших; известные кадры кинохроники с бульдозером, сваливающим в ров трупы, были сняты уже после освобождения Берген-Бельзена, и бульдозер был английский.

Так же, как в отношении роли государства в Третьем Рейхе, так и в отношении еврейского вопроса существует

и «функционалистское» направление, идея которого сводится к тому, что все антисемитские эксцессы нацистов родились сами собой из практики нацистского антисемитизма во время войны. Функционалистам противостояли «интенционалисты» (от слова *intention* — намерение), то есть историки, считающие, что массовые убийства евреев были запланированными. В отличие от функционалистов, интенционалисты, как и экстерминалисты, сводят холокост к намерениям Гитлера, то есть к идеологически обоснованной политике. Самой значительной фигурой среди функционалистов является М. Бросцат, который в своей книге «Государство Гитлера» (1969 г.) обосновал позиции этого направления. Левые в свое время критиковали Бросцата за то, что он утверждал, что массовые убийства евреев не планировались, как не планировалась и законодательная дискриминация евреев — все это родилось само собой из сущности нацистского режима. Похоже, однако, что точка зрения Бросцата близка к истине: в 1946 г. тюремный психолог спрашивал министра внутренних дел В. Фрика, как дело дошло до массовых убийств евреев, и тот отвечал, что при разработке Нюрнбергских законов никто не помышлял о массовых убийствах, до них дело дошло само собой⁸²⁶. На самом деле, странно, что ни бюджета, ни плана, ни соответствующих распоряжений по реализации трудной и дорогостоящей операции обнаружить не удалось, а ведь немцы — народ аккуратный, и какие-либо документальные следы финансирования огромных масштабов предприятия в бухгалтерской отчетности обязательно должны были сохраниться.

Письменных указаний Гитлера или Гимmlера об уничтожении евреев не существует, но, по всей видимости, как писал Ганс Моммзен, «пора покончить с иллюзией, что «окончательное решение еврейского вопроса» обсуждалось или было принято в тесном окружении Гитлера, мы имеем дело с отдельными решениями, отдельными влияниями, которые постепенно переросли в чудовищный план». В 1977 г. вышла книга Дэвида Ирвинга «Война Гитлера» (*Hitler's war*), в которой проводилась

мысль, что Гитлер не хотел и не принимал решения уничтожать европейских евреев. «Функционалисты» (Мартин Броскат, уже цитированный Ганс Моммзен, Карл Шлунерс) полагают, что внутреннюю и внешнюю политику Третьего Рейха можно объяснить неконтролируемой динамикой процесса принятия решений; «антифункционалисты» или «интенционалисты» — Саул Фридендер, Эберхард Екель, Гельмут Краусник, Йегуда Бемер — высказываются против точки зрения о пассивной роли Гитлера. В отличие от интенционалистов, функционалисты исходят из поликратической структуры Третьего Рейха, в котором анархия ведомств и хаос компетенций привели к кумулятивной радикализации. Коллективная воля партии формировалась под воздействием неформального стиля власти Гитлера; он всегда выбирал наиболее радикальный путь решения проблем. Так произошло и в решении нацистами еврейского вопроса.

В принципе, ясно, что устный приказ был отдан летом 1941 г., и утверждение, что Гитлер ничего не знал об Освенциме, — это чепуха; накануне войны он в рейхстаге произнес слова, приведенные в качестве эпиграфа к этой главе. Вся последовательность нацистских действий по отношению к евреям указывает на гитлеровские планы: с осени 1941 г. началась транспортировка евреев в Терезиенштадт; с 10 октября 1941 г. для евреев Германии вводилось специальное разрешение на пользование транспортом и даже на право покинуть свой дом; в декабре 1941 г. началось уничтожение евреев в лагере Хелмно (еще до конференции в Ваннзее и распоряжения об «окончательном решении еврейского вопроса»); 1 марта 1942 г. был создан штаб Розенберга по собиранию еврейского культурного наследия ликвидируемого народа; с 14 апреля 1942 г. еврейские квартиры должны быть обозначены желтой звездой, на следующий день евреям запретили иметь домашних животных⁸²⁷, а с 24 апреля — запретили пользоваться общественным транспортом; 9 июня 1942 г. евреи должны были сдать всю лишнюю одежду; 19 июля 1942 г. известные еврейские деятели Германии депортируются на

Восток в концентрационные лагеря на территории Польши; в декабре 1942 — феврале 1943 гг. все берлинские евреи вывезены на Восток. В ноябре 1943 г. в Майданеке состоялась самая крупная операция по уничтожению евреев, которая называлась «Праздник урожая» (*Aktion Erntefest*). Это был самый масштабный расстрел Второй мировой войны, за один день было уничтожено 42 тыс. человек⁸²⁸. 10 июня 1943 г. «Имперское представительство евреев» (*Reichsvereinigung der Juden*) было распущено, а 27 ноября 1944 г. Гиммлер, замечая следы преступлений против евреев, отдал приказ об уничтожении печей Освенцима.

Если функционалисты и интенционалисты ставят в центр происшедшего во Второй мировой войне холокост, то ревизионисты считают его прискорбной деталью Второй мировой войны; деталь эта, на их взгляд, приобрела после окончания войны непропорциональные размеры вследствие сионистской пропаганды, сделавшей холокост едва ли не центральным событием мировой истории. Мнение ревизионистов трудно принять по той причине, что если они правы, то Гитлер не был идеологом погромщиков и чудовищем, стремившимся к убийству всех евреев на земле, а обычным политиком, государственным деятелем и полководцем, а евреи таким же «враждебным народом», как русские или поляки, — врагов, как и полагается на войне, убивали; это же упомянутые народы старались проделать и с немцами. Вероятно, отсутствие «политкорректности» в ревизионистском направлении является причиной того, что оно в современной историографии либо замалчивается, либо критикуется ненаучными способами. Во Франции даже существует закон о штрафе за ревизионизм⁸²⁹. Подобная проблема существовала и в советской историографии; она не преодолена до конца и теперь — слишком чудовищно происшедшее, чтобы пытаться рассматривать нацистскую историю объективно. Представляется, что (как в свое время призывал Э. Нольте) сначала нужно попытаться принять принципиальную возможность многообразия точек зрения на нацизм и его историю, как и на прочие феномены человеческой исто-

рии⁸³⁰. Р. Арон справедливо указывал, что некоторые историки (как З. Фридендер) ближе других подошли к причинам того, почему евреи стали мишенью немецкого озлобления. Но разве другим запрещено размышлять по этому поводу? Если запрещено, то всякий исторический анализ потребует манихейского выбора между добром и злом, но не будет попыткой проникнуть в историческую действительность. Естественный человеческий протест не должен мешать познающему стремлению к объективности⁸³¹.

Холокост, «окончательное решение еврейского вопроса» или геноцид евреев был тесно связан с войной (они неотделимы друг от друга), и, по всей видимости, он не был заранее спланированной акцией; действия эти вытекали из природы и структуры, вернее, из отсутствия четкой административной структуры нацистской власти. На самом деле, кто отдавал приказ об убийстве советских военнопленных (в первую же военную зиму их погибло 2 млн человек)? Такого приказа, безусловно, не было, но если в Первую мировую войну смертность среди русских военнопленных составляла 3%, то во Вторую мировую войну — более 60%, то есть в 20 раз больше, — эта разница требует объяснения. Никакого приказа об убийстве военнопленных не было, их, в собственном смысле слова, никто и не убивал, но нацистское руководство намеренно не позаботилось о пропитании и размещении огромного количества военнопленных, и этого было достаточно для одной из величайших человеческих трагедий. А ведь в немецком Генштабе сидели такие же, как в Первую мировую войну, первоклассные военные специалисты, которые обязаны были предвидеть необходимость пропитания и размещения огромного количества людей.

То же и с евреями — наверное, приказа (письменного документа) об «окончательном решении еврейского вопроса» историки так и не найдут; наверное, его и не было, но это ничего не меняет — невыносимые условия, намеренно созданные для евреев в лагерях на территории Польши, должны были (так было рассчитано нацист-

ским руководством) привести к массовым эпидемиям и голоду; огромная концентрация людей в замкнутых лагерях (самые крупные из них вмещали до 200 тыс. и более узников...) и не могла иметь других последствий в условиях войны, разрушенных коммуникаций и всеобщего дефицита. Постепенное ухудшение положения евреев Ганс Моммзен точно назвал «кумулятивной радикализацией»⁸³², поскольку происходил «естественный» процесс привыкания к страданиям и смерти других людей. Современники вспоминали, как в Советском Союзе во времена коллективизации относились к «раскулаченным» и выселенным из родных мест крестьянам, бродившим по ставшим им чужими улицам советских деревень и городов; эти люди пухли от голода и умирали у всех на глазах. Говорят, что лишь дети иногда нарушали табу и помогали этим несчастным, а ведь речь шла не об иностранцах или чужаках, а о русских же людях. Понятно, что у евреев в Германии (или в традиционно антисемитских Польше или Украине), при сильнейшем пропагандистском напоре на немцев, было гораздо меньше шансов на сочувствие и помощь, чем у кулаков и членов их семей в России. Нельзя забывать, что массовые бомбежки разжигали в немцах чувство ненависти к врагам, а евреев пропаганда представляла именно врагами, воюющей стороной. В этой связи излишен вопрос, знали ли немцы об ужасах концлагерей — да, знали, но сделать что-либо не хотели и не могли. Массовые расстрелы на Востоке связывались с войной, и таким образом жестокость по отношению к евреям в общественном сознании релятивировалась, ибо смысл войны состоял в уничтожении врага, особенно, если речь шла о «справедливой войне», как о том твердила пропаганда. Тем более велика цена помощи немногих по-настоящему милосердных и человеческих немцев, рискнувших пойти против нацистского режима и попытаться спасти хотя бы одного еврея. На самом деле возможности спасти евреев были, только пользовались ими редко... И все-таки случались редкие исключения из правила: так, ученый и промышленник Роберт Бош из «ИГ

Фарбен» (до тех пор, пока он руководил работами в Освенциме) он всеми способами старался сохранять человеческие жизни; как только он был снят с руководящей должности, заводы «ИГ Фарбен» в Освенциме превратились в бойню. Брат Германа Геринга Альберт (так же, как Оскар Шиндлер, о котором снят фильм С. Спилберга) был промышленником и на свой страх и риск спасал евреев. В оплату за услуги, он, однако, брал кое-какие подарки, в частности, дорогие произведения живописи⁸³³. В Яд Вашем нет записи об Альберте Геринге (из-за его брата), но он спас многих евреев⁸³⁴.

Еще одним способствующим холокосту обстоятельством было то, что по отношению к евреям в Третьем Рейхе существовала вполне определенная позиция, и Гитлеру не обязательно было отдавать письменные приказы — то, чего он хотел, могло происходить и без его непосредственного участия. Нацистские функционеры прекрасно знали, что самые радикальные действия по отношению к евреям встретят поддержку у Гитлера. Известен случай, когда гауляйтер области Варты А. Грайзер и эсэсовский начальник в этом гау Вильгельм Коппе обратились к Гиммлеру с просьбой о разрешении ликвидировать около 35 тыс. поляков, больных туберкулезом. Гиммлер ответил, что для столь массовых экзекуций следует получить разрешение Гитлера. Грайзер же возразил, что он не считает, что нужно спрашивать разрешения фюрера, — такие вопросы гауляйтеры могут решать и сами⁸³⁵. Встает вопрос, а почему дисциплинированным Гиммлером не был истребован приказ о массовых убийствах евреев? По всей видимости, потому, что не нужно было никаких приказов: все происходило само собой, в соответствии с внутренней логикой развития нацистского режима. Только в 1942 г. Гитлер 5 раз упоминал об «окончательном решении еврейского вопроса»: 1 января, 30 января, 24 февраля, 30 сентября и 8 ноября. Если Гитлер гордился желанием как можно скорее решить «еврейский вопрос», то Гиммлер твердил о долге, о тяжелых моральных условиях, об ужасной участи эсэсовцев, вынужденных тащить на себе бремя массовых убийств⁸³⁶.

Во всяком случае, для постижения природы холокоста, как указывал Кершоу, необходима определенная доля иррациональности,⁸³⁷ только рациональных суждений и выводов недостаточно, поскольку холокост развивался не линейно, а от кризиса к кризису. Представляется, что следует учитывать не только расово-политические, но и политико-экономические мотивы Гитлера, как это призывал делать Д. Ирвинг⁸³⁸. Говорят, что на Гитлера большое впечатление произвело объявление войны Германии (вслед за Англией) и Всемирной сионистской организацией. В свое время этим фактом воспользовался известный немецкий исследователь, инициатор «спора историков» Эрнст Нольте. В его книге «Европейская гражданская война 1917—1945», говорилось, что нацизм был реакцией на большевизм, а холокост — ответом на Гулаг. Объявление же Гитлером войны евреям было ответом на декларацию президента Всемирной сионистской организации Хаима Вейцмана (в сентябре 1939 г.) о поддержке английского правительства в войне против Германии⁸³⁹. Книга Нольте была воспринята как попытка реабилитации Гитлера и послужила толчком к упомянутому «спору историков».

Общий итог гонений и убийств немецких евреев нацистами таков: из 500 тыс. немецких евреев эмигрировало 278 тыс.; эмиграция, впрочем, не всегда означала спасение от холокоста. Число уничтоженных немецких евреев колеблется между 195 тыс. и 160 тыс.; около 15 тыс. евреев, будучи в «метисных» браках с немцами, пережило войну; менее 6 тыс. смогло пережить лагеря (большинство из них находилось в Терезиенштадте); некоторым удалось всю войну нелегально скрываться в Берлине или Вене (около 5 тыс. человек). Упомянутый выше Лео Бек, также переживший Холокост в Терезиенштадте, подвел итог происшедшему, сказав что история еврейства в Германии закончилась.

Общую же картину эволюции численности еврейского населения современной Европы можно представить себе по следующей таблице⁸⁴⁰.

	1937 г.	1946 г.	1967 г.	1999 г.
Австрия	191 000	31000	12 500	12 500
Англия	330 000	370 000	400 000	286 000
Бельгия	65 000	45 000	40 000	31000
Болгария	49 000	44 000	5 000	1700
Венгрия	400 000	145 000	800	550
Германия	500 000	153 000	30 000	70 000
Голландия	140 000	28 000	30 000	25 000
Греция	77 000	10 000	6 500	4 800
Дания	8 500	5 500	6 000	6 400
Ирландия	5 000	3 900	2 900	1000
Испания	-	6 000	6 000	12 000
Италия	48 000	53 000	35 000	31000
Латвия	95 000	-	-	12 000
Литва	155 000	-	-	5 000
Норвегия	2 000	750	1000	1000
Польша	3 200 000	215 000	21000	5 000
Португалия	-	4 000	1000	300
Румыния	850 000	420 000	100 000	9 000
СССР	2 600000	1900000	1700 000	470 000
Турция	50 000	48 000	35 000	18 000
Финляндия	2 000	2000	1 700	1 300
Франция	300 000	225 000	535 000	520 000
Чехословакия	357 000	55 000	15 000	7 500
Швеция	7 500	15 500	13 000	16 500
Эстония	4 600	-	-	2 500
Югославия	71000	12 000	7 000	3 000
Всего	9 600 000	3 800 000	3 110 000	1 600 000

В заключении главы о холокосте можно констатировать, что отношение немцев к «окончательному решению еврейского вопроса» тоже было разным, в зависимости от региона, профессии, возраста и пола, но в целом «Нюрнбергские законы» и запреты на профессию для евреев были восприняты немецкой общественностью скорее положительно, а жестокости, избиения, концлагеря — скорее

отрицательно. И все же поведение немцев определялось безразличием и эгоизмом. Причины дефицита человеческого участия можно свести к следующим пяти пунктам.

1. Закрытость и самоизоляция немецкого общества по отношению к всевозможным меньшинствам; это имеет исторические корни и идеологические оправдания: враждебность к меньшинствам долгое время являлась инструментом интеграции общества.

2. Политическая культура Германии с XIX века определялась стремлением объединить страну, модернизировать экономику и обеспечить гражданам буржуазные права и свободы. В 1871 г. немцам удалось создать сильное единое государство, интересы которого превалировали над либеральными ценностями. После поражения в Первой мировой войне и установления Веймарской республики в потере прежних условий развития немцы обвинили демократическое государство, в котором евреи принимали активное участие.

3. Условия жизни в тоталитарном государстве трудно представимы для тех, кто в них не жил: тому, кто решается на сопротивление, грозит неминуемая расправа, поэтому нельзя от всех требовать героизма и самопожертвования. Когда до большинство немцев стало осознавать, что же на самом деле представляет из себя нацистский режим, было уже поздно. Тем более что война предоставила режиму возможность действовать особенно жестко и радикально.

4. Немаловажным является фактор, связанный с особенностями технического и рационального XX века, когда многие проблемы, ранее казавшиеся неразрешимыми, стали поддаваться техническим решениям. В процесс этих решений Гитлером были вовлечены такие категории, как пространство, экономика и население; он старался их рационально оптимизировать. С этой точки зрения нацизм может предстать как попытка «social engineering», как стремление наилучшим образом переформировать общественные структуры.⁸⁴¹ Массовые убийства евреев, цыган, неизлечимых больных и калек стали средством ра-

ционального, бюрократического и экономического «решения» неприятных для любого общества проблем. Иными словами — Освенцим стал следствием «инструментализированного в грандиозных масштабах рационального рассудка». ⁸⁴²

5. Достоверная информация о массовых убийствах долгое время была доступна только узкой группе людей. Немецким солдатам на фронте и простым немцам в тылу мало что было известно, ходили лишь смутные слухи (Юнгер называл это «профессиональной тайной мясника» или «работой лемурув»). Сообщения иностранного радио многие считали недостоверными ⁸⁴³.

После 1945 г. немцы ужаснулись, они испугались самих себя, их постигло беспрецедентное в мировой истории общенациональное раскаяние. Именно вследствие внутренней потребности загладить вину возникла особая чувствительность к еврейскому вопросу, появилась сильная самоцензура — немцы народ дисциплинированный. Поэтому острые темы, касающиеся еврейского вопроса или истории евреев, находятся в Германии под запретом.

В принципе, террор против евреев был отражением бессилия в решении главных проблем режима, желанием перевести решение проблем в иную плоскость, туда, где царят жестокость и радикализм. То, что американский историк Моше Левин писал о сталинском терроре 1937 г., вполне приложимо (с необходимыми поправками) и к гитлеровскому расистскому террору: «фактически терроризм был дисфункциональным, патологическим компонентом системы, знаменующим ее неспособность справиться с великими историческими задачами, которые она сама перед собой поставила. Таким образом, сталинизм превратился в исторический анахронизм, не способный предотвратить свой неизбежный уход со сцены» ⁸⁴⁴. Более того — вслед за С. Хаффнером можно сказать, что террор против евреев стал одной из главных причин краха грандиозной затеи установления в Европе немецкой гегемонии. Цели полного господства над Европой не смогли добиться в свое время Карл V, Филипп II, Людовик XIV и Наполеон — та же участь ожидала и Гитлера, но не по

причине грандиозности замысла. На самом деле, Гитлер дважды был недалеко от цели — в 1938 г., когда европейские державы согласились с немецким господством в Восточной Европе, а также летом 1940 г., когда Западная Европа лежала у ног Гитлера. Это вызывает вполне законный вопрос, а на самом ли деле немецкая гегемония в Европе была утопией, а цели Гитлера ошибочными⁸⁴⁵. Ко всему прочему, поколения немцев периодов Первой и Второй мировой войны искренне верили в достижимость немецкого господства в Европе. Дело в том, что Гитлер сделал все, для того чтобы осложнить и без того весьма сложное дело: тот, кто стремится к покорению Европы и мира, должен заботиться о меньшем количестве врагов. Идея «окончательного решения еврейского вопроса» была ошибкой Гитлера, так как он сделал врагами своих потенциальных союзников и друзей: если и было в мировой политике еврейское влияние, то оно было исключительно дружественно Германии. В Первую мировую войну еврейское лобби США всячески препятствовали вступлению страны в войну на стороне Антанты. В России евреи сыграли большую роль в революции и в победе большевиков (на радость немцам; не случайно Ленина называли немецким шпионом) и в выходе России из войны. Антисемитизмом Гитлер без всякой причины и необходимости создал себе дополнительного врага, имевшего многочисленных союзников и друзей. Вместе с евреями Гитлер сделал врагами режима и тех немцев, которые категорически не принимали гитлеровский антисемитизм, а это был цвет нации. Большая часть тех, кто оказался в антинацистском Сопротивлении, оказались там именно из-за отвращения к антисемитизму. Хаффнер справедливо указывал, что гитлеровский антисемитизм был не только отвратителен сам по себе, но он был и выражением неблагодарности по отношению к немецким евреям, которые в первой трети XX века внесли столь значительный вклад в интеллектуальное, научное и культурное развитие Германии. Гитлеровский антисемитизм нанес непоправимый урон развитию науки. Репутация Германия в мире оказалась значительно подмочена; многие круп-

ные ученые прекратили ездить в Германию, солидаризируясь со своими еврейскими коллегами. До Гитлера мировой центр ядерных исследований находился в Геттингене; после 1933 г. он переместился в США и, несомненно, если бы не Гитлер, Германия первой бы получила атомную бомбу⁸⁴⁶.

Гитлер искренне верил, что антисемитизмом он сможет завоевать симпатии мировой общественности, что он сделает нацистскую антисемитскую программу общеевропейским делом. Гитлер был убежден, что во всем мире есть антисемиты и они станут ревностными его сторонниками, но он просчитался. Оказалось, что даже антисемитизм украинцев, хорватов, венгров и литовцев основывается не на гитлеровских представлениях о мировом еврейском господстве, а на иных обстоятельствах, связанных с компактным проживанием евреев в культурно и экономически отсталых районах Восточной Европы. Мы должны согласиться с тем, что жестокость по отношению к евреям вызвала значительно большую поддержку не среди немцев, а среди украинцев, хорватов и литовцев⁸⁴⁷ (хотя, как указывалось выше, около 200 тыс. немцев были тем или иным образом причастны к холокосту). Больше в Европе компактных поселений евреев нигде не было, и нацистский антисемитизм шокировал европейцев и никаких встречных позитивных движений не вызвал (либо это были слабые и маргинальные движения). Для Гитлера же — после поражения под Сталинградом — стала очевидной недостижимость гегемонии в Европе, и он сосредоточился на своей второй цели — на уничтожении евреев⁸⁴⁸...

ГЛАВА III

СИМВОЛИКА И МИСТИКА НАЦИЗМА, ИХ СВЯЗЬ С НЕГАТИВНЫМ АСПЕКТОМ КУЛЬТИВИРОВАНИЯ «НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ»

«Не вследствие разума, а часто вопреки ему создаются такие чувства, которые являются побудительными мотивами всей цивилизации, — чувство чести, готовность к самопожертвованию, религиозная вера и любовь к славе».

(Густав Ле Бон)

«Знаки и символы управляют миром, а не слова и не законы».

(Конфуций)

«Я сам в загробный мир не верю, но изучаю его с интересом».

(Х.Л. Борхес)

«Благодарение Богу, создавшему все трудное ненужным, а ненужное — сложным».

(Г. С. Сковорода)

«Если итальянский фашизм напоминал театральное представление, то германский национал-социализм — религиозное действие».

(З. Кракауэр⁸⁴⁹)

Сразу следует указать, что не опьянение массовых ритуалов, не пресловутый нацистский мистицизм и оккультизм (вызывающие столь значительный интерес у публики доньше), не различные нацистские пропагандистские трюки, не ставшая в наше время столь одиозной, а потому и эпатирующей, символика нацистов создали гитлеровскому режиму популярность, но его бесспорные экономические и внешнеполитические успехи; однако в

процессе придания режиму дополнительной динамики, в «раскручивании» политических, экономических и социальных успехов гитлеровского Рейха огромную роль сыграли и те мотивы, которые будут рассматриваться в этой части работы. Эти мотивы, как указывал большой знаток нацистской Германии английский историк И. Кершоу, делают национал-социализм «феноменом, который вряд ли может быть объяснен рационально»⁸⁵⁰. Рациональное толкование нацизма осложняет и то, что и в западной, и в отечественной историографии не сформировалось ясной и определенной линии в трактовке мистического фактора нацизма. Поэтому при соприкосновении с этой сферой велика опасность ненароком свести нацизм к авантюристической, неясной, фантастической и вызывающей раздражение интерпретации, как-либо связанной с мистикой. В художественной литературе этот ошибочный путь проложил Л. Фейхтвангер своим романом (1943 г.) «Братья Лаутензак» (первое название — «Чудотворец»), где он описывает предсказателя — любимца Гитлера.

С другой стороны, как писал немецкий ученый Манфред Нагль, вовсе игнорировать иррациональные элементы, сводимые к общему знаменателю, значит в какой-то мере поддержать мысль о якобы «логической нелепости», необъяснимых противоречиях в идеологии и практике нацизма»⁸⁵¹. Поэтому, помимо прочих источников нацистской идеологии и политики, следует упомянуть и эзотерическую традицию, оккультные науки, в особенности астрологию, и другие формы иррационального, неаналитического мышления. Один из корифеев психоанализа Карл Юнг однажды заметил, что время расцвета астрологии — не средние века, а современность и что астрология «стучится в двери университетов», хотя принято считать, что расцвет астрологии приходится скорее на XVII век, когда шведский ученый Эммануэль Сведенборг (1688—1772) первым выдвинул идею примата сверхчувственного восприятия. Историк искусства Фриц Заксль, оценивая феномен увлечения астрологией в современной Европе, писал, что отчасти он может быть

истолкован как возвращение язычества, что типично для периодов великих потрясений. Заксль пришел к выводу, что ни один исторический период не может быть по-настоящему понят без тщательного изучения присущих ему ненаучных течений⁸⁵². Сфере нацистского мистицизма нужно пытаться отвести надлежащее ей место, а не исключать ее вовсе из анализа — историки, которые упускают из виду этот аспект немецкой романтической и мистической традиции, упускают один из факторов истории Германии⁸⁵³. По крайней мере, первой фазе развития любой разновидности фашизма было свойственно увлечение мистикой и эзотерическими учениями, как указывал французский историк европейского фашизма Пьер Мильца⁸⁵⁴. Это не специфическая черта фашизма или нацизма, но обычная человеческая реакция на атомизацию общества, на одиночество и ощущение покинутости человека в момент второй фазы индустриальной революции. Потом, когда нацисты укрепились у власти, иррационализм и мистика, выполнив свою компенсационную роль, отошли на второй план, поскольку сами никакой непосредственной мобилизационной функции не имели и даже начинали мешать. Хотя многие внешние приметы «тайной доктрины» сохранились в символике, ритуалах, жестах.

Для Германии мистический аспект важен еще и потому, что в немецкой исторической традиции (вследствие особенностей истории этой страны) романтизм - и вместе с ним мистицизм и иррационализм — играл гораздо большую роль, чем в других европейских странах: это было частью специфически немецкого протеста против позитивизма, захлестнувшего Европу в конце XIX века. Гитлер был человеком образа мысли и вкусов XIX века — отсюда и большое значение иррационализма в нацистской идеологии. Иррационализм и оккультные науки только на первый взгляд аполитичны: они мало привлекают людей, склонных к рациональному взгляду на жизнь; зато значительно их влияние на тех, кто не верит, что наука может ответить на главные вопросы бытия (а она и на самом деле не может этого сделать). Парадоксально, но вме-

сте с увлечением оккультными идеями и происходит зачастую подспудная политизация. В отличие от своих не в меру увлекающихся соратников, Гитлер признавал несовместимость рационального, технического, стремительного XX века, с одной стороны, и всяких форм эзотерической («понятной» только избранным) доктрины, с другой. По правде говоря, центральный компонент идеологической концепции Розенберга — мистицизм, которым преисполнен «Миф XX века», — Гитлер отвергал полностью, несмотря на то, что Розенберг хотел замаскировать религиозным мистицизмом обскурантистскую расовую идеологию. В своей известной «речи о культуре» (*Kulturrede*) 6 сентября 1938 г. Гитлер резко осудил все проявления мистики, оккультизма и резко дистанцировался от Гиммлера и Розенберга, которые хотели сделать из национал-социализма религию. Приближенные Гитлера вспоминали, что он (как и Ленин) категорически отвергал мысль о собственном обожествлении⁸⁵⁵. Это внешнее неприятие Гитлером мистицизма и оккультизма, впрочем, совсем не отрицает справедливости мнения Н. А. Бердяева о том, что «революция иррациональна, она свидетельствует о господстве иррациональных сил в истории»⁸⁵⁶; это представляется особенно справедливым по отношению к национал-социализму, совершенно выбивающемуся из немецкой традиции. «Расовая мифология нацистов, коммунистический миф о реализации “золотого века”, — писал о тоталитарных режимах К. Юнг, — все это детски наивно с точки зрения разума, однако, эти идеи захлестывают миллионы людей. Факельные шествия, массовый экстаз и горячие речи “вождей”, использование архаической символики свидетельствует о вторжении сил, которые намного превосходят человеческий разум»⁸⁵⁷.

Гитлер по вопросам мистики и теософии публично никогда не высказывался, а после 1933 г. запретил видным оккультистам и мистикам выступать и публиковаться, опасаясь идентификации с комичными в глазах большинства немцев фигурами⁸⁵⁸. Собственное мировоззрение Гитлер представлял рациональной теорией, основывающейся на

современной науке. Он говорил, что для национал-социализма нет ничего более чуждого, чем наполнять сердца немцев мистикой, совершенно чуждой нацистскому движению. Несмотря на то, что национал-социализм, по Гитлеру, — это массовое движение, он основывается на рациональной теории, а не представляет собой некоего религиозного культа. Шпеер вспоминал, что Гитлер отвергал культивируемую Гиммлером в СС мистику и иррациональность⁸⁵⁹. «У истоков наших программных требований, — сказал Гитлер в 1936 г., — стоят не таинственные и мистические силы, но ясное сознание и открытая рациональность. Наша цель — это культивирование естественного, природного, то есть угодного богу. Наше смирение обусловлено преклонением перед установленными богом законами и их уважением. Мы полагаемся только на последовательное выполнение этих традиционных обязанностей. Богослужение же является обязанностью церкви, а не партии»⁸⁶⁰.

Тем не менее, известно, что некоторое время Гитлер интересовался мистикой: он регулярно читал издаваемый Ланцем фон Либенфельсом оккультный журнал «Остара»⁸⁶¹ (его тираж временами достигал 100 тыс. экземпляров). В Вене этот журнал можно было купить в любом табачном киоске, и таким образом «быть в курсе «вековечной» борьбы арийцев с недочеловеками. Как уже говорилось выше, для Гитлера оккультизм был средством компенсации собственных неудач в реальной жизни и карьере. В гитлеровском увлечении мистицизмом имелся еще один важный аспект: хотя Ланц и был полусумасшедшим цисцерцианским монахом-расстригой и обманщиком, но представления этого венского мистика довольно точно совпадают с доктринальной одержимостью Гитлера расизмом. Ланц разделял свое учение на теозологию (?!) и расовую метафизику, которые, по всей видимости, произвели серьезное впечатление на Гитлера. На страницах журнала Ланц внушал, что полноценная раса арийцев возникла не путем естественного отбора, а была создана, как сказано в древних книгах, некими высшими существами — хельдингами (*Helding*),

в древности заселявшими землю. Часть этих высших существ однажды совершила грехопадение; от падших особей и произошли низшие расы — бесполезные формы жизни — лешие или гномы (*Schrötling*), никчемные и вредоносные существа. Затем арийские самки вступили в связь с самцами неполноценных рас, и мужчины-арии вместе с расовой чистотой утратили свое могущество. Теперь же задача состоит в том, чтобы возродить первоначальную расовую чистоту. Последняя была столь значима для Гитлера, что он считал — в чаше Грааля была не кровь Христа, а нордическая кровь; именно в кровосмешении Гитлер видел причину всех бед Германии. Легенде о Граале нацисты придавали огромное значение; в 1944 г. Розенберг посещал Монтсегюр, последнее пристанище катаров, — для того, чтобы найти и сохранить остатки святого Грааля⁸⁶².

Несмотря на явную абсурдность рассуждений расовых мистиков⁸⁶³, в них есть одно важное достоинство — они точно соответствуют скорее патологии, чем идеологии расовой гитлеровской доктрины⁸⁶⁴.

Интересно, что сам Гитлер не считал немцев по-настоящему расово полноценными — таковыми им еще предстояло стать в итоге реализации длительной биологической программы, детали которой до конца не были ясны никому. Самой примечательной чертой этой программы был субъективизм психологических и пропагандистских впечатлений. Показательно, что Либенфельс претендовал на то, что Ленин и Гитлер были из когорты его учеников; он находил аналогию между истреблением классов, «выброшенных на свалку истории», и уничтожением рас по программе о воспроизводстве⁸⁶⁵. Некоторые историки даже возводили истоки антисемитизма Гитлера к влиянию Либенфельса⁸⁶⁶. Как бы там ни было, мистицизм, иррационализм, оккультизм и магия имели большое, хотя и трудно идентифицируемое влияние на формирование упомянутого субъективизма. В этой связи кажется, что опасна не переоценка магического в нацизме, но ее отрицание.

Вероятным источником увлечения Гитлера арийской

мифологией могло быть и масонство — общество «Туле», при котором первоначально оформилась Немецкая рабочая партия во главе с А. Дрекслером, было, собственно, масонской организацией, каких в Германии было довольно много, и в них под влиянием Жозефа Артюра де Гобино и Хьюстона Стюарта Чемберлена проповедовали расовое учение в самых обскурантистских формах. Центр упомянутой ложи сначала находился в северной Германии; в Мюнхен она переехала только в 1918 г.⁸⁶⁷. Гитлер через Рудольфа Гесса был знаком с крупным масонским идеологом, гроссмейстером общества «Туле» и основателем немецкой геополитики профессором Карлом Хаусхофером⁸⁶⁸, ассистентом которого и был Гесс. Последний был отъявленным ипохондриком, необыкновенно мнительным человеком, нелюдимом и чудачком, ему вполне соответствовало его увлечение мистицизмом, натуропатией и астрологией⁸⁶⁹. Впоследствии СД связывала перелет Гесса в Англию с его увлечением антропософией Рудольфа Штайнера и с тем, что он был тесно связан с астрологами, предсказателями, медиумами, которых Гитлер вообще не переносил⁸⁷⁰, а сторонников Штайнера гестапо преследовало, считая его доктрину вредоносной и несовместимой с расовой идеологией.

В масонской среде также имела широкое хождение «арийская теория», которую масоны позаимствовали у англичан, в частности у знаменитого автора «Мифа XIX века» Хьюстона Стюарта Чемберлена, а также автора утопического романа «Грядущая раса» английского мистика и оккультиста Эдуарда Бульвер-Литгона. Гитлер несколько раз посещал масонские спиритические сеансы. По некоторым воспоминаниям, он ценил умение масонов в нужном направлении влиять на массы и поражать воображение публики с помощью символов магического культа. Есть даже достоверное указание на то, что знаменитый астролог и провидец Эрик Ян Хануссен учил Гитлера языку жестов⁸⁷¹. С другой стороны, придя к власти, Гитлер порвал с масонской мистикой — и мистики, и масоны стали нежелательны в Третьем Рейхе (масонские ложи были запрещены в 1935 г.), что объяснимо: тоталитарная органи-

зация не могла допустить непредсказуемого, неконтролируемого и спонтанного элемента.

Пренебрежение нацистов оккультными науками (по крайней мере, внешнее) не распространялось на мистические представления о седой германской старине; режим охотно поощрял интерес, восхищение и подражание полумифическим образам старины Священной Римской империи немецкой нации. Особенно это относится к Гогенштауфенам, династия которых пресеклась в 1268 г. и начался длительный период междуцарствия и падения авторитета имперской власти. Но за 100 лет до этого Фридрих Барбаросса поднял престиж Священной Римской империи немецкой нации на небывалую высоту, особенно после крестового похода на Ближний Восток. Семеро представителей швабских Гогенцоллернов (особенно Фридрих Барбаросса 1122—1190) были настоящими рыцарями, их отличал боевой дух, смелость, бьющая ключом энергия, азарт, любовь к приключениям и предприимчивость. Барбаросса завоевал Италию, утвердил свое превосходство над Папой и погиб — утонул, переплывая реку в Киликии. Из-за его неожиданной смерти память о Фридрихе Барбароссе гипнотизировала немцев еще многие века: согласно старинной легенде, внук Барбароссы, Фридрих II, правивший на Сицилии, был призван к деду, который и благословил его на великие дела. По народному преданию, дух Барбароссы бодрствует в тиши пещеры Киффхойзер в Тюрингии. Император не дремлет, он стоит на страже будущего национального величия и высокого предназначения Германии. Если нация окажется в опасности, император выйдет из своего укрытия и спасет свой народ. Не случайно имя этого императора было выбрано для обозначения самой ответственной военной операции, предпринятой нацистами.

Важнейшим средством приведения в соответствие революционного стиля партии и внешней динамичной формы нацистского движения была партийная символика —

значки, знамена, символы. Гитлер сразу оценил значение внешних примет политического движения и по приходу к руководству партийной пропагандой сам установил внешние отличительные знаки своей партии. В нацистской символике красный цвет как символ революции сочетался с символами из пропагандистского арсенала правых групп фелькише, что свидетельствует о соединении в гитлеровской доктрине и политике принципа сохранения и принципа изменения. Главным символом нацизма была свастика, которая с конца XIX века почиталась у различных групп фелькише как символ арийского обновления, от них Гитлер ее и перенял. Для Гитлера свастика была символом расы⁸⁷², именно по этой причине по личному наброску Гитлера она была вставлена в значок и появилась на знаменах НСДАП как символ движения. Первые нацисты публично появились со свастикой 16 августа 1922 г. в Мюнхене⁸⁷³. Само слово «свастика» в переводе с санскрита означает «все есть все», этот знак долгое время был символом тевтонских рыцарей⁸⁷⁴. Летом 1919 г. в памятной записке руководству «Общества Туле», к которому первоначально принадлежала НСДАП, член общества, зубной врач Феликс Крон подробно обосновывал значение свастики как символа движения фелькише. Предположительно, именно от этого человека исходит идея, позднее использованная Гитлером, — о соединении свастики с цветами старой имперской Германии — черно-красно-белым⁸⁷⁵. По другим сведениям, Гитлер узнал о свастике из фантастических текстов другого известного оккультиста Гвидо Листа, который трактовал ее как символ божественного акта творения и в листовке 1915 г. предсказывал появление «всемогущего» германского мессии в 1932 г. Если удастся доказать, что Гитлер знал об этом предсказании, то нужно признать Листа важным инспиратором нацистского движения⁸⁷⁶. Гвидо фон Лист пользовался в Вене широкой известностью как политический писатель, и его произведения на темы пангерманского мистицизма были очень популярны. Когда же стало известно, что он руководил оккультным обществом, заменившим крут свастикой и практиковавшим ритуалы

черной магии и сексуальные извращения, Листу пришлось покинуть Вену⁸⁷⁷.

Единству свастики и старых имперских цветов полностью соответствовала и программа партии, которая сводилась к постулированию «национального социализма»: требование создания замкнутой национальной общности было связано с антикапиталистическими настроениями широких народных масс в Германии, но и одновременно с однозначным отрицанием марксизма. Собственно, этой же цели служило и заимствованное у судетских и австрийских фелькиш название партии.

«Партийным» цветом стал коричневый цвет, это вполне объяснимо: нацистам случайно удалось дешево купить большую партию коричневых рубашек, предназначавшихся немецким колониальным войскам в Африке; но поскольку эти территории по условиям Версальского мира у немцев отобрали, то и обмундирование не понадобилось. Тем не менее, немецкий психолог, занимавшийся проблемой воздействия различных оттенков цвета на людей, писал о коричневом цвете в своей диссертации 1949 г.: «Коричневый цвет воплощает силу, полноту жизни, тяжесть, здоровье, терпкий вкус, поэтому коричневый цвет рассматривают обычно как мужской цвет. С другой стороны, этот цвет связан и с низменной стороной природы человека, с тем, что развитие культуры не в состоянии вытеснить, лишит силы, иными словами этот цвет воплощает самые низменные аспекты самой жизни»⁸⁷⁸. Сначала этот цвет приняли только СА; на первом съезде партии в январе 1923 г. сотня СА на Марсовом поле в Мюнхене впервые продефилировала в коричневых рубашках перед Гитлером.⁸⁷⁹ Гитлер торжественно освятил четыре штандарта СА; на каждом штандарте была изображена свастика в обрамлении дубовых листьев, которую держал в когтях взлетающий орел; у Наполеона был парящий орел — по мысли Гитлера, это отличие должно было указывать на постоянно растущее влияние партии. Гитлер выбрал орла ещё и потому, что в антисемитском фольклоре орел слыл «арийцем животного мира». Злые на язык берлинцы шутили, что лучше бы символом партии был

паук — он коричневый, стоит всеми лапами на земле, поэтому ближе к земле, формой похож на свастику и носит арийское имя (дело в том, что для немецкого уха фамилия «Adler», так по-немецки орел, — это еврейская фамилия).

Законом о флаге (15 сентября 1935 г.) имперскими цветами были установлены черно-бело-красный со свастикой, а прежний республиканский черно-красно-золотой был отменен еще 12 марта 1933 г., когда для этого было произведено разделение между имперским и национальным флагом. Распоряжением от 16 сентября 1935 г. и от 28 августа 1937 г. демонстрация земельных цветов и флагов была запрещена⁸⁸⁰, что соответствовало нацистской унификации Германии.

Весьма удачной находкой является цвет нацистского флага. Гитлер в «Майн кампф» писал, что для флага движения предлагали белый цвет, «но белый — это не увлекающий за собой цвет. Он подходит целомудренному объединению девственниц, а не сокрушающему устои революционному движению. Летом 1920 г. красное знамя со свастикой было впервые продемонстрировано на митинге. Оно очень хорошо подходило нашему молодому движению, оно действовало на нас, как горящий факел. Красный цвет отражал для нас социальные корни движения, белый — национальные идеи, а свастика — миссию борьбы за победу арийского человека и одновременно победу творческого производительного труда, который был всегда чужд евреям»⁸⁸¹. Символом, вызывающим мистическое чувство, Гитлер считал свастику; он утверждал, что она носит антисемитский смысл, но это не так — таким символом свастика стала относительно недавно. Новая власть нуждалась в атрибутах новой идеологии, в символике, имеющей глубокие исторические корни, а потому неясное происхождение: такая символика всегда интенсивно использовалась оккультными «науками». Разгадка содержится в иррациональном характере самого антисемитизма, который и символом своим сделал знак, имеющий смутный и необъяснимый смысл, восходящий к доисторическим временам; в его толковании воз-

можно самые широкие обобщения и допущения. Свастику (от санскритского *svi*: имеющая благое значение), начиная с палеолита, находили у семитских народов (она была символом исцеления), на античной греческой керамике, в Индии, в Китае, у древних монголов; в качестве знака благословения или заклинания свастика известна в Северной и Центральной Европе с IV века до нашей эры. Считается, что это символ солнечного шествия, превращающего ночь в день, отсюда и его более широкое значение — как символа плодородия и возрождения жизни. Свастика символизировала жизнеутверждающую силу солнца, и в этом совершенно аполитичном смысле она до сих пор употребляется в Индии, Китае (китайцы обозначают свастикой бесконечность), Японии (символ процветания); особенно распространено изображение свастики в индуизме и джайнизме. В индийской традиции различают свастику, ориентированную по часовой стрелке (она обозначает добрые силы), и свастику с поворотом концов против часовой стрелки (может означать ночь и черную магию, а также страшную богиню Кали, несущую смерть и разрушение). Интересно, что на финских военных знаменах свастика употребляется до сих пор⁸⁸²; в годы Гражданской войны в нашей стране были проекты использовать свастику вместо красной звезды. Известный деятель Сопротивления социал-демократ К. Милендорфф (вслед за Э. Блохом и бельгийским социалистом Г. де Манном) указывал на большой психологический потенциал символов и вместе со своим русским другом-конструктивистом создал «иконографическую альтернативу» свастике в виде трех параллельных «стрел свободы». Эти стрелы, будучи наложенными на свастику, нейтрализовали ее резкость и жесткость, при этом даже возникало ощущение, что стрелы прогоняют «удирающую», кажущуюся косою и с подогнутыми ногами свастику⁸⁸³. Эти «стрелы свободы» затем использовали в антинацистских листовках Сопротивления.

В целом же, свастика для адептов нацизма имела весьма путаный смысл, о котором существовала масса суждений, и каждое претендовало на правоту. В этом отношении столь

же психологически смутный смысл имел в советской символике и серп. Серп — символ крестьянского труда, но для труда крестьян важно многое: качество почвы, время года, разнообразие орудий труда, социальная организация, политическая ситуация, — и все же труд символизировал серп — простейшее орудие, давно вышедшее из употребления. Предмет совершенно незначительный служит символом значительного явления — точно так же, как в случае со свастикой. Для того, чтобы воспринимать «серп» как символ, можно не иметь ни малейшего представления об истории земледелия, о развитии и формах крестьянского труда. Достаточно знать, что серп был типичным сельскохозяйственным орудием. Вместе с тем, этот пример показывает, что для восприятия символов как таковых необходимо только минимальное знание истории, дающее ощущение полноты знания и высокой степени посвященности, за которой, на поверку, ничего не стоит.

Свастика, как удачно подметил Конрад Гейден, своим видом возбуждает желание самому намалевать ее на чем-либо. Нарисованная мелом или краской свастика покрывала стены домов, с максимальной краткостью и стенографической ясностью напоминая о существовании нацистов⁸⁸⁴. Конрад Гейден указывал, что для пропаганды нельзя придумать более подходящего символа: в нем есть нечто грозное и в то же время гармоническое, его ни с чем нельзя перепутать, он сразу запоминается⁸⁸⁵. Вильгельм Рейх объяснял притягательную силу этого символа тем, что он действует на подсознание как обозначение двух человеческих тел во время полового акта, иным словами, по мнению известного неортодоксального фрейдиста — это символ продолжения жизни⁸⁸⁶. По В. Рейху, указанное воздействие свастики на подсознание, естественно, не было причиной, но всего лишь вспомогательным средством в развитии нацистской массовой пропаганды. Рейх писал, что индикативные опросы показали, что почти никто из людей различного возраста, пола и социального происхождения не осознавал сексуальный смысл свастики, но при дли-

тельном созерцании этот тайный смысл начинал до них доходить. Также В. Рейх указывал, что было бы неверно полагать, что после осознания тайного сексуального смысла свастики его воздействие на подсознание уменьшается — наоборот, люди в своем подсознании стремятся морально преодолеть это ощущение, что усиливает воздействие символа свастики⁸⁸⁷. Вероятно, такие суждения могут вызвать улыбку и недоверие, но это хоть какое-то объяснение действительно магической силы воздействия этого символа на немцев.

Весьма любопытную интерпретацию свастики предложил большой знаток религиозной традиции Элиас Канетти. Он указывал, что даже семантически слово *Hakenkreuz* (по-немецки: крюкастый крест, свастика) воплощает самую жестокую часть христианского предания — казнь через распятие. Помимо прочего, «*Haken*» — это и козлы, на которых наказывали провинившихся мальчиков в школе, это слово своим звучанием напоминало о необходимости призвать виновных к ответу. «*Haken*» в немецком языке созвучно выражению, обозначающему цокот подковы, копыт, щелканье каблуков. «В этом символе, — указывал Канетти, — самым коварным образом соединяются угроза жестоких наказаний за неповиновение или неисполнение долга со скрытым напоминанием о военной дисциплине и ритуале»⁸⁸⁸. Может быть, именно по перечисленным причинам никогда еще в истории политических течений символ не утверждался столь последовательно, как свастика. О серьезном отношении нацистов к своему символу свидетельствует то, что вскоре после 1933 г. был выпущен закон «о защите национальных символов», который запрещал использование символики на игрушках. Один мемуарист передавал, правда, что вскоре после 30 января 1933 г. в магазине игрушек он видел детский мячик с изображением свастики⁸⁸⁹.

Ярким и узнаваемым символом движения нацисты сделали старинное готское приветствие «*Hei!*», которое было широко распространено в немецком молодежном движении еще до войны. Распространенные в старину приветствия «*Im deutschen Namen Heil!*», «*Heil und Sieg!*»

нацисты переделали в короткое и звонкое «*Sieg Hei*». От итальянских фашистов нацисты переняли «древнеримское» приветствие путем поднятия под небольшим углом правой руки и униформирование членов партии, а от коммунистов - обращение «товарищ» (*Parteigenosse*). Все эти символы, знаки и узнаваемые приметы придавали нацистскому движению цвет, страсть, динамику и размах; они были чрезвычайно важным средством мобилизации, организации, театрализации нацистского движения и, в конечном счете, немаловажной причиной его сенсационного и беспрецедентного успеха. Более того — живой смысл символики нацизма состоял в возможности контроля над настроениями; например, гитлеровское приветствие было обязательно для всех государственных служащих, позже (с 1944 г.) оно было введено в армии. Приспособление к этим условностям составляло акт унижения для людей с чувством собственного достоинства и помогало режиму наиболее полно осуществить общественную унификацию. При этом неопиты выказывали гораздо большее рвение, дабы доказать свою лояльность. Приват-доцент Кильского института мировой экономики Рудольф Хеберле вспоминал, что студенты-ветераны нацистского движения продолжали приветствовать его наклоном головы или поклоном, а новички партии — обязательным «*Heil Hitler*» и поднятием правой руки⁸⁹⁰.

В заключении главы о символике Третьего Рейха следует еще раз подчеркнуть, что вразумительное объяснение нацизма — при исключении иррациональных мотивов и феноменов — невозможно в том числе и по той причине, что нацисты их интенсивно использовали. Алан Буллок в своем сравнительном жизнеописании Гитлера и Сталина указывал, что не только речи Гитлера, но и все атрибуты движения, которое относилось к политике как к драматической смеси театра и религии, были нацелены на возбуждение не рациональных, а эмоциональных и иррациональных эмоций и реакций. Собственно, наиболее оригинальным достижением Гитлера является создание

движения, специально рассчитанного на подчеркивание с помощью всех возможных приемов — символов, языка, иерархии, ритуалов — верховенства в политике динамичных иррациональных факторов, таких, как борьба, воля, сила, жертвенность, дисциплина, товарищество, раса⁸⁹¹. Муссолини в свое время заметил: «Идеология фашизма не содержит ничего нового, она является результатом кризиса нашего времени, вы можете его определить как иррационализм»⁸⁹².

ЭПИЛОГ

«Прошлое лишь в той мере может стать для культуры историей, в какой оно для нее вразумительно».

(Й. Хейзинга)

«Быль, что смола, небыль, что вода».

(русская пословица)

«Нам в полной мере удалось превратить всю немецкую историю в альбом с портретами преступников».

(эксканцлер ФРГ Гельмут Шмидт)

«Почти 400 лет понадобилось, чтобы немцы оказались в современном духовном состоянии; никто не знает, сколько лет нужно будет, чтобы их оттуда вывести».

(А.Д.П. Тейлор в 1945 г.)

Немецкий антрополог Людвиг Вольтман писал, что рабство было необходимо, чтобы породить в сознании человека практическое понятие социального труда, аристократия — для утверждения практического понятия о социальной свободе. Интересно, а для чего был нужен тоталитаризм, как нам, потомкам, использовать его в процессе политического воспитания? По всей видимости, для того, чтобы отвратить нас от единомыслия и единообразия в наших оценках и нашей политической практике, а также избавить от цезаризма, который в XX веке оказался не столь безобидным (как и предрекали О. Шпенглер и К. Бурк-хардт). В этом и состоит значение преодоления тоталитаризма для политического воспитания современного мира.

При безусловном значении категории тоталитаризма для политического воспитания, она до крайности неопределенна и расплывчата, как и все общие понятия. За неопределенностью и общим характером морального осуждения теряется то обстоятельство, что потрясение, вызванное преступлениями нацистов, было для немцев и Европы очень велико, но нельзя забывать, что во время

войны не только немцы, но Запад и наша страна допускали нарушение прав человека и что только победа релятивировала одни преступления и подчеркнула другие — на самом же деле они друг друга стоили. Однако бюрократизированная система насилия, концлагеря, созданные нацистами, являются во всех отношениях, особенно в психологическом плане, совершенно немислимыми и не укладывающимися ни в какие представления. Не только слепое повиновение или оппортунизм, но часто и неосознанное желание позволить увести себя с пути истинного (это желание разжигалось национальными обидами и нежеланием что-либо исправить совместно с другими народами) было причиной того, что «Германия вела себя в среде европейских народов, как бешеная собака»⁸⁹³.

В 1987 г. Эрнст Нольте опубликовал книгу о европейской гражданской войне, в которой высказался в том смысле, что сейчас возможна историзация нацизма в силу невозможности повторения прихода нового Гитлера к власти⁸⁹⁴. Нольте видел наиболее существенное в нацистском прошлом не в антисемитизме и преступлениях, а в его отношении к коммунизму. По словам Нольте, Гитлер был уверен в том, что своим движением он создал более веский ответ на вызов большевизма, чем западные демократии. Со временем, однако, все начинают походить на своих врагов: это видно уже в деле Рема, а в уничтожении евреев, полагал Нольте, соответствие большевизма и нацизма полное. Во время войны большевизм стал для Гитлера образцом для подражания. Такая гипотеза вызвала в общественном мнении Германии настоящую бурю и вылилась в «спор историков»: подавляющее большинство историков отказалось верить в возможность релятивирования нацизма и его преступлений преступлениями сталинизма и репрессиями сталинской эпохи. Точно так же нельзя ожидать, что общественностью будет спокойно воспринята точка зрения американского историка Т. Лоэ: нацизм (наряду с маоизмом, большевизмом и фашизмом) был разновидностью протеста против вестернизации мира в XX веке (сейчас этот процесс именуют глобализацией). Лоэ доказывает, что Запад с его техникой, устойчивой и

стабильной общественной организацией является динамичным началом человеческой истории, а все революционные движения XX века были только протестом против этого ненасильственного и надгосударственного проникновения западной культуры⁸⁹⁵. В противовес этому суждению, и историками и общественностью нацизм воспринимается как совершенно исключительное варварство, которое ничем и никогда не может быть релятивировано. Объективная потребность в релятивировании нацизма, однако, ощущается все сильнее и настойчивее по той причине, что строго моральная позиция (обычная по отношению к нацизму) препятствует постановке (и рассмотрению) многих острых вопросов. В открытом обществе не может быть окончательных ответов на вопросы национальной идентичности, а в современной Германии все исторические дискурсы направлены на нацистские времена, интрепретация которых совершенно одномерна.

Так как немцы не знали, что такое деспотия, они и не подозревали, что можно ожидать от Гитлера; в Германии до Гитлера вместо практического политика и реалиста всегда ожидали гения, которому бы нация с удовольствием доверила (и неоднократно доверяла в прошлом) безграничную власть, — харизматическая власть воспринималась как естественная форма организации политической жизни. К тому же, в Германии переход от авторитарной к тоталитарной модели общества был значительно облегчен тем, что фашистский тоталитарный порядок в Италии не был столь жутким, каким оказался гитлеризм. Однако аналогии оказались несостоятельными: полгода спустя после прихода Гитлера к власти французский посол в Германии Франсуа-Понсе писал, что нацисты за пять месяцев сделали в создании тоталитарной системы столько же, сколько итальянские фашисты за несколько лет⁸⁹⁶.

Как немцы стыдятся нацизма, так и другие народы должны стыдиться преступлений, имевших место в их национальной истории: так, англичане стыдятся концлагерей во время англо-бурской войны, русские — преступ-

лений сталинизма, французы — Варфоломеевской ночи и террора во время революции 1789 г., американцы - уничтожения коренного населения и расизма, долгое время доминировавшего в обществе, турки - геноцида армян в Первую мировую войну Эти «травмы» национального сознания имели далеко идущие последствия для эволюции национального самосознания, для становления современной политической культуры, несмотря на то, что люди, испытавшие эти события на себе, в большинстве случаев давно уже умерли.

Нацизму нужно и можно найти место в европейской традиции, а не только в истории Германии, как это случается в историографии и в обыденном сознании, сужающих нацизм до только немецкого феномена, стереотипа немецкого способа преступного политического поведения. Дело в том, что прогрессивность и отсталость, закрытость и открытость, лабильность и ригидность в европейской истории разбросаны в разных сферах и измерениях, и оперировать ими без ущерба для истины невозможно. Взять, например, нынешний стереотип Англии как родины политической демократии и парламентаризма, разделения властей, независимости суда и политических свобод: на самом деле этот стереотип совершенно ложен. Для одного из основоположников теории современной демократии англичанина Джона Стюарта Милля Франция была парусом, а Англия — балластом поступательного демократического развития Европы. «Феодальный» характер политической культуры Англии подчеркивался и английскими и иностранными публицистами. Идеолог либерализма и свободы торговли Ричард Кобден (1804—865) сравнивал английскую систему классового разделения общества и классовых перегородок с ригидной варново-кастовой системой в Индии. В своих публикациях английское «Фабианское общество» (с 1884 г.) постоянно жаловалось на архаические традиции в управлении английских городов, а также на немыслимые масштабы власти лендлордов. Даже лидеры «Славной революции» 1689 г., которую некоторые историки считают чуть ли не началом европейской современности, не собирались

защищать вышеупомянутые принципы современной демократии — они просто хотели «сделать доброе дело» (*in a good cause*), как его понимали. Современные же мифы демократии сделали из этих людей и из английской традиции нечто совершенно иное по сравнению с ее действительным содержанием — многослойным, неоднозначным, противоречивым, нелинейным, разным. Тоже можно сказать об истории любой европейской страны, не исключая и Германию, ибо ее политическая традиция не всегда была такой обскурантистской, как при Гитлере; нельзя понять немецкую историю, отрывая друг от друга самое противоречивое в ней: Гитлера и Гете, Франкфуртский парламент и С А, Гиммлера и Гейне, немецкие готические соборы и здания Шпеера. В процессе осмысления особенностей немецкой традиции и ее эволюции нужно уметь релятивировать, не упуская из виду некоторые важные моральные уроки истории, к усвоению которых обязательно следует стремиться без излишнего морализаторства. Как справедливо заметил крупный знаток современной европейской истории У. Лакер, в современной истории существовала англофобия, франкофобия, германофобия, сильно распространены антиамериканизм; временами это было оправдано, чаще — выглядело глупо и безвкусно. Однако нормальный немец, англичанин, француз или американец только пожмут плечами и не придадут нападкам никакого значения⁸⁹⁷.

Нацистский режим до конца войны пользовался поддержкой населения, которую нельзя объяснить только манипуляциями пропаганды или действием репрессивного аппарата власти полицейского государства. Нельзя не признать, что нацистам удалось утвердиться в чувствах и мыслях самых широких слоев немецкого народа, — не исключая и рабочий класс, обладавший мощной традицией классовой солидарности и строгой партийной организацией, — и интегрировать их в свое государство. Нацистское государство и его социальная политика на самом деле смогли осуществить своего рода «социальную революцию», означавшую значительный разрыв с тради-

цией и весьма существенный прорыв в современность. Масштабы изменений в стране были сравнимы с большевистскими; разница была только в словах: в Советской России говорили о бесклассовом обществе, нацисты - о «народной общности». Тот, кто, подобно правоверным марксистам, считает определяющей чертой социализма обобществление средств производства, будет отрицать гитлеровский «социализм», но развитие современного общества отчетливо указывает на то, что со временем все больше растет значение социализации человека. Себастьян Хаффнер был прав: образ мысли и работа человека и при капитализме и при социализме в принципе одинаковы; труд на заводе или фабрике во всех случаях подлежит процессу отчуждения, принадлежит ли конвейер капиталистической корпорации или государству. Зато огромное значение имеет то, что ждет человека после работы: одиночество и чувство заброшенности или коллектив и общность, то есть гораздо важнее, чем отчуждение человека трудом, является отчуждение человека другим человеком. «Более того, - писал Хаффнер, - если целью социализма является ликвидация отчуждения человека, то социализация людей при Гитлере достигла более значительных результатов, чем социализация средствами, которые использовали большевики»⁸⁹⁸. Большевики лишь формально устранили неравенство, сделали всех равными в нищете; эффективность общественного воспроизводства при большевиках очень упала; они доказали лишь то, что легко уничтожить богатство, но трудно уничтожить нищету, — как в свое время остроумно заметил поэт Давид Самойлов.

Французский публицист фашистского толка Дрие ла Рошель предложил весьма необычную концепцию истории, согласно которой главным капиталом общества являются не деньги и товары, не демократия и ее институты, не идеи и техника, не классы и их идеологии, не армия и оружие, а люди. Если люди деградируют, если их сердца и души становятся равнодушными, не способными к жертвенному подвигу и состраданию, если их тела размягчаются и утрачивают способность контроля и

меры, то никакие «общественные законы» и «права человека» не сделают государство крепким и справедливым⁸⁹⁹.

В процессе создания новой национальной общности и в стремлении создать максимально благоприятные условия для ее развития нацисты использовали все мыслимые средства и делали это с необыкновенной энергией и изобретательностью. При этом кажется парадоксальным, что для преодоления буржуазного общества и его социальной природы нацисты использовали средства из арсенала того же буржуазного общества, так как в индустриальную эпоху других средств в обществе просто не было. Иначе говоря, нацисты склонялись к использованию современной технологии не по доброй воле, не потому, что усматривали в ней какую то ценность, — они вынуждены были ее использовать⁹⁰⁰. Получается, что всякое изменение к лучшему в обществе ведет к модернизации. Хотя многие историки продолжают считать Гитлера реакционным политиком из-за его антисемитизма, политики в женском вопросе, из-за его отношения к политическим свободам и идеям Просвещения, но на практике политика Гитлера способствовала модернизации, а сам он не переставал себя называть революционером⁹⁰¹.

Национал-социализм для немецкого общества сыграл, бесспорно, модернизирующую роль, что сказалось на ФРГ, представляющей собой одну из самых современных и мобильных современных демократий, совсем не похожую на вильгельмовскую Германию или Веймарскую республику. Нацизм означал «посыл в современность» для немецкого общества, в определенной мере даже социальную революцию, и, наверное, следует все же согласиться с основным тезисом автора теории модернизации Ральфа Дарендорфа: «Гитлеру нужна была модернизация, как бы мало он ее ни хотел»⁹⁰². В этом отношении нам нужно научиться воспринимать национал-социализм (вместе с Пруссией и вильгельмовской Германией) тоже как часть современной немецкой политической традиции, ибо любая история непредставима без предыстории, иначе она и не нужна вовсе.

Определенные достижения нацистского режима в процессе модернизации немецкого общества давно и много обсуждаются в немецкой исторической литературе. Из дискуссии ясно, что нацисты до конца осуществили так и не состоявшуюся ни в кайзеровской Германии, ни в Веймарской республике социальную революцию. Содержанием этой революции была модернизация; под ней следует понимать освобождение людей от старых социальных ролей, от традиционной привязанности к религии, региону, семье или социальному классу. Вертикальные социальные структуры были, таким образом, ликвидированы. Безусловно, «прорыв в современность» нацистами не планировался — он стал следствием их целеполагания, а также того, что тоталитарная власть возможна лишь тогда, когда устранены конкурирующие центры власти, ликвидировано всякое автономное существование. Нацисты впитали и переработали на свой манер многие модернистские тенденции своего времени: фашизм, большевизм, американизм, создав новую систему ценностей на основе тевтонской романтики. В этой системе даже жестокость и убийства подверглись рациональной организации и оформились в общественные институты, что особенно тяжело воспринималось современниками нацизма за пределами Третьего Рейха.

Формальными признаками модернизации должны быть признаны: индустриализация, падение рождаемости, урбанизация, сокращение занятости в аграрном секторе, секуляризация, эмансипация, либерализация, преодоление милитаризма, горизонтальная и вертикальная социальная мобильность, рост производительности труда и выравнивание доходов. По наиболее существенным формальным признакам Третий Рейх соответствовал этим критериям. Однако не все критерии модернизации соответствовали гитлеровским идеологическим установкам — он, например, отрицал индустриализацию⁹⁰³ как нездоровую и вредоносную, презирал гражданские добродетели и хотел видеть в немецкой молодежи солдат со свойственными солдатам качествами; он презрительно отзывался о женской эмансипации⁹⁰⁴, о значении образования и

науки; капитализм и коммунизм он сводил к еврейскому духу (совершенно очевидна взаимосвязь между нацистским антимодернизмом и антисемитизмом); он весьма лестно отзывался о Британской империи и объявил Россию «нашей Индией»; он совершенно не принимал современное искусство. Нельзя считать современным и отношение Гитлера к государству, которое у нацистов стало хаотичным нагромождением компетенций.

Вместе с тем, необходимо указать, что гитлеровский-антимодернизм вполне безболезненно уживался в рамках социально-экономической системы Третьего Рейха: производство росло невиданными темпами, социальная политика и социальные достижения вызывали зависть всего мира; именно в Германии во время войны были осуществлены технические прорывы (может быть, даже более значительные, чем в США, находившихся в лучшем экономическом и геополитическом положении). В преддверии войны эстетизация техники вылилась в своего рода новый нацистский культ эффективности, конструктивности, дельности, впрочем, свойственной немцам во все периоды их истории. Это стало возможным только при опоре на старую немецкую традицию, восходящую к истокам индустриализации Германии и к особенностям немецкого национального характера, включающего в себя такие качества, как точность, аккуратность, любовь к порядку. Бытует мнение, что немцы — прирожденные инженеры, но немецкая техническая интеллигенция в большинстве своем была настроена против буржуазного бессилия вильгельмовского общества; она стремилась к утверждению техницистских и волюнтаристских взглядов. Большое значение имело при этом то обстоятельство, что немецкие научные и технологические достижения осуществились вне либеральной традиции — не случайно злой гений Гитлера нашел питательную среду в немецком рационализме, вернее, в его культурном пессимизме⁹⁰⁵. Нацисты со своим культом эффективности оказались весьма ко двору в среде технической интеллигенции. Тем более что Гитлер, магически воздействуя на самые широкие массы, умел воо-

душевить общество на поддержку и создание больших технических проектов (примером тому является строительство автобанов). На этом фоне повышался социальный престиж инженеров и техников, они выдвигались на руководящие государственные посты (роль Шпеера и Тодта в Третьем Рейхе). Распространению культа техники послужила невероятная популярность автогонщиков и летчиков, ставших в массовом сознании новыми «рыцарями».

Многие авторы подчеркивают мощную динамику и активизм нацистского движения, отличавшегося новаторством и смелостью, задором и напористостью в деле общественной мобилизации, поэтому утверждения о доминировавших в движении отбросах общества, вырождаках и деклассированных элементах, долгое время бытовавшее в исторической литературе, следует решительно отбросить⁹⁰⁶. «Удивительно прогрессивными и разумными» можно считать, вслед за американским историком Р. Смелзером, начинания Роберта Лея, главы ДАФ, в социальной и жилищной политике, а также в строительстве⁹⁰⁷. Нацистская Германия была гораздо ближе к идеалу общества процветания, чем США, не говоря уже о других странах: строительство спортивных сооружений, детских садов и школ, дешевый заграничный туризм для простых людей (впервые в мире), лучшие в мире дороги, в которых учтена экология и ландшафтное планирование; массовое производство радиоприемников и фотоаппаратов, первые попытки распространения телевидения. Удивительно, но и возможности для вертикальной социальной мобильности были значительны: например, знаменитый генерал Ваффен-СС, кавалер высших воинских наград Зепп Дитрих был незаконнорожденным сыном баварской крестьянки; руководительница женской нацистской организации Г. Щольц-Клинк происходила из семьи мелкого бухгалтера, а ее муж, эсэсовский генерал, — из крестьян⁹⁰⁸.

Разгадка этого очевидного несоответствия между бесспорными социальными и экономическими достижениями режима и его антимодернистскими целями в том, что нацистский режим стремился к осуществлению антимо-

дернистских целей средствами модернизации. Национал-социализм был одновременно и результатом, и выражением кризиса модернизации, он одновременно был и продуктом буржуазного общества и организованным массовым протестом против него. Кроме того, нацистское восприятие модернизации принимало и ценило технический прогресс, но отвергало его политические, философские и социальные последствия и противостояло им. Точно так же, как современные антиглобалисты говорят о том, что можно принять технический прогресс, но при этом сохранить свои национальные особенности, «народную душу». Американский историк Д. Херф отмечал, что подобное избирательное отношение к модернизации было характерно для всех «реакционных» модернистов от немецкой «консервативной революции» до сторонников Насера и Хомейни. На самом деле, трудно ответить, были ли последние сторонниками или противниками модернизации⁹⁰⁹?

В Третьем Рейхе произошла двойная революция — средств и целей: революция целей была идеологической природы и состояла в утверждении антимодернистской утопии и возвращении к доиндустриальным временам с ее гармоничными социальными взаимоотношениями. Революция средств была ненамеренной, но естественно вытекающей из первой революции — в индустриальную эпоху вести борьбу против индустриализации можно только методами индустриальной эпохи; для реализации своих реакционных целей нацисты должны были мобилизовать народ и все ресурсы государства.

Вследствие краткости периода нацистской диктатуры довольно сложно говорить о долгосрочных тенденциях развития: с одной стороны, вроде бы ясно, что прежние политические структуры при нацистах рухнули, что Третий Рейх революционизировал как государство, так и общество, что возникло «бесклассовое» общество. С другой стороны, очевидно, что во многих сферах практически никаких изменений не произошло. Так, ничего не изменилось в структуре социального перераспределения в Третьем Рейхе: немецкие города к началу войны стали

не меньше, а больше, чем в 1933 г., сельское население уменьшилось, а не увеличилось, все поголовно женщины не встали к кухонной плите, но работали и в конструкторских бюро и на производстве, неравное распределение доходов стало не меньше, а больше. Создается впечатление, что истинный триумф национал-социализма состоял не в создании нового общества, а в формировании нового социального сознания. Нацистам удалось (при сохранении в целом прежнего социального устройства общества) без ущерба для общества надстроить поверх старого «новый мир», в котором традиционные мерки и ранги старого социального порядка не имели никакого значения. Средний немец жил одновременно и в мире традиционных порядков и в мире национал-социалистическом, любая примета которого — свастика в белом кругу на красном полотнище, речь фюрера по радио или слово «еврей», так часто встречающееся в вечерней газете, — мгновенно делала недействительными реалии старого мира.

Также и в сфере геополитики нацистские цели были объективно антимодернистского свойства — колонизация России должна была означать сокращение притока людей в промышленность и превращение вчерашних рабочих в крестьян. Таким путем нацисты собирались освободить немецкий народ от социальных бед индустриального общества и обеспечить возвращение к простой и здоровой деревенской жизни и к добродетелям прошлого. Добиться же победы на Востоке можно было только модернизировав промышленность и поставив ее на военные рельсы - так средства достижения промежуточной цели похоронили и конечную цель, и первоначальную идею. Получается, что нацизм был утопической формой антимодернизма, а всякий утопизм является исторически реакционным. Во всяком случае, весьма эффективный модернизм таких нацистских технократов как Гейдрих и Баке, которые смеялись над фелькише и мистическими фантазиями Гимmlера и Дарре, совсем не походил на модернизм западных либералов; это была просто «попытка модернизации» в рамках тоталитарной системы⁹¹⁰. С другой

стороны, движение в сторону модернизации, вопреки всем идеологическим декларациям, носило объективный характер. Так, если в 1927 г. производство сельскохозяйственной продукции в ВВП составляло 22,2%, то накануне войны - 15,2%, в 1925 г. в сельском хозяйстве было занято 9,7 млн человек (30,5% всех занятых), а в 1939 г. — те же 9 млн, но они уже составляли 25,9% всех занятых⁹¹¹.

Оценивая в целом итоги нацистской социальной политики, следует признать, что, в отличие от Первой мировой войны, когда социальная политика государства провалилась, нацистскому режиму удалось удовлетворить потребности населения во всех сферах социальной жизни (даже в ущерб остальным своим целям). Такой подход свидетельствовал о разных, по сравнению с Западом, критериях в организации общества. Шпеер в мемуарах указывал на разницу степени мобилизации тыла в демократических странах и Германии: «Поразительно, но Гитлер стремился не отягчать свой народ тяжелым бременем проблем военного времени, в то время как демократические политики Черчилль и Рузвельт не раздумывая делали это. Разница в тотальной мобилизации трудовых ресурсов в демократической Англии и попустительским отношением к этому вопросу в авторитарной Германии в полной мере характеризует внимание немецких правящих кругов к общественному мнению. Правящие круги Германии и сами не хотели жертвовать обычными жизненными благами и не требовали этого от народа, всячески оберегая его от перегрузок и дурных настроений. Гитлер и его соратники принадлежали к поколению, тяжело пережившему Ноябрьскую революцию, и ни при каких обстоятельствах не желали ее повторения»⁹¹². Поэтому в целом социальная политика Третьего Рейха, *исключая ее негативный аспект*, может быть оценена как бесспорное достижение, которое имеет объективный характер; поэтому к нему нет необходимости подходить с моральными мерками (плохо — хорошо), а лучше с социально-экономическими (удачно — неудачно, значительно-незначительно, эффективно-неэффективно).

Нужно учесть то обстоятельство, что нацистский режим был слишком непродолжительным, чтобы можно было говорить об устойчивом разрыве преемственности социального устройства. Бесспорно одно: уравнительная модернизация немецкого общества нацистами является важнейшим результатом гитлеровской диктатуры; нацисты сделали общество более демократическим⁹¹³. Хотя если судить по отдельным факторам, то один из самых важных признаков модернизации — урбанизация — при нацистах не увеличила свои темпы, она осталась на прежнем уровне изменений, начавшихся в вильгельмовские времена и Веймарскую республику. Структура занятости также не претерпела сильных изменений по-настоящему; они дали о себе знать только в ФРГ. Бросающиеся в глаза изменения произошли в Третьем Рейхе только в двух сферах: процент участия женщин в высшем образовании несколько упал — это отклонение от тенденции к модернизации. Вторая тенденция — значительно выросли налоги: таким образом нацистское государство мобилизовало ресурсы в немыслимых ранее масштабах ради скорейшего вооружения, что привело к сильному дефициту платежного баланса. Нацистское государство не ограничивалось только налогами: в 1939 г. около 20% государственных расходов финансировались за счет кредита⁹¹⁴. Статус рабочего повысился, что нашло отражение в социальном положении и условиях труда, сблизившихся с положением и правами служащих, но ощутимого стирания классовых различий не произошло. При нацистах зарплата рабочих постоянно снижалась; реальная недельная зарплата достигла уровня 1929 г. только в 1942 г., с тем чтобы потом вновь снизиться⁹¹⁵. Сохраняющееся неравенство не было компенсировано и снижающимися шансами на рынке в условиях карточной системы, так как 90% дохода шло на простое воспроизводство условий жизни. Прорыв произошел только в ФРГ, которая обеспечила свободное распоряжение половиной дохода уже в начале 60-х гг.⁹¹⁶

Со временем нацистский режим стал все больше опираться на насилие. Число узников концлагерей выросло с 27 тыс. в 1933 г. до 95 тыс. в 1942 г. и 714 тыс. — в 1945 г. Число преступлений, за которые полагалась смертная казнь, выросло с 23 в 1936 г. до 926 в 1940 г. и до 4438 в 1943 г.⁹¹⁷ Число смертных приговоров выросло с 23 в 1938 г. до 926 в 1940 г., а в 1943 г. достигло 4438. По подсчетам историков, к 1945 г. около 2% населения Германии (1,4 млн человек) по меньшей мере один раз подвергались преследованию со стороны режима⁹¹⁸. Результатом подобной эскалации террора стала не консолидация нации, а растущее сопротивление различных групп и отчуждение граждан от государства. Отсюда — распространенный в нацистские времена уход в частную жизнь, в семью, что снижало возможности социальной и политической мобилизации населения.

Вышесказанное позволяет установить, что нацистский режим смог осуществить негативную интеграцию для преодоления многочисленных «врагов», а не позитивную и устойчивую, характеризующую действительную, а не мнимую модернизацию. На деле, только разрушение нацистского режима и разделение Германии создали шансы для последующей модернизации, разрушившей око-вы традиции и создавшей предпосылки для полного интегрирования ФРГ с западным миром.

Список сокращений

АО — AO (Auslandsorganisation NSDAP) — Иностран-
ный отдел НСДАП.

БДМ — BDM (Bund der deutschen Madel) — Союз немец-
ких девушек.

ВХВ — WHW (Winterhilfswerk) — Зимняя помощь (орга-
низация).

Гестапа — Gestapa (Geheimes Staatpolizeiamt) — Ведом-
ство тайной государственной полиции (в Пруссии).

Гестапо — Gestapo (Geheimes Staatspolizei) — Тайная го-
сударственная полиция.

ГЮ — HJ (Hitler-Jugend) — Гитлерюгенд.

ДАФ — DAF (Deutsche Arbeiterfront) — Немецкий рабо-
чий фронт.

ДФВ — DFW (Deutsche Frauenwerk) — Немецкий жен-
ский труд (организация).

КДФ — KdF (Kraft durch Freude) — «Сила через радость»
(подразделение ДАФ).

КХД — KHD (Der Kriegshilfsdiens) — Вспомогательная
военная служба (подразделение РАД).

Лебенсборн — Lebensborn e.V. — «Родник жизни» (интер-
наты СС для «арийских» детей, родившихся вне брака).

Мефо — Mefo (Metallurgische Forschungs-GmbH) — Ме-
таллургическое исследовательское общество с ограничен-
ной ответственностью.

НСБО — NSBO (Nationalsozialistische Betriebszelleorga-
nisation) — Национал-социалистические производствен-
ные ячейки.

НСВ — NSV (Volkswohlfahrt) — Национал-социалисти-
ческое народное благосостояние (организация).

НСДАП — NSDAP (Nationalsozialistische deutsche
Arbeiterpartei) — Национал-социалистическая немецкая
рабочая партия.

НСДФВ — NSDFW (Nationalsozialistische Deutsche
Frauenwerk) — Национал-социалистический немецкий
союз женского труда (подразделение НСФ).

НСКК — NSKK (Nationalsozialistische Kraftwagenkorps) —
Национал-социалистический союз автомобилистов.

НСРБ — NSRB (Nationalsozialistische Rechtswahrerbund) — Национал-социалистический союз поборников права.

НСХАГО — NS-Hago (Nationalsozialistische Handwerks, Handels- und Gewerbe-Organisation) — Национал-социалистическая организация ремесленников, мастеровых и торговцев.

НСФ — NSF (Nationalsozialistische Frauenschaft) — Национал-социалистические женщины (организация).

НСФО — NSFO (Nationalsozialistische Frauenorganisation) — Национал-социалистическая женская организация.

ОТ — (Organisation Todt) — «Организация Тодта».

ПО — PO (Politische Organisation) — Политическая организация (в отличие от СА, собственно политическое руководство НСДАП).

РАД — RAD (Reichsarbeitsdienst) — Имперская трудовая служба (организация).

РКФДФ — RKFDV (Reichskommissariat für die Festigung des deutschen Volkstums) — Имперский комиссариат по укреплению немецкой народности.

РМВЕФ — RMWEV (Reichsministerium für Wissenschaft, Erziehung und Volksbildung) — имперское министерство науки, воспитания и народного образования.

РНШ — RNSt. (Reichsnährstand) — Имперское продовольственное сословие (организация).

РСХА — RSHA (Reichssicherheitshauptamt) — Главное управление имперской безопасности.

РУСХА — RuSHA (Rasse und Siedlungshauptamt SS) — Расовое и переселенческое главное ведомство СС.

РЭГ — REG (Reichserbhofgesetz) — Закон о наследственных дворах (15 мая 1933 г.).

СА — SA (Sturmabteilungen) — Штурмовые подразделения.

СД — SD (Sicherheitsdienst) — Служба безопасности.

СС — SS (Schütz Staffelei) — Защитные отряды.

УШЛА — Ushla (Untersuchungs- und Schlichtungsausschuß) — Следственный и арбитражный комитет НСДАП.

ФБ — Völkischer Beobachter — газета, печатный орган
НСДАП.

ФОМИ — Vomi (Volksdeutsche Mittelstelle) — Посредни-
ческие бюро фольксдойч.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Берлин И. Философия свободы: Европа. М., 2001. С. 37.

² Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963. S. 34.

³ Broszat M. Nach Hitler. München, 1988. S. 213.

⁴ Берлин И. Философия свободы. С. 93.

⁵ См.: Bessel R. Life in the Third Reich. Oxford, 1986. P. 97.

⁶ Ср. Sühwold F. Deutsche Normalbürger 1933-45. Erfahrungen, Einstellungen, Reaktionen. Eine geschichtspsychologische Untersuchung. München, 2001. Passim.

⁷ Ср.: Hoepke K.-P. Die deutsche Rechte. S. 20.

⁸ Organski A. F. Kenneth: The Stages of Political Development. New York, 1965. P. 123.

⁹ Steiner M. G. Hitlers Krieg und die Deutschen. Stimmung und Haltung der deutschen Bevölkerung im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf, 1970. S. 29.

¹⁰ Boveri M. Wir lügen alle. Ölten, 1965. S. 13.

¹¹ «Über Klassen und Stände, Berufe, Konfessionen und alle übrige Wirrnis des Lebens hinweg erhebt sich die soziale Einheit der deutschen Menschen ohne Ansehen des Standes und der Herkunft, im Blute fundiert, durch ein tausendjähriges Leben zusammengefügt, durch das Schickal auf Gedeih und Verderb verbunden». Ср.: Domarus M. (Hg) Hitler. Reden und Proklamationen. Teil II. Bd. 3. S. 1479.

¹² Dahm V. Systematische Grundlagen und Lenkungsinstrumente der Kulturpolitik des Dritten Reiches // Beyrau D. (Hg) Intellektuelle Professionen unter Hitler und Stalin. Tübingen, 2000. S. 246.

¹³ См.: Sachse Ch., Tennstedt F. Die Wohlfahrtsstaat im NS. Stuttgart, 1992. S. 51.

¹⁴ См.: Stöver B. Volksgemeinschaft im Dritten Reich. Die Konsensbereitschaft der Deutschen. Aus der Sicht sozialistischer Exilberichte. Düsseldorf, 1993. S. 421.

¹⁵ Цит. по: Smelser R., Zitelmann R. (Hg) Die braune Elite. Darmstadt, 1989. S. 273.

¹⁶ См.: Лакёр У. Черная сотня: происхождение русского фашизма. М., 1994. С. 204.

¹⁷Цит. по: *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. Berlin, 1986. S. 487.

¹⁸ *Фрезе М.* От «образцового национал-социалистического предприятия» к «образцовому военному предприятию»: К вопросу о взаимоотношениях ДАФ и крупной промышленности // Михалка В. (ред.) Вторая мировая война. М., 1997. С. 303.

¹⁹ См.: *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Т. 1. Смоленск, 1994. С. 399.

²⁰ Цит. по: *Дэвидсон Ю.* Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 203.

²¹ *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Т. 1. С. 404.

²² См.: *Гейден К.* История германского фашизма. М.; Л., 1935. С. 347.

²³ *Фест И.* Гитлер. Биография. Т. 2, Пермь, 1993. С. 28.

²⁴ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 2, München, 1940. S. 742.

²⁵ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 2. S. 736.

²⁶ См.: *Broszat M.* Betrachtungen zu Hitlers «Zweiten Buch» // VfZ, 1961, H. 4. S. 417.

²⁷ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 2. S. 755.

²⁸ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 2. S. 183.

²⁹ См.: *Steinert M.* Hitler. München, 1994. S. 214.

³⁰ *Ackermann J.* Heinrich Himmler als Ideologe. Göttingen, 1970. S. 273.

³¹ *Broszat M.* Der Staat Hitlers. Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Verfassung. München, 1969. S. 34.

³² *Медоуз Д.* Пределы роста. М., 1972.

³³ *Rostow W.* Stages of Economic Growth. A Non - Communist Manifesto. New York, 1959, passim.

³⁴ См.: *Steinert M.* Hitler. S. 188.

³⁵ См.: *Fischer W.* Deutsche Wirtschaftspolitik 1918 bis 1945. Opladen, 1968. S. 52.

³⁶ *Mason T.* The Legacy of 1918 for National Socialism // Nicholls A., Matthias E. (Ed) German Democracy and the Triumph of Hitler. London, 1971. P. 238.

³⁷ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. Frankfurt am Main, 1996. S. 92.

³⁸ См.: *Mann G.* Deutsche Geschichte des neunzehnten und zwanzigsten Jahrhundert. Frankfurt/M., 1958. S. 807.

³⁹ Цит. по: *Шмассер О.* Гитлер и я. Ростов-на-Дону, 1999. С. 153.

⁴⁰ *Smelser R. Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. Düsseldorf, 1993. S. 248.

⁴¹ *Smelser R. Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 249.

⁴² В «ночь длинных ножей» Вагенер случайно избежал смерти, а потом, будучи высшим чином СА. С началом войны вступил в армию, был комендантом острова Родос, умер в ФРГ в 1971 г.

⁴³ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 1. S. 157.

⁴⁴ Цит. по: *Шурер У.* Взлет и падение Третьего Рейха. М., 1991. С. 113.

⁴⁵ Цит. по: *Irving D.* Führer und Reichskanzler Adolf Hitler. München, 1989. S. 42.

⁴⁶ Цит. по: *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Т. 2. С. 26.

⁴⁷ *Шнеер А.* Воспоминания. Смоленск, 1997. С. 483.

⁴⁸ *Ardagh J.* Germany and the Germans. New York, 1990. P. 87.

⁴⁹ *Stoever, Bemdt* (Hg): Bericht über die Lage in Deutschland. Die Lagemeldungen der Gruppe Neu Beginnen aus dem Dritten Reich 1933-1936 // Archiv für Sozialgeschichte, 1996, Beiheft. S. 387-388.

⁵⁰ Американские психологи установили во время Нюрнбергского процесса, что из всех подсудимых у Шахта самый высокий индекс интеллекта (IQ). При этом современники отмечали, что его интеллект имел чрезвычайно агрессивный характер. Ср.: *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 206.

⁵¹ В 1931 г. на вопрос американской журналистки, кто может помочь НСДАП и Гитлеру вывести страну из экономического кризиса, Шахт коротко ответил: «Я». После войны, когда его спрашивали о Гитлере, Шахт отвечал, что перед ним Гитлер испытывал большое почтение — как ни перед кем из своих сотрудников. Ср.: *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 207. О самом же Гитлере Шахт был весьма высокого мнения — особенно ему импонировала «динамика» нацистского вождя, в 30-е годы Шахт говорил, что он не сторонник НСДАП, а сторонник Гитлера.

⁵² *Дэвидсон Ю.* Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 170.

⁵³ См.: *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 209.

⁵⁴ *Frei N.* Der Führerstaat. Nationalsozialistische Herrschaft, München, 1989. S. 89.

⁵⁵ См.: *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 213.

⁵⁶ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. Frankfurt am Main, 1996. S. 172.

⁵⁷ Введение всеобщей воинской повинности повлекло увеличение потребности в вооружениях и снаряжении, что обусловило повышение военных расходов с 3,3 млрд рейхсмарок в 1934 г. до 5,15 млрд, в 1935 г. и 9 млрд, в 1936 г. Ср.: *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 160.

⁵⁸ В январе 1939 г. Шахта отправили в отставку. К тому же, незадолго до отставки Шахт резко осудил еврейский погром 9 ноября 1938 г. Шахт принял участие в заговоре 20 июля 1944 г., был арестован, попал в Равенсбрюк, в мае 1945 г. был освобожден американцами, в 1953 г. открыл свой банк, быстро преуспел, умер в 1983 г.

⁵⁹ *Balfour M.* Withstanding Hitler in Germany 1933-1945. London, 1988. P. 3.

⁶⁰ См.: *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 215.

⁶¹ Шахт называл Функа не иначе как «безвредным гомосексуалистом и алкоголиком». См.: *Дэвидсон Ю.* Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 202.

⁶² *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S.168.

⁶³ *Steinert M.* Hitler. München. S. 295.

⁶⁴ *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 97.

⁶⁵ См.: *Mason Tim:* Nazism, fascism and the Working class. Cambridge, 1995. P. 65.

⁶⁶ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 89.

⁶⁷ См.: *Blaich F.* Wirtschaftspolitik des Nationalsozialismus in Deutschland // Cassel D. (Hg): Wirtschaftspolitik im Vergleich. Konzeption und Praxis der Wirtschaftspolitik in kapitalistischen und sozialistischen Wirtschaftssystemen. München, 1984. S. 171.

⁶⁸ Цит. по: Schulthess' europäischer Geschichtskalender. Neue Folge, 1933. Bd. 49. S. 170.

⁶⁹ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1939/40. S. 389.

⁷⁰ Herbst Ludolf: Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 89.

⁷¹ Политическая стратегия европейской буржуазии в XX веке. Ч. 1. М., 1990. С. 78.

⁷² *Haffner S.* Anmerkungen zu Hitler. München, 1978. S. 30.

⁷³ Цит. по: *Haffner S.* Anmerkungen zu Hitler. S. 35-36.

⁷⁴ См.: Wunderlich Frieda: Farm Labor in Germany 1810—1945. Its Historical Development within the Framework of Agricultural and Social Policy. Princeton, 1961. P. 159.

⁷⁵ Wunderlich Frieda: Farm Labor in Germany. P. 161.

⁷⁶ Таблица приводится по: Boberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1938-1945. Bd. 2. Herrsching, 1984. S. 159.

⁷⁷ *Мюллер Р.-Д.* «Народное сообщество»: продовольственная проблема, эксплуатация и уничтожение // Михалка В. (ред.) Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 191. Если бы теоретическая возможность решения проблемы продовольственной автаркии существовала, то тогда была бы лишена смысла гитлеровская геополитика, нацеленная на захват зернопроизводящих районов Польши и Украины.

⁷⁸ См.: *Blaich F.* Wirtschaftspolitik des Nationalsozialismus. S. 174.

⁷⁹ См.: *Stoeber Bemdt* (Hg): Bericht über die Lage in Deutschland. Die Lagemeldungen der Gruppe Neu Beginnen aus dem Dritten Reich 1933-1936 // Archiv für Sozialgeschichte, 1996, Beiheft. S. 203.

⁸⁰ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 171, 176.

⁸¹ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 128.

⁸² Цит. по: *Мюллер Р.-Д.* Мобилизация экономики в интересах войны - задача армии? Вермахт и экономика, 1933—1942 // Михалка В. (ред.) Вторая мировая война. С. 277.

⁸³ Ср.: *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 252.

⁸⁴ Ср.: *Frei N.* Der Führerstaat. München, 1989. S. 91.

⁸⁵ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 299.

⁸⁶ См.: *Strachan H.* Die Vorstellung der Anglo-Amerikaner von der Wehrmacht // *Müller R.-D., Volkmann H.-E.* (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 97.

⁸⁷ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 339.

⁸⁸ См.: *Кренер Б.* Борьба за «дефицитный человеческий материал». // Михалка В. (ред.) Вторая мировая война. С. 328.

⁸⁹ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 360.

⁹⁰ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 366. Интересно отметить, что Советский Союз не смог бы построить столь много алюминиевых дизелей для Т-34, если бы не 328 тыс. тонн алюминия, поставленных США. Именно поэтому, несмотря на то что советское производство алюминия составляло только половину немецкого, в СССР строили в полтора раза больше самолетов, чем в Германии. См.: *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 853.

⁹¹ Если Тодт уже в декабре 1941 г. убеждал Гитлера, что война на Востоке проиграна, то его преемник А. Шпеер до 1944 г. верил в победу. См.: *Boelcke, Willi* (Hg): Deutschlands Rüstung im Zweiten Weltkrieg. Hitlers Konferenzen mit Albert Speer. Frankfurt am Main, 1969. S. 6!

⁹² *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 409.

⁹³ Цит. по: *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 402.

⁹⁴ См. *Weinberg G.* «Hitler's Image jf the United States» // *American Historical Review*, 1964. P. 1010.

⁹⁵ *Hahn M.* Als Hitler das zweite Paar Schuhe lieb Amerika, Karl May und der «Generalplan Ost» // *Deutsche Vierteljahrsschrift*, 2003. N 1. S. 163.

⁹⁶ *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. S.,720.

⁹⁷ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 320.

⁹⁸ В это трудно поверить, но стандартный срок для строительства типового торгового судна (*Liberty Ship*) составлял около 14 дней! См.: *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 849.

⁹⁹*Janssen G.* (Hg) Das Ministerium Speer. Deutschlands Rüstung im Krieg. Berlin, 1968. S. 133.

¹⁰⁰ См.: *Мюллер Р.-Д.* Мобилизация экономики в интересах войны — задача армии? // Михалка В. (ред.) Вторая мировая война. С. 286.

¹⁰¹ Ср.: *Milward A. S.* Fritz Todt als Minister für Bewaffnung und Munition // *VfZ*, 1966. N 1. S. 43.

¹⁰²*Шнеер А.* Воспоминания. С. 291.

¹⁰³*Boelcke, Willi* (Hg): Deutschlands Rüstung im Zweiten Weltkrieg. S. 9.

¹⁰⁴*Шнеер А.* Воспоминания. С. 295.

¹⁰⁵*Шнеер А.* Воспоминания. С. 298.

¹⁰⁶*Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 431.

¹⁰⁷*Volkman H.-E.* Ende des Dritten Reiches - Ende des zweiten Weltkriegs. München, 1995. S. 458

¹⁰⁸*Overy R.* Die Wurzeln des Sieges. Warum die Alliierten den Zweiten Weltkrieg gewannen. München, 2000. S. 417.

¹⁰⁹*Hoehne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS. Augsburg, 1992. S. 375.

¹¹⁰ См.: *Smelser R. Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 99.

¹¹¹*Шнеер А.* Воспоминания. С. 382.

¹¹²*Шнеер А.* Воспоминания. С. 466.

¹¹³*Volkman H.-E.* Ende des Dritten Reiches - Ende des zweiten Weltkriegs. München, 1995. S. 480.

¹¹⁴*Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 433.

¹¹⁵*Smelser R. Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 98.

¹¹⁶*Müller R.-D.* Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. Frankfurt am Main, 1991. S. 52.

¹¹⁷*Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 355.

¹¹⁸ Müller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. S. 72.

¹¹⁹ Müller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. S. 74.

¹²⁰ Müller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. S. 78.

¹²¹ Müller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. S. 79.

¹²² Шнеер А. Воспоминания. С. 423.

¹²³ Шнеер А. Воспоминания. С. 424.

¹²⁴ В этой связи надо отметить, что всякое сотрудничество французов или других европейцев с неудовольствием фиксировалось противниками Гитлера, так 3 октября 1940 г. СД передавала, что в английской листовке указывается на масштабы ограбления Франции нацистами: если Антанта в 1921 г. требовала от Германии ежегодно 200 000 000 рейхсмарок, то Германия с побежденной Франции в 1940 г. уже требовала 7 300 000 000 рейхсмарок... Ср.: *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS 1938—1945.* Bd. 5, Herrsching, 1984. S. 1634.

¹²⁵ Шнеер А. Воспоминания. С. 299.

¹²⁶ Шнеер А. Воспоминания. С. 309.

¹²⁷ *Mason T. W.* *Sozialpolitik im Dritten Reich.* Opladen, 1977. S. 16.

¹²⁸ Цит. по: *Zitelmann R.* *Hitler. Selbstverständnis eines Revolutionärs.* Hamburg, 1987. S. 87.

¹²⁹ *Zitelmann R.* *Hitler.* S. 88.

¹³⁰ *Teppes K.* *Zur Sozialpolitik des Dritten Reiches am Beispiel der Sozialversicherung* // *Archiv für Sozialpolitik*, 1977. Bd. 17. S. 195.

¹³¹ Кризис современного капитализма (Социальные аспекты). Ч. 2. М., 1985. С. 28.

¹³² См.: *Eghigian G.* *Making Security Social: Disability, Insurance, and the Birth of the Social Entitlement State in Germany.* Ann Arbor, 2000. P. 287.

¹³³ *Ritter G.* *Entstehung und Entwicklung des Sozialstaates in vergleichender Perspektive* // *Historische Zeitschrift*, 1986. Bd. 243. H. 1. S. 51.

¹³⁴ В Пруссии еще в 1794 г. государственные законы устанавливали обязанности предпринимателей и хозяев по отношению к посыльным, подмастерьям с целью защиты последних от нищеты. Зная об исключительной добросовестности прусской бюрократии, можно было быть совершенно уверенным, что все эти установления дотошно и пунктуально исполнялись. Следует отметить, что государственное социальное страхование не было следствием высокой степени промышленного развития, иначе оно возникло бы в Великобритании, Голландии, Франции, Швейцарии, а его истоки следует искать в менталитете и политической культуре Прусского королевства.

¹³⁵ *Ritter G.* Entstehung und Entwicklung des Sozialstaates in vergleichender Perspektive // *Historische Zeitschrift*, 1986. Bd. 243. H. 1. S. 61.

¹³⁶ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 90.

¹³⁷ Цит. по: *Broszat M.* Soziale Motivation und Führer-Bindung des Nationalsozialismus // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 1970. N4. S. 394.

¹³⁸ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 2. S. 240-241.

¹³⁹ *Domarus M.* (Hg) Hitler. Reden und Proklamationen. Bd. 1. Hlbd 1. München, 1962. S. 301.

¹⁴⁰ *Scheur W.* Eirichtung und Maßnahmen der sozialen Sicherung in der Zeit des Nationalsozialismus. Köln, 1967. S. 79.

¹⁴¹ *Thamer H-U.* Verführung und Gewalt. S. 474.

¹⁴² Ср.: *Thamer H-U.* Verführung und Gewalt. S. 470.

¹⁴³ Ср.: *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. S. 489.

¹⁴⁴ *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus. München, 1992. S. 276.

¹⁴⁵ Страхование по безработице в связи с выросшей занятостью потеряло смысл, государственные органы, занимавшиеся этим видом страхования, были переданы министерству труда и стали инструментом регулирования распределения трудовых ресурсов. Остальные же виды социального страхования (по болезни, пенсии по старости, от несчастных случаев, временной утери трудоспособности) претерпели значительные перемены. См.: *Teppes K.* Zur Sozialpolitik des Dritten Reiches am Beispiel der Sozialversicherung // *Archiv für Sozialpolitik*, 1977. Bd. 17. S. 212.

- ¹⁴⁶ См.: *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 278.
- ¹⁴⁷ *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 279.
- ¹⁴⁸ *Morsch G.* Arbeit und Brot. Frankfurt am Main, 1993. S. 134.
- ¹⁴⁹ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. Eine Gesamtdarstellung. Frankfurt am Main, 2000. S. 283.
- ¹⁵⁰ *Shand J. D.* The Reichsautobahnen: Symbol for the Third Reich // *Journal of Contemporary History*, 1984 (19). R 193.
- ¹⁵¹ *Schütz E., Gruber E.* Mythos Reichsautobahnen. Bau und Inszenierung der «Strassen der Führers» 1933-1941. Berlin, 1996. S. 10.
- ¹⁵² ЦИТ. по: *Irving D.* Führer und Reichskanzler Adolf Hitler. München, 1989. S. 50.
- ¹⁵³ *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 276
- ¹⁵⁴ ЦИТ. по: *Reichel P.* Der schiene Schein des Dritten Reiches. S. 280.
- ¹⁵⁵ См.: *Smelser R., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 313.
- ¹⁵⁶ *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. Die Jahre 1933-1945 in Wort und Bild. Veröffentlichungen des Instituts für deutsche Nachkriegsgeschichte. Bd. XX. Tübingen, 1994. S. 667-668.
- ¹⁵⁷ *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 279; *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. S. 476.
- ¹⁵⁸ *Mason T. W.* Sozialpolitik im Dritten Reich. Opladen, 1977. S. 190.
- ¹⁵⁹ *Focke H., Reimer U.* (Hg) Alltag untern Hakenkreuz. Bd. 1. Wie die Nazis das Leben der Deutschen veränderten. Reinbeck bei Hamburg, 1979. S. 144.
- ¹⁶⁰ *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 636.
- ¹⁶¹ *Mason T.* Sozialpolitik im Dritten Reich. Opladen, 1977. S. 118.
- ¹⁶² Ср.: *Karner S.* Arbeitsvertragbrueche als Verletzung der Arbeitspflicht im «Dritten Reich» // *Archiv flier Sozialgeschichte*, 1981. Bd. 21. S. 274.
- ¹⁶³ *Recker M. L.* Nationalsozialistische Sozialpolitik im Zweiten Weltkrieg. München, 1985. S. 20.
- ¹⁶⁴ *Focke H., Reimer U.* (Hg) Alltag unterm Hakenkreuz. Bd. 1. S. 147.
- ¹⁶⁵ Der Parteitag der Arbeit vom 6. bis 13. September 1937. Offizieller Bericht über den Verlauf des Reichsparteitages mit sämtlichen Koppgressreden. München, 1938. S. 264.

- ¹⁶⁶Mason T. W. Sozialpolitik im Dritten Reich. Opladen, 1977. S. 180.
- ¹⁶⁷Mason T W. Sozialpolitik im Dritten Reich. Opladen, 1977. S. 182.
- ¹⁶⁸См.: Смелзер Р. «Коричневая революция». Роберт Лей, ДАФ и социал-революционные концепции // Михалка В. (ред.) Вторая мировая война. С. 332.
- ¹⁶⁹См.: там же.
- ¹⁷⁰См.: Smelser R. (Hg) Die braune Elite II. S. 181.
- ¹⁷¹Frei N. Der Führerstaat. S. 201.
- ¹⁷²Цит. по: Teppe K. Zur Sozialpolitik des Dritten Reiches am Beispiel der Sozialversicherung // Archiv für Sozialpolitik, 1977. Bd. 17. S. 212.
- ¹⁷³Shönbaum D. Die braune Revolution. München, 1980. S. 107.
- ¹⁷⁴См.: Das Taschenbuch Schönheit der Arbeit. Berlin, 1938. Passim.
- ¹⁷⁵Шнеер А. Воспоминания. С. 98.
- ¹⁷⁶Weiss Я. Ideologie der Freizeit im Dritten Reich. S. 299.
- ¹⁷⁷См.: Reichel P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus. München, 1992. S. 238.
- ¹⁷⁸Ср.: Reichel P. Der schöne Schein. S. 240.
- ¹⁷⁹См.: Reichel P. Der schöne Schein. S. 242.
- ¹⁸⁰Sachse C. Freizeit zwischen Betrieb und Volksgemeinschaft. Betriebliche Freizeitpolitik im Nationalsozialismus // Archiv für Sozialpolitik, 1993. Bd. 33. S. 317.
- ¹⁸¹Цит. по: Frei N. Der Führerstaat. S. 202.
- ¹⁸²Peters L. Volkslexikon Drittes Reiches. S. 468.
- ¹⁸³См.: Фрезе М. От «образцового национал-социалистического предприятия» к «образцовому военному предприятию». К вопросу о взаимоотношениях ДАФ и крупной промышленности в 1936—1944 гг. // Михалка В. (ред.) Вторая мировая война. С. 305.
- ¹⁸⁴См.: Frei N. Der Führerstaat. S. 95.
- ¹⁸⁵Фрезе М. «От образцового национал-социалистического предприятия». С. 306.
- ¹⁸⁶См.: Смелзер Р. «Коричневая революция» // Михалка В. (ред.) Вторая мировая война. С. 333.
- ¹⁸⁷Müller M. Bausparen in Deutschland zwischen Inflation und Währungsreform 1924-1949. München, 1999. S. 205.

- ¹⁸⁸ *Smelser R. Syring E., Zitelmann R. (Hg) Die braune Elite II. S. 58.*
- ¹⁸⁹ *СМ.: Recker M.-L. Nationalsozialistische Sozialpolitik. S. 99.*
- ¹⁹⁰ *СМ.: Recker M.-L. Nationalsozialistische Sozialpolitik. S. 101.*
- ¹⁹¹ *СМ.: Recker M.-L. Nationalsozialistische Sozialpolitik. S. 129.*
- ¹⁹² *Thamer H.-U. Verführung und Gewalt. S. 481.*
- ¹⁹³ *Botz G. Wohnungspolitik und Judendeportation in Wien 1938—1945. Zur Funktion des Antisemitismus als Ersatz nationalsozialistischer Sozialpolitik. Wien, 1975. Passim.*
- ¹⁹⁴ *Weiss H. Ideologie der Freizeit im Dritten Reich. S. 300.*
- ¹⁹⁵ *Weiss H. Ideologie der Freizeit im Dritten Reich. S. 301.*
- ¹⁹⁶ *Weiss H. Ideologie der Freizeit im Dritten Reich. S. 303.*
- ¹⁹⁷ *Weiss H. Ideologie der Freizeit im Dritten Reich. S. 293.*
- ¹⁹⁸ *Dopo lavoro - um. после работы.*
- ¹⁹⁹ *Weiss H. Ideologie der Freizeit im Dritten Reich. S. 294.*
- ²⁰⁰ *Starcke G. Die deutsche Arbeitsfront. Eine Darstellung über Zweck, Leistung und Ziele. Berlin, 1940. S. 161.*
- ²⁰¹ *Knebel H.-J. Soziologische Strukturwandlungen im modernen Tourismus. Stuttgart, 1960. S. 58.*
- ²⁰² *Weiss H. Ideologie der Freizeit im Dritten Reich. S. 296.*
- ²⁰³ *Ср.: Reichel P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 252.*
- ²⁰⁴ 30 января 1945 г. недалеко от Данцигской бухты «Вильгельм Густлов» был потоплен знаменитым командиром подлодки А. И. Маринеско. До этого злополучного дня «Вильгельм Густлов» (водоизмещение 25 тыс. тонн) никогда не брал на борт такого количества пассажиров; на борту находилось 1500 молодых подводников из учебного подразделения и 8 тысяч гражданских лиц — в восемь раз больше, чем на «Лузитании». В Пиллау, где на борт разрешено было подниматься только взрослым с детьми, некоторые матери передавали своих детей на пристань родственникам и одного и того же ребенка, как билет на судно, могли использовать несколько раз. Немецким кораблям удалось спасти только 950 человек; остальные 8 тыс. человек (почти в шесть раз больше, чем на «Титанике») утонули в одной из самых больших морских катастроф. Ср.: *ТоландД. Последние 100 дней Рейха. Смоленск, 2001. С. 28.* В 2002 г. о гибели корабля «Вильгельм Густлов» (пораженного тремя советскими торпедами, на одной из которых

было написано «За Ленинград»), Гюнтер Грасс написал повесть «Im Krebsgang» («Деградация»).

²⁰⁵ Weiss H. Ideologie der Freizeit im Dritten Reich. S. 298.

²⁰⁶ Ср.: Klemperer V. Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933-1941. Berlin, 1996. S. 287.

²⁰⁷ Шулер У. Взлет и падение Третьего Рейха. С. 307.

²⁰⁸ См.: Reichel P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 245.

²⁰⁹ См.: Reichel P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 253.

²¹⁰ Klemperer V. Ich will Zeugnis.: ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933-1941. Berlin, 1996. S. 287.

²¹¹ Maser W. Das Regime. S. 61.

²¹² Focke H., Reimer U. (Hg) Alltag untern Hakenkreuz. Bd. 1. S. 147.

²¹³ См.: Шулер У. Взлет и падение Третьего Рейха. С. 309.

²¹⁴ Freyberg T. von. Siegel T. Industrielle Rationalisierung unter dem NS. Frankfurt am Main, 1991. S. 133.

²¹⁵ Milward A. Die deutsche Kriegswirtschaft 1939-1945. Stuttgart, 1966. S. 38-40.

²¹⁶ Ср.: Recker M. L. Nationalsozialistische Sozialpolitik. S. 14.

²¹⁷ Арон П. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 132.

²¹⁸ Boberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939—1944. Berlin, 1965. S. 373.

²¹⁹ См.: Рекер М.-Л. Между социальным умиротворением и материальной эксплуатацией // Михалка В. (ред.) Вторая мировая война. С. 342.

²²⁰ См.: Recker M.-L. Nationalsozialistische Sozialpolitik. S. 56, 201, 222.

²²¹ Рекер М.-Л. Между социальным умиротворением. С. 342.

²²² Recker M.-L. Nationalsozialistische Sozialpolitik. S. 57.

²²³ См.: Frei N. Der Führerstaat. S. 134.

²²⁴ Peters L. Volkslexikon Drittes Reiches. S. 464.

²²⁵ См.: Кренер Б. Борьба за «дефицитный человеческий материал» // Михалка В. (ред.) Вторая мировая война. С. 320.

²²⁶ См.: Рекер М.-Л. Между социальным умиротворением и материальной эксплуатацией. С. 342.

²²⁷ См.: Frei N. Der Führerstaat. S. 135.

²²⁸ Steiner M. G. Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 419.

- ²²⁹ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 258.
- ²³⁰ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 259.
- ²³¹ *Smelser R. Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 172.
- ²³² *Smelser R. Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 168.
- ²³³ *Vorländer H.* (Hg) Die NSV. Darstellungen und Dokumentation einer nationalsozialistischen Organisation. Boppard am Rhein, 1988. S. 24.
- ²³⁴ *Smelser R. Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 174.
- ²³⁵ См.: *Smelser R. Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 176.
- ²³⁶ См.: *Smelser R. Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 174.
- ²³⁷ *Stephenson J.* Women in Nazi Society. London, 1975. P. 169.
- ²³⁸ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 260.
- ²³⁹ *Hammerschmidt P.* Die Wohlfahrtsverbände im NS Staat. Opladen, 1999. Passim.
- ²⁴⁰ См.: *Smelser R. Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 166.
- ²⁴¹ *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 906.
- ²⁴² *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 262.
- ²⁴³ См.: *Domarus M.* (Hg) Hitler. Reden und Proklamationen. Bd. 1, Hlbd. 2, München, 1962. S. 545.
- ²⁴⁴ *Клемперер В.* ЛТИ. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога. М., 1998. С. 50.
- ²⁴⁵ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 267.
- ²⁴⁶ Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (Sopade). Bd. 5 (1938). S. 170 (2. Februar).
- ²⁴⁷ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 264.
- ²⁴⁸ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 264.
- ²⁴⁹ *Recker M.-L.* Nationalsozialistische Sozialpolitik. S. 29.
- ²⁵⁰ *Teppa K.* Zur Sozialpolitik des Dritten Reiches am Beispiel der Sozialversicherung // Archiv für Sozialpolitik, 1977. Bd. XVII. S. 250.
- ²⁵¹ Дит. по: *Давидсон А. Б.* Антирасистский расизм // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 65.
- ²⁵² *Goebbels J.* Tagebücher aus den Jahren 1942-1943. Zürich, 1948. S. 327.

²⁵³ Domarus M. (Hg) Hitler. Reden und Proklamationen. Bd. 1. Hlbd 1. München, 1962. S. 390.

²⁵⁴ Дрие ла Рошель П. Фашистский социализм. СПб., 2001. С. 215.

²⁵⁵ Цит. по: Wette W. Ideologie. Propaganda und Innenpolitik als Voraussetzungen der Kriegspolitik des Dritten Reiches // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Ursachen und Voraussetzungen der deutschen Kriegspolitik. Bd. 1. Stuttgart, 1989. S. 44.

²⁵⁶ Гитлер предвидел, что откровенный ревизионизм надолго изолирует Германию от Европы, поскольку коалиция победителей опять выступит единым фронтом и повторится ситуация заключительной фазы Первой мировой войны. См.: Weinbeig G. (Hg) Hitlers Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928. Stuttgart, 1961. S. 163. Гитлер хотел заполучить в союзники Италию и Англию — для этого он был готов уступить (и уступил) итальянцам Южный Тироль, населенный немцами, и отказался от каких-либо претензий на бывшие немецкие колонии. В определенной трезвости оценки Гитлеру не откажешь: даже в ожидании союзничества от Англии, которая ревниво наблюдала за гегемонистским положением Франции на континенте. Гитлер несколько переоценивал только стремление англичан к европейскому равновесию.

²⁵⁷ Эта ненависть была, по всей видимости, рефлекторной природы и более уже не всплывала — это видно по снисходительности. С которой Гитлер относился к Франции. По отношению к Франции Гитлер в точном смысле слова никогда не проводил ревизионистскую политику — он хотел ее только победить и дипломатически изолировать. Гитлер не помышлял даже об Эльзасе и Лотарингии, ибо для него это было слишком мелко и не оправдывало войны, которая стала бы обоснованной только в случае крупных и решающих территориальных приобретений. См.: Hitler A. Mein Kampf. Bd. 2. S. 741.

²⁵⁸ Hitler A. Mein Kampf. Bd. 2. S. 742.

²⁵⁹ Цительман Р. К обоснованию мотива «жизненного пространства» в мировоззрении Гитлера // Михалка В. (ред.) Вторая мировая война. С. 435.

²⁶⁰ Цит. по: Цительман Р. К обоснованию мотива «жизненного пространства». С. 436.

²⁶¹ См.: *Steinert M.* Hitler. S. 195.

²⁶² *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 2. S. 60.

²⁶³ Цит. по: *Цительман Р.* К обоснованию мотива «жизненного пространства». С. 436.

²⁶⁴ Цит. по: *Цительман Р.* К обоснованию мотива жизненного пространства. С. 438.

²⁶⁵ См.: *Цительман Р.* К обоснованию мотива «жизненного пространства». С. 441.

²⁶⁶ См.: *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 2. S. 289.

²⁶⁷ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 2. S. 296-297.

²⁶⁸ См.: *Мазер В.* Адольф Гитлер. Легенда, миф, реальность. Ростов-на-Дону, 1998. С. 270.

²⁶⁹ Цит. по: *Крейг Г.* Немцы. М., 1999. С. 70. (Издатели и переводчики этой книги на русский язык напутали с фамилией этого американского историка — Гордон Грейг, а не Крейг — *Gordon A. Graig.* The Germans).

²⁷⁰ *Ratzel F.* Politische Geographie. München, 1923. S. 264.

²⁷¹ Цит. по: *Равенскрофт Т.* Копье судьбы. М., 1998. С. 253.

²⁷² *Lange K.* Der Terminus «Lebensraum» in Hitlers «Mein Kampf» // *VfZ*, 1965, Н. 4. S. 427.

²⁷³ *Равенскрофт Т.* Копье судьбы. С. 254.

²⁷⁴ *Murphy D. T.* The Heroic Earth: Geopolitical Thought in Weimar Germany. Kent (Ohio), 1997. P. 246.

²⁷⁵ См.: *Graml H* Rassismus und Lebensraum. Voelkermord im Zweiten Weltkrieg // *Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A.* (Hg) Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur national-sozialistischen Herrschaft. Bonner Studien zur Politik und Zeit-geschichte. Bd. 23, Düsseldorf, 1992. S. 443.

²⁷⁶ Цит. по: *Corni G., Gies H* Blut und Boden. Rassenideologie und Agrarpolitik im Staate Hitler. Idstein, 1994. S. 22.

²⁷⁷ Цит. по: *Цительман Р.* К обоснованию мотива «жизненного пространства». С. 438.

²⁷⁸ Цит. по: *Цительман Р.* К обоснованию мотива «жизненного пространства». С. 439.

²⁷⁹ Цит. по: *Цительман Р.* К обоснованию мотива «жизненного пространства». С. 439.

²⁸⁰ Цит. по: *Цительман Р.* К обоснованию мотива «жизненного пространства». С. 439.

²⁸¹ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 2. S. 303.

- ²⁸² См.: *Dülffer J., Thies J., Henke J.* Hitlers Städte, Baupolitik in Dritten Reich. Köln, 1978. S. 289.
- ²⁸³ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего Рейха против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 100.
- ²⁸⁴ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 2. S. 54.
- ²⁸⁵ *Zitelmann R.* Hitler. Selbstverständnis eines Revolutionärs. S. 291.
- ²⁸⁶ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 2. S. 124.
- ²⁸⁷ *Мазер В.* Адольф Гитлер. С. 450.
- ²⁸⁸ *Raeder E.* Mein Leben. Bd. 1 : Bis zum Flottenabkommen mit England 1935. Tübingen, 1956. S. 308.
- ²⁸⁹ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 141.
- ²⁹⁰ *Looock H.-D.* Zur «großgermanische Politik» des Dritten Reiches //VfZ, 1960. Н. 1. S. 40.
- ²⁹¹ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 2. S. 265.
- ²⁹² *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 2. S. 279-280.
- ²⁹³ См.: *Hoepke K.-R.* Die deutsche Rechte und der italienische Faschismus. Düsseldorf, 1968. S. 143.
- ²⁹⁴ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 293.
- ²⁹⁵ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего Рейха против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 39.
- ²⁹⁶ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 142.
- ²⁹⁷ См.: *Shirer W.* Berlin Diary. P. 457.
- ²⁹⁸ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 148.
- ²⁹⁹ *Churmly J.* The End of Glory. London, 1992. Passim.
- ³⁰⁰ The Diaries of Sir Alexander Cadogan. 1938-1945. London, 1971. P. 152.
- ³⁰¹ *Рейнолдс Д.* Великобритания и «Третий Рейх» // Новая и Новейшая история. 1991. № 3. С. 52.
- ³⁰² *Рейнолдс Д.* Великобритания и «Третий Рейх». С. 52.
- ³⁰³ *Voelcke W.* (Hg) Kriegspropaganda 1939-1941. Geheime Ministerkonferenzen im Reichspropagandaministerium. Stuttgart, 1966. S. 417.
- ³⁰⁴ *Рейнолдс Д.* Великобритания и «Третий Рейх». С. 53—54.
- ³⁰⁵ *Джонсон П.* Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Т. 1. М., 1995. С. 410.

- ³⁰⁶ *Burckhardt C.* Meine Danziger Mission 1937-1939. München, 1960. S. 348.
- ³⁰⁷ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. 5. 404.
- ³⁰⁸ Цит. по: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. Stuttgart, 1990. S. 286.
- ³⁰⁹ *Wagner G.* (Hg) Lagevorträge des OKW vor Hitler 1939-1945. München, 1972. S. 229.
- ³¹⁰ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939—1944. Berlin, 1965. S. 198.
- ³¹¹ *Neulen H. W.* Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa-zwischen Unterdrueckung und Kollaboration // Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Studien zur Politik und Zeitgeschichte. Bd. 23, Duesseldorf, 1992. S. 404.
- ³¹² Квислинг некоторое время работал военным атташе, был сотрудником Ф. Нансена, работал членом миссии Лиги наций в СССР. Его политические воззрения сформировались задолго до 1933 г.
- ³¹³ *Herbst L.* Die nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 314.
- ³¹⁴ *Loock H-D.* Quisling, Rosenberg und Terboven. S. 11.
- ³¹⁵ *Smelser R. Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 19.
- ³¹⁶ *Lebor A., Boyes R.* Surviving Hitler. Corruption and Compromise in the Third Reich. London, 2002. P. 156.
- ³¹⁷ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 527.
- ³¹⁸ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 315.
- ³¹⁹ *Умбрайт Г.* Германская оккупационная администрация // Михалка В. (ред.) Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 569.
- ³²⁰ *Smelser R. Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 264.
- ³²¹ *Шнеер А.* Воспоминания. С. 181.
- ³²² *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 485.
- ³²³ *Koehl R.L.* RKFDV. German Resettlement and Population Policy 1939-1945. Cambridge, 1957. P. 128.

³²⁴ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 140.

³²⁵ *Neulen H. W.* Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa - zwischen Unterdrückung und Kollaboration // Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Studien zur Politik und Zeitgeschichte. Bd. 23. Düsseldorf, 1992. S. 407.

³²⁶ *Neulen H. W.* Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa. S. 408.

³²⁷ *Loock D.* Quisling, Rosenberg und Nerboven. Zur Vorgeschichte und Geschichte der nationalsozialistischen Revolution in Norwegen. Stuttgart, 1970. S. 263.

³²⁸ *Jochmann W.* (Hg) Adolf Hitler. Monologe im Fuehrerhauptquartier 1941-1944. Die Aufzeichnungen Heinrich Heims. Hamburg, 1980. S. 374.

³²⁹ *Kwiet K.* Reichskommissariat Niederlande. Versuch und Scheitern nationalsozialistischer Neuordnung. Stuttgart, 1968. S. 70.

³³⁰ *Neulen H. W.* Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa, 1992. S. 412.

³³¹ *Neulen H. W.* Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa. S. 413.

³³² *Nestler L.* (Hg) Die faschistische Okkupationspolitik in Belgien, Luxemburg und den Niederlanden. Berlin, 1990. S. 40.

³³³ *Neulen H. W.* Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa. S. 415.

³³⁴ *Loock D.* Quisling, Rosenberg und Terboven. Zur Vorgeschichte und Geschichte der nationalsozialistischen Revolution in Norwegen. Stuttgart, 1970. S. 478.

³³⁵ *Neulen H. W.* Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa. S. 416.

³³⁶ *Hirschfeld G.* Fremdherrschaft und Kollaboration. Die Niederlande unter deutscher Besatzung 1940-1945. Stuttgart, 1984. S. 264.

³³⁷ *Loock D.* Quisling, Rosenberg und Nerboven. S. 270.

³³⁸ *Neulen H. W.* Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa. S. 418.

³³⁹ *Weber W.* Die innere Sicherheit im besetzten Belgien und Nordfrankreich 1940-1944. Duesseldorf, 1978. S. 86.

³⁴⁰ *Neulen H. W.* Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa. S. 419.

- ³⁴¹ *Neulen H. W.* Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa. S. 420.
- ³⁴² *Dawidowicz L.* Der Krieg gegen den Juden 1933-1945. München, 1979. S. 361.
- ³⁴³ *Thomsen E.* Deutsche Besatzungspolitik in Dänemark 1940-1945. Gütersloh, 1971. S. 190.
- ³⁴⁴ *Neulen H. W.* Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa. S. 422.
- ³⁴⁵ Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958. S. 222.
- ³⁴⁶ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 480.
- ³⁴⁷ *Mueller R.-D.* Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. Frankfurt am Main, 1991. S. 104.
- ³⁴⁸ Ср.: *Roos H.* Polen und Europa. Studien zur polnischen Außenpolitik. Tübingen, 1957. S. 101.
- ³⁴⁹ *Гришин Я. Я.* Диктатор внешней политики. Казань, 2001. С. 201.
- ³⁵⁰ Ср.: *Broszat M.* 200 Jahre deutsche Polenpolitik. München, 1963. S. 185.
- ³⁵¹ Die polnisch-deutschen und polnisch-sowjetrussischen Beziehungen 1933-1939. Dokumente und Urkunden zum Kriegsausbruch. Basel, 1940. S. 22.
- ³⁵² 29 августа 1939 г. Гитлер предъявил Польше следующий ультиматум: вернуть Данциг, передать под германский суверенитет часть польского коридора для строительства железной дороги, передать Германии 75% населенных этническими немцами областей бывшей Германской империи, под международным контролем провести на территории польского коридора плебисцит о возвращении этой земли Рейху. См.: Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 147.
- ³⁵³ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 219.
- ³⁵⁴ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 220.
- ³⁵⁵ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 221.
- ³⁵⁶ См.: *Фуллер Д.* Вторая мировая война 1939—1945 гг. М., 1956. С. 37.

- ³⁵⁷ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 232.
- ³⁵⁸ *Маништейн Э.* Утерянные победы. М., 1999. С. 30.
- ³⁵⁹ *Klemperer V.* Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933-1941. Berlin, 1996. S. 483.
- ³⁶⁰ *Seraphim H.-G.* (Hg) Das politische Tagebuch Alfred Rosenberg aus den Jahren 1934-1935 und 1939-1940. München, 1964. S. 92.
- ³⁶¹ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 86.
- ³⁶² Цит. по: *Maser W.* Das Regime. Alltag in Deutschland. München, 1983. S. 207.
- ³⁶³ См.: *Maser W.* Das Regime. S. 208.
- ³⁶⁴ Цит по: Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (Sopade) 1934-1940. Frankfurt am Main, 1980. Bd. 1940. S. 12.
- ³⁶⁵ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 87.
- ³⁶⁶ Ср.: *Koehl R.L.* RKFDV. German Resettlement and Population policy 1939-1945. Cambridge, 1957. P. 54.
- ³⁶⁷ *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Смоленск, 1994. Т. 2. С. 131.
- ³⁶⁸ Ср.: *Векбреккер А.* Ополчение в «идеологической войне». Самозащита лиц немецкой национальности в Польше // Михалка В. (ред.) Вторая мировая война. С. 382.
- ³⁶⁹ *Röhr W.* (Hg) Die faschistische Okkupationspolitik in Polen (1939-1945). Berlin, 1989. S. 113.
- ³⁷⁰ *Koehl R.L.* RKFDV. German Resettlement and Population policy 1939-1945. P. 100.
- ³⁷¹ *Koehl R.L.* RKFDV. German Resettlement and Population policy 1939-1945. P. 102.
- ³⁷² *Koehl R.L.* RKFDV. German Resettlement and Population policy 1939-1945. P. 59.
- ³⁷³ *Smelser R. Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 109.
- ³⁷⁴ *Smelser R. Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 110.
- ³⁷⁵ *Koehl R.L.* RKFDV. German Resettlement and Population policy 1939-1945. P. 74.
- ³⁷⁶ Форстер в свое время отеснил от власти Германа Раушнинга, называвшего себя «другом» Гитлера и оставившего се-

рию мемуаров на этот счет. См.: *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) *Die braune Elite II*. S. 197.

³⁷⁷ См.: *Madajczyk C.* Deutsche Besatzungspolitik in Polen, in der UdSSR und in den Ländern Südeuropas // Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) *Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Studien zur Politik und Zeitgeschichte. Bd. 23*, Düsseldorf, 1992. S. 428.

³⁷⁸ *Madajczyk C.* Deutsche Besatzungspolitik in Polen. S. 430.

³⁷⁹ *Piotrowski T.* Poland's Holocaust. Ethnie Strife, Collaboration with Occupying Forces and Genocide in the Second Republic, 1918—1947. Jefferson/N.C., 1998. P. 305.

³⁸⁰ *Madajczyk C.* Deutsche Besatzungspolitik in Polen. S. 430.

³⁸¹ Цит. по: *Zitelmann R.* Hitler. Selbstverständnis eines Revolutionärs. Hamburg, 1987. S. 274.

³⁸² Цит. по: *Браммитедте Е., Френкель Г., Манвелл Р.* Йозеф Геббельс. Мефистофель усмехается из прошлого. Ростов-на-Дону, 2000. С. 24.

³⁸³ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 455.

³⁸⁴ *Holborn H.* A History of Modern Germany 1840-1945. London, 1969. P. 487.

³⁸⁵ См.: *Messemer A.* André François-Ponce und Deutschland // VfZ, 1991, H. 4. S. 528.

³⁸⁶ См.: *Джонсон П.* Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Т. 1. М., 1995. С. 126.

³⁸⁷ *Vogelsang T* Neue Dokumente zur Geschichte der Reichswehr 1930-1933 // VfZ, 1954. S. 435.

³⁸⁸ См.: *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945, 1996. S. 279.

³⁸⁹ Ср.: *Haffher S.* Anmerkungen zu Hitler. München, 1978. S. 48.

³⁹⁰ *Лакер У.* Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон, 1991. С. 63.

³⁹¹ *Rohrbach P.* Osteuropa, historisch - politisch gesehen. Potsdam, 1942. S. 123.

³⁹² См.: *Лакер У.* Россия и Германия. С. 64.

³⁹³ Ради восстановления исторической справедливости нужно отметить, что самый крупный, известный и общепризнанный знаток русской истории и традиции Отто Гетцш до и после Первой мировой войны ожесточенно критиковал антирус-

ские настроения и пропаганду. Лучшим доказательством его искренности является то, что его самый известный ученик Клаус Менерт был искренним другом и великим знатоком русской истории и языка.

³⁹⁴ Цит. по: *Фест Й.* Гитлер. Т. 3, Пермь, 1993. С. 157.

³⁹⁵ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. i, München, 1940. S. 137-141.

³⁹⁶ Цит. по: *Цительманн Р.* К обоснованиям мотива «жизненного пространства». С. 437.

³⁹⁷ Цит. по: *Цительманн Р.* К обоснованиям мотива «жизненного пространства». С. 439.

³⁹⁸ Цит. по: *Цительманн Р.* К обоснованиям мотива «жизненного пространства». С. 439.

³⁹⁹ Цит. по: *Цительманн Р.* К обоснованиям мотива «жизненного пространства». С. 440.

⁴⁰⁰ Цит. по: *Цительманн Р.* К обоснованиям мотива «жизненного пространства». С. 441.

⁴⁰¹ *Irving D.* Führer und Reichskanzler Adolf Hitler 1933-1945. S. 344.

⁴⁰² См.: *Deist W. et al. (Hg).* Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. I. Stuttgart, 1979. S. 543.

⁴⁰³ Цит. по: *Штрацсер О.* Гитлер и я. Ростов-на-Дону, 1999. С. 147.

⁴⁰⁴ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 1. S. 162.

⁴⁰⁵ Цит. по: *Безымянский Л.* Человек за спиной Гитлера. Мартин Борман и его дневник. М., 1999. С. 48.

⁴⁰⁶ См.: *Безымянский Л.* Человек за спиной Гитлера. С. 67.

⁴⁰⁷ *Madajczyk C.* Deutsche Besatzungspolitik in Polen. S. 426.

⁴⁰⁸ *Milligan T.* The Politics of Illusion and Empire. German Occupation Policy in the Soviet Union 1942-1943. New York, 1988. P. 126.

⁴⁰⁹ *Madajczyk C.* Deutsche Besatzungspolitik in Polen. S. 432.

⁴¹⁰ *Ковалев Б. Н.* Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России. Великий Новгород, 2001. С. 30.

⁴¹¹ Чтобы препятствовать распространению иллюзии о возможности создания украинского национального государства, Эрих Кох сделал центром Украины город Ровно, а не Киев. Также поступил и Франк, избрав центром генерал-губернаторства не Варшаву, а Краков.

⁴¹² *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 618.

⁴¹³ Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Agression gegen die Sowjetunion 1940/41. Berlin, 1970. S. 291.

⁴¹⁴ Булок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Т. 2. Смоленск, 1994. С. 474.

⁴¹⁵ Müller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. Frankfurt am Main, 1991. S. 101.

⁴¹⁶ Schulte J. E. Vom Arbeits- zum Vernichtungslager. Die Entstehungsgeschichte von Auschwitz-Birkenau // VfZ, 2002. 1. S. 42.

⁴¹⁷ Smith B. Peterson A. (Hg) Heinrich Himmler. Geheimreden 1933-1945. Frankfurt am Main, 1974. S. 158.

⁴¹⁸ Piper F., Świebocka T. (Hg) Auschwitz. Nationalsozialistisches Vernichtungslager. Oświęcim, 1997. S. 257.

⁴¹⁹ Müller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. S. 41.

⁴²⁰ Enzyklopädie des Holocaust. Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden. Bd. I. Hrsg, von E. Jäckel. P. Longerich, J. Schoeps. Berlin, 1990. S. 149.

⁴²¹ Ковалев Б. Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России. Великий Новгород, 2001. С. 185.

⁴²² Ковалев Б. Н. Нацистский оккупационный режим. С. 187.

⁴²³ Ковалев Б. Н. Нацистский оккупационный режим. С. 201.

⁴²⁴ Müller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. S. 99.

⁴²⁵ Corni G., Gies H. Blut und Boden. Rassenideologie und Agrarpolitik im Staate Hitler, Idstein, 1994. S. 64.

⁴²⁶ Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 626.

⁴²⁷ Ср.: Hürten J. Die Wehrmacht vor Leningrad. Krieg und Besatzungspolitik der 18. Armee im Herbst und Winter 1941/42. VfZ, 2001. H. 3. S. 406.

⁴²⁸ Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 627.

⁴²⁹ Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 629.

⁴³⁰ Ковалев Б. Н. Нацистский оккупационный режим. С. 213.

⁴³¹ Ковалев Б. Н. Нацистский оккупационный режим. С. 228.

⁴³² Ковалев Б. Н. Нацистский оккупационный режим. С. 219.

⁴³³ Mueller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. S. 102.

⁴³⁴ *Mueller R.-D.* Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. S. 107.

⁴³⁵ *Mueller R.-D.* Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. S. 105.

⁴³⁶ *Mueller R.-D.* Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. S. 109.

⁴³⁷ *Reichling G.* Die Heimatvertriebenen im Spiegel der Statistik. Berlin, 1958. S. 15.

⁴³⁸ *Corni G., Gies H.* Blut und Boden, 1994. S. 45.

⁴³⁹ Цит. по: *Клемперер В.* ЛТТ. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога. М., 1998. С. 169.

⁴⁴⁰ *Matthias E.* (Hg) Das Ende der Parteien. Düsseldorf, 1960. S. 177.

⁴⁴¹ Интересно отметить, что так же, как в свое время Сталин утаил политическое завещание Ленина, Гитлер после смерти Гинденбурга утаил от немецкой общественности вторую часть политического завещания президента, в которой он высказывался за возрождение в Германии монархии. В завещании были такие слова: «Я покидаю немецкий народ в твердой вере в то, что то, о чем я мечтал в 1919 г., то, что исподволь вызревало в немецком народе к 30 января 1933 г., будет и дальше развиваться до полного восстановления исторической преемственности, возложенной на нас историей. Исполненный веры в будущее нашего народа я спокойно смыкаю глаза навеки». Цит. по: *Glum F.* Der Nationalsozialismus. S. 274—275.

⁴⁴² *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 2. S. 94.

⁴⁴³ Цит. по: *Schönauer F.* Deutsche Literatur im Dritten Reich. Versuch einer Darstellung in polemisch-didaktischer Absicht. Olden und Freiburg in Breisgau, 1961. S. 49.

⁴⁴⁴ *Steiner J. M.* Über das Glaubensbekenntnis der SS // Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg): Nationalsozialistische Diktatur. S. 221.

⁴⁴⁵ *Klemperer V.* Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933-1941. Berlin, 1996. S. 178.

⁴⁴⁶ *Irving D.* Führer und Reichskanzler Adolf Hitler 1933-1945. München, 1989. S. 188.

⁴⁴⁷ Цит. по: *D'Onofrio A.* Rassenzucht und Lebensraum: zwei Grundlagen im Blut- und Boden-Gedanken von Richard Darré // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 2001. N 1. S. 141.

⁴⁴⁸ *Schmuhl H.-W.* Rassismus unter den Bedingungen charismatischer Herrschaft. Zum Übergang von der Verfolgung zur Vernichtung gesellschaftlicher Minderheiten im Dritten Reich // Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933—1945. S. 186.

⁴⁴⁹ Головной указатель — это отношение ширины черепа к его длине, умноженное на 100: если этот указатель больше 81, то это значит круглоголовый (брахицефальный) монголоидный тип, если менее 76 — значит длинноголовый тип (долихоцефальный) нордический тип. Посередине — мезоцефальный (средний) тип, головной указатель которого 76—81. Любопытно, что самыми длинными черепами обладают не люди белой расы, а некоторые африканские племена. Евреи испанского происхождения имеют удлинённую, а русские евреи — круглую голову. Что касается евреев Англии, то среди них 28,3 % долихоцефалы, 24,3 % мезоцефалы, 47,4 % брахицефалы. В Дагестане же среди евреев было 5 % долихоцефалов, 10 % мезоцефалов, 85 % брахицефалов. Ср.: Расовая проблема и общество. М., 1957. С. 231.

⁴⁵⁰ Цит. по: *Мельников Д., Черная Л.* Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии. М., 1987. С. 130.

⁴⁵¹ Цит. по: *Могхарех-Абед Х.* Расовая гигиена или евгеника. Идеологическая предрасположенность и практическая мотивация к геноциду // Михалка В. (ред.) Вторая мировая война. С. 631.

⁴⁵² *Gumplowicz L.* Der Rassenkampf. Innsbruck, 1983. S. 218.

⁴⁵³ См.: *Segal L.* Die Hohenpriester der Vernichtung. Berlin, 1991. S. 25.

⁴⁵⁴ *Schmuhl H.-W.* Rassenhygiene in Deutschland - Eugenik in der Sowjetunion: Ein Vergleich // Beyrau D. (Hg) Intellektuelle Professionen unter Hitler und Stalin. Tübingen, 2000. S. 363.

⁴⁵⁵ См.: *Segal L.* Die Hohenpriester der Vernichtung. S. 32.

⁴⁵⁶ Н. К. Козлов в Институте экспериментальной биологии в 1920 г. создал отдел, который назывался «Российское евгеническое общество» под эгидой народного комиссара здравоохранения Н. А. Семашко. Председателем общества стал сам Козлов, в правление вошли психиатр Т. И. Юдин, антропологи В. В. Бунак, В. А. Богоявленский, А. С. Серебровский. В 1925 г. в обществе было уже 95 членов. В Петрограде про-

фессор университета Ю. А. Филипченко в 1918 г. создал лабораторию генетики и экспериментальной зоологии. В 1921 г. Филипченко по согласованию с Козловым создал в Петрограде «Бюро евгеники» в рамках АН. См.: *Schmuhl H.-W. Rassenhygiene in Deutschland - Eugenik in der Sowjetunion: Ein Vergleich* // Beyrau D. (Hg) *Intellektuelle Professionen unter Hitler und Stalin*. Tübingen, 2000. S. 366.

⁴⁵⁷ См.: *Faber F. Sozialdarwinismus und Rassenpolitik* // *Zeitschrift für Geopolitik*, 1957. N 6. S. 51.

⁴⁵⁸ *Milza P, Berstein S. Dictionnaire historique des fascismes et du nazisme*. Paris, 1992. P. 248.

⁴⁵⁹ *Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltkaempfe unserer Zeit*. München, 1942. S. 2.

⁴⁶⁰ Неточным и ненаучным (а идеологическим) является уже сам термин «антисемитизм», поскольку ориентирует на евреев не как на расу, а как на часть семитской языковой группы. Это обстоятельство особенно важно по той причине, что сегодня ни в одной нации ненависть к евреям не проявляется столь сильно, как среди арабов, являющихся семитами.

⁴⁶¹ *Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts*. S. 28.

⁴⁶² *Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts*. S. 114-115.

⁴⁶³ *Bauer E., Fischer E., Lenz F. Grundriss der menschlichen Erblchkeitslehre und Rassenhygiene*. Bd. 2. München, 1930. S. 315.

⁴⁶⁴ *Толанд Д. Последние 100 дней Рейха*. Смоленск, 2001. С. 280.

⁴⁶⁵ *Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts*. S. 66.

⁴⁶⁶ *Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts*. S. 108.

⁴⁶⁷ *Bauer E., Fischer E., Lenz F. Grundriss der menschlichen Erblchkeitslehre und Rassenhygiene*. Bd. 1-2, München, 1930. Passim.

⁴⁶⁸Сv.: *Schmuhl H.-W. Rassenhygiene. NS, Euthanasie. Von der Verhütung zur Vernichtung «des lebensunverten Lebens»*. 1890-1945. Göttingen, 1987. S. 45.

⁴⁶⁹Цит. по: *Могхарех-Абед Х. Расовая гигиена или евгеника. Идеологическая предрасположенность и практическая мотивация к геноциду* // Михалка В. (ред.) *Вторая мировая война*. С. 634.

⁴⁷⁰ *Могзахарех-Абед Х.* Расовая гигиена или евгеника. С. 653.

⁴⁷¹ Цит. по: *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Frankfurt am Main, 1955. S. 651.

⁴⁷² Ср.: *Haffner S.* Anmerkungen zu Hitler. München, 1978. S. 78.

⁴⁷³ Цит. по: *Haffner S.* Anmerkungen zu Hitler. S. 79.

⁴⁷⁴ Представления о «нордическом человеке». Сформированные в текстах Ганса Ф. К. Гюнтера, Людвига Фердинанда Клауса и Бернгарда Куммера, повлияли на немецкое общественное мнение в 20-е гг. и стали фундаментом, на котором нацисты строили свою политику. «Нордическое общество» в Любеке было важной инстанцией распространения и пропаганды этого подхода и образа мысли. Лютцхефт указывает, что сторонники этого подхода не добились ясных политических успехов, но его идеи были инфильтрованы в немецкое общество. См.: *Lutzhöft H.-J.* Der Nordische Gedanke in Deutschland 1920-1940. Stuttgart, 1971. S. 25.

⁴⁷⁵ Цит. по: *Haffner S.* Anmerkungen zu Hitler. S. 82.

⁴⁷⁶ *Haffner S.* Anmerkungen zu Hitler. S. 82.

⁴⁷⁷ *Segal L.* Die Hohenpriester der Vernichtung. S. 100.

⁴⁷⁸ *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 102.

⁴⁷⁹ *Longerich P.* Hitlers Stellvertreter. Führung der Partei und Kontrolle des Staatsapparates durch den Stab Heß und die Partei-Kanzlei Bormann. München, 1992. S. 208.

⁴⁸⁰ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 1. S. 281.

⁴⁸¹ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 1. S. 282.

⁴⁸² *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 1. S. 285.

⁴⁸³ См.: *Glum F.* Der Nationalsozialismus. Werden und Vergehen. München, 1962. S. 297.

⁴⁸⁴ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 1. S. 287.

⁴⁸⁵ *Buchheim H.* Das Dritte Reich. S. 41.

⁴⁸⁶ *Мельников Д., Черная Л.* Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии. М., 1987. С. 137.

⁴⁸⁷ *Мельников Д., Черная Л.* Империя смерти. С. 137—138.

⁴⁸⁸ *Frei N.* Der Führerstaat. München, 1989. S. 199.

⁴⁸⁹ *Бердяев Н. А.* Христианство и антисемитизм // Дружба народов. 1989. № 10. С. 206.

⁴⁹⁰ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне

Третьего Рейха против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 259.

⁴⁹¹ Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Т. 2. С. 325.

⁴⁹² Цит. по: Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 78.

⁴⁹³ Герцштейн Р. Война, которую Гитлер выиграл. Смоленск, 1996. С. 390.

⁴⁹⁴ Шпенглер О. Пруссачество и социализм. Петербург, 1922. С. 34.

⁴⁹⁵ Ржевская Е. Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 245.

⁴⁹⁶ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. С. 178.

⁴⁹⁷ Loock H.-D. Quisling, Rosenberg und Terboven. Zur Vorgeschichte und Geschichte der nationalsozialistischen Revolution in Norwegen. Stuttgart, 1970. S. 267.

⁴⁹⁸ Höhne H. Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS. Augsburg, 1992. S. 377.

⁴⁹⁹ Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 526.

⁵⁰⁰ Smith B. Peterson A. (Hg) Heirich Himmler Geheimreden 1933 bis 1945 und andere Ansprachen. Berlin, 1974. S. 157.

⁵⁰¹ Neulen H. W. Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa, 1992. S. 410.

⁵⁰² Ср.: Höhne H Der Orden unter dem Totenkopf. S. 379.

⁵⁰³ Шнеер А. Воспоминания. С. 181.

⁵⁰⁴ Дело в том, что претензии Гимmlера основывались тем, что в средние века историческая область Бургундия (позднее она именовалась Франш-Конте) с XI века была частью Священной Римской империи немецкой нации.

⁵⁰⁵ См.: Fest J. Das Gesicht des Dritten Reiches. München, 1974. S. 171.

⁵⁰⁶ См.: Das Deutsche Reich und den Zweite Weltkrieg. Bd. 1. Hrsg, vom Militaerpolitischen Forschungsamt. Stuttgart, 1979. S. 543.

⁵⁰⁷ Steinert M. Hitler. München, 1994. S. 207.

⁵⁰⁸ Цит. по: Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон, 1991. С. 192.

⁵⁰⁹ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. С. 338.

⁵¹⁰ См.: Grebing H. Nationalsozialismus. Ursprung und Wesen. Wien, 1964. S. 64.

⁵¹¹ До предоставления этого статуса дело не дошло, но и на Украине главным принципом расовой политики нацистов было: «разделяй и властвуй»; для того чтобы перессорить поляков и украинцев на территории Хелма, Полесья и Прикарпатья (где на 17 тыс. км² проживало около 1,2 млн человек, из них — более 700 тыс. украинцев), нацистская администрация в пику полякам разрешила украинцам местное самоуправление и даже собственную полицию, которая насчитывала около 1 тыс. человек и использовалась для охраны границы со Словакией. В этих районах хозяйство поляков передавалось украинцам. Места этнических немцев, переселенных в 1940 г. из районов Люблина и Хелма в западные воеводства, также занимали украинцы. При генерал-губернаторе был создан специальный отдел по делам украинцев, во главе которого был поставлен бывший офицер австрийской армии А. Бизанц. В этих районах стали поощрять украинский язык и школу. Однако, флиртуя с украинцами, нацисты не переходили границ и старались не повредить собственным интересам. Украинцы очень скоро это почувствовали, и политическое руководство украинских националистов вошли в конфликт с нацистами. См.: *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. С. 324.

⁵¹² См.: *Фогт М.* Откровения в ожидании победы. (Застольные беседы Гитлера осенью 1941 г.). // Михалка В. (ред.) Вторая мировая война. С. 504.

⁵¹³ *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. С. 325.

⁵¹⁴ *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. С. 326.

⁵¹⁵ *Madajczyk C.* Deutsche Besatzungspolitik in Polen? In der UdSSR und in den Laendem Suedeuropas // *Bracher K.D., Funke M, Jacobsen H.-A.* (Hg) Deutschland 1933-1945. S. 429.

⁵¹⁶ *Фогт М.* Откровения в ожидании победы. С. 504.

⁵¹⁷ Ср.: *Фогт М.* Откровения в ожидании победы. С. 505.

⁵¹⁸ Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963. S. 433.

⁵¹⁹ См.: *Моммзен В.* Историография и социология при нацизме // Вопросы истории, 1990. № 11. С. 4.

⁵²⁰ *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. С. 45.

⁵²¹ Речь идет о 90 тыс. кв. км территории и 10 млн населения, из которых 80% были поляками. В «генерал-губернаторстве» осталось 12 млн поляков и евреев. Польша потеряла все

свои промышленные районы и превратилась в аграрную страну. См.: *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. Frankfurt am Main, 1996. S. 282.

⁵²² *Brenner H.* Die Kunstpolitik des Nazionalsozialismus. Reindeck bei Hamburg, 1963. S. 138.

⁵²³ Откровения и признания. С. 170.

⁵²⁴ *Graml H.* Rassismus und Lebensraum. Völkermord im Zweiten Weltkrieg // Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933-1945. S. 451.

⁵²⁵ См. : *Nolte E.* Streitpunkte. Heutige und künftige Kontroversen um den NS. Berlin, 1993. S. 75.

⁵²⁶ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. Frankfurt am Main, 1996. S. 292.

⁵²⁷ Откровения и признания. С. 43.

⁵²⁸ Цит. по: *Безымянский Л.* Человек за спиной Гитлера. Мартин Борман и его дневник. М., 1999. С. 85.

⁵²⁹ *Smelser R. Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 116.

⁵³⁰ *Smelser R. Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 122.

⁵³¹ *Auerbach H.* Die Einheit Dirlwanger // VfZ, 1962, H. 3. S. 263.

⁵³² *Auerbach H.* Die Einheit Dirlwanger. S. 253.

⁵³³ См.: *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 875.

⁵³⁴ Откровения и признания. С. 248.

⁵³⁵ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 378.

⁵³⁶ *Mueller R.-D.* Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. Frankfurt am Main, 1991. S. 20.

⁵³⁷ Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958. S. 240.

⁵³⁸ Misstrauische Nachbarn. Deutsche Ostpolitik 1919-1970. Dokumentation und Analyse. Düsseldorf, 1970. S. 136.

⁵³⁹ *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. С. 241.

⁵⁴⁰ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Bd. 3. S. 496.

⁵⁴¹ Цит. по: *Deschner G.* Reihard Heydrich. Esslingen am Neckar, 1977. S. 231.

⁵⁴² *Deschner G.* Reihard Heydrich. S. 239.

⁵⁴³ *Семьряга М.И.* Коллаборационизм. С. 243.

⁵⁴⁴ *Longerich P.* Hitlers Stellvertreter. Führung der Partei und Kontrolle des Staatsapparates durch den Stab Heß und die Partei-Kanzlei Bormann. München, 1992. S. 208.

⁵⁴⁵ *Семьряга М.И.* Коллаборационизм. С. 703.

⁵⁴⁶ *Семьряга М.И.* Коллаборационизм. С. 329.

⁵⁴⁷ *Koehl R.L.* RKFDV. German Resettlement and Population policy 1939-1945. Cambridge, 1957. P. 129.

⁵⁴⁸ *Koehl R.L.* RKFDV. P. 218.

⁵⁴⁹ *Lebor A., Boyes R.* Surviving Hitler. Corruption and Compromise in the Third Reich. London, 2002. P. 82.

⁵⁵⁰ Jeder Tat hat ihren Sinn, genauso jede Untat. Das Gewissen ist eine judische Erfindung.

⁵⁵¹ См.: *Bock G.* Sterilization and “medical” massacres// Berg M., Cocks G. (Ed) Medicine and Modernity. Cambridge, 1997. P. 155. С другой стороны, центральная категория евгеники является также антидарвинистской, поскольку ее заменяет волюнтаристский принцип, она сама продукт современной науки, вернее, ее искажения.

⁵⁵² *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 398.

⁵⁵³ *Binding K., Hoche A.* Die Freigabe der Vernichtung lebensunwerten Lebens- Leipzig, 1920; passim.

⁵⁵⁴ Эвтаназия (эйтаназия, эфханазия, от греч. eu — хорошо и thanatos — смерть), намеренное ускорение смерти или умерщвление неизлечимого больного с целью прекращения его страданий.

⁵⁵⁵ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 407.

⁵⁵⁶ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 407.

⁵⁵⁷ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 402.

⁵⁵⁸ *Steinert M.* Hitler. München, 1994. S. 497.

⁵⁵⁹ *Bock G.* Zwangssterilisation im Nationalsozialismus. S. 303.

⁵⁶⁰ *Bock G.* Zwangssterilisation im Nationalsozialismus. S. 322.

⁵⁶¹ *Bock G.* Zwangssterilisation im Nationalsozialismus. S. 186.

⁵⁶² *Bock G.* Zwangssterilisation im Nationalsozialismus. S. 238.

⁵⁶³ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 273.

⁵⁶⁴ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 423.

⁵⁶⁵ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 408.

⁵⁶⁶ См.: *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 410.

⁵⁶⁷ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 414.

⁵⁶⁸ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 418.

⁵⁶⁹ Enzyklopädie des Holocaust. Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden. Bd. I. Hrsg, von E. Jaeckel. P. Longerich, J. Schoeps. Berlin, 1990. S. 422.

⁵⁷⁰ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 273.

⁵⁷¹ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 441.

⁵⁷² *Могхарех-Абед Х.* Расовая гигиена или евгеника. Идеологическая предрасположенность и практическая мотивация к геноциду// Михалка В. (ред.) Вторая мировая война. М., 1997. С. 632.

⁵⁷³ См.: *Gruchmann L.* Euthanasie und Justiz im Dritten Reich // VfZ, 1972. H. 3. S. 237.

⁵⁷⁴ *Gruchmann L.* Justiz im Dritten Reich 1933-1945. München, 1988. S. 499.

⁵⁷⁵ Именно за инициативу в организации эвтаназии генерал-майор СС Брандт был казнен по приговору суда 2 июня 1948 г. См.: *Буйнов М.* Холокост и психика. М., 1998. С. 83.

⁵⁷⁶ *Kaul F.* Die Psychiatrie im Strudel der «Euthanasie». Köln, 1979. S. 64.

⁵⁷⁷ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 445.

⁵⁷⁸ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 271.

⁵⁷⁹ Enzyklopädie des Holocaust. Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden. Bd. I. S. 423.

⁵⁸⁰ *Mitscherlich A., Milke F.* Wissenschaft ohne Menschlichkeit. Heidelberg, 1949. S. 176.

⁵⁸¹ См.: *Maser W.* Das Regime. Alltag in Deutschland. München, 1983. S. 227.

⁵⁸² Цит. по: *Friedländer S.* Curt Gerstein oder die Zwiespältigkeit des Guten. Gütersloh, 1969. S. 133.

⁵⁸³ Enzyklopädie des Holocaust. Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden. Bd. I. S. 424.

⁵⁸⁴ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 155.

⁵⁸⁵ *Segal L.* Die Hohenpriester der Vernichtung. Berlin, 1991. S. 97.

⁵⁸⁶ *American Historical Review*, 1998, V. 103. N 2. P. 540.

⁵⁸⁷ *Volkman H-E.* Ende des Dritten Reiches - Ende des zweiten Weltkriegs. München, 1995. S. 362.

- 588 *Gilard M.* Die deutsche Zigenerepolitik nach 1945 // VfZ, 1997. N4. S. 557.
- 589 *КенрикД., Павсон Г.* Цыгане под свастикой. М., 2001. С. 28.
- 590 *КенрикД., Павсон Г.* Цыгане под свастикой. С. 31.
- 591 *КенрикД., Павсон Г.* Цыгане под свастикой. С. 32.
- 592 *КенрикД., Павсон Г.* Цыгане под свастикой. С. 33.
- 593 *КенрикД., Павсон Г.* Цыгане под свастикой. С. 35.
- 594 *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 431.
- 595 *Taylor T.* The Anatomy of the Nuremberg Trials. A Personal Memoir. New York, 1992. P. 103.
- 596 См.: *Milton S.* Vorstufe zur Vernichtung. Die Zigenerelager nach 1933 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1995. N 1. S. 116.
- 597 *Ржевская Е.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 85.
- 598 *Stuckart W., Globke H.* Kommentar zur deutschen Rassengesetzgebung. München, 1936. S. 55, 153.
- 599 *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 431.
- 600 *Segal L.* Die Hohenpriester der Vernichtung. S. 125.
- 601 *Milton S.* Vorstufe zur Vernichtung. Die Zigenerelager nach 1933 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1995. N 1. S. 121.
- 602 Общее самоназвание немецких цыган «синти» произошло, по всей видимости, от «воеводы» Синдела, который и привел первый табор в Германию (маловероятно, что от провинции Синд в Индии. Слишком много времени прошло с момента откочевки). Ср.: *Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В.* История цыган. Воронеж, 2000. С. 92.
- 603 См.: Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958. S. 56.
- 604 *КенрикД., Павсон Г.* Цыгане под свастикой. С. 51.
- 605 *КенрикД., Павсон Г.* Цыгане под свастикой. С. 56.
- 606 *Lewy G.* Himmler and «racially» pure Gypsies // Journal of Contemporary History, 1999. V. 34. N 2. P. 210.
- 607 *Lewy G.* Himmler and «racially» pure Gypsies. P. 203.
- 608 Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958. S. 52.
- 609 *Hoess R.* Commandant of Auschwitz. Cleveland, 1959. P. 138.
- 610 *КенрикД., Павсон Г.* Цыгане под свастикой. С. 60.
- 611 *Lewy G.* Himmler and «racially» pure Gypsies. P. 211.
- 612 *Lewy G.* Himmler and «racially» pure Gypsies. P. 214.

⁶¹³ Müller R.-D. Die Wehrmacht - Historische Last und Verantwortung. Die Historiographie im Spannungsfeld von Wissenschaft und Vergangenheitsbewältigung // Müller R.-D., Volkman H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 32.

⁶¹⁴ См.: Goldhagen D. Die katholische Kirche und der Holocaust. Berlin, 2002. Passim.

⁶¹⁵ См.: Берлин И. Философия свободы. Европа. М., 2001. С. 36.

⁶¹⁶ Причина всех бед — еврей (нем.)

⁶¹⁷ Фест И. Гитлер. Биография. Т. 2, Пермь, 1993. С. 261.

⁶¹⁸ Клемперер В. ЛТД. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога. М., 1998. С. 171.

⁶¹⁹ Ср.: Haffner S. Anmerkungen zu Hitler. S. 83-84.

⁶²⁰ Ср.: Крейг Г. Немцы. М., 199. С. 354.

⁶²¹ Ср.: Bein A. «Der Jüdische Parasit». Bemerkungen zur Semantik der Judenfrage // VfZ, 1965, Н. 2. S. 122.

⁶²² Ср.: Крейг Г. Немцы. С. 133.

⁶²³ Крейг Г. Немцы. С. 149—150.

⁶²⁴ Klemperer V. Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1942-1945. Berlin, 1996. S. 142.

⁶²⁵ Rauschning H. Gespräche mit Hitler. New York, 1940. S. 228.

⁶²⁶ Scheuch M. Hitler und die Faszination des Bösen // Europäische Rundschau, 1999. N 3. S. 130.

⁶²⁷ Benz W. Judenvernichtung aus Notwehr? Die Legenden um Theodore N. Kaufmann // VfZ, 1981, Н. 4. S. 617.

⁶²⁸ Benz W. Judenvernichtung. S. 625.

⁶²⁹ Hitler A. Mein Kampf. Bd. 1. S. 303.

⁶³⁰ Бердяев Н. А. Христианство и антисемитизм // Дружба народов, 1989. № 10. С. 211.

⁶³¹ Шнеер А. Воспоминания. Смоленск, 1997. С. 170.

⁶³² См.: Jaeckel E. Das deutsche Jahrhundert. Eine historische Bilanz. Stuttgart, 1996. S. 23.

⁶³³ См.: Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. S. 556.

⁶³⁴ Hitler A. Mein Kampf. Bd. 2. S. 199.

⁶³⁵ См.: Heiden K. Adolf Hitler. Ein Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Eine Biographie. Bd. 1. Zürich, 1936. S. 11.

⁶³⁶ Mann G. Geschichte und Geschichten. Frankfurt am Main, 1961. S. 198. Любчиком матери Геринга Фанни был со-

стоятельный врач еврей Герман фон Эпштейн, от этой связи у них был сын Герберт — брат Германа по матери. См.: *Irving D. Goering*. München, 1987. S. 42.

⁶³⁷ См.: *Мазер В.* Адольф Гитлер. Легенда, миф, реальность. Ростов-на-Дону, 1998. С. 21, 40—41.

⁶³⁸ *Volkman H.-E.* Ende des Dritten Reiches - Ende des zweiten Weltkriegs. München, 1995. S. 362.

⁶³⁹ *Herbst L.* Die nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 74.

⁶⁴⁰ *Genschek H.* Die Verdrängung der Juden aus der Wirtschaft im Dritten Reich. Göttingen, 1967. Passim.

⁶⁴¹ См.: *Balfour M.* Withstanding Hitler in Germany 1933-1945. London, 1988. P. 14.

⁶⁴² См.: *Volkov S.* Soziale Ursachen des Erfolges in der Wissenschaft Juden im Kaiserreich // *Historische Zeitschrift*, 1987. Bd. 245, H. 2. S. 317.

⁶⁴³ *Sarkowski H.* Der Springer-Verlag. Mannheim, 1976. S. 325.

⁶⁴⁴ *Sarkowski H.* Der Springer-Verlag. S. 322.

⁶⁴⁵ Цит. по: *Mann G.* Geschichte und Geschichten. S. 172.

⁶⁴⁶ Ср.: *Meszarosl.* Marx's Theory of Alienation. London, 1970. P. 30.

⁶⁴⁷ *Esser H.* Jüdische Weltpest. — 1927 г., а к 1943 г. — 6 изданий.

⁶⁴⁸ *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Frankfurt am Main, 1955. S. 543.

⁶⁴⁹ *Сартр Ж.-П.* Размышления о еврейском вопросе // *Дружба народов*, 1991. № 7. С. 138.

⁶⁵⁰ Цит. по: *Laqueur W.* Weimar: A Cultural History. P. 76.

⁶⁵¹ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 1. S. 155.

⁶⁵² См.: *Шенков О.Ю.* Мифы нации против мифов демократии. СПб., 1997. С. 386.

⁶⁵³ Цит. по: *Гейден К.* История германского фашизма. М.-Л., 1935. С. 54.

⁶⁵⁴ *Lucacs J.* The Hitler of History. P. 56.

⁶⁵⁵ См.: *Лакер У.* Россия и Германия. С. 46.

⁶⁵⁶ *Лакер У.* Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон, 1991. С. 27.

⁶⁵⁷ Ср.: *Lucacs J.* The Hitler of History. New York, 1998. P. 59, 62.

⁶⁵⁸ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 236.

⁶⁵⁹ *Herbst L.* Die nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 75.

⁶⁶⁰ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 325.

⁶⁶¹ 4 апреля 1933 г. Гинденбург направил Гитлеру письмо, в котором возражал против отстранения от службы судей и адвокатов еврейского происхождения. Сражавшиеся за Германию. Ср.: *Дэвидсон Ю.* Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 229.

⁶⁶² *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 78.

⁶⁶³ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 77.

⁶⁶⁴ *Wulf J.* Literatur und Dichtung im Dritten Reich. Frankfurt am Main, 1983. S. 497.

⁶⁶⁵ *Graml H.* Reichskristallnacht. Antisemitismus und Judenverfolgung im Dritten Reich. München, 1988. S. 133.

⁶⁶⁶ *Höhne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS. Augsburg, 1992. S. 303.

⁶⁶⁷ *Graml H.* Reichskristallnacht. Antisemitismus und Judenverfolgung im Dritten Reich. München, 1988. S. 144.

⁶⁶⁸ Только тогда, когда в Германии к сентябрю 1944 г. осталось 14 574 еврея, Гиммлер приказал снять все эти таблицы. Ср.: *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 259.

⁶⁶⁹ Над этими законами, впрочем, большинство немцев смеялось, не принимая их всерьез, и видимо по этой причине относительно немного евреев уехало за границу. Ср.: *Glum F.* Der Nationalsozialismus. Werden und Vergehen. München, 1962. S. 300.

⁶⁷⁰ Reichsinnenministerium und Rassengesetzgebung: Aufzeichnungen von Dr. Bernhard Lösener. //VfZ, 1961. H. 3. S. 279.

⁶⁷¹ *Diehl-Thiele P.* Partei und Staat im Dritten Reich. München, 1969. S. 28.

⁶⁷² Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. S. 73.

⁶⁷³ *Friedländer S.* Das Dritte Reich und die Juden. Die Jahre der Verfolgung. 1933-39. Bd. 1. München, 1998. S. 43.

⁶⁷⁴ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. Frankfurt am Main, 1996. S. 200.

⁶⁷⁵ *Graml H.* Reichskristallnacht. S. 159.

- ⁶⁷⁶ *Walk J.* Das Sondergericht für Juden im NS-Staat. Heidelberg, 1981. S. 200.
- ⁶⁷⁷ *Richer W.* Die nationalsozialistische Kulturpolitik in Düsseldorf 1933-1945. Düsseldorf, 1972. S. 147.
- ⁶⁷⁸ *Richer W.* Die nationalsozialistische Kulturpolitik in Düsseldorf 1933-1945. S. 148.
- ⁶⁷⁹ См.: *Eich E.* Die unheiligen Deutschen. Düsseldorf, 1963. S. 172.
- ⁶⁸⁰ См.: *Graml H.* Reichskristallnacht. Antisemitismus und Judenverfolgung im Dritten Reich. München, 1988. S. 11; *Eich E.* Die unheiligen Deutschen. S. 172.
- ⁶⁸¹ *Гренвилл Д.* История XX века. Люди. События, факты. М., 1999. С. 241.
- ⁶⁸² *Graml H.* Reichskristallnacht, 1988. S. 10.
- ⁶⁸³ *Mommsen H.* Der Weg zum Völkermord an europäische Juden // *Universitas*, 1995, N 5. S. 433.
- ⁶⁸⁴ *Graig G.* Deutsche Geschichte 1866-1945. München, 1983. S. 559.
- ⁶⁸⁵ См.: *Канетти Э.* Версальские заклинания // *Новое время*, 1994. № 35. С. 43.
- ⁶⁸⁶ *Bracher K. D.* (Hg) Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft Bonner Studien zur Politik und Zeitgeschichte. Bd. 23. Düsseldorf, 1992. S. 279.
- ⁶⁸⁷ *Lucacs J.* The Hitler of History. P. 190.
- ⁶⁸⁸ *Wiedemann F.* Der Mann, der Feldherr werden wollte. München, 1964. S. 189.
- ⁶⁸⁹ *Maser W.* Das Regime. Alltag in Deutschland. München, 1983. S. 195.
- ⁶⁹⁰ *Maser W.* Das Regime. S. 197.
- ⁶⁹¹ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 75.
- ⁶⁹² В этот день вышло «распоряжение об исключении евреев из немецкой экономической жизни». В соответствии с этим распоряжением все виды хозяйственной деятельности были евреям запрещены. Предприятия, принадлежавшие евреям были «аризированы» (проданы с торгов по смехотворно заниженным ценам арийцам), а к моменту погрома в еврейском владении было еще около 40 тыс. предприятий из 100 тыс.
- ⁶⁹³ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 270.

⁶⁹⁴ *Klemperer V.* Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933-1941. Berlin, 1996. S. 760.

⁶⁹⁵ *Клемперер В.* ЛТІ. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога. М., 1998. С. 214.

⁶⁹⁶ *Klemperer V.* Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933-1941. S. 678.

⁶⁹⁷ См.: *Broszat M.* (Hg) Bayern in der Nationalsozialistische Zeit. Soziale Lage und politische Verhalten der Bevölkerung. Bd. 2, München, 1977. S. 483.

⁶⁹⁸ *Scheffler W.* Judenverfolgung im Dritten Reich 1933-1944. Berlin, 1966. S. 43.

⁶⁹⁹ Впрочем, когда пришла Красная Армия и началась советская унификация Болгарии, то евреи перешли на сторону новой власти и приняли участие в преследованиях и травле своих спасителей — прежней политической элиты Болгарии, негодной новой власти. См.: *Todorov T.* The Fragility of Goodness: Why Bulgaria's Jews Survived the Holocaust. Princeton, 2001. Passim.

⁷⁰⁰ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 241.

⁷⁰¹ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 247.

⁷⁰² См.: *Koehl R.L.* RKFDV. German Resettlement and Population policy 1939-1945. Cambridge, 1957. P. 129.

⁷⁰³ Если в Лодзи до войны евреи в городском населении составляли около 20%, то в Варшаве — 38%. См.: *Blobaum R.* The Politics of Antisemitism in Fin-de-Siècle Warsaw // *Journal of Modern History*, 2001. Vol. 73. N 2. P. 281.

⁷⁰⁴ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 237.

⁷⁰⁵ Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. S. 79.

⁷⁰⁶ Розенберг в 20-е гг. писал о необходимости поддержки сионизма в его стремлении переселить евреев в Палестину, это стремление сохранялось у нацистов и в 1933— 1939 гг. Ср.: *Nicosia F. R.* Ein nützlicher Feind. Zionismus im NS Deutschland // *VfZ*, 1989. N 3. S. 375.

⁷⁰⁷ *Steinert M.* Hitler. München, 1994. S. 500.

⁷⁰⁸ Ср.: Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. S. 81.

⁷⁰⁹ Собственно слово Naavara с иврита переводится как «трансферт», перевод в иностранной валюте. Этот договор был заключен между министерством финансов Рейха. Сионистским объединением в Германии и Англо-Палестинским банком.

Договор был подписан в августе 1933 г. и разрешал еврейским переселенцам из Германии или инвесторам экспортировать капиталы из Германии в товарах в Палестину, и таким образом он облегчил еврейское переселение из Германии. Дело в том, что в Германии с 1929 г. существовал закон, запрещавший вывоз иностранной валюты из страны, что и было главным препятствием для сионистов в их стремлении организовать выезд евреев в Палестину. Впрочем, договор Наавага был воспринят частью еврейской общины в Европе как предательство и прекращение бойкота нацистов, который был объявлен после первых гитлеровских демаршей против евреев. Цель же нацистов была совершенно ясна — они хотели вытеснить из страны как можно больше евреев.

⁷¹⁰ Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. S. 81.

⁷¹¹ *Höhne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. S. 304.

⁷¹² Среди немецких социал-демократов ходила такая шутка: если правление нашей партии хочет решить какой-нибудь вопрос, оно его решает, а когда не хочет, оно создает комитет.

⁷¹³ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich.* Bd. 2. S. 222.

⁷¹⁴ *Alija* на иврите означает переселение, *Bet* («В») - нелегальная категория, «А» — легальная. *Naarala* — на иврите — восставать, подниматься на борьбу. Ср.: *Enzyklopädie des Holocaust.* Bd. 1. S. 23.

⁷¹⁵ Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. S. 82.

⁷¹⁶ Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. S. 83.

⁷¹⁷ *Der Spiegel*, 1999. N 22. S. 199.

⁷¹⁸ Цифры приводятся по: *Bracher K. D.* (Hg) *Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft.* S. 284.

⁷¹⁹ *Domarus M.* (Hg) *Hitler. Reden und Proklamationen 1932—1945.* Würzburg, 1963. Bd. 2. S. 1058.

⁷²⁰ *Andreas-Friedrich R.* *Schauplatz Berlin. Ein deutsches Tagebuch.* München, 1962. S. 84.

⁷²¹ *Herbst L.* *Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945.* S. 370.

⁷²² На этой конференции стало ясно, что готовность Запада принимать евреев без финансовых средств была весьма низкой. Западные правительства опасались, что за немецкими евреями последуют и польские, а ведь в Польше

антисемитизм был еще сильнее. Ср.: *Mommsen H* Der Weg zum Völkermord an europäische Juden // Universitas, 1995. N 5. S. 435.

⁷²³ *Eich E.* Die unheiligen Deutschen. Düsseldorf, 1963. S. 172.

⁷²⁴ См.: *Рабинович Я. И.* В поисках судьбы. Еврейский народ в круговороте истории. М., 2001. С. 223.

⁷²⁵ *Denscher G.* Reinhard Heydrich. Statthalter der totalen Macht. Biographie. Esslingen am Neckar, 1977. S. 189.

⁷²⁶ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 687.

⁷²⁷ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 731.

⁷²⁸ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 671.

⁷²⁹ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. Frankfurt am Main, 1996. S. 372.

⁷³⁰ Цит. по: *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 660.

⁷³¹ См.: *Deschner G.* Reinhard Heydrich. Statthalter der totalen Macht. Biographie. Esslingen am Neckar, 1977. S. 158.

⁷³² См.: *Уильямсон Г.* СС — инструмент террора. Смоленск, 1999. С. 159.

⁷³³ *Kogon E.* Der SS-Staat. Frankfurt am Main, 1959. S. 360.

⁷³⁴ *Уильямсон Г.* СС — инструмент террора. С. 166.

⁷³⁵ *Denscher G.* Reinhard Heydrich. Statthalter der totalen Macht. Biographie. Esslingen am Neckar, 1977. S. 193.

⁷³⁶ *Eich E.* Die unheiligen Deutschen. S. 176.

⁷³⁷ *Lebor A., Boyes R.* Surviving Hitler. Corruption and Compromise in the Third Reich. London, 2002. P. 208.

⁷³⁸ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 739.

⁷³⁹ *Broszat M.* (Hg) Bayern in der Nationalsozialistische Zeit. Soziale Lage und politische Verhalten der Bevölkerung. Bd. 2. München, 1977. S. 484.

⁷⁴⁰ *Broszat M.* (Hg) Bayern in der Nationalsozialistische Zeit. Bd. 2. S. 484.

⁷⁴¹ См.: *Maser W.* Das Regime. S. 269.

⁷⁴² *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 204.

⁷⁴³ *Hofer W.* (Hg) Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945. Frankfurt am Main, 1957. S. 303-305; *Völkman H.-E.* Ende des Dritten Reiches - Ende des zweiten Weltkriegs. München, 1995. S. 427.

⁷⁴⁴ См.: *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 688.

⁷⁴⁵ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 741.

⁷⁴⁶ *Klemperer V.* Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1942-1945. S. 10.

⁷⁴⁷ Enzyklopädie des Holocaust. Bd. 1. S. 16.

⁷⁴⁸ См.: *Benz W.* Herrschaft und Gesellschaft im nationalsozialistischen Staat. Frankfurt am Main, 1990. S. 190. Steiner M. G. Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 254.

⁷⁴⁹ *Grüner W.* «Die Fabrik-Aktion und die Ereignisse in der Berliner Rosenstrasse» // *Benz W.* (Hg) «Jahrbuch für Antisemitismus-Forschung 11». Berlin, 2002. Passim.

⁷⁵⁰ *Stolfus N.* Resistance of the Heart Intermariage and the Rosestrasse Protest in Nazi Germany. New York, 1996. Passim.

⁷⁵¹ *Maser W.* Das Regime. S. 269.

⁷⁵² Конференция проводилась на вилле, где размещалась международная полицейская организация (собственно предшественник Интерпола), первым председателем которой и был Гейдрих. См.: *Deschner G.* Reihard Heydrich / Esslingen am Neckar, 1977. S. 126.

⁷⁵³ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 753.

⁷⁵⁴ *Mommsen H.* Der Weg zum Völkermord an europäische Juden. // Universitas, 1995. N 5. S. 440.

⁷⁵⁵ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 397.

⁷⁵⁶ *Mosse G.* Gefallen für das Vaterland. Nationales Heldentum und namenloses Sterben. Stuttgart, 1993. S. 215.

⁷⁵⁷ *Kogon E.* Der SS-Staat. Frankfurt am Main, 1959. S. 193.

⁷⁵⁸ Enzyklopädie des Holocaust. Bd. 1. S. 15.

⁷⁵⁹ Названной так в честь Рейнхарда Гейдриха, убитого чешскими диверсантами. Непонятно, правда, почему в названии операции была одна лишняя буква — т.

⁷⁶⁰ Enzyklopädie des Holocaust. Bd. 1. S. 16.

⁷⁶¹ Enzyklopädie des Holocaust. Bd. 1. S. 17.

⁷⁶² *Adler H. G.* Theresienstadt 1941-1945. Das Anlitz einer Zwangsgemeinschaft. Geschichte. Soziologie. Psychologie. Tübingen, 1955. S. 150.

⁷⁶³ Enzyklopädie des Holocaust. Bd. 1. S. 14.

⁷⁶⁴ Der Spiegel, 2001. N 36. S. 175.

⁷⁶⁵ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 742.

⁷⁶⁶ После того как 28 сентября 1939 г. Варшава капитулиро-

вала, в польской столице приказом коменданта от 12 октября 1940 г. было создано еврейское гетто, которое через месяц было огорожено стеной. Официально в мае 1941 г. там было зарегистрировано 442 337 человек. См.: Gutman Y. The Jews of Warsaw, 1939—1943. Ghetto, Underground, Revolt. Brighton, 1982. P.63.

⁷⁶⁷ Maser W. Das Regime. S. 280.

⁷⁶⁸ Maser W. Das Regime. S. 282.

⁷⁶⁹ Smelser R. Syring E., Zitelmann R. (Hg) Die braune Elite II. Düsseldorf, 1993. S. 113.

⁷⁷⁰ Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 709.

⁷⁷¹ Цит. по: Arendt H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Frankfurt am Main, 1955. S. 541.

⁷⁷² Graml H. Reichskristallnacht. S. 204.

⁷⁷³ См.: Kershaw I. Der nationalsozialistische Staat. Geschichtsinterpretationen und Controversen in Überblick. Reibeck bei Hamburg, 1988. S. 177.

⁷⁷⁴ Ср.: Haffner S. Anmerkungen zu Hitler. S. 138.

⁷⁷⁵ Bauer Y. The Holocaust in Historical Perspective. London, 1978. S. 11.

⁷⁷⁶ Сорок Т. Маскарад. Игра в прятки со смертью в нацистской Венгрии. М., 2001. С. 11.

⁷⁷⁷ Headlend R. Message of Murder. A Study of the Reports of the Einsatzgruppen of the Security Police and Security Service. London, 1992. P. 114.

⁷⁷⁸ Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 704.

⁷⁷⁹ См.: Heer H. Einübung in den Holocaust: Lemberg Juni/Juli 1941 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 2001. N 5. S. 410.

⁷⁸⁰ Gross J. Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland^ Western Ukraine and Western Byelorussia. Princeton, 1988. P. 299.

⁷⁸¹ Zbikowski A. Local Anti-Jewish Pogroms in the occupied Territories of Eastern Poland, Juni/Juli 1941 // Dobroszycki L., Gurock J. (Ed) The Holocaust in the Soviet Union. New York, 1993. P. 175.

⁷⁸² Польская сторона, правда, оспаривает количество жертв — не 1600, а в несколько раз меньше; также поляки уверяют, что ведущую роль в погроме сыграли ээсовцы. См.: Urban Th. Zur historiographischer Kritik an Jan Gross in Polen // Osteuropa, 2001. N 11/12. S. 1487.

- ⁷⁸³ *Midinik A.* Wie schuld sind die Polen? // Die Zeit, 2001. N 3. S. 7.
- ⁷⁸⁴ См.: *Gross J.* Der Mord an den Juden von Jedwabne. München, 2001. Passim.
- ⁷⁸⁵ *Шур Г.* Евреи в Вильно. Хроника 1941—1944. СПб., 2000. С. 32.
- ⁷⁸⁶ *Шур Г.* Евреи в Вильно. С. 22
- ⁷⁸⁷ *Шур Г.* Евреи в Вильно. С. 13.
- ⁷⁸⁸ *Lebor A., Boyes R.* Surviving Hitler. Corruption and Compromise in the Third Reich. London, 2002. P. 10.
- ⁷⁸⁹ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 698.
- ⁷⁹⁰ *Musial B.* «Kontrevolutionäre Elemente sind zu erschießen». Die Brutalisierung des deutsch-sowjetischen Krieges im Sommer 1941. S. 282.
- ⁷⁹¹ *Klemperer V.* Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933-1941. S. 683.
- ⁷⁹² *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 717.
- ⁷⁹³ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 721.
- ⁷⁹⁴ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 764.
- ⁷⁹⁵ Ср.: Der Spiegel, 1993. N 30. S. 100.
- ⁷⁹⁶ Der Spiegel, 1993. N 30. S. 101.
- ⁷⁹⁷ Der Spiegel, 1993. N 31. S. 133.
- ⁷⁹⁸ Цит. по: *Adler H.* Der verwaltete Mensch. Studien zur Deportation der Juden aus Deutschland. Tübingen, 1974. S. 66.
- ⁷⁹⁹ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. S. 376.
- ⁸⁰⁰ *Jäckel E., Rohwer J.* (Hg) Der Mord an den Juden im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt a. M., 1987. S. 106.
- ⁸⁰¹ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 693.
- ⁸⁰² *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 892.
- ⁸⁰³ *Гренвилл Д.* История XX века. Люди. События, факты. М., 1999. С. 179.
- ⁸⁰⁴ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 894.
- ⁸⁰⁵ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 896.
- ⁸⁰⁶ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 897.
- ⁸⁰⁷ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 759.
- ⁸⁰⁸ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 760.
- ⁸⁰⁹ *Revue historique*, 1997. N 603. P. 173.
- ⁸¹⁰ Когда 15 сентября 1941 г. нацисты распорядились, чтобы евреи старше шести лет носили на одежде желтую звезду

Давида, то датский король Христиан X выступил против этого, заявив, что он, а за ним весь датский народ тоже будет носить звезду Давида. Это побудило нацистов отказаться от своих планов. См.: *Rabbow A. Lexikon politischer Symbole. München, 1970. S. 59.*

⁸¹¹ *Wasserstein B. Europa ohne Juden // Europaeische Rundschau, 1999. N3. S. 14.*

⁸¹² *Bullock A. Hitler: A Study in Tyranny. London, 1952. R 40.*

⁸¹³ *Bauer Y. The Holocaust in Historical Perspective. London, 1978. S. 31.*

⁸¹⁴ См.: *Lewis B. «Treibt sie ins Meer!». Die Geschichte des Antisemitismus. Berlin, 1987. Passim.*

⁸¹⁵ См.: *Novic R. The Holocaust in American life. Boston, 1999. Passim.*

⁸¹⁶ *Linge H. Bis zum Untergang. Als Chef des Persönlichen Dienstes bei Hitler. München, 1980. S. 132.*

⁸¹⁷ *Rassinier R. Le véritable procès Eichmann ou les vainqueurs incorrigibles. Paris, 1962.*

⁸¹⁸ *Faurisson R. Ecrits révisionnistes 1974-1996. T. 2. Paris. 1999. P. 498.*

⁸¹⁹ *Граф Ю. Великая ложь XX века. СПб., 1997. С. 122.*

⁸²⁰ *Faurisson R. Ecrits révisionnistes 1974-1996. T. 2. Paris. 1999. P. 496.*

⁸²¹ *Faurisson R. Ecrits révisionnistes 1974-1996. T. LP. XII.*

⁸²² Например, в 2001 г. была раскрыта фальсификация мемуаров некоего Бенжамина Вилькомирского (*Wilkomirski B. Bruchstücke. Aus einer Kindheit. 1939-1948. Ftarüduert am Main, 1995*), успевшего получить за свой «труд» несколько премий, в том числе и весьма престижную «*Jewish National Book Award*». Этот проходимец описал судьбу другого человека как свою собственную, прибавив массу выдуманных деталей. Фальсификацию раскрыл швейцарский историк Штефан Махлер. См.: *Neue Politische Literatur, 2001. N 2. S. 191 ff.*

⁸²³ См., например: *Novick P. The Holocaust and Collective Memory. London, 2000. Passim.*

⁸²⁴ *Der Spiegel, 2002. N 23. S. 34.*

⁸²⁵ Французы вообще отличаются значительной долей снобизма, который часто ошибочно трактуют как ненависть или нечто худшее. Так, израильский премьер министр в начале 2002 г.

назвал Францию худшей страной в Европе в смысле положения евреев, что представляется сильным преувеличением. См.: Le Point, 2002. N 1531. P. 26.

⁸²⁶ См.: *Smelser R. Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II S. 85.

⁸²⁷ Оставшийся в Дрездене еврей В. Клемперер писал, что для лишенных всякого общения людей потеря любимого кота была настоящей трагедией. Ср.: Klemperer V. Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1942-1945. Berlin, 1996. S. 85.

⁸²⁸ Der Spiegel, 1999. N 22. S. 60.

⁸²⁹ См.: *Граф Ю.* Великая ложь XX века. С. 6.

⁸³⁰ См.: *Nolte E.* Streitpunkte. Heutige und künftige Kontroversen um den Naziolalsozialismus. Berlin, 1993. S. 33.

⁸³¹ *Арон П.* Мемуары. 50 лет размышлений о политике. М., 2002. С. 77.

⁸³² *Ali G.* «Endlösung»: Völkerverschiebung und der Mord an den europaeische Juden. Frankfurt am Main, 1995. S. 398.

⁸³³ *Lebor A., Boyes R.* Surviving Hitler. Corruption and Compromise in the Third Reich. London, 2002. P. 11-12.

⁸³⁴ *Lebor A., Boyes R.* Surviving Hitler. P. 199.

⁸³⁵ *Smelser R. Syning E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 124.

⁸³⁶ См.: *Haffner S.* Anmerkungen zu Hitler. S. 135.

⁸³⁷ *Kershaw I.* Der nationalsozialistische Staat. Geschichtsinterpretationen und Controversen in Überblick. Reibeck bei Hamburg, 1988. S. 165.

⁸³⁸ *Irving L.* Hitlers war. London, 1977. P. 601, 632, 717.

⁸³⁹ Хотя рассматривать сионистскую организацию и ее председателя Вейцмана, как представителей всех евреев, нельзя — их на это никто не уполномочивал...

⁸⁴⁰ См.: *Wasserstein B.* Europa ohne Juden //Europaeische Rundschau, 1999. N 3. S. 14.

⁸⁴¹ *Baumann Z.* Modernity and the Holocaust. New York, 1989. P. 66.

⁸⁴² *Aly G., Heim S.* Vordenker der Vernichtung. Auschwitz und die deutsche Pläne für eine neue europäische Ordnung. Hamburg, 1991. S. 485.

⁸⁴³ См.: *Steiner M.* Deutsche im Krieg: Kollektivmeinungen,

Verhaltensmuster und Mentalitäten // *Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A.* (Hg) Deutschland 1933-1945. S. 485.

⁸⁴⁴ Цит. по: *Холмс Л.* Социальная история России 1917—1941. М., 1993. С. 107.

⁸⁴⁵ *Haffher S.* Anmerkungen zu Hitler. München, 1978. S. 102

⁸⁴⁶ *Haffher S.* Anmerkungen zu Hitler. S. 101.

⁸⁴⁷ См.: *Lucacs J.* The Hitler of History. P. 220.

⁸⁴⁸ *Haffher S.* Anmerkungen zu Hitler. S. 120.

⁸⁴⁹ *Кракауэр Э.* Психологическая история немецкого кино. М., 1977. С. 206.

⁸⁵⁰ *Kershaw I.* Der nationalsozialistische Staat. Geschichtsinterpretationen und Kontroversen in Überblick. Reinbeck bei Hamburg, 1988. S. 16.

⁸⁵¹ *Nagl M.* Occult sciences and Nazi myths // *Science-Fiction Studies*, 1974. N 1. P. 185.

⁸⁵² *Saxl F.* Lectures. London, 1957. V. 1. P. 73. Цит по: *Лакёр У.* Черная сотня: происхождение русского фашизма. М., 1994. С. 219.

⁸⁵³ Ср.: *Mosse G.L.* The Mystical Origins of National Socialism // *Journal of the History of Ideas*, 1961. V. 22. N 1. P 81.

⁸⁵⁴ *Milza P.* Les fascismes. Paris, 1991. P. 154.

⁸⁵⁵ Ср.: *Talgren V.* Heroismus und Weltanschauung. Helsinki, 1981. S. 174.

⁸⁵⁶ *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 106.

⁸⁵⁷ *Юнг К.* Архетипы и символы. М., 1991. С. 18.

⁸⁵⁸ *Glum F.* Der Nationalsozialismus. S. 81.

⁸⁵⁹ *Speer A.* Erinnerungen. S. 136.

⁸⁶⁰ Цит. по: *Talgren V.* Heroismus und Weltanschauung. Helsinki, 1981. S. 155.

⁸⁶¹ Остара — древнегерманская богиня весны.

⁸⁶² *Hermann J.* Der alte Traum vom neuen Reich. Völkische Utopien und Nationalsozialismus. Frankfurt am Main, 1988. S. 292-293.

⁸⁶³ Внутренняя противоречивость и часто нелепость суждений ничуть не беспокоила расовых теоретиков, ибо они были озабочены не отысканием истины, а оправданием собственных действий и обскурантистских целей. «Падение философского уровня, - указывал в этой связи Д. Лукач, - это наибо-

лее существенная черта иррационализма». См.: *Lukacs G. Die Zerstörung der Vernunft*. Berlin, 1954. S. 9.

⁸⁶⁴ См.: *Fest J. Hitler. Eine Biographie*. Berlin, 1973. S. 60.

⁸⁶⁵ *Daim W. Der Mann, der Hitler die Ideen gab*. München, 1958. Passim.

⁸⁶⁶ См.: *Heiber H. Adolf Hitler. Eine Biographie*. Berlin, 1960. S. 80.

⁸⁶⁷ *Glum F. Der Nationalsozialismus*. S. 82.

⁸⁶⁸ Хаусхофер еще до войны учился оккультизму у Георгия Ивановича Гурджиева и у других адептов эзотерии. Гурджиев (1877—1949) был, наряду с Еленой Петровной Блаватской (1831-1891), известным в Европе мистиком и духовным учителем. В 1922 г. в Фонтенбло Гурджиев открыл центр эзотерической практики раскрытия индивидуальных способностей человека, где его и посещал Хаусхофер. Интересно, что идефикс профессора Хаусхофера была идея «жизненного пространства», к тому же он был сторонником идеи превосходства арийцев над прочими расами. Впрочем, как и Гитлер, профессор стыдился своего увлечения эзотерическими сферами и никогда открыто на этот предмет не высказывался. Ср.: *Пруссаков В. Оккультный мессия и его Рейх*. М., 1992. С. 39.

⁸⁶⁹ *Smelser R., Ziteimann R. (Hg) Die braune Elite*. 22 biographisches Skizzen. Darmstadt, 1989. S. 85.

⁸⁷⁰ Ср.: *Шелленберг В. Секретная служба Гитлера*. Киев, 1991. С. 101.

⁸⁷¹ *Толанд Д. Адольф Гитлер*. Т. 1. М., 1993. С. 141.

⁸⁷² Ср.: *Talgren V. Hitler und die Helden*. S. 87.

⁸⁷³ *Schmeer K. Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich*. München, 1956. S. 13.

⁸⁷⁴ См.: *Толанд Д. Адольф Гитлер*. М., 1993. С. 71.

⁸⁷⁵ *Thamer H.-U. Verführung und Gewalt. Deutschland 1933—1945*. Berlin, 1986. S. 64.

⁸⁷⁶ *Rabbow A. Lexikon politischer Symbole*. München, 1970. S. 111.

⁸⁷⁷ *Равенскрофт Т. Копье судьбы*. М., 1998. С. 79.

⁸⁷⁸ Цит. по: *Rabbow A. Lexikon politischer Symbole*. S. 46.

⁸⁷⁹ Лишь 27 февраля 1925 г. коричневый цвет был официально признан партийным цветом. См.: *Schmeer K. Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich*. S. 14.

- 880 *Rabbow A.* Lexikon politischer Symbole. S. 1.14.
- 881 *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 2. S. 137.
- 882 *Rabbow A.* Lexikon politischer Symbole. S. 116.
- 883 Ср. *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 811.
- 884 *Schmeer K.* Das Regie der öffentlichen Lebens im Dritten Reich. S. 23
- 885 *Heiden K.* Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Einr Biographie. Bd. 1. Zürich, 1936. S. 97.
- 886 *Reich W.* Massenpsychologie des Faschismus. Köln, 1972. S. 118-119.
- 887 *Reich W.* Massenpsychologie des Faschismus. S. 119.
- 888 *Канетти Э.* Версальские заклинания // Новое время, 1994, № 35. С. 44.
- 889 *Клемперер В.* ЛТГ. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога. М., 1998. С. 43.
- 890 *Frei N.* Der Führerstaat. S. 174.
- 891 Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Т. 1. Смоленск, 1994. С. 271.
- 892 *Der Spiegel*, 1999. N 34. S. 143.
- 893 *Schoenbaum D.* Die braune Revolution. Köln, 1968. S. 34.
- 894 *Nolte E.* Der europäische Bürgerkrieg 1917-1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. Frankfurt am Main, 1987. S. 15.
- 895 *Laue T.* The World Revolution of Westernisation. The Twentieth Century in Global Perspective. New York, 1987. Passim.
- 896 *Thamer H-U.* Verführung und Gewalt. S. 19.
- 897 *Лакер У.* Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994. С. 158.
- 898 *Haffner S.* Anmerkungen zu Hitler. S. 41.
- 899 *Дриё ла Рошель 77.* Фашистский социализм. СПб., 2001. С. 5.
- 900 Ср.: *Schoenbaum D.* Hitler's Social Revolution. New York, 1967. S. 276.
- 901 См.: *Lukacs J.* The Hitler of History. P. 81.
- 902 Цит. по: *Greiffenhagen M.* Von Potsdam nach Bonn. München, 1986. S. 83.
- 903 См.: *Bracher K. D.* Die deutsche Diktatur. S. 368.
- 904 Известная исследовательница женского вопроса в нацистские времена Д. Клингзик указывала, что отношение Гит-

лера к женскому вопросу было попыткой повернуть колесо истории вспять. Ср.: *Klingsieck D.* Die Frau im NS-Staat. Stuttgart, 1982. S. 135.

⁹⁰⁵ *Herf J.* Reactionary modernism. Technology, culture, and politics in Weimar and the Third Reich. Cambridge, 1984, D. IX.

⁹⁰⁶ См.: *Broszat M.* Zur Struktur der NS-Massenbewegung // VfZ, 1983. H. 1. S. 66.

⁹⁰⁷ *Smelser R.* Robert Ley: Hitlers Mann an der «Arbeitsfront». Eine Biographie. Paderborn, 1989. S. 297.

⁹⁰⁸ *Schoenbaum D.* Die braune Revolution. S. 317.

⁹⁰⁹ *Herf J.* Reactionary Modernism. P. 55.

⁹¹⁰ *Prinz M., Zitelmann R.* (Hg) NS und Modernisierung. Darmstadt, 1991. S. 19.

⁹¹¹ *Corni G., Gies H.* Blut und Boden. S. 56.

⁹¹² *Speer A.* Erinnerungen, Frankfurt am Main, 1969. S. 229.

⁹¹³ *Nipperdey Th.* 1933 und die Kontinuität der deutschen Geschichte // Historische Zeitschrift, 1978. Bd. 227, H. 1. S. 104.

⁹¹⁴ *Aubin H, Zorn W.* (Hg) Handbuch der deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Bd. 2. Stuttgart, 1975. S. 716.

⁹¹⁵ *Sachse C. Siegel T. Spode H. Spohn W.* Angst, Belohnung, Zucht und Ordnung. Herrschaftsmechanis'men im Nationalsozialismus. Opladen, 1982. S. 106

⁹¹⁶ См.: *Alber J.* Nationalsozialismus und Modernisierung// Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, 1989. Jg. 41. H. 2. S. 354.

⁹¹⁷ *Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A.* (Hg) Nationalsozialistische Diktatur 1933-1945. Eine Bilanz. Düsseldorf, 1983. S. 280.

⁹¹⁸ *Zapf W.* Wandlungen der deutschen Elite. Ein Zirkulationsmodell deutscher Führungsgruppen 1919-1961. München, 1965. S. 160.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
ЧАСТЬ I. ИДЕОЛОГИЯ И ПОЗИТИВНЫЕ РЕАЛИИ ГИТЛЕРОВСКОГО СОЦИАЛИЗМА.....	
Введение.....	18
Глава I. Экономика и общество в Третьем Рейхе.....	28
Соотношение теории и практики в нацистской экономической политике.....	28
Нацистское «экономическое чудо» и немецкий народ.....	37
Основные черты немецкой военной экономики.....	54
Глава II. Роль социальной политики в формировании «национальной общности» в Третьем Рейхе.....	77
Общие основания нацистской социальной политики.....	77
Характер и особенности нацистской социальной политики.....	86
Нацистская благотворительность и немецкое общество.....	117
Глава III. Место и роль фактора геополитики в гитле- ровском социализме.....	127
Основания и мотивы гитлеровской геополитики.....	127
Гитлеровская геополитика и оккупационная политика в Западной Европе.....	145
Гитлеровская геополитика и оккупационная политика в Польше и немецкое общество.....	179
Гитлеровская геополитика и политика эконо- мического ограбления в отношении СССР.....	195
ЧАСТЬ II. НЕГАТИВНЫЙ АСПЕКТ ГИТЛЕРОВСКОГО СОЦИАЛИЗМА: ИДЕОЛОГИЯ И РЕАЛИИ РАСОВОЙ УТОПИИ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ	
Введение.....	222
Глава I. Нацистский расизм и немецкое общество Мифы расы в Третьем Рейхе.....	228

Расизм в нацистской политике.....	252
Нацистская евгеника и эвтаназия и немецкое общество.....	273
Глава II. Антисемитизм и немецкое общество в Третьем Рейхе	299
Инструментальный характер «теории» нацистского антисемитизма.....	299
Немцы и изоляция евреев в 1933—1939 гг.....	316
Холокост и немцы.....	341
Глава III. Символика и мистика нацизма, их связь с нега- тивным аспектом культивирования «национальной общ- ности»	390
Эпилог.....	406
Список сокращений.....	421
Примечания.....	424

Олег Юрьевич Пленков
Тайны Третьего Рейха. Рай для немцев

Ответственный за выпуск *С. З. Кодзова*
Редактор *В. О. Бутомо*
Редактор предисловия *Д. А. Коцюбинский*
Корректор *М. Ю. Степина*
Оформление обложки *А. Ф. Щавелева, С. Ф. Щавелева*
Верстка *Ю. Л. Каптена*

Подписано в печать 21.01.2011.
Гарнитура «Ньютон». Формат 84 x 108 ¹/₃₂-
Бумага газетная. Печать офсетная. Уч. изд. л. 20,25.
Усл. печ. л. 25,2. Изд. № ОП-10-0440-СМ. Доп. тираж 1500 экз.
Заказ № Р-113.

ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»
129626, г. Москва, Проспект Мира, д. 102, стр. 12
Почтовый адрес: 143421, Московская область,
Красногорский район, 26 км. автодороги «Балтия»,
Бизнес-парк «Рига Лэнд», стр. 3

www.olmamedia.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

«ОЛМА Медиа Групп» представляет

Н. А. Зенькович

1991. СССР. КОНЕЦ ПРОЕКТА

Новая книга известного исследователя новейшей истории России Николая Зеньковича создана на основе его личных дневников, которые он вел на протяжении последних 50 лет. Многолетняя работа в ЦК КПСС, Госдуме и Совете Федерации РФ дала ему возможность не только находиться в центре событий, изменивших облик страны, но и самое главное – получить доступ к эксклюзивной информации.

Все о самых скандальных событиях 1991 года:

Как развалился Советский Союз?

Кто и в какой мере способствовал краху великой державы?

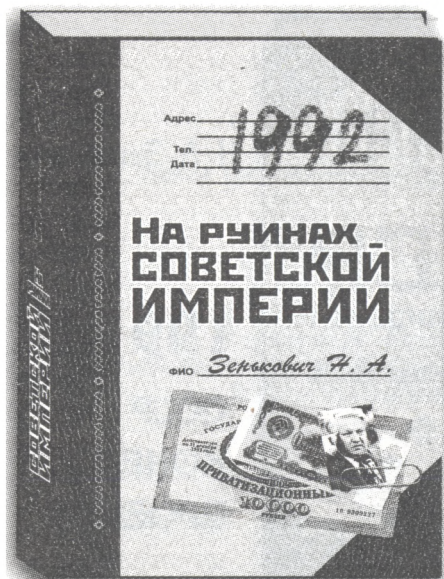
Почему КПСС стала разменной монетой в руках политиков?

Что происходило за кулисами августовского путча?

В книге использованы материалы из богатого личного архива автора: оригиналы документов ГКЧП с рукописными правками членов ГКЧП, предсмертные записки Пуго, Ахромеева, Кручины, а также эксклюзивные фотографии, передающие атмосферу того времени.

Издательство «ОЛМА Медиа Групп»

«ОЛМА Медиа Групп» представляет

Н. А. Зенькович

1992.

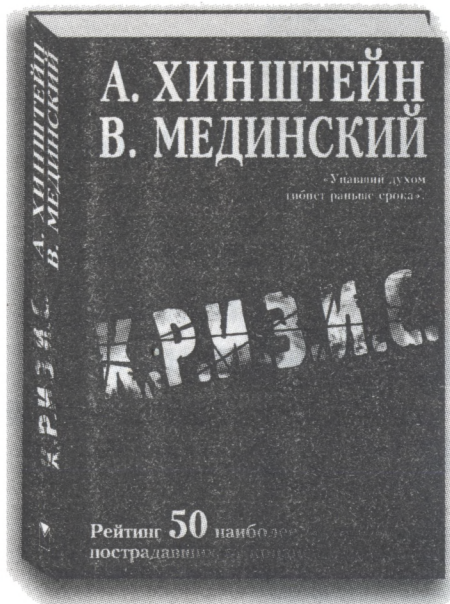
**НА РУИНАХ
СОВЕТСКОЙ
ИМПЕРИИ**

В новой книге дневниковых записей «1992. На руинах советской империи» известный расследователь тайных страниц недавнего прошлого Николай Зенькович рисует драматическую картину обвала, случившегося после роспуска СССР. События подаются так, как они воспринимались в тот смутный год.

Через личное эмоциональное восприятие автор рисует картинки паники, растерянности и страха, охватившие общество. Отпуск цен на свободу с 1 января 1992 года, гиперинфляция, угроза голода, крах политики «правительства реформ» во главе с Егором Гайдаром, громкие отставки Бурбулиса, Полторанина, других младореформаторов, первые разногласия в команде Ельцина... Подоплека этих событий стала известна только сейчас.

Издательство «ОЛМА Медиа Групп»

«ОЛМА Медиа Групп» представляет

А. Хинштейн,
В. Мединский

КРИЗИС

Мировой кризис – почти как третья мировая война: все им пугают, но никто его по-настоящему еще не прочувствовал. Но так ли страшен черт, как его малюют?

Кризис – вполне естественное состояние для России. Их было великое множество – во все века, при всех правителях, – столько, что о большинстве мы уже давным-давно забыли.

И зря. Потому что кризис – это всегда шанс. Вопрос лишь в том, что им надо уметь правильно воспользоваться.

Сегодня – этот шанс у нас в руках. И от того, как мы распорядимся им, зависит судьба не только России, но и всего мира...

Александр Хинштейн и Владимир Мединский знают о кризисе все, и своими знаниями они готовы поделиться с читателями.

Издательство «ОЛМА Медиа Групп»

«ОЛМА Медиа Групп» представляет

В. Мединский

**О РУССКОМ
ПЬЯНСТВЕ,
ЛЕНИ И
ЖЕСТОКОСТИ**

Люди склонны думать о себе хорошо. Обычно даже лучше, чем они есть на самом деле. Это относится и к целым народам, всегда старающимся сформировать о себе самое положительное мнение. Но только не к русским, с удивительным мазохизмом культивирующим о себе самые негативные стереотипы, причем со ссылкой на классиков: все, мол, «пьют», «воруют» (Карамзин), «ленивы и нелюбопытны» (Пушкин), хотят, чтобы у них, Емель, все было «по щучьему веленью»...

Так правда ли это всё или мифы? Откуда это пошло? Сами про себя придумали, или подсказал кто? Есть ли у этих утверждений историческая основа и какая? А как с теми же проблемами обстоит дело в «цивилизованных» Европе и Америке? И главное – в чем опасность такого поразительного самоуничтожения для современного ДУХА НАЦИИ, для нашей сегодняшней жизни?

Давайте окунемся в нашу историю и постараемся разобрать самые живучие, самые яркие и самые нелепые МИФЫ О РОССИИ.

Издательство «ОЛМА Медиа Групп»

ТАЙНЫ Третьего Рейха

РАЙ ДЛЯ НЕМЦЕВ

Третий Рейх, который по планам Гитлера должен был просуществовать тысячи лет, а рухнул на двенадцатом году существования, для большинства людей ассоциируется в первую очередь с войной, концлагерями и геноцидом.

Но мало кто знает, что именно в годы правления фюрера немецкая нация стала объектом небывалой опеки и заботы со стороны нацистского государства.

Вот что представляла из себя Германия конца 30-х годов:

НЕВИДАННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ, ПОИСТИНЕ НАСТОЯЩЕЕ «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО»;

ВСЕГО ЗА НЕПОЛНЫХ 4 ГОДА ПОЛНОСТЬЮ ЛИКВИДИРОВАНА БЕЗРАБОТИЦА,
7 МЛН ЧЕЛОВЕК ПОЛУЧИЛИ РАБОТУ;

ОТСУТСТВИЕ ИНФЛЯЦИИ И КАРТОЧЕК, СТАБИЛЬНЫЕ ЦЕНЫ И ЗАРПЛАТЫ;

БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ;

СТРОИТЕЛЬСТВО И РЕМОНТ ЖИЛЬЯ ЗА СЧЕТ ГОСУДАРСТВА;

НЕВЕРОЯТНОЕ ПО ТЕМПАМ СТРОИТЕЛЬСТВО АВТОБАНОВ (ТАК НАЗЫВАЕМЫХ
«ПИРАМИД ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»), СОЗДАНИЕ «НАРОДНОГО АВТОМОБИЛЯ»,
ДОСТУПНОГО ДЛЯ ВСЕХ И Т. Д.

МОЖЕТ БЫТЬ, ИМЕННО ПОЭТОМУ НЕМЕЦКИЙ НАРОД ПОДДЕРЖАЛ СВОЕГО ЛИДЕРА
В НЕБЫВАЛОЙ ПО МАСШТАБАМ АВАНТЮРЕ?

ISBN 978-5-373-01988-0

9 785373 019880

ОЛМА
МЕДИА ГРУПП

www.olmamedia.ru